

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЕРБОЛУЖИЦКИМ
ЯЗЫКАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЕРБОЛУЖИЦКИМ
ЯЗЫКАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1970

Сборник включает статьи, посвященные некоторым проблемам истории и современного состояния серболужицких языков. В статьях рассматриваются вопросы фонологического развития, формирования грамматических категорий, дается анализ синтаксических конструкций и словообразовательных моделей, предлагаются лексические реконструкции.

Ответственный редактор

Л. Э. КАЛНЫНЬ

ИЗ ИСТОРИИ НИЖНЕЛУЖИЦКОГО ВОКАЛИЗМА

Л. Э. Калынь

(Москва)

I.

В настоящей статье предлагается опыт фонологической интерпретации тех явлений из истории нижнелужицкого вокализма, которые связаны с изменением гласных переднего ряда. При этом имеются в виду такие изменения, оба компонента которых (т. е. «то, что изменяется» и «то, во что изменяется») находятся в пределах истории собственно нижнелужицкого языка; нижнелужицкая замена праславянских элементов не входит в круг рассмотрения.

Предмет исследования мы ограничиваем живыми нижнелужицкими диалектами, включая мужаковский, и не касаемся тех диалектов, сведения о которых содержатся лишь в памятниках письменности и которые Мукой были отнесены в разряд вымерших¹.

Несмотря на то, что некоторые из рассматриваемых нами звуковых изменений имеют сходное проявление на верхнелужицкой почве, мы совершенно не касаемся верхнелужицкого материала и ставим перед собой задачу понять изменения, происходившие в нижнелужицком вокализме, оперируя только данными нижнелужицкого диалектного языка.

Интересующие нас звуковые изменения и их результаты мы анализируем не только на уровне частных диалектных систем (минимальная территориально ограниченная единица) и диалектных типов, но и на уровне нижнелужицкого диалектного языка. Под диалектным языком имеется в виду языковой континуум, который в каждой точке своего распространения сочетает явления,

¹ К. Е. Муске. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch — wendischen) Sprache. Leipzig, 1891 (далее — HFL), стр. 4.

общие для всех частных диалектных систем, с явлениями, различающимися по частным диалектным системам².

Именно анализ явления на уровне диалектного языка может дать основу для понимания предпосылок и закономерностей реализации этого явления.

В основу исследования положен диалектный материал, подчерпнутый из следующих источников:

ответы на программу Fragenbogen für den regionalen sorbischen Dialektatlas (далее — Отв. на пр.), созданную в Институте серболужицкого народоведения в Баутцене и используемую при исследовании серболужицких диалектов; в рамках Отв. на пр. мы располагаем сведениями из деревень — Бабов (далее — Баб.), Барбук (Бар.), Блунь (Бл.), Бяздов (Бяз.), Грожище (Гр.), Заброд (Заб.), Лишков (Лиш.), Мост (М.), Мышин (Мыш.), Нова Яс (Н. Я.), Парцов (Пар.), Рогов (Рог.), Рогозна (Рогоз.), Ус (У.), Шкодов (Шк.), Яблоньц (Я.)³;

материалы по слепянскому диалекту (далее — Слеп.) взяты из монографии А. Schroeder. Die Laute des wendischen Dialekts von Schleife in der Oberlausitz, Tübingen, 1958 (далее — Sch.) и из работы Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934 (далее — St.); из St. взяты также сведения о говоре д. Жилов (нем. Sielow, далее — Жил.);

данные о мужаковском диалекте (далее — муж.) — из монографии Л. В. Щербы: «Востоchnолужицкое наречие», Пг., 1915 (далее — Щ.) и из St.; кроме того, к числу мужаковских относится говор уже названной деревни Яблоньц;

о диалекте Ветшау (далее — Вет.) сведения содержит монография Н. Faßke: «Die Vetschauer Mundart». Bautzen, 1964 (далее — F.);

говор д. Смогорев (Schmogrow) отражен в диалектных записях, опубликованных в серии Sorbische Dialekttexte III. Schmogrow. Kreis Cottbus, bearbeitet von H. Faßke und H. Jentsch. Bautzen, 1965 (далее — ST);

наконец, мы пользуемся также данными словаря К. Е. Mucke: «Wörterbuch der niedersorbischen Sprache und ihrer Dialekte», V. I. Petersburg — Prag, 1911—1915, 1926; V. II, Prag, 1926 (далее — Сл. М.), который широко отражает диалектные различия в звуковом составе отдельных словоформ.

Данные нижнелужицких памятников письменности мы используем в той мере, в какой они отражены в специальных исследованиях.

² См. об этом понятии в кн.: «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 9, 12.

³ Немецкие названия: Bobow, Bärenbrück, Bluno, Klein-Partwitz, Grötsch, Zabrod, Groß-Lieske, Heinersbrück, Müschen, Neundorf, Groß-Partwitz, Horno, Wilmersdorf, Maust, Schkadow, Gablenz. Материалы ответов на программу хранятся в архиве Института серболужицкого народоведения в Баутцене.

II.

В н.-луж. языке гласный **e* в том числе и тот, что развился в результате метатезы сочетаний **tert*, **telt* в положении после мягких согласных, подвергся изменению в *o*, так же, как это имело место в русском, белорусском и польском языках. Специфика этого явления в нижнелужицком состоит в том, что, хотя изменение *e* > *o* по своей природе несомненно фонетическое, тем не менее ни в одной из частных диалектных систем, ни в одной из позиций переход *e* > *o* не осуществлен с той последовательностью и регулярностью, которых можно было бы ожидать от фонетического изменения, призванного осуществляться в принципиально неограниченном круге морфем.

Стремясь вскрыть закономерности изменения *e* > *o*, исследователи нижнелужицкого языка в качестве позиционных условий этого изменения привлекали самые разные факторы.

Муке считал, что изменение *e* > *o* определялось качеством последующего звукового элемента (*e* перед мягкими согласными сохранялся) и отношением к ударению: в безударных слогах переход *e* > *o* осуществляется якобы более последовательно, чем в слогах под ударением⁴.

На точке зрения, близкой к Муке, стоят Щерба и Штибер, которые сводят позиционные условия изменения *e* > *o* к положению перед твердыми согласными и на конце слова⁵.

Шахматов в своей рецензии на книгу Щербы крайне усложняет состав позиционных условий лужицкого изменения *e* > *o*, вводя в него характер интонации, открытость или закрытость слога, характер мягкости (исконная или неисконная) предшествующего согласного⁶.

Ташицкий в отличие от Шахматова, напротив, максимально упрощает позиционные условия перехода *e* > *o*, утверждая, что фонетическое изменение *e* > *o* имело место только перед твердыми зубными согласными⁷.

Шустер-Шевц предлагает определение позиционных условий изменения *e* > *o*, представляющее собою контаминацию точек зрения Штибера и Ташицкого: *e* изменяется в *o* на конце слова и перед твердыми согласными, причем особенно последовательно перед зубными⁸.

⁴ К. Е. М у к е. HFL, стр. 51.

⁵ Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие. Пр., 1915, стр. 168; Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934, стр. 13—17.

⁶ А. А. Ш а х м а т о в. Заметки по истории звуков лужицких языков. «Изв. ОРЯС», 1916, т. 12, кн. 2, стр. 266, 269.

⁷ W. T a s z y c k i. Stanowisko języka łużyckiego. Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski. Cracoviae, 1928, II, стр. 131.

⁸ H. S e w c. Stawizny hornjeje a delnjeje serbsčiny. «Serbsčina». Listowy studij za wučerjow. Wudawa serbski pedagogiski institut w Malym Wjelkowje (6/r); H. S u s t e r - S e w c. Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958, стр. 42.

Все перечисленные исследователи были согласны в том, что фонетическое изменение $e > o$ в нижнелужицком не происходило в позиции перед мягкими согласными. Это положение пытается опровергнуть Дейна. Он утверждает, правда для н.-луж. языка с меньшей уверенностью, чем для в.-луж., что переход $e > o$ после мягких согласных происходил независимо от качества последующего элемента, т. е. перед твердыми, мягкими согласными и перед θ звука (на конца слова). То, что по данным лужицких памятников и диалектов $o < e$ представлено только перед твердыми согласными и на конце слова, Дейна считает результатом позднейшего изменения $o > e$ перед мягкими согласными⁹.

Реальная картина употребления o на месте $*e$ в н.-луж. памятниках и диалектах не укладывается ни в одно из приведенных определений позиционных условий перехода $e > o$. В приложении к каждому из определений оказывается большое количество исключений, требующих дополнительных объяснений.

Причины этих исключений в основном принято искать в аналогическом выравнивании, что само по себе не может вызвать возражений. Недоумение вызывает другое. Естественно ожидать, что в пределах одной системы аналогическое выравнивание действует в одном направлении, и обычно в направлении распространения инновации за пределы позиции ее первоначального возникновения (ср. русское — *берёза, берёзе*). В применении же к нижнелужицкому языку исследователи оказываются перед необходимостью констатации аналогического выравнивания, действующего по отношению к одному явлению в разных направлениях. Так, Щерба, с одной стороны, считает, что o в *zacołc* по аналогии с *zacoł*, а с другой — что «не o » в *csaśc*, *dfětaśc*, *gfěbaśc*, *něš* — под влиянием форм, где глагольная основа оканчивается на мягкий согласный¹⁰. Ср. также замечание Штибера о разном направлении аналогического выравнивания¹¹.

Исследователи серболужицких языков вообще и н.-луж. языка в частности, уделяя немало внимания инвентаризации случаев перехода $e > o$ после мягких согласных, совсем не касались причин этого явления и его места в фонемной системе. Некоторое исключение в этом отношении составляет Дейна, который видит причину изменения $e > o$ в артикуляционной специфике гласного e ¹².

Мы считаем, что нижнелужицкое явление перехода $e > o$ может быть понято в том случае, если оно будет проанализировано как звено н.-луж. фонологического развития с учетом специфики функционирования н.-луж. диалектного языка. Анализ такого рода мы и предлагаем.

⁹ K. De j n a. *Opawsko-łużycki przegłos 'e w 'o*. *Rozprawy komisji językowej*, t. I. *Łódź*, 1954, стр. 93.

¹⁰ Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, стр. 168.

¹¹ Z. S t i e b e r. Указ. соч., стр. 12.

¹² K. D e j n a. Указ. соч., стр. 94.

III.

В праславянских диалектах, легших в основу н.-луж. языка, в период до падения редуцированных было утрачено различие по степени между исконной мягкостью согласных и той мягкостью, которую согласные приобретали в позиции перед гласными переднего ряда так же, как это имело место в диалектах, легших в основу других западнославянских, а также восточнославянских языков¹³. В результате этого в условиях закона открытого слога оформилась взаимозависимость дистрибуции мягких согласных и гласных переднего ряда, с одной стороны, и твердых согласных и непередних гласных — с другой. Как твердые и мягкие согласные, так и передние и непередние гласные сами по себе не могли образовывать оппозицию. Оппозицию образовывали неразложимые сочетания мягких согласных с передними гласными и твердые согласные с непередними гласными¹⁴.

С падением редуцированных дистрибутивная взаимозависимость между качеством согласного и рядом гласного оказалась нарушенной. В связи с тем что твердые и мягкие согласные стали возможны в свободном положении, а именно на конце слова, различие по наличию или отсутствию мягкости приобрело функциональное значение.

Одновременно различие по ряду у гласных, которые продолжали употребляться только после согласных, превратилось в качество позиционно обусловленное: передний ряд — после мягких согласных, непередний ряд — после твердых. Таким образом, если согласные, различающиеся лишь мягкостью, стали реализовывать разные фонемы, то гласные, различающиеся лишь рядом (т. е. гласные одного подъема), стали реализовывать одну фонему в разных позициях. При этом на средней ступени подъема локализация в непереднем ряду сопровождалась лабиализацией.

Именно такого рода отношения в н.-луж. языке после падения редуцированных должны быть приняты для гласных *e* и *o*.

Вступив в отношения дополнительного распределения, гласные *e* и *o* не были в этом смысле одиноки. В связи с тем что утрата слабых редуцированных предшествовала их вокализации в сильном положении¹⁵, гласные *ъ* и *ь* продолжали употребляться какой-то период уже после того, как различие согласных по твердости — мягкости приобретает фонемное значение. В этих условиях гласные *ъ* и *ь* функционировали как представители одной фонемы.

¹³ Л. Э. К а л и н и н ь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.

¹⁴ Ср.: R. J a k o b s o n. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. «Travaux du cercle linguistique de Prague», 1929, 2. III, § 14; Р. И. А в а н е с о в. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестник МГУ», 1941, № 1.

¹⁵ С. Б. Б е р н ш т е й н. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 251.

В дальнейшем это проявилось в том, что *ъ* и *ь* вокализовались в один гласный.

После падения редуцированных функционально тождественными стали гласные *i* и *y*, которые и в современном н.-луж. языке находятся в отношении дополнительного распределения, реализуя гласную фонему переднего ряда верхнего подъема.

Функционально тождественными могли стать и носовые гласные в тех говорах, где они были локализованы на одной ступени подъема. Так, по-видимому, обстояло дело в диалекте, отраженном в Новом Завете Якубицы, где в определенных позициях представлена одинаковая замена переднего и непереднего носового гласного ¹⁶.

В н.-луж. заменой гласных *ъ* и *ь* в сильной позиции является гласный *e*. Но если допустить, что *ъ* непосредственно изменился в *e*, то это снимает предпосылки функционального отождествления гласных *e* и *o*: если наряду с *t'e* возможно сочетание *te*, то различие по ряду между гласными *e* и *o* приобретает функциональное значение. Поэтому вполне обоснованным кажется мнение о том, что первоначальная замена лужицких редуцированных не была тождественна гласному *e* ¹⁷.

Надо полагать, что и гласный *ē*, развившийся в результате стяжения гласных после утраты интервокального *j*, ко времени падения редуцированных и следовавшего за этим функционального отождествления гласных *o* и *e* в н.-луж. языке еще не изменился в *e*, так как это сделало бы возможным сочетание *te* со всеми вытекающими из этого последствиями для соотношения гласных *e* и *o*.

Лужицкие памятники письменности, относясь к сравнительно позднему времени, не дают возможности судить о ранних проявлениях морфологической аналогии в н.-луж. языке, в частности о проникновении флексий с гласным *o* в мягкую парадигму, ведущем к появлению сочетаний типа *t'o*.

Функциональное отождествление гласных *e* и *o* явилось непосредственной причиной изменения *e* > *o* в н.-луж. языке.

Конкретная реализация этого функционально подготовленного звукового изменения определялась на артикуляционном уровне.

Гласный *e* не изменился в *o* в позиции перед мягкими согласными, так как суженное и напряженное образование, которое характерно для гласного *e* в позиции между мягкими согласными, препятствует перестройке артикуляции по направлению к заднему ряду. Все случаи с гласным *o* на месте *e* перед мягкими согласными в н.-луж. памятниках и диалектах всегда могут быть объяснены как несомненно аналогические по своему происхождению ¹⁸.

¹⁶ К. Е. Муске. HFL, стр. 87.

¹⁷ Z. Stieber. Указ. соч., стр. 28, 29; А. М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941, стр. 230.

¹⁸ К. Е. Муске. HFL, стр. 57.

Артикуляционно благоприятные условия для изменения $e > o$ были в позиции перед твердыми согласными и на конце слова. Во всех н.-луж. диалектах в этих позициях представлен гласный o на месте $*e$.

Но при этом в пределах н.-луж. диалектного языка ни в одной из частных диалектных систем нельзя выделить такую из фонетических позиций, в которой бы любой $*e$ был заменен гласным o , т. е. изменение $e > o$ было бы осуществлено в принципиально неограниченном круге морфем, как этого следует ожидать от фонетического изменения. Ср. описание результатов н.-луж. изменения $e > o$ у Штибера¹⁹ и Фаске²⁰.

Как на конце слова, так и в позиции перед любым из исконно твердых согласных в н.-луж. диалектном языке наряду с гласным o возможен и «не o » на месте $*e$ после мягких согласных (реально это могут быть гласные e, \check{e}, a).

При этом различие в локализации твердого согласного, перед которым употребляется o или «не o » на месте $*e$, не приобретает значения позиционных условий, определяющих переход $e > o$. Утверждение Шевца о преимущественности перехода $e > o$ перед твердыми зубными (переднеязычными) согласными, основывается на том, что реально в любой н.-луж. частной диалектной системе всегда больше случаев $s < o < e$ перед зубными согласными, чем перед губными и задненебными. То же в памятниках²¹, за исключением Thesaurus polyglottus Мегизера (XVII в.), который отражает уже не существующий н.-луж. диалект, где $e > o$ только перед зубными согласными²².

Большая частота $o < e$ в позиции перед зубными определяется не характером закономерностей, регулировавших изменение $e > o$, а всего лишь количественным соотношением морфем, содержащих $*e$ перед зубными, губными и задненебными согласными.

На основе показаний нижнелужицких памятников письменности, диалектов и словарей выявляется следующий состав используемых когда-либо в н.-луж. языке морфем, содержащих $*e$ после мягких согласных перед твердыми и, таким образом, располагающих потенциальной возможностью перехода $e > o$. Звуковой состав морфем реконструируем для периода после падения редуцированных, до изменения $\check{e} > c, t', d' > c', dz (\check{s}, \check{z})$, до отвердения $s', z', \check{s}, \check{z}$.

Корневые морфемы, содержащие $*e$:

¹⁹ Z. Stieber. Указ. соч., стр. 13—17.

²⁰ H. F a v k e. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964, стр. 90—92.

²¹ Ср., например, результаты изменения $*e > o$ в «Книге песнопений» и «Катехизисе» Моллера (H. S c h u s t e r - S e w c. Vergleichende historische Lautlehre der Sprache Albin Moller, стр. 40—42).

²² Z. Stieber. Указ. соч., стр. 17.

1) перед твердыми зубными согласными:

b'edr-, b'ez-, čel-, čřen-, čřesl-, čes-, dřen-, d'esn-, glezn-, jašcer-, jedn-, jedl-, jemel-, jez'er-, klen-, koles-, křes-, led-, med-, met-, nes-, (o)plen-, per-, p'ed-, pčel-, ples-, plet-, popel-, s'ed-, s'edm-, s'estr-, slez-²³, sřed-, šest-, ščet-, ščerka-, ščedr-, ščipel-, t'es-, t'et-, třezw-, wčer-/wčer-, wřed-, wfes-, wes'el-, wedr- wēt- (wetchly), wēd-, wēz-, wfesk-, wfet-, wfēz-, ziven-, želud-, žen-, žer-, žeraw-, želw-;

2) перед твердыми губными:

čep-, čřep-, dřew-, dřem-, gřeb-, klep-, plew-, febr-, sřebr-, t'epl-, třep-, t'ep-, třeb-, zolew-, wepř-, žleb-;

3) перед задненебными:

břeg-, b'ek- (bekaš), dalek-, leg-, (w)l'ek-, ml'ek-, mek- (mekotaš), pek-, řek-, řeg-, smřek-, st'egn-, (w)st'ek-, šček-, žeg-.

Легко допустить, что предложенный список не полностью исчерпывает состав когда-либо используемых в н.-луж. языке морфем с гласным **e* перед твердыми согласными. Однако количество морфем, оставшихся за пределами нашего внимания, вероятно, может исчисляться не более чем единицами. Поэтому предложенный список несомненно отражает суть количественного соотношения между корневыми морфемами, содержащими **e* перед твердыми зубными, губными и задненебными согласными (в списке 58: 16 : 15).

Естественно, что при таком соотношении в любой н.-луж. частной диалектной системе и в любом памятнике случаев с *o* < *e* будет больше перед твердыми зубными, чем перед губными и задненебными согласными.

Что касается формальных морфем, то лишь немногие из них могут быть приняты в расчет при анализе фонетического изменения *e* > *o*. Среди формальных морфем, содержащих гласный **e*, надо различать:

1) морфемы, в которых гласный *o* на месте **e* после мягких согласных в равной мере может быть объяснен как фонетическим изменением *e* > *o*, так и воздействием со стороны морфем, содержащих гласный *o* после твердых согласных.

2) морфемы, которые находятся вне сферы аналогического взаимодействия, ведущего к замене *e* после мягких согласных гласным *o*.

К первой группе должны быть отнесены морфемы, которые могут следовать после морфем, оканчивающихся как на твердый, так и на мягкий согласный, и в зависимости от этого выступать в двух звуковых вариантах — с гласным *o* и *e*. В таких морфемах гласный *o* после мягких согласных в равной мере может быть ква-

²³ См.: К. Е. М у с к е. НФЛ, стр. 83.

лифицирован и как результат фонетического изменения $e > o^{24}$, и как следствие уподобления аналогичным морфемам, первоначально сочетавшимся только с морфемами, оканчивающимися на твердый согласный.

Гласный o вместо $*e$ после мягких согласных нельзя связывать с аналогичными процессами в тех случаях, когда этот гласный выступает в составе морфем, сочетающихся лишь с предшествующими морфемами, оканчивающимися на мягкий согласный.

Переход $e > o$ в нижнелужицком, возникнув как изменение фонетическое, реально осуществился на уровне отдельных морфем, а отчасти и на уровне отдельных слов.

Изменение на уровне морфем проявляется в том, что внутри частной диалектной системы при наличии колебаний между o и «не o » в рамках каждой фонетической позиции, характерной для изменения $e > o$, в составе конкретных морфем этих колебаний нет: в пределах частной диалектной системы морфема выступает или с o или с «не o ». Изменение на уровне слов проявляется в том, что в пределах частной диалектной системы одна и та же морфема в составе разных слов имеет неодинаковый звуковой состав — с o и «не o » в тождественной фонетической позиции.

Ниже мы проследим как конкретно в масштабах н.-луж. диалектного языка проявляется изменение $e > o$ в пределах отдельных морфем, учитывая при этом сравнительную частоту употребления o и «не o » на месте старого $*e$ в отдельных морфемах.

Результаты изменения $*e > o$ в н.-луж. диалектном языке мы рассмотрим отдельно в позиции перед твердыми согласными и на конце слова, в составе корневых и формальных морфем.

IV.

Позиция перед твердыми согласными.

A.
I. Корневые морфемы, которые по показаниям всех использованных нами источников в н.-луж. диалектном языке встречаются только с $o < *e$:

t'epł — šopt(ɥ)y/šept(ɥ)y; tet — šota/šota; wřed — řod; wřes — řos; jez'er — řazor/řazoro/wězor (Сл. М.); xólew — xólowy; glezn — glozynk/glozonk, glozenk (Сл. М.), glozeńk (Н. Я.); čel — coło/coło; žen — žona; s'estr — soša/sotra; želud — žouž; (o)plen — hoplon (Сл. М.), oplon (Мыш., Барб., Вет F. 48, У.), hoplon (Муж. St. 16); žeg — sužog (Сл. М.), šužonk (Баб.), suržok (Мыш.), sužonk (Рогоз.), cužonk (Н. Я.), šužonk (У.); led — lod; žleb — žlob/zlob; žeraw — žrače (муж. Вускидь Отв. на пр.), žorača (Жил., Слп. St. 13, 15); wěer — cora.

²⁴ Именно так объясняет Муке гласный o в ряде формальных морфем (К. Е. Муске. HFL, стр. 54, 314, 327).

В сл. М. только с гласным *o* дано с ссылкой на письменный источник слово *wóžog*, а также слова *plon*, *žotw*, *jemjoł*, топоним *płoso*, которые в других использованных нами источниках не встречаются; то же относится и к слову *trjozwy*²⁵. В мужаковском диалекте Щерба фиксирует $*e > o$ в слове *čosać* (III. 169).

II. Корневые морфемы, которые, судя по Сл. М. и по диалектным данным, в н.-луж. диалектном языке не содержат результатов изменения $*e > o$:

desn-, *jedn-*, *jedl-*, *koles-*, *křes-*, *ńes-*, *(po)wřez-*, *plet-*, *s'edm-*, *šcerk-*, *wedr-*, *wřet-*, *wet-*, *wez-*, *wřesk-*, *klep-*, *třep-*, *řep-*, *wepř-*, *b'ek-*, *leg-*, *(w)łek-*, *mek-*, *pek-*, *fek-*, *řeg-*.

Надо заметить, что не все из этих корневых морфем вообще имеют продолжение в современном н.-луж. языке.

При этом по данным н.-луж. памятников письменности состав корневых морфем, стоящих за пределами изменения $*e > o$, несколько уже, чем тот, который выявляется на основе диалектного материала. Так, у Моллера встречаются написания, соответствующие произношению *sodmy*, *řodnu*, *řšinoš*²⁶.

Эта группа морфем в сочетании с предыдущей демонстрирует результаты осуществления перехода $*e > o$ в нижнелужицком диалектном языке на уровне морфем (в тождественной фонетической позиции одни морфемы содержат результаты изменения $*e > o$, другие — нет).

III. Свидетельство осуществления перехода $*e > o$ на уровне морфем дают и такие корневые морфемы, которые в составе одного и того же слова могут выступать с гласным $o < e^*$ в одних говорах и с «не *o*» на месте старого *e* — в других. Сравнительная частота употребления этих двух вариантов для каждой корневой морфемы в пределах н.-луж. диалектного языка неодинакова. Выделяются следующие группы слов.

1) Слова, которые только в Сл. М. приведены в двух вариантах — с результатом изменения $*e > o$ и без него, причем последние с пометой «диалектное»; по показаниям других использованных нами источников эти слова выступают только с $o < e^*$:

mód / Сл. М. *mjod*, *méd*; *plowy* / Сл. М. *plowa*, *plewa*, *pléwa*;
šcogno / Сл. М. *šcogno*, *šcegno*; *šcotka* / Сл. М. *šcotka*, *šcetka*,
ščětka; *šcokaš* / Сл. М. *šcokaš*, *šcakaš*; в нижнелужицко-немецком словаре²⁷ также *šcakaš* и *šcokaš*.

В Сл. М. наряду с *młoko* приведена словоформа *mleko* с пометой Musk. и ö. Grz. D. (мужаковский и восточно-пограничный, т. е. слепянский, диалекты). Однако это не подтверждается другими

²⁵ К. Е. Муске. HFL, стр. 83.

²⁶ H. Schuster-Šewc. Указ. соч., стр. 40—41.

²⁷ B. Šwjela. Dolnoserbško-němski slownik. Budyšin, 1961.

источниками. Ср. *mloko* (муж. Щ. 172, St. 16), *mľoko* (Слеп. Sch. 119).

Словоформа *řoblo* в наших материалах встретила лишь в записях из Слеп. (Sch. 120), в Сл. М. *řoblo* / *řeblo*; *šćodry* в записях из Жилова (St. 13), в Сл. М. *šćodry* / *šćedry*.

2) Слова, которые в Сл. М. приведены только с $o < *e$; по другим же источникам этим словам могут соответствовать словоформы, в которых $e > o$ отсутствует. При этом в масштабах н.-луж. диалектного языка частота использования словоформ с $o < *e$ значительно бóльшая, чем словоформ, не содержащих результатов изменения $*e > o$.

Так, в Сл. М. дано слово *řasoly* / *řesoly*. По показаниям же других использованных нами источников словоформа с гласным o зафиксирована в говорах 16 населенных пунктов, включая слеп. и муж. диалекты. И лишь в говорах двух населенных пунктов, входящих в состав диалекта Ветшау (F. 90), и в говоре д. Парцов используется словоформа *řaseřy*.

Приведенному в Сл. М. слову *řacor* / *řecor* по имеющимся у нас данным лишь в диалекте Ветшау соответствует словоформа *řacer* (F. 90), против говоров 18 населенных пунктов, использующих словоформы *řacor*; *řecor* (Слеп. Sch.); *řěcor* (Ябл.).

Слову *colka* (Сл. М.) соответствует словоформа с гласным e (*сецка*) в говоре д. Жилов (St. стр. 13) и с гласным o в 18 других проанализированных нами частных диалектных системах.

Слову *šřowo* (Сл. М.) соответствует словоформа с гласным e в говорах М., Вет. F. 90, У., Рогоз., Барб. и с гласным o в говорах Гр., Лиш., Бл., Слеп. Sch. 100, Ябл., Мыш., Бяз., Н. Я. С гласным e и o в говоре Забр.²⁸ В Сл. М. только с гласным o приведена оканчивающаяся на твердый согласный словоформа *jašcer*; по другим свидетельствам — *řašcor* (Слеп. St. 15) и *řašcer* (Гр.).

3) Слова, которые в Сл. М. приведены только с «не o » на месте e , а по другим источникам могут содержать $o < *e$. При этом частота словоформ с o ниже, чем с «не o ».

Слову *rořeř* из Сл. М. в говорах 3 населенных пунктов соответствует словоформа с гласным o после мягкого согласного (Гр., Слеп. St. 15, Рогоз.) против 16 — с e (М., Шк., Лиш., Рог., Жил., St. 13, Заб., Бл., Ябл., Вет. F. 90, У., Баб., Мыш., Парц., Бязд., Н. Я., Барб.).

Слову *šćipeř* (Сл. М.) — в говорах 5 населенных пунктов словоформа с o (Шк., Лиш., Рог., Жил. St. 13, Парц.), против 7 с e (Гр., Вет. F. 90, У., Мыш., Рогоз., Н. Я., Барб.).

Слову *metľa* (Сл. М.) соответствует словоформа с гласным o в д. Яблоньц (*m'ľotta*); в то же время в записях Щербы из того же

²⁸ Ср. также показания «Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch», где под словом *Darm* приведены параллельные формы *crjowo*/*crjowo*.

мужаковского диалекта *mětło* (Щ. 169), ср. там же *metca* (Лиш.), *metta* (М.).

С гласным *o* на месте *e* Щерба приводит слово *žgřodlo* (Щ. 172) для мужаковского диалекта; у Штибера — *žgrodlo*²⁹; в Сл. М. — *žfědlo*. Других данных о том, что в н.-луж. диалектном языке это слово может содержать гласный *o* < *e*, мы не имеем; в говоре д. Яблоньц, входящем в состав мужаковского диалекта, употребляется словоформа *žgřědlo*.

4) Слова, которые и по данным Сл. М., и по показаниям других источников, в н.-луж. диалектном языке выступают как с результатом изменения **e* > *o*, так и без него. Эти слова можно разделить на две группы в зависимости от сравнительной частоты употребления словоформ с *o* и «не *o*» на месте **e* в масштабах н.-луж. диалектного языка.

а) Частота словоформ с *o* выше, чем словоформ с «не *o*»; в Сл. М. словоформы с «не *o*» снабжены пометой «диалектное»; в двуязычных н.-луж. словарях³⁰ соответствующие слова даются обычно с гласным *o*:

břog (Лиш., Забр., Слп. St. 15., Вет. F. 90, У., Мыш., Рогоз., Н. Я., Барб.); *břěg* (Ябл.), *břak* (Рог.); Сл. М. *břog* / *břěg*. *сfop* — (Рог., Жил., St. 13, Заб., Бл. Сл. St. 15, Ябл., Мыш., Пар., Бяз., Рогоз., Н. Я.); *сfep* (М., Вет. F. 90, У, Баб.); *сfору* / *сfеру* (Шк.); Сл. М. *сfop* / *сfep*.

сfost(у)о (Гр., Лиш., Жил., St. 13, Слп. St. 15, Ябл., У., Н. Я.), *сfěsуо* (Барб.); Сл. М. *сfosto* / *сfěsto*.

сfonak (Гр., М., Шк., Лиш., Рог., Жил., Забр., Бл., Слп., Ябл., Вет. F. 90, У., Мыш., Парц., Бязд., Н. Я.), *сfенak* (Барб.); Сл. М., *сfonak* / *сfенak*.

daloko (Лиш., Рог., Жил. St. 13, Забр., Бл., Слп. Sch. 103, Барб., Парц., Бязд.), *daleko* (муж. St. 16); Сл. М. *daloko* / *daleko*.

сfода (Гр., М., Шк., Лиш., Рог., Жил. St. 13, Слп. St. 15, Ябл., У., Мыш., Бязд., Н. Я., Барб.), *сfеда* (Забр., Вет. F. 90, Рогоз.); Сл. М. *сfода* / *сfеда*; словоформы с *o* и с *e* приведены также и в Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch под словом Mittwoch (*сrjода*, dial. *сrjеда*).

сfобро (Гр., М., Шк., Лиш., Рог., Жил. St. 13, Слп. St. 15, Вет. F. 121, Мыш., Рогоз., Н. Я., Барб.); *сfебро* (Бл.У.), *сfебро* (муж. St. 16); Сл. М., *сfобро* / *сfобро*/*сfебро*.

škfok / *šmfok* во всех говорах, из которых мы привлекаем сведения, и *šmrěk* в муж. (St. 16); Сл. М. *škfok*, *šmfok*/*šmrěk*.

б) Частота словоформ с *o* < **e* ниже, чем словоформ с «не *o*»;

²⁹ Stosunki... стр. 16.

³⁰ См.: В Š w j e l a. Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch. Bautzen, 1957; О н ж е. Dolnosorbско-němski słownik. Budyšin, 1961.

в Сл. М. словоформы с $o < *e$ снабжены пометой «диалектное»; в двуязычных н.-луж. словарях соответствующие слова почти всегда приведены с гласным e .

dfewo (*dfěwo* муж.) — во всех говорах, из которых мы приводим сведения, за исключением слеп., где *dfowo* (Sch. 105), д. Мышин, где отмечены параллельные формы *dfewo* / *dfowo*, и д. Сморгорёв — *grmatki dfěowa* (ST 130); Сл. М. *dfowo* / *dfewo* / *dfěwo*.

grěblo / *grěbwo* / *grěbo* — во все говорах, из которых мы привлекаем сведения, за исключением слепянского — *grⁱoblo* (St. 15) и роговского — *grⁱoblo*; Сл. М. *grěblo* / *grěbto* / *grěbto*.

prědk- (*naprětk, doprětk...*) (Гр., М., Шк., Лиш., Рог., Жил. St. 13, Забр., Вет. F. 348, У., Мыш., Парц., Бязд., Рогоз., Н. Я., Барб.), *sprⁱotka* (Слеп. St. 15), *doprⁱotka* (Бл., но *te prětki*), *doprⁱotka* (Слеп. Sch. 76, муж. Щ. 19); Сл. М. *prⁱodk* / *prědk* / *prědk*; в немецко-нижнелужицком словаре³¹ под словом *vogn'* дано *predku* и *prjodku*.

zěweno (Гр., У., М., Шк., Заб., Мыш., Н. Я.) и *zj^eno* (Слеп. Sch. 147); Сл. М. *zěweno* / *zěweno* / *zwjono*.

třeba, třebny, (Гр., М., Рог., Жил. St. 14) и *třoba, třobny* (Слеп. Sch. 138, Н. Я.); Сл. М. *třeba* / *třoba*.

Диалектные данные в согласии с Сл. М. указывают на вариантность: *jaseń* / *jason* (Сл. М.) и *jason* (Забр.), *jasyn* (Бязд.); *wěsto* / *wjasto* / *wjosto* (Сл. М.) и *jaswo, josto* (Вет. F. 113, 311); *žeruš* / *žoruš* (Сл. М.) и *žeruš* (Барб.), *žeruš* (Гр.), *žruš* (Мыш.). Однако о соотносительной частоте употребления этих вариантов в н.-луж. диалектном языке мы не можем судить из-за недостатка материала.

5) Слова, которые по данным Сл. М. могут содержать $o < *e$, но в тех диалектных материалах, которыми мы располагаем, представлены только с «не o » на месте старого $*e$:

drěmaš / *dr^omaš* (Сл. М.) и *drěmaš* (Ябл.), *drěmaš* (М.); *sedlo* / *sodlo* (Сл. М.) и *sedlo* (М., Лиш.); *pero* / *pjoro* (Сл. М.) и *pero* во всех привлеченных нами говорах³²; *šesty* / *šosty* (Сл. М.) и *šesty* в диалектных материалах³³; *zínět* / *zinet* / *zmjot* (Сл. М.) и *zínět* (Барб., Шк.), *zmat* (Рогоз.); *sčakty*, *sčakwu* во всех привлеченных нами говорах и *sčakty* / *sčokty* (Сл. М.).

Гласный $o < *e$ возможен в составе отрицания перед глаголом *kšěš*. Ср. *ňoxat* (Гр.), *ňok* (Жил. St. 14, Барб., Вет. F. 16), *ňoxa* (муж. Щ. 16) и *ňexat* (Слеп. Sch. 124).

³¹ В. Š w j e l a. Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch.

³² Впрочем, словоформа *pjoro* приведена в словаре слепянского диалекта; См.: М. Н а н д р и к - С л е р ж а н с к и. Słownik Slepjanskeje narěče. Časopis Maćicy serbskeje 1906, Lětnik LIX, zešiwk 1, стр. 42, Budyšin.

³³ Шустер-Шевц приводит форму *šosty* для слепянского и мужаковского диалектов (Н. S c h u s t e r - Š e w c. Указ. соч., стр. 40), но это не подтверждается другими источниками. Ср. *šesty* (Слеп. St. 15), *šeste* (Слеп. Sch. 135).

IV. Корневые морфемы, которые как по данным Сл. М., так и по показаниям диалектов в одном и том же говоре в составе разных слов имеют неодинаковый звуковой состав — с *o* или «не *o*» на месте **e*.

- med-: *mjod* / *med* (Сл. М.), *m¹od* (другие источники), но только *medwetk* / *m¹adwetk*, *medwež* / *m¹adwež*.
- sřed-: *sřoda* / *sředa*, но только *sředny*, *sřednak*.
- před-: *předk* / *přodk*, но *předny*.
- wed-: *weslo* / *wěslo* / *wjasto* / *wjosto* (Сл. М.), *jaswo* / *joslo* (Вет. Ф. 113, 362) и *jasć*; *wesć* (Сл. Sch. 141).
- met-: *změt* / *zmet* / *zmjot* (Сл. М.), *m¹otla* (Ябл.), но только *metaš*, *m¹esć* / *m¹asć*.
- gřeb-: *gřeblo* / *grěbto* / *gřobto* (Сл. М.) *gr¹oblo* (Пог., Слп. St. 15), но только *gřebaš* / *grěbaš*.
- per-: *pero* / *pjoro* (Сл. М.), *pero* (по другим источникам), но только *uperk* / *wuperk* / *huperk*.
- šer-: *cop*, но *serk* / *copk* (Сл. М.).
- břez-: *břaza*, *břaz* / *březa* (Слп. St. 15), *březa* (Ябл.), но *o* < *e* в топониме *Břozow*, приведенном в Сл. М.
- dřen-: в Сл. М. с указанием на письменный источник приведено слово *dřon*, топоним же, содержащий тот же корень, дан в вариантах *Dřenow* / *Dřěnow* / *Dřonow*.

Некоторые из приведенных примеров различия в звуковом составе одной и той же морфемы в пределах разных слов можно объяснить тем, что там, где морфема содержит «не *o*», в период изменения *e* > *o* гласный *e* находится перед мягким согласным (например, *sředny*, *předny*). Однако для большей части примеров это объяснение разного звукового состава одной и той же морфемы в пределах разных слов различием фонетической позиции неприменимо. Неодинаковое развитие гласного *e* в пределах одной и той же морфемы в составе разных слов является следствием осуществления перехода *e* > *o* на уровне отдельных слов.

Гласный *o* на месте *e* после мягких согласных перед твердыми согласными может находиться в составе ф о р м а л ь н ы х м о р ф е м, многие из которых включены в сферу аналогического взаимодействия.

По данным использованных нами материалов гласный *o* вместо **e* в н.-луж. диалектном языке не знает исключения в составе большей части именно тех морфем, где этот гласный может быть объяснен не только фонетическим изменением *e* > *o*, но и аналогией. Это именные флексии тв. ед. -*om* (лишь в говоре д. Мышин

один раз записано *šyšet*), род. мн. *-ow*, род. дв. *-ow (u)*³⁴, дат. тв. мест. дв. *-ota (i)*, суффикс прилагательных *-ow-*, глагольный суффикс *-owa-*, суффикс числительных *-ory*.

Местоименные формы *řogo*, *řotu* во всех н.-луж. говорах, за исключением мужаковского, выступают с гласным *o*³⁵. Эти местоимения могут быть поставлены в аналогическую связь с формами *togo*, *tomu* (в мужаковском диалекте в результате по-иному направленного аналогического воздействия представлены формы *jego*, *jetu* и *togo*, *temu*)³⁶.

Среди формальных морфем, находящихся за пределами аналогического взаимодействия, можно выделить 1) морфемы, которые в н.-луж. диалектном языке всегда содержат гласный *o < e*, и 2) морфемы, которые в разных диалектных системах имеют разный звуковой состав — с гласным *o* или *e*.

В числе первых могут быть названы 1) именная флексия дат. мн. и местн. мн. *-ox* (Ябл., Бл., Сл., Парц.)³⁷; та же флексия в применении к числительным (*třom*, *třox*) распространена гораздо шире в н.-луж. диалектном языке; 2) именной суффикс *-onk* (в отличие от варианта *-eńk*, всегда сохраняющего гласный *e*³⁸: *saiřonk*, *urpařonk* (Лип.), *křiřonka* (Забр., Парц., Бяз.), *dub'řonk*, *zelenki*, *liřonki* (Бязд.), *uplařonk saiřonk*, *zahor'řonk* (Рогов.), *studžonk*, *zahor'řonk* (Сл. Sch. 74, 82) и *řkobřeńk* (муж. Щ. 169); 3) именной суффикс *-or*: всегда с гласным *o* слова *gusor*, *kacor*, *kôcor/kycor*; *scažor* (Сл. М.).

В Сл. М. только с гласным *o* в суффиксе приведены слова *bôlosny*, *bôlosć*; то же в Dolnoserbsko-němski słownik — *bolosny*, *bolosć*.

Что касается формальных морфем, которые в частных диалектных системах имеют разный звуковой состав, то это: 1) глагольные флексии наст. вр., которые в мужаковском говоре содержат гласный *e*, в остальных н.-луж. говорах — *o*; ср., например, *znajet*, *znajetu*, *řeceteř* (Ябл.) и *ukńom*, *ukńomu*, *ukńoteř* (Гр.); 2) суффикс причастия *-on* (*zľub'onu*, *zadyřionu*, *zmuřonu* Гр., Рог., Липк., Слеп., Шк., М., Мыш.) и *-en* (*wafeny*, *soleny*, *naředženy* / *nařeženy* Ябл., Бл., Забр., Парц., Бязд.); 3) суффикс прилагательных *-on-* (*zeleny* Слеп. Sch. 146, *zeleny* | *zeleny* Парц. Забр., *ceřny* Слеп. Sch. 99) и *-en-* (*zeleny*, *ceřeny* во всех других говорах, из которых мы привлекаем сведения); 4) суффикс *-ew* в составе существи-

³⁴ Флексия род. дв. *-ow (u)* как в твердую, так и в мягкую парадигму проникла вследствие взаимодействия парадигм различных типов. К. Е. М у с к е. HFL, стр. 320.

³⁵ К. Е. М у с к е. HFL, стр. 399.

³⁶ Там же, стр. 390, 424, 428.

³⁷ Штибер в этих флексиях гласный *o* возводит к **ь* (Stosunki..., стр. 25). Мухе же в тех же случаях считает возможным реконструировать флексии с гласным *e*, как предшественником *o* (HFL, стр. 333).

³⁸ Ср. *zahor'eńk* (Лип., Шк., Ябл.), *řeřeńko* (Бл.), *řasleńk* (Дрейце Отв. на пр.), *křiřeńka* (Забр.).

тельного **kostřewa*³⁹: *kōstřawa/kōstřōwa/kōstřewa* (Сл. М.) *kōstř¹ewa* (Баб.), *kōstřōwa* (Ябл.).

Фонетическое изменение *e* > *o* Муке констатирует в составе местоименной флексии род. и дат. ед. в случаях типа *wjelkžogo, drugžomu* в говоре д. Рогов⁴⁰. По нашим наблюдениям в этом говоре после основ, оканчивающихся на задненебный согласный, употребляются местоименные флексии с гласным *e* (*drugžego, drugžemu*). В то же время местоименная флексия с гласным *o* вместо *e* зафиксирована в случаях *lešogo, vōt nazym¹-ogo, nazymžomu*. Однако с уверенностью говорить о фонетическом происхождении этого *o* трудно, так как слова *nazyme, leše* изменяются в говоре по смешанной парадигме, которая сочетает местоименные флексии и именные (ср. *lešoz, lešoma, s tym nazymžom*), и гласный *o* в составе местоименных флексий мог появиться под влиянием флексий именных. Кроме того, могло сыграть роль и то обстоятельство, что в этом говоре после твердых основ употребляются местоименные флексии с гласным *o* (*dobrogo, dobromu*).

V.

Позиция конца слова.

В позиции конца слова гласный *o* вместо *e* в н.-луж. диалектном языке последовательно употребляется в именах ср. р. на **je* (*myřo / mōřo, žažo, lico, pōlo / pylo*), включая имена с суффиксом *-*išč-* (*žyščo, gab'iščo, tepariščo*). Здесь, где гласный *o* вместо *e* может быть объяснен как фонетически, так и аналогией, гласный *o* почти не знает исключений. Несколько случаев с *e* отмечены лишь для мужаковского диалекта: *neb'e* (Ябл.); *pole* (St. 16), но *pōlo* (Ябл.); *mōře* (Сл. М.).

В большей части н.-луж. говоров конечный гласный *o* имеет слово, восходящее к **poldnye*, но отождествленное с именами на **je*. Ср. *to doržudno* (Гр.), *to dorōldno* (Рог.), то же в Парц., Лич., Шк., У., М., Жил. St. 13, Мыш., Н. Я.; и *to poldne* (Ябл.), *to doržudne* (Забр.).

Иное соотношение между конечными гласными *e* и *o* в н.-луж. диалектном языке наблюдается в именах ср. р., являющихся по своему происхождению отглагольными существительными на *-*tije*, *-*nije* и существительными с собирательным значением на *-*ije*.

Сравнительная частота употребления гласных *o* и *e* в отдельных словах этой группы неодинакова.

Так, гласный *o* чаще, чем *e* в **krytije*: *kryšo* (Гр., Рог., Лич., Барб., М.), *kšyšo* (Баб., Вер. F. 91), *kryće* (Ябл.), *čikryće* (Слеп. St. 16);

³⁹ Ср. Sorbischer Sprachatlas 1. Bautzen, 1965, стр. 144.

⁴⁰ К. Е. М у с к е. HFL, стр. 54, 412.

* *zbožije*: *zbôžo/zbyžo* (Гр., У., Липш., Рогоз., Вет., Ф. 91, Шк., Барб., М., Мыш., Парц., Баб.), *zbôže* (Ябл.).

Гласный *e* чаще, чем *o*, употребляется в слове * *zelije*: *zele* (Гр., Н. Я., У., Липш., Рогоз., Ябл., Вет. Ф. 91, Бл., Барб., М., Жил. St. 14, Заб., Мыш., Парц., Баб.) и *zelo* (Рог., Бяз.); в слове * *pyrije*: *pyfe* (Гр., Н. Я., У., Барб., М.), *pyfo* (Рог., Липш., Рогоз.), *pyfo/pyfe* (Шк.).

При повсеместном распространении слов на **tije* (*dřeše / dřěše, šyše / šyče, piše / piče, laše* и т. п.) гласный *o* в этом типе слов встречается в единичных случаях. Ср. в говоре д. Шкодов *to sešo* и *to seše*, причем в разном значении (первое 'семена для посева', второе — 'сев'); в говоре д. Рогозна — *dřeše* и *dřešo*, в говоре д. Липков — *piše* и *pišo*. В немецко-нижнелужицком словаре⁴¹ *kšyše* дано под словом *Dach*, *kšyšo* — под словом *Decke*.

Столь же редко появляется гласный *o* вместо *e* в конце существительных на **nije*. В тех материалах, которыми мы пользуемся, с гласным *o* приведены лишь слова *sekaño* 'сечка' (Рог., Барб.), *šmaño / šmaňe* 'подстилка' (Вет. Ф. 91), *pšiblaceño* (У.).

Другие случаи с гласным *o* вместо *e*: *nalešo* (Липш.) и *naleše* в других говорах; *paždžeřo / paždžeře* (Липш.), *žyžo* (Мыш.), *roždžo* (Слеп. St. 15).

Муке замечал, что среди отглагольных и собирательных существительных приобретают окончание *o* вместо *e* слова, утратившие свое первоначальное абстрактное значение⁴². К этому можно добавить, что отглагольные и собирательные существительные в силу своего морфологического состава не имеют грамматических соответствий с окончанием *o* после твердых согласных в отличие от имен на **je*. С именем же на **je* отглагольные и собирательные существительные не могли быть отождествлены грамматически в силу своего специфического абстрактного значения, совершенно несвойственного именам на **je*. И лишь в тех немногих случаях, когда отглагольные и собирательные существительные утратили свое абстрактное значение, они грамматически отождествлялись с именами на **je*; конечный гласный *e* при этом заменился гласным *o*.

Если в существительных на **je* для конечного гласного *o* мы допускаем два объяснения — фонетическое и морфологическое, то по отношению к *o* в конце отглагольных и собирательных по своему происхождению существительных фонетическое объяснение исключено.

Как фонетически, так и в результате аналогии с именами ср. р. мог развиваться гласный *o* в конце притяжательных местоимений (ср. *tdžo rđlo, sřowo* Рог.). Гласный *e* в составе этой морфемы

⁴¹ В. Š w j e l a. Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch.

⁴² К. Е. М у с к е. НФЛ, стр. 52.

сохранился только в мужаковском диалекте⁴³. Такого же рода аналогия могла распространиться на местоимение *wšo* (ср. р.), которое в н.-луж. диалектном языке всегда содержит гласный *o*. Напротив, окончание им. ед. ср. р. прилагательных с мягкой основой, как правило, не отражает замены *e* гласным *o*, хотя эти прилагательные так же, как и притяжательные местоимения, могут быть включены в аналогическую связь с именами ср. р. на — *o*; ср. *šeške žělo, zóverxne měso* (М.), *měke žažko* (Забр.), *tšeše swowo* (Гр.).

Конечный гласный *o* вместо *e* не может быть связан с аналогическими процессами:

1) в числительных на **bje — tšo / čo, styfo / štyfo...* гласный *o* в этих формах в н.-луж. диалектном языке не знает исключений;

2) в 3 л. ед и 2 л. мн. наст. вр., 2 л. мн. imperativ — *šegño, xrafo, wu žešćo, spíwajšo* (Гр.) и т. п. во всех н.-луж. говорах за исключением мужаковского, где *to se teje, duje, wu móče, ućérce* (Ябл.); в записях из слепянского диалекта, обычно содержащих гласный *o*, один раз приведено *môže / mōžo* (Sch. 120);

3) в род. — вин. ед. личного местоимения 1 л. *mńo* (М. Слеп. Sch. 86); но в мужаковском диалекте только гласный *e* (Щ. 10);

4) в числительном на **desete — dwanasćo, činasćo...* во всех н.-луж. говорах, исключая мужаковский, где в аналогичных случаях представлен гласный *e* — *sædmnasće* (Щ. 16); в слепянском диалекте могут быть и *o* и *e* — *pětnasćo, dívěnasćo* (Sch. 75), *sedymnasće pětnasće* (Sch. 79), *činasće* (77);

5) в наречном слове, восходящем к **kьde*, которому во всех н.-луж. говорах соответствует *žo | džo* и лишь в мужаковском диалекте *džě* (Ябл.); фонетического происхождения гласный *o* и в слове *žužo* (М.).

Гласный *o* вместо *e* не выступает в окончании им. мн. на **bje — luže / ludže*; в словах *(h)ušće* и *ivele*.

VI.

Как видно из приведенных выше примеров, в н.-луж. диалектном языке результаты изменения $e > o$ представлены в большей части корневых морфем, содержащих гласный **e* (в том числе и в составе сочетания, восходящего к **tert*) перед исконно твердым согласным любой локализации.

Но на уровне частных диалектных систем среди этих корневых морфем, с одной стороны, выделяются такие, которые всегда содержат $o < e$, а с другой — морфемы, которые в частных диалектных системах выступают с различной степенью сравнительной частоты как с *o*, так и с «не *o*» на месте старого *e*.

Среди формальных морфем надежно свидетельствовать в пользу фонетического изменения $e > o$ могут лишь те морфемы, кото-

⁴³ К. Е. М у с к е. HFL, стр. 405.

рые находятся за пределами морфологической аналогии, ведущей к замене гласного *e* гласным *o*. В рамках н.-луж. диалектного языка все формальные морфемы, не подверженные аналогии, могут содержать фонетическое *o* и *e* перед твердыми согласными. В то же время в пределах частных диалектных систем некоторые из этих морфем могут выступать в неодинаковом звуковом составе — с *o* или с *e*.

Что касается результатов фонетического изменения $e > o$ в позиции конца слова, то в этом отношении мужаковский диалект противостоит остальным н.-луж. диалектам. В мужаковском диалекте отсутствует замена конечного гласного *e* гласным *o* во всех тех случаях, где гласный *o* не мог быть вызван аналогией (исключение составляют числительные типа *śo* и глагольная форма *jo*). По-видимому, это свидетельствует о том, что в мужаковском диалекте фонетическое изменение $e > o$ осуществлялось лишь в позиции перед твердыми согласными, но не на конце слова.

Щерба⁴⁴, а за ним и Штибер⁴⁵ считали, что в мужаковском диалекте фонетическому изменению в *o* подвергся гласный *e*, развившийся на месте **e*, в наречных словах — *ližo, sedžo, stojo, viso*, являющихся по своему происхождению причастиями. При этом Щерба подчеркивал, что «нет решительно никаких оснований предполагать здесь аналогическое ω »⁴⁶. Однако в свое время еще Шахматов⁴⁷ показал, что для подобной категоричности оснований нет. Упомянутые причастия, перейдя в разряд наречий, вполне могли уподобиться им и в формообразовательном отношении. А в мужаковском диалекте распространены наречия не только на *-e*, но и на *-o*. Ср. в записях Щербы: *něnto* (10), *vusoko* (11), *rano* (15), *dželgo* (11), *śopto* (12).

Следует заметить, что случаи с конечным гласным *o* в соответствии с $e < *e$ известны и в других говорах. Ср. *skešo* (Лиш.), *skyšo* (М.), *bfěmo* (Мыш.); *gōlo / gōle, čelo, znaŋjo* (Бл.); *semjo, znaŋjo* (Забр.). В говорах дд. Блунь и Заброд приведенные примеры с гласным *o* можно объяснить влиянием близлежащих верхнелужицких диалектов. В тех же говорах, которые удалены от верхнелужицкой территории, случаи с *o* на месте $e < e$ несомненно вызваны морфологической аналогией (*bfěmo* как *mōfo, cřowo*).

Итак, мы считаем, что изменение * $e > o$ в нижнелужицком происходило в позиции после мягких согласных перед твердыми и, за исключением мужаковского диалекта, на конце слова; изменение $e > o$ было безразлично к ударению, поскольку результаты перехода $e > o$ могут быть представлены в любом слоговом составе.

⁴⁴ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 154.

⁴⁵ Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łuzyczkich, стр. 47.

⁴⁶ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 154.

⁴⁷ А. А. Шахматов. Заметки по истории звуков лужицких языков. ИОРЯС. Пг., 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 261.

Нижнелужицкое изменение $e > o$ реализовалось на уровне отдельных морфем и слов. При этом в составе формальных морфем, находящихся в сфере действия морфологической аналогии, ведущей к замене гласного e гласным o , изменение $e > o$ осуществлялось наиболее последовательно.

Чем объяснить, что фонетическое по своему происхождению изменение проявилось на уровне отдельных морфем, тем более, что аналогичный по своим причинам переход $e > o$ в польском, русском, белорусском языках реализовался на уровне фонетической позиции, т. е. в неограниченном круге морфем?

Изменение $e > o$ явилось манифестацией уже осуществившегося фонологического сдвига. Это фонетическое изменение с самого начала возникло, и не только в нижнелужицком, как фонетическая тенденция, осуществление которой было возможно, но не обязательно: ведь в фонемном отношении изменение $e > o$ уже ничего не меняло — как в сочетании $te - to$, так и в сочетании $to - to$ была включена одна и та же гласная фонема среднего подъема. Поэтому, в частности, изменение $e > o$ происходило не вообще всегда, а лишь в благоприятных для этого фонетических условиях.

Существует принципиальная разница между такими явлениями в истории н.-луж. вокализма, как изменение $e > o$ и, например, утрата носовых. Утрата носовых была условием осуществления изменений на фонемном уровне, а переход $e > o$ следствием уже происшедшего изменения.

В нижнелужицком в частных диалектных системах изменение $e > o$ в рамках определенной позиции осуществлялось в разном круге морфем, выбор которых был случаен; иногда одна и та же морфема в составе разных слов могла по-разному относиться к процессу изменения $e > o$.

Для того чтобы тенденция изменения $e > o$ генерализовалась и осуществилась в принципиально неограниченном круге морфем, необходимо участие факторов, стоящих за пределами собственно фонемной системы. К числу таких факторов относится междиалектное смешение, распространение одних диалектных систем за счет других. В этих условиях в каждой частной диалектной системе увеличивается количество морфем с $o < e$ (морфемы с $o < e$ одного диалекта + морфемы с $o < e$ другого диалекта + ...), вплоть до такого положения, когда $o < e$ оказывается представленным во всех или почти всех морфемах, содержащих необходимые для этого фонетические условия.

Специфика функционирования н.-луж. диалектного языка не создавала таких предпосылок для унификации результатов изменения $e > o$.

В силу ряда исторических обстоятельств, основным из которых была германизация лужицких сербов и, как следствие этого, их экономическое и культурное неравноправие, функции н.-луж. языка не выходили за рамки языка сельской и домашне-семейной жизни.

ни. По замечанию Р. Енча, церковный приход — это тот максимум, которым вплоть до XIX в. была ограничена общественная жизнь лужицких сербов⁴⁸. Из городской и официальной жизни лужицкие языки были полностью исключены, здесь господствовал немецкий язык⁴⁹.

В этих условиях неоткуда было взяться предпосылкам для нивелирующего взаимодействия между диалектами, для расширения одного диалекта за счет других. Распространение же немецко-лужицкого двуязычия, слабое развитие н.-луж. литературного языка и отсутствие сколько-нибудь заметного его влияния на диалекты⁵⁰ способствовало дальнейшему сужению рамок диалектно-территориальных групп, как сферы использования н.-луж. диалектного языка.

Вследствие этого характерной особенностью н.-луж. диалектного языка с ранних периодов его истории и до настоящего времени является отсутствие синхронной непрерывности функционирования. Нижнелужицкий диалектный язык всегда использовался на уровне частных диалектных систем и, может быть, небольших их объединений.

Отсутствие непрерывности функционирования является причиной того, что фонетическое изменение $e > o$, подготовленное фонологическими изменениями, характерными для системы н.-луж. диалектного языка в целом, реально осуществилось на уровне отдельных морфем, состав которых неодинаков в пределах частных диалектных систем. Следствием такой реализации перехода $e > o$ явилось большое количество диалектных различий в фонемном составе отдельных слов (морфем) в н.-луж. диалектном языке.

Следует также учитывать, что период, когда изменения $e > o$ существовали системные предпосылки, был, видимо, довольно кратким, а именно, после падения редуцированных до отождествления первоначальной замены сильных **ъ* и **ь* с гласным *e*. С того момента, как в системе стало возможное сочетание типа *te* (<*tъ*), изменение $e > o$ перестало быть актуальным: различие между гласными *e* и *o* вновь фонологизовалось, и эти гласные стали реализовывать фонемы, противопоставленные по ряду.

Это чисто хронологического порядка обстоятельство также могло отразиться на специфике нижнелужицкого изменения $e > o$: переход $e > o$ не успел еще осуществиться во всех подходящих для этого морфемах, как перестал уже быть фонологически актуальным. Несомненно, в этих условиях лишь факты внешней истории языка (наличие или отсутствие междиалектного взаимо-

⁴⁸ R. J e n č. Stawizny serbskeho pismowstwa, 1 dźěl. Budyšin, 1954, str. 29.

⁴⁹ E. T s c h e r n i k. Die Entwicklung der sorbischen Bevölkerung von 1832 bis 1945. Eine demographische Untersuchung. Berlin, 1954, стр. 9—10.

M. K u b a š e c. Spočatki serbskeho pismowstwa. «Serbšćina», стр. 28.

⁵⁰ См. Sorbischer Sprachatlas. 1, Bautzen, 1965, стр. 48.

действия и смещения) могли формировать картину результатов изменения $e > o$ в пределах частных диалектных систем.

Вновь развившийся после мягких согласных гласный e из * \bar{y} изменению в o не подвергался. Лишь в очень немногих случаях в н.-луж. диалектном языке инерция изменения $e > o$ распространялась на $e < \bar{y}$. Ср. *šoц* (Рог.) при *šaц* или *šeц* в других говорах; *joгца* (Забр., Бл., Парц.), *joгla* (Слеп. Sch. 113), *coгk* (Ябл.) и *ceгk* в других говорах; *kôcoц* (Бязд.), *kôcoł* (Ябл.) и *kyšeц* (Жил. St. 25); *kyzoц* (\bar{t}) / *kôzoц* (\bar{t}) во многих говорах и *kyzeц* (Шкод.), *kôzeł* (муж.)⁵¹; *smižobňik* (Бл.). В единичных словах гласный o представлен на месте * \bar{z} . Ср. *žoцka* (повсеместно); *loцy*, *xloц* (Рог.); *coцy* (Лш.); *huтогk* (Слеп. Sch. 144), *cowka* / *cewka* (Сл. М.).

VII.

К числу специфически нижнелужицких инноваций относится изменение гласного e в a после мягких согласных перед твердыми. Напомним, что по данным относительной хронологии нижнелужицкий переход e в a относится к довольно позднему времени: изменение e в a осуществлялось после отвердения мягких шипящих и свистящих согласных и после того как первоначальная замена * \bar{y} совпала с e .

Нижнелужицкому изменению $e > a$ после мягких согласных в научной литературе уделено несравненно меньше внимания, чем изменению $e > o$.

Первым сформулировал условия этого фонетического изменения Муке. По его словам, переход $e > a$ регулярно (in Regel) осуществляется лишь в ударенных корневых слогах и только перед твердыми согласными. При этом перед твердыми спирантами изменение $e > a$ происходит как в открытом, так и в закрытом слоге, перед остальными же твердыми согласными — только в закрытом слоге⁵².

Штибер значительно упрощает определение Муке, констатируя в н.-луж. «изменение * e разного происхождения в 'a перед нижнелужицкими твердыми согласными»⁵³. Указывая на то, что нижнелужицкое изменение $e > a$ проведено непоследовательно, Штибер не производит той подробной инвентаризации результатов изменения $e > a$ в частных диалектных системах, какая была им проделана в применении к $e > o$. Лишь для одного из западных пограничных говоров Штибер дает более или менее подробное перечисление случаев с a и «не a » на месте e (из * e , * \bar{y})⁵⁴.

В новейших исследованиях, посвященных нижнелужицким диалектам, переход $e > a$ специально рассмотрению не подвер-

⁵¹ К. Е. М у с к е. HFL, стр. 304.

⁵² Там же, стр. 60.

⁵³ Z. Stieber. Указ. соч., стр. 65.

⁵⁴ Там же.

гается. Например, Фаске лишь вскользь замечает, что изменение $e > a$ происходит преимущественно перед твердыми зубными согласными⁵⁵.

Отражение результатов изменения $e > a$ в памятниках письменности в общих чертах было описано Муке, показавшим, что в этом отношении памятники письменности представляют значительные различия⁵⁶. Подробную инвентаризацию случаев с a и «не a » на месте e (из * e , * b) в Катехизисе и книге песнопений Моллера дает Шевц⁵⁷.

Причины нижнелужицкого перехода e в a могут быть поняты на фоне анализа некоторых тенденций в развитии вокализма н.-луж. диалектного языка.

В славянских языках, развивших после падения редуцированных консонантную корреляцию твердости — мягкости и в связи с этим значительно расширивших систему консонантизма, наблюдается тенденция к упрощению системы вокализма⁵⁸.

В н.-луж. языке одним из проявлений этой тенденции является утрата различения четырех ступеней подъема в системе гласных фонем. В пределах переднего ряда это осуществляется путем устранения фонемы [ě].

В силу артикуляционной специфики гласного, реализующего фонему [ě], имеются две возможности устранения этой фонемы: она может быть отождествлена с [i] или [e].

В н.-луж. диалектном языке известны случаи изменения $ě > i$, но, как правило, в говорах, сохраняющих фонему [ě] (исключение представляет мужаковский диалект, о чем см. ниже). Следствием изменения $ě > i$ в этих говорах является параллелизм в употреблении фонем [ě] и [i]. Ср. *čěške / čiško, džěwač / džiwamy, šnik* (Парц.), *drěne / driŋe, sprěwa / spřwa, běže / biže, věsej / wicej* (Бл.).

В говорах же, утративших различие четырех ступеней подъема, фонема [ě] отождествлена только с фонемой [e]⁵⁹.

Утрате фонемы [ě] предшествовал период, когда гласный, реализующий фонему [ě], артикуляционно сблизился (но не совпал) с гласным e ⁶⁰. Именно об этом свидетельствует относительная хронология таких нижнелужицких явлений, как утрата фонемы [ě], отверждение мягких фрикативных спирантов и аффрикаты s и изменение $e > a$.

В говорах, утративших фонему [ě], после отвердевших фрикативных спирантов и аффрикаты s на месте гласного, некогда ре-

⁵⁵ Н. F a ß k e. Die Vetschauer Mundart, стр. 91—92.

⁵⁶ К. E. M u c k e. HFL, стр. 398.

⁵⁷ Н. S c h u s t e r - Š e w c. Указ. соч., стр. 43, 44.

⁵⁸ Ср.: А. I. I s a č e n k o. Versuch einer Typologie der slawischen Sprachen. «Linguistica Slovaca». Bratislava, I—II, 1939—1940.

⁵⁹ Ср. классификацию различных типов вокализма в н.-луж. говорах (Н. F a ß k e. Die Vetschauer Mundart, стр. 27—30).

⁶⁰ Ср.: Н. S c h u s t e r - Š e w c. Указ. соч., стр. 39.

лизовавшего фонему [ě], произносится гласный *e*; в то же время во многих говорах, сохранивших фонему [ě], в тех же случаях произносится гласный *y*. Ср. *seno, sec, seku* (3 мн.), *sepy, žeš, žeta tšača, šery* (Гр.) и *syno, syck, syč, cyry, sytča, žyta tšača* (Парц.); ср. также примеры из диалекта Ветшау⁶¹.

Казалось бы, это может указывать на то, что утрата фонемы [ě] происходила до отвердения фрикативных спирантов и аффрикаты *s*. Однако это не согласуется с тем, что изменение *e > a* после мягких согласных, несомненно происходившее после отвердения мягких фрикативных спирантов и аффрикаты *s* (ср. *ias, iacor, iasoly* и т. п.), не распространяется на *e* из *ě* (исключения единичны). Подобная ситуация может быть объяснена только тем, что утрата фонемы [ě] происходила после отвердения мягких фрикативных спирантов и аффрикаты *s* и после изменения *e > a*.

Артикуляционное сближение гласного *ě* с *e* создавало предпосылки для устранения фонемы [ě]. Однако эти предпосылки отнюдь не всегда были осуществлены. Ср., например, замечание Шустера о том, что в диалектах, легших в основу н.-луж. литературного языка, при наличии фонемы [ě] после мягких согласных, после отвердевших спирантов и аффрикаты *s* в соответствии с гласным, некогда реализовавшим фонему [ě], произносится *e*⁶², говоры того же типа упоминает и Фаске⁶³.

Шустер⁶⁴, а вслед за ним и Фаске⁶⁵ подобное положение объясняют тем, что в соответствующих говорах произошло «сужение *ě» (у Фаске «сужение *ě в ě») после отвердения спирантов. На это трудно что-либо сказать, так как оба автора не излагают своих соображений относительно качества звука, который, по их мнению, соответствовал *ě (а фактически и *e) в нижнелужицком в период до отвердения фрикативных спирантов и *s* (т. е. после падения редуцированных и после изменения *e > o* после мягких согласных).

Правда, Фаске выдвигает предположение, что в лужицких языках раннего периода (Altsorbische) праславянскому *ě соответствовал некий подвижный звук (Bewegungslaut) от *i* до *a*, обозначаемый автором через «*iea*»⁶⁶. Остается неясным, как интерпретировать этот звук с фонемной точки зрения; реализовал он одну фонему или разные фонемы в зависимости от преобладания той или иной ступени подъема, с которой артикулировался этот «подвижный звук»?

Во всяком случае, кажется маловероятным, что в диалектах, предшествовавших говорам основной н.-луж. территории, гласный, соответствующий праславянскому *ě, мог артикулироваться как

⁶¹ Н. Фабке. Указ. соч., стр. 94.

⁶² Н. Schuster - Sewc. Указ. соч., стр. 39.

⁶³ Н. Фабке. Указ. соч., стр. 95.

⁶⁴ Н. Schuster - Sewc. Указ. соч., стр. 39.

⁶⁵ Н. Фабке. Указ. соч., стр. 95.

⁶⁶ Там же.

широкий открытый звук типа *a*. Дело в том, что в н.-луж. диалектах, имевших предшественников с гласным $\ddot{a} < *ě$, позже это нашло отражение в более или менее регулярной замене $*ě$ гласным *a*. Ср. диалекты Якубицы, Мегизера⁶⁷. В говорах же основной н.-луж. территории случаи употребления гласного *a* в соответствии с $*ě$ единичны и всегда укладываются в рамки позднего изменения *e* (разного происхождения) в *a*. Справедливо замечание Селищева о том, что «заменитель $ě$ в ранний период жизни лужицкой группы представлял собой гласный долгий закрытый $\ddot{e}...$ » и лишь «на востоке и северо-востоке лужицкой области образование заместителя \ddot{e} (\ddot{e}) было иное: это был гласный типа открытого \ddot{a} »⁶⁸.

По нашему мнению, для того, чтобы объяснить факт сосуществования случаев типа «*seno* но *glědaś*», нет нужды прибегать к гипотетическому сужению замены $*ě$ и $*e$ в период после отвердения спирантов. Эти случаи просто объясняются тем, что в период до отвердения спирантов в соответствующих говорах гласный $ě$ артикулировался ближе к *e*, чем к *i*. Поэтому он и изменился в *e* в слове *seno*; а так как говор не утратил фонему [\ddot{e}], то тот же гласный в слове *glědaś* не подвергался изменениям.

Следует заметить, что неодинаковая фонетическая реализация фонемы [\ddot{e}] характерна и для современных нижнелужицких говоров. Различие касается высоты и степени закрытости гласного, реализующего фонему [\ddot{e}].

В н.-луж. диалектном языке в одних частных диалектных системах различие четырех ступеней подъема в пределах переднего ряда утрачено безотносительно к месту слога в слове, в других — лишь в начальных слогах. Говоры последнего типа в системе вокализма, реализующегося в начальном слоге слова, продолжают различать четыре ступени подъема.

Фонетическая манифестация отождествления фонемы [\ddot{e}] с [e] могла по говорам различаться в зависимости от того, сохранялся ли гласный $ě$ в качестве реализатора фонемы [e] (в соответствии с прежними [e] и [\ddot{e}]) или нет. Примером частных диалектных систем, где гласный $ě$ реализует фонему [e] в позиции между мягкими согласными, являются говоры дд. Дрейце⁶⁹, Жилоу⁷⁰, Дешно⁷¹. В позиции не между мягкими согласными фонема [e] (на месте прежних [e] и [\ddot{e}]) в этих же говорах реализована гласным *e*. Пример диалектной системы, где гласный $ě$ не принимает участия в реализации фонемы [e] (на месте прежних [e] и [\ddot{e}]), дает говор д. Грожище.

⁶⁷ Z. Stieber. Dyspalatalizacja $*e > o$ i $*ě > a$ w dawnych dialektach pogranicznych łużycko — polskich. Slavia occidentalis. Poznań, 1930, t. IX, стр. 499—500.

⁶⁸ А. М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941, стр. 234.

⁶⁹ Z. Topolińska. Przyczynek do rozwoju $*o$ w kilku wsiach dolnołużyckich. Studije k serbskej dialektologije. Budyšin, 1963, стр. 82.

⁷⁰ Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 72.

⁷¹ H. Fabeke. Указ. соч., стр. 30.

Устранение фонемы [ě] путем ее отождествления с фонемой [e] должно было повлечь за собой гипертрофию частоты употребления фонемы [e] после мягких согласных: фонема [e] становилась возможна в соответствии не только с *e и *ь, но и *ě, *ę. Но в н.-луж. языке существовала возможность для некоторого сокращения частоты употребления фонемы [e] после мягких согласных, которая и была осуществлена как подготовительный этап к утрате различия четырех ступеней подъема в пределах переднего ряда. Речь идет об изменении $e > a$ после мягких согласных, результаты которого представлены во всех н.-луж. говорах, за исключением слепянского и мужаковского (об этих говорах см. ниже).

В н.-луж. диалектном языке существовали как системные, так и физиолого-артикуляционные предпосылки для изменения $e > a$.

Системные предпосылки заключались в том, что в период после падения редуцированных и утраты носовых локализованных на нижней ступени подъема гласный *a* в отличие от остальных нелабиализованных гласных располагал чрезвычайно скудными возможностями сочетания с предшествующими мягкими согласными. Это были те немногочисленные случаи, когда гласный *a* следовал после согласных, мягкость которых восходила к общеславянской (*zemā, duša, kolna*), после *i* (*jažo, jašcer*); кроме того, *a* после мягких согласных в немногих случаях был обязан своим появлением стяжению гласных в результате утраты интервокального *j* (*laš, smaš, waš*).

Низкая частота сочетаний гласного *a* с предшествующими мягкими согласными несомненно создавала благоприятные условия для пополнения этого типа сочетаний за счет расширения артикуляции гласного *e* после мягких согласных и отождествления его с гласным *a*.

Сказанное выше о частоте сочетаний гласного *a* с предшествующими мягкими согласными в н.-луж. диалектном языке в период после падения редуцированных и утраты носовых не относится к мужаковскому диалекту⁷², где частота сочетаний типа *ta* была выше, чем в других диалектах, в связи с заменой *ę > a, а отчасти и *ě > a. Но в мужаковском диалекте изменение $e > a$ и не происходило.

Что касается физиолого-артикуляционных предпосылок нижнелужицкого изменения $e > a$, то они состояли в следующем.

По наблюдениям исследователей в современном нижнелужицком диалектном языке в реализации фонемы [e] принимают учас-

⁷² Не относится это, по-видимому, и к некоторым вымершим н.-луж. диалектам, сведения о которых нам дают лишь памятники письменности. Но мы на этом не останавливаемся, так как в сферу нашего рассмотрения входят лишь живые диалекты.

тие два гласных: *ε* — «широкое *e*» и *e* — «узкое *e*»⁷³. Более детальную характеристику этих гласных можно найти у Шредера: в слепянском диалекте гласный *ε* — это передний ряд, нижний до пониженного среднего подъема, *e* — передний ряд, средний до верхнего подъема⁷⁴. Фаске специально оговаривает лишь артикуляцию *ε* (открытый гласный, образованный с незначительным подъемом языка, при этом перед твердыми согласными несколько более широкий, чем перед мягкими⁷⁵), но не *e*.

Дистрибуция этих гласных определяется качеством последующего звукового элемента: перед мягкими согласными — *e*, перед твердыми и перед *Ø* звука, т. е. на конце слова, — *ε*.

Надо сказать, что это позиционное разграничение не имеет абсолютного характера. Так, в диалектных записях из д. Брызны и Горы⁷⁶ гласный *ε* совсем не зафиксирован только в положении между мягкими согласными, а гласный *e* совсем не представлен лишь в положении конца слова. В говоре д. Хаазов, судя по записям, опубликованным Виртом⁷⁷, гласный *ε* исключается лишь между твердым и мягким согласным. В слепянском диалекте распределение *ε* — перед твердыми и в конце слова, *e* — перед мягкими⁷⁸ соблюдается довольно последовательно. Ср. даже фонетическое чередование *e* : *ε* в говоре д. Брезовка; *čemerila* : *čeprašala*, *do šejki*: *ho tej šeñce* (Sch. 82). Но в то же время возможны отдельные случаи употребления *e* перед твердыми и *ε* — перед мягкими согласными.

Щерба в описании мужаковского диалекта выделяет в зависимости от степени открытости три гласных «типа *e*». Это гласные *e*, *ε* и *ж*⁷⁹. Для Щербы была характерна переоценка тенденции к утрате мягкости согласных в мужаковских говорах⁸⁰, что и отразилось в его определении дистрибуции гласных, обозначаемых через *e*, *ε*, *ж*. Ошибочность мнения Щербы об ослаблении категории мягкости в мужаковских говорах показывает современное обследование этих диалектов⁸¹. С учетом этой поправки дистрибуция трех гласных «типа *e*», выделяемых Щербой, может быть сведена к следующему: *e* — между мягкими согласными, *ε* — после мягких перед твердыми согласными, *ж* — между твердыми согласными. Именно такая дистрибуция широкого и узкого гласного,

⁷³ См., например, объяснение транскрипции в работах: Н. Фаßке. Die Vetschauer Mundart, стр. 11; Sorbische Dialekttexte, III, Schmogrov, Kreis Cottbus, bearbeitet von H. Faßke und H. Jentsch. Bautzen, 1965, стр. 8, 9; Sorbischer Sprachatlas 1. Bautzen, 1965, стр. 17.

⁷⁴ A. Schroeder. Die Laute des Dialekts von Schleife, стр. 18, 19.

⁷⁵ Н. Фаßке. Указ. соч., стр. 21.

⁷⁶ D. Petrová - J. Petr. Beispiele sorbischer Dialektaufnahmen. Zeitschrift für Slawistik. V. VIII, H. 1, 1963, стр. 64—72.

⁷⁷ «Slawische Texte» bearbeitet unter Leitung von Max Vasmer. Berlin, 1932.

⁷⁸ A. Schroeder. Die Laute des Dialekts von Schleife, стр. 18, 19.

⁷⁹ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 17, 47.

⁸⁰ Там же, стр. 30.

⁸¹ См.: S. Michalik. Der Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962, стр. 41, 42.

реализующих фонему [e], подтверждается и новейшими записями, сделанными в говоре д. Яблоньц (Отв. на пр.), входящем в состав мужаковского диалекта. Здесь гласные *e* и *ε* в своем распределении определены преимущественно правилом: *e* перед мягкими согласными, *ε* — перед твердыми и на конце слова.

Сходная дистрибуция гласных *e* и *ε* представлена в говорах д. Дрейце, расположенной на основной нижнелужицкой территории. Судя по записям (Отв. на пр.), сделанными З. Михалком, гласный *ε* возможен здесь во всех позициях независимо от качества предыдущего и последующего согласного. Гласный же *e* не отмечен лишь в позиции между твердыми согласными и на конце слова. Однако сопоставление частоты употребления гласных *e* и *ε* показывает, что перед мягкими согласными произносится предпочтительно гласный *e*, а перед твердыми — гласный *ε* (*žet*, *žercy*, *dřetaš*, *džē*, *ceřene*, *de¹šć*, *ja pejdu*, *šeško*).

Несколько иное распределение гласных *e* и *ε* констатирует Фаске в нижнелужицком диалекте Ветнау: гласный *e* — между мягкими согласными и после твердых согласных перед тавтосиллабическим *ǰ*; гласный *ε* — в остальных позициях⁸². Возможны случаи нарушения этого правила. Ср. в диалектных записях, приложенных к исследованию: *žaseš* (315), *teke* (333), *teke* (332), *hořence* (315), *lēše* (322), *o tym boše* (326), *serske cerkŷe* (331).

Таким образом, в нижнелужицком диалектном языке гласный *e* как реализатор фонемы [e] употребляется главным образом перед твердыми согласными и на конце слова, гласный же *ε* — перед мягкими согласными. Твердость и мягкость предшествующих согласных в состав дистрибуционных условий не входит.

Различие в степени открытости гласного среднего подъема переднего ряда нелабиализованного после мягких согласных перед твердыми согласными, с одной стороны, и перед мягкими — с другой, в н.-луж. диалектном языке было известно уже в период изменения *e* > *o* так же, как это имело место в русском, белорусском, польском языках. Однако в дальнейшем в н.-луж. диалектном языке развилась специфическая инновация, состоящая в увеличении различия в степени открытости между гласным перед твердыми и гласным перед мягкими согласными за счет сближения первого с гласным *a*.

Артикулируясь значительно ниже собственно среднего подъема, гласный *ε* мог легко измениться в *a*: это достигалось лишь незначительным понижением артикуляции. Однако для осуществления этого изменения необходимы были дополнительные стимулы. Именно таким стимулом явилась прежде всего низкая частота употребления гласного *a* после мягких согласных. Кроме того, во многих н.-луж. говорах почву для изменения *e* > *a* (собственно *ε* > *a*) подготовило артикуляционное сближение гласного *ě* с *e*

⁸² Н. F a ъ k e. Die Vetschauer Mundart, стр. 30.

и надвигающаяся в связи с этим повышенная частота сочетаний типа *te*.

Кроме того, следует учитывать, что при артикуляционной близости гласного *ě* к *e* в позиции после мягких согласных создавалось скопление оппозиций, основанных на противопоставлении нелабиализованных гласных, нечетко дифференцированных в отношении ступени подъема (т. е. *e* — *ě*, *a* — *e*). Изменение $e > a$ могло быть проявлением тенденции к сокращению такого рода оппозиций.

Совокупность этих условий и вызвала нижнелужицкое изменение $e > a$ после мягких согласных перед твердыми. В позиции после твердых согласных изменение $e > a$ не осуществлялось, так как для этого кроме артикуляционных не было никаких других предпосылок.

Изменение $e > a$ не произошло в позиции конца слова. Это объясняется тем, что результаты изменения $e > a$ противоречили бы нормам морфологической корреспонденции, существующей между твердыми и мягкими основами (ср. *stowo* и *pólo / spańe*, т. е. *o : o/e*). Кроме того, изменение $e > a$ в конце слова повлекло бы за собою ненужное расширение грамматической омонимии (ср. в этом случае *dawańa* было бы и им. и род. ед.).

Разредив частоту употребления *e* после мягких согласных, изменение $e > a$ подготовило благоприятные условия для утраты фонемы [ě] во многих из тех говоров, где гласный, реализовавший фонему [ě], артикуляционно был близок к *e*.

При этом фонема [ě], видимо, утрачивалась лишь в тех говорах, где различие четырех ступеней подъема в пределах переднего ряда не поддерживалось аналогичным различием в пределах непереднего ряда, т. е. только там, где не было фонемы [ô]. Так заставляет думать то обстоятельство, что в современных н.-луж. говорах в системе вокализма, различающего четыре ступени подъема, при неполностью укомплектованном средне-верхнем подъеме дефицит, как правило, касается непереднего ряда. Принципиально отличен в этом отношении лишь мужаковский говор, где при наличии фонемы [ô] отсутствует фонема [ě], о чем см. ниже.

Фонема [ô] в н.-луж. говорах развилась вследствие фонологизации противопоставления гласных *o* — *ô*, первоначально находившихся в отношении дополнительного распределения, при котором гласный *ô* реализовал фонему [o] в позиции после губных и заднеязычных не перед губными и заднеязычными. Нарушение этой дистрибуции гласного *ô*, приведшее к фонологизации оппозиции *o* — *ô*, обусловлено, во-первых, изменением $i > u$ ⁸³ и, во-вторых, распространением в н.-луж. говорах слов немецкого происхождения, содержащих *o* после губных и заднеязычных не перед губными и заднеязычными (*bort, bona, mordowaś*).

⁸³ См.: Н. Schuster-Šewc, A. Schroeder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz (Lautbeschreibung). Рец. Zeitschrift für Slawistik. B. IV, H. 5, 1959.

В говорах, в которых фонема [ô] отсутствует, она заменена фонемой, реализованной гласными, развившимися в результате делабиализации гласного ô (т. е. $\overset{e}{y}, e, y$)⁸⁴.

Возникает вопрос — в период делабиализации гласный ô реализовал фонему [o] или уже [ô]? Данные относительной хронологии показывают, что делабиализация могла происходить в обоих случаях. Конкретно речь идет о сравнении результатов изменения $i > \mu$ и делабиализации ô. В н.-луж. говорах представлены следующие типы замены гласного ô после губных и задненебных перед $\mu < i$: 1) $gy\mu y, \mu y\mu - ô > \overset{e}{y}$ до изменения $i > \mu$ ⁸⁵; 2) $gô\mu y, \mu'ô\mu -$ изменение $i > \mu$ произошло до начала делабиализации ô⁸⁶; 3) $ry\mu y, \mu'ô\mu -$ делабиализация ô после задненебных произошла до $i > \mu$, после губных — после изменения $i > \mu$.

Вывод о том, что изменение $ô > \overset{e}{y}$ в разных говорах происходило в разное время, можно сделать и на том основании, что результаты делабиализации гласного ô представлены как в сопровождении фонемы [ě], так и без нее. Изменение $ô > \overset{e}{y}$ произошло раньше в тех говорах, где фонема [ě] уже утрачена, позже — где та же фонема сохранилась, фонема [ě] задержалась в тех говорах, где фонема [ô] сохранилась или, если утратилась, то сравнительно поздно. При этом в тех говорах, где фонема [ě] не поддержана аналогичной фонемой заднего ряда, она интенсивно вытесняется фонемой [e]⁸⁷. Живой процесс утраты фонемы [ě] можно наблюдать в говорах д. Мышин⁸⁸, Барбук. Напротив, в говорах, сохраняющих фонему [ô], прочные позиции занимает и фонема [ě] (например, говоры д. Заброд, Блунь).

Изменение $e > a$ по характеру структурных предпосылок существенно отличается от перехода $e > o$. Как было показано, переход $e > o$ является манифестацией уже осуществившихся на фонемном уровне изменений. Наличие или отсутствие изменения $e >$

⁸⁴ См.: Z. Stieber. Stosunki pokrewienstwa językow łużyckich, стр. 58; H. F a ъ k e. Die Vetschauer Mundart, стр. 84—85.

⁸⁵ Примеры взяты из: H. F a s k a. Серболужицкий лингвистический сборник. Рец. Lětopis. Rjad A. č. 11/1, 1964, стр. 109.

⁸⁶ Примеры взяты из: H. F a ъ k e. Die Vetschauer Mundart, стр. 21. Знаком ô обозначаем гласный, который Фаске определяет как узкое o, нередко близкое к ô. В говоре Ветшау ô, употребляясь только перед μ , реализует в этой позиции фонему [o]; там же, стр. 16.

⁸⁷ О вокальных системах такого типа см.: H. F a ъ k e. Die Vetschauer Mundart, стр. 28—29. Ср. также замечание Шустера-Шевца о том, что с точки зрения лингвогеографической нижнелужицкая территория с $e < \check{e}$ мень-

ше, чем территория с \check{y}/\check{e} (-наше $\overset{e}{y}$). H. Schuster-Šewc. Rozwój fonologiczny dolnołużyckiego systemu wokalicznego. Studia z filologii polskiej i słowiańskiej 5. Warszawa, 1965, стр. 401.

⁸⁸ H. F a ъ k e. Указ. соч.

> *o* само по себе уже ничего изменить не могло. Изменение же *e* > > *a* было вызвано потребностью некоторых преобразований в системе. Снижение частоты употребления фонемы [e], с одной стороны, и сокращение числа оппозиций, основанных на противопоставлении нелабиализованных гласных, нечетко дифференцированных в отношении ступени подъема, могло быть достигнуто только в случае перехода *e* в *a*.

VIII.

В нижнелужицком диалектном языке рисуется следующая картина результатов изменения *e* > *a* (подчеркиваем, что мужаковский и слепянский диалекты при этом в расчет не принимаются, как стоящие за пределом перехода *e* > *a*, о чем см. ниже).

По данным использованных нами источников, только с гласным *a* на месте **e* в позиции перед твердыми и отвердевшими согласными любой локализации выступают корневые морфемы:

bfraz-, *řazor-*, *řas-*, *řeb'as-* (*řeb'aski*), *mřat-* (*mřata trařda*), *mřac-*, *mřaz-*, *řař-*, *řasol-*, *řacor-*, *přat-*, (*přaty řan*), *řac-*, *řcak-* (*řcakř(u)y*), *řaset-* (*řasety*, *řaseř*), *křolas-* / *křylas-*, (*w*)*řapř-*, (*w*)*řatř(k)-* (*wjattř*, *řatř*, *wjatkř*. Сл. М., *řatřy* Ж. Ст. 13);

однако в *Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch* наряду с *wjattř* дано *wjetř*, при этом различие в звуковом составе сопровождается различием в значении — первое слово дано под *fadenscheidig*, второе — под *dünn*; только с гласным *a* зафиксировано слово

přřast(u)o / *přřast(u)o* (*-*wrez*).

По данным использованных нами источников всегда с гласным *a* выступает корневая морфема, восходящая к (*w*)*řest-*. Ср. *nařlac*, *obřac*, *nařlaseņe*, *nařřlacom* (М); *wobřac*, *přřibřlaseņe*, *nařřlaseņe* (Рогоз.); *wobřař* (Парц.) и т. п. Но в Сл. М. не только с гласным *a*, но и с «не *a*» на месте **e* приведены слова, имеющие в своем составе инфинитив *(*w*)*řesti*. Ср. (*w*)*řac* и *wřeř*, *zeřlac* и *zeřbleř*, *hobřac* и *wobřeř*; формы с *e* снабжены пометой *w*. Grz. D., т. е. «западный пограничный диалект», сведения о котором мы можем почерпнуть из наблюдений Штибера над одним из западных пограничных говоров, где, по его словам, *a* < *e* значительно реже, чем в «особенно нижнелужицких говорах»⁸⁹.

Гласному **e* в разных говорах могут соответствовать как *a*, так и «не *a*» в составе одной и той же корневой морфемы, включенной в состав одного и того же слова:

mřed- в составе слова **mředwředř* и производных от него: *mředwředk*, *mřadwředk*, *mředwřeř*, *mřadwřeř* (Сл. М.); *mředwřetk* (Рог., Липш.,

⁸⁹ Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 65.

Шк., Забр., У., Н. Я.), *mjadvěž* (Бл.), *madúec* (Бяз.), *mjadúetk* (Баб.), *madúes* (Вет. F. 91).

žerž-: *žaržaš*, *žeržaš* (Сл. М.); *žaržaš* (Гр., Рог., Лиш., М., Шк., Мыш., Рогоз.): *žaržalník* (Баб.); *žeržaník* (Бл., Забр.); *džeržaník* (Бязд.): *džeržac* / *džaržali* (Парц.)

рѣк-: в составе слова **pekařь* и производных от него: *pjakař*, *pjakařna*, *pekař*, *pekařna* (Сл. М.): *pjakař* (Гр., Рог., Лиш., М., Забр., Бяз.), *pekař* (Мыш.); в Deutschniedersorbisches Taschenwörterbuch под словом *Bäcker* даны дублетные формы *pjakař*, *pjekař*; в Dolnoserbskoněmski słownik — только *pjekař*.

jež-: *jaž*, *jež* (Сл. М.); *jaš* (Вет. F. 91, Баб.), *ješ* (М., Рог., У., Забр.).

клер-: в составе инфинитива **klepati*: *klepaš*, *klepaš* (Сл. М.), *kłapaš* (Гр., Рог., М., Шк., Баб., Н. Я.), *kłepaš* (Бл., Забр.), *kłepac* (Бязд., Парц.).

тсер-: *tšepaš*, *tšapaš* (Сл. М.), *čapaš* (Жил. St. 14), *čapaš* (Рог.), *wučepaš*, *wučapanu* (Бл.).

Приставка *pše-* в составе слова **presada* может содержать как *a*, так и «не *a*» на месте **e*: *pšasada*, *pšaseda*, *pšesada* (Сл. М.); *pšaseda* (Лиш., Барб., У., Н. Я.), *pšesada* (Мыш.).

По говорам может различаться звуковой состав (с *a* или «не *a*») отрицательной частицы в сочетании с формами глаголов *móс*, *měš*. Ср. *namat namžo* (Гр., М.), *na mogu* (Лиш.) и *ne mogu*. (Забр.)⁹⁰

В следующей группе корневых морфем по данным Сл. М. выступает только *a* на месте **e* перед твердыми согласными; по показаниям же других использованных нами источников в тех же морфемах и тех же словах возможно и «не *a*» на месте **e*.

мет-; в составе инфинитива **mesti*: *mjašc* (Сл. М.), но *mjašc* (Гр., Шк., Баб., Рогоз., Вет. F. 91) и *měšc* (Рог., М., Бл., Забр., Барб., Н. Я.). В Сл. М. тот же корень с гласным *a* и «не *a*» дан в составе других инфинитивов; *zamětowaš* / *zamjato-waš*, *hometnuš*, *zametnuš*; в Deutschniedersorbisches Taschenwörterbuch под словом *werfen* даны формы *mjataš*, *mjetaš*, причем последняя с пометой *dial*.

jedn-: *jeden*, *jano* (Сл. М.), но *īaden*, *īan* (Гр., Рог., Лиш., М., Забр., Бл. и др.) и *īeden*, *īen* (Бязд.).

wed- в составе инфинитива **westi*: *wjašc*, *jašc* (Сл. М.), но *jašc* (Гр., Рог., М., Мыш., Вет. F. 91) и *vēšc* (Забр.).

плет- в составе инфинитива **plesti*: *plac* (Сл. М.), *plac* (Вет. F. 91), *osy plac* (Мыш.) и *plešc* (Рог., Лиш., Бл., У., Бязд., Н. Я.).

⁹⁰ См.: К. Е. М у с к о в. НФЛ, стр. 62.

leg- в составе инфинитива **legnoti*: *lagnus*, *lanus* (Сл. М.), то же во всех других говорах, из которых мы привлекаем сведения, исключая Вет., где Фаске фиксирует *se lagnu* и *se legńe* (F. 92).

mek-: *mjakotaś* (Сл. М.), *mĵakotaś* (Рог., Парц., Бязд., У., Н. Я.) и *mekotaś* (Забр.), *mekotać* (Бязд.), *mĵakoco* / *mekoco* (М.)

В Сл. М. с гласным *a* на месте **e* приведены слова *slabro*, *ścakaś*, *wjadro*, *ścarkawa*. По данным других использованных нами источников эти слова выступают лишь с «не *a*»: *ścokaś*, *slebro* / *slobro*, *wedro*; *ścerkotawa* (М.).

С гласным «не *a*» на месте **e* в Сл. М. приведены слова *břog* / *ĵbreg*, *żesno*, *żergaś*, топоним *Bjezdowy*. По другим данным эти слова могут иметь *a* на месте *e*. Ср. *břag* (Рог.); *dźasno* (Бязд.) и *żesna* (Барб., У., Н. Я.); *żarnuś*, *żarc* (Рогоз.) и *żernuś* (Барб., У., Н. Я., Рог., Лиш.); *bĵazdoŷ* (Бязд.).

Неодинаковая судьба гласного *e* в перечисленных примерах является следствием осуществления перехода $e > a$ на уровне морфем.

Некоторые корневые морфемы в одном и том же говоре могут иметь *a* и «не *a*» на месте **e* в составе разных слов. В этом случае имеем дело с проявлением изменения $e > a$ на уровне отдельных слов. Сказанное касается следующих морфем:

met-, которая может содержать *a* и «не *a*» в инфинитиве *mesć* / *masć*, но только *a* — в *zmātana*, *matel* (по данным всех привлекаемых нами источников);

kłep-: *a* и «не *a*» в *kłapaś* / *kłepaś*, но только *e* в *okłep* (Гр., Рог., Миш.), *wołkłep* (Бл., Бязд., Парц.), *hokłep* (Сл. М.), звуковое различие может сопровождаться лексическим в случае *kłarc* 'молоток' и *kłerc* 'попрошайка' (Сл. М.) — в то же время *kłerc* 'молоток' в Бл., Забр.;

płet-: *a* и «не *a*» в *plesć* / *placć*, но только *e* в формах настоящего времени *pletu* (по данным всех привлекаемых нами источников); в *Deutschniedersorbisches Taschenwörterbuch* только с *e* даны слова *zapletka*, *pletwa* (под *Geflecht*);

(w)lek-: *wołak*, *obłakli* и *paŷlemekam*, *oblekaŕnica* (М.); *wołak* и *oblekaŕnica* (Рогоз.); в Сл. М. *hoblak*, *zawlak* и *hoblekańe*, *hoblekaŕ*, *hoblekaś* / *hoblakaś*;

řek-: *a* и «не *a*» в *řekaŕ* / *řakaŕ*, но только *a* в *řakli* (по данным всех использованных нами источников);

leg-: *a* и «не *a*» в *lagnuś* / *legnuś*, но только *e* в *nalegaś* (Рог., Барб., Забр., Бл.);

wed-: *iasć*, но *ia wedu* в Мыш.; однако в других говорах *jadu* (Гр., Рог., М., Н. Я.).

В позиции после задненебных изменению в *a* подвергся гласный в составе сочетания $er < r$. Ср. *gadło*, *kĵarmec*, *gĵarnyc*,

gársć, gǎrgawa, karcma, pšeskiaržyš (Рог.), *gǎrnyšk, gǎrnycar, gǎarsć* (Бл.) и т. п. (но *gěrnyk, kěrmic, kercma* в Сл. Sch. 108, 114).

Гласный *a* на месте **e* имеют также слова *šćaržo* (Мыш. в Сл. М. *šćažor*), *pratńica* (Забр.), топоним *pšaxody* (Забр.), *žark* (Вет. F. 91), *ńabogi* (Лиш., М.), *placo* (HFL, 60), *b'akaš, xšćabus* (Рог.) *ćasazyka*⁹¹.

В Сл. М. с гласным *a* из **e* приведены слова *břažkowaš, chřapaš se, řac, řagaš, řac, řaslica, wřaskaš/wřašćaš; platškotaš* (HFL, 62). В других использованных нами источниках эти слова не встречаются.

Результаты изменения *e > a* могут быть представлены и в словах, являющихся по своему происхождению немецкими заимствованиями. Например: *labowaš, lakowaš, karl, přatkowaš, žabřaty* (М.); ср. также HFL, 63.

Гласный *e < ь** в позиции перед твердыми согласными также довольно последовательно изменяется в *a*. По имеющимся у нас данным в н.-луж. говорах (исключая сл. и муж.) только с гласным *a* выступают слова: *lan, law, lažki, řac, šćažka, šamny, (w) žas*⁹², а также *šańki*.

В Сл. М. с гласным *a* и «не *a*» на месте **ь* приведено *pjas/pes*, последнее с пометой *w*. Grz. D.; сведениями о западном пограничном диалекте мы не располагаем, в остальных же диалектах всегда произносится *řas*. Слово *kšeb'at* имеет гласный *a* во втором слоге во всех говорах, претерпевших изменение *e > a*, за исключением Вет., где по наблюдениям Фаске не только *kšeb'at*, но и *kšeb'et* (F. 92).

В Сл. М. с гласным *a* на месте **ь* приведены слова *lasny, najamnik, šćabotaš, řjawnuš*.

В одном случае гласный *a* на месте **ь* представлен в позиции после отвердевшего спиранта, а именно, в слове *šay* (Шк., Мыш., Рогоз., Вет. F. 90, Жил., St. 25) при *šey* (Лиш., Барб., У., Н. Я., Парц., Бязд., Бл.). Гласный *a* в этом случае обычно расценивается как результат изменения *e* (из **ь*) $> a$ после мягких согласных перед твердыми⁹³. Однако если принять это объяснение, то становится непонятным сосуществование в одном говоре словоформ *šay* и *šćaška*. Может быть, в слове *šay* гласный *a* развился помимо перехода *e > a*, так же, как и в слове *kisaty*, которое везде, включая слепянский диалект, имеет *a* на месте **ь*?

Изменению в *a* подвергался гласный *e* из **e* и **ь*. Ко времени появления *e* из *ě* (<**ě, ę*) переход *e > a* перестал быть актуальным. Примеры, когда инерция изменения *e > a* распространяется

⁹¹ Sorbischer Sprachatlas 1, Bautzen, 1965, стр. 158.

⁹² Но в Deutsch-niedersorbische Taschenwörterbuch под словом *baurisch* дается *wjesny*.

⁹³ К. Е. Муске. HFL, стр. 64.

на $e < \check{e}$, немногочисленны. Это — *mjasec* (по данным всех использованных нами источников); *схеѣак* (Гр., Рог., М.), *схеѣак/схеѣек* (Вет. F. 92) и *схеѣек* (Мыш., Барб., У., Забр., Бл.), *ѣажа* (Гр., Рог., Лиш., М., Бл., Шк. и т. д.); *zelazo* (Рог.);

lemaz (Гр., Рог., Лиш., М.), *řemaz* (Забр., Мыш.); *řesaz* (М., Бл., Шк., Мыш., Парц.), *řesez* (Барб.), *řesens* (Рог.), *rysez* (Лиш.); в Сл. М. только *řesaz*; *pšaslin* (Рог., Лиш., М., Бл., Шк., Парц., Н. Я.), *pšeslin* (Рогоз.), *pšeslin*, но *pšaslica* (У.)⁹⁴.

Гласный *a* в соответствии с $*e$ возможен в слове *řap*. Ср. *řap* (Бл., Забр., Мыш., Парц., Бяз., Вет. 99) и *řър* (Рог., М., Барб.), *řep* (Лиш.). Фаске выдвигает предположение о том, что гласный *a* в этом слове не является результатом фонетического развития $e > a$, а представляет собою непосредственную замену $*e$. Аргументируется это тем, что форма *řap* допустима в говорах, вообще, как правило, сохранивших \check{e} из $*e$ в начальном слоге слова⁹⁵. С этим утверждением нельзя не согласиться, тем более, что аналогичный пример развития $*e > a$ дает слово *ѣастѣн*, выступающее с гласным *a* во всех нижнелужицких говорах, независимо от судьбы $\check{e} < *e$ в начальном слоге.

В составе формальных морфем изменение $e > a$ не происходило. Правда, Муке констатирует *a* из $e < a$ $*ь$ в составе суффикса $*ььнъ$ в прилагательных *služabny*, *licabny*, *hucabny*⁹⁶. Однако, если допустить в этих случаях фонетическое развитие *a* из *e*, то это должно было произойти до отвердения мягких спирантов, что не соответствует хронологии изменения $e > a$.

Некоторое исключение представляет суффикс, с помощью которого образуются прилагательные от имен типа *kuře*. Этот суффикс в нижнелужицком диалектном языке может иметь разный звуковой состав: *-ac-* и *-ec-*. Так, Фаске фиксирует *kuřaca* и *kuřesa* в Вет. (F. 100), *kuřesa* (Бл., Забр.).

Фаске считает, что в этом случае так же, как и в применении к слову *řap*, речь должна идти о непосредственной замене $*e$ гласным *a*⁹⁷. С этим трудно согласиться. Поскольку в нена начальном слоге всегда \check{e} (из $*e$, $*\check{e}$) $> e$, то фонетическое развитие этого *e* в *a* вполне вероятно и нет нужды привлекать какое-либо другое объяснение этого *a*.

Изменение $e > a$ в формальных морфемах не осуществлялось, по-видимому, потому, что результаты этого изменения не укладывались в рамки грамматических норм нижнелужицкого диалектного языка. В этой связи мы уже упоминали отсутствие изменения $e > a$ в конце слова. Что касается формальных морфем, содержащих гласный *e* перед согласными, то в качестве примера можно

⁹⁴ Другие примеры на *a* из $e < *e$, $*\check{e}$ см.: К. Е. М и с к е. HFL, стр. 60, 61.

⁹⁵ Н. F a њ к е. Die Vetschauer Mundart, стр. 99.

⁹⁶ К. Е. М и с к е. HFL, стр. 65.

⁹⁷ Н. F a њ к е. Die Vetschauer Mundart, стр. 100.

привести суффикс причастий *-en*. Гласный *e* в этом суффиксе в н.-луж. говорах или изменяется в *o*, или сохраняется без изменения, но никогда не переходит в *a*. И это понятно. В нижнелужицком диалектном языке страдательные причастия образуются не только с суффиксом *-en-*, но и *-an-*: последний сочетается с инфинитивными основами на *-a*⁹⁸. Появление гласного *a* вместо *e* в суффиксе *-en-* означало бы распространение суффикса *-an-* на остальные глагольные основы, т. е. было бы нарушением грамматических норм.

Между прочим, рассмотренное выше изменение $e > a$ в суффиксе *-ec-* (*-ac-*) потому и могло произойти, что результаты его не вступали в противоречие с грамматическими нормами: в нижнелужицком диалектном языке довольно широко распространены суффиксы прилагательных, начинающиеся на *a* и следующие после мягких согласных⁹⁹.

Специального замечания требует отношение слепянского диалекта к изменению $e > a$.

Муке, определяя лингвогеографическую сферу перехода $e > a$, выделял мужаковский диалект, как находящийся за пределами этого перехода, и западно-пограничный, как имеющий $a < e$ лишь в единичных случаях. Слепянский диалект Муке никак не квалифицировал с точки зрения наличия или отсутствия в нем результатов изменения $e > a$ ¹⁰⁰. Однако в дальнейшем отсутствие перехода $e > a$ стало рассматриваться как конституитивная черта слепянского наречия¹⁰¹.

Действительно, в слепянском диалекте представлен гласный *e* (*ε*) в подавляющем большинстве корневых морфем, содержащих $a < e$ в других н.-луж. говорах. Так, Шрёдером зафиксированы следующие примеры, свидетельствующие об отсутствии перехода $e > a$ в слепянском диалекте:

běcać (96)¹⁰², *clówek* (99), *do březó^uki* (103), *do jěnoǵ* (104), *dźeržać*, *džeseć* (106), *ǵernyk* (108), *xřebet* (111), *kermić*, *k'ercma* (114), *kóšesó* (115), *len*, *lenuć*, *ležy* (117), *medwędź*, *mekotać*, *mes*, *meseć*, *metel* (118), *ne maǵe*, *ne moǵe*, *nesć* (124); *pec*, *pekli* (126), *plětt*, *plěty* (127), *řećez*, *řek*, *řešći* (129), *wecor*, *wedł som*, *wesóle* (140), *wes* (149), *zmetanu* (150).

⁹⁸ К. Е. М у с к е. НФЛ, стр. 532.

⁹⁹ Шерба в мужаковском говоре, стоящем вообще за пределами перехода $e > a$, записал *šěcke žoki zwžěňanǵ* (Щ. 35); здесь суффикс причастия отождествлен с суффиксом прилагательного *-an-* (ср. *stomanu*).

¹⁰⁰ К. Е. М у с к е. НФЛ, стр. 59.

¹⁰¹ Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 65; Н. Š e w c. Stawizny hornjeje a delnjeje serbsčiny. «Serbsčina». Listowy studij za wučerjow. Wudawa serbske pedagogiski institut w Malym Wjelkowje (6/7), стр. 625.

¹⁰² Цифры в скобках обозначают страницу в кн.: А. S c h r o e d e r. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Tübingen, 1958.

Однако нельзя сказать, что результаты перехода $e > a$ совсем неизвестны слепянскому диалекту. В записях Шредера встречаем: *karle* (114), *laŭ* (117); в д. Милораз записана форма *šcagl*¹⁰³. Штибер приводит из слепянского диалекта примеры *klapač*, *lakužo*¹⁰⁴.

Кроме того, в словаре слепянского диалекта, составленном Хандриком¹⁰⁵, a из e разного происхождения фиксируется в случаях *kjandroz*, *kjarl* (94), *jaže* (93), *jazor* (93), *ptšasleñ* (44), *ščaǵel* (48), *zgrjaŭ* (57).

В словах *jačmeñ* (Sch. 113), *řap* (F. 99) гласный a является непосредственным продолжением $*\epsilon$, но в словах *škôčacy*, *sûinace*, *kuřaca* (F. 100) гласный a может быть результатом фонетического развития $*\epsilon > \check{e} > e > a$.

Случаи употребления a на месте e разного происхождения в слепянском диалекте можно толковать двояким образом. Во-первых, как заимствования из диалектов, находящихся в сфере перехода $e > a$. Во-вторых, как доказательство того, что тенденция перехода $e > a$ возникла в свое время и в слепянском диалекте, однако по каким-то причинам последовательного развития не получила. Это предположение не кажется таким уже невероятным: ведь сходная ситуация была характерна и для западного пограничного диалекта, где, по словам Муке и Штибера¹⁰⁶, a из e встречается в меньшем объеме, чем в других нижнелужицких диалектах.

IX.

Описание результатов изменения $e > a$ показывает, что это изменение в нижнелужицком диалектном языке так же, как и переход $e > o$, осуществлялось на уровне морфем и отчасти слов. Как и при изменении $e > o$, состав морфем, охваченных изменением $e > a$, не унифицирован в масштабах нижнелужицкого диалектного языка. Поэтому в нижнелужицком диалектном языке имеются диалектные различия в фонемном составе отдельных слов в зависимости от наличия или отсутствия результатов изменения $e > a$.

В то же время между переходом $e > o$ и переходом $e > a$ имеется существенное различие: изменение $e > a$ осуществляется гораздо более последовательно, чем $e > o$ (в данном случае слепянский диалект не имеем в виду).

Большая последовательность изменения $e > a$ проявляется в том, что это изменение в нижнелужицком диалектном языке фик-

¹⁰³ Немецкое название деревни Müblrose. Пример взят из Отв. на пр.

¹⁰⁴ Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 15.

¹⁰⁵ M. H a n d r i k - S l e p j a n s k i. Słownik Slepjanskeje narěče. Casopis Maćicy serbskeje, 1905, lětnik LVIII, zešiwk II; 1906, lětnik LIX, zešiwk I, Budyšin.

¹⁰⁶ K. E. M u c k e. HFL, стр. 59; Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 65.

сируется во всех корневых морфемах, содержащих *e* после мягких перед твердыми или отвердевшими согласными и оставшихся за пределами изменения $e > o$. Выше были перечислены корневые морфемы (всего 26), в которых гласный *e* несмотря на наличие необходимых позиционных условий в нижнелужицком диалектном языке никогда не заменяется гласным *o*. В применении же к переходу $e > a$ исключения такого рода мы не знаем. Почти не знает исключения изменение в *a* гласного *e* из **b*, а также *e* в составе $er < r$ после задненебных согласных.

Если в нижнелужицком диалектном языке та или иная морфема, несмотря на наличие необходимых позиционных условий, полностью находится за пределами перехода $e > a$, то это всегда может быть объяснено действием тех или иных факторов, препятствующих изменению $e > a$. Так, в современных нижнелужицких говорах есть корневые морфемы, содержащие *e* и никогда *a* после мягких согласных перед твердыми. Это связано с тем, что в период, когда изменение $e > a$ было актуально, за гласным *e* следовал мягкий согласный (например, *úrba*, *súrbiš*, *úrxa* и т. п.). В формальных морфемах осуществление перехода $e > a$ сдерживалось грамматическими нормами.

Изменение $e > a$, по-видимому, тормозилось и в тех случаях, когда могло повлечь за собою омонимию. Мы уже упоминали в этой связи об отсутствии перехода $e > a$ в конце слова. В качестве другого примера можно привести местоимение вин. ед. *jen* и числительное *jan*: отсутствие перехода $e > a$ в местоимении можно объяснить стремлением избежать омонимии с числительным, которое, отличаясь высокой частотой употребления, в н.-луж. говорах почти всегда находится в сфере $e > a$.

Более последовательное сравнительно с $e > o$ осуществление изменения $e > a$ проявляется в частотном соотношении форм *a* и «не *a*» на месте *e* в рамках диалектного различия в фонемном составе отдельных слов. Выше было показано, что в рамках диалектного различия в фонемном составе отдельных слов, связанного с наличием или отсутствием изменения $e > o$, нередко бывает так, что в масштабах диалектного языка частота компонента диалектного различия с «не *o*» значительно превышает частоту компонента *o*.

В составе диалектных различий в фонемном составе отдельных слов, связанных с изменением $e > a$, представлено совсем иное соотношение: частота компонента диалектного различия с «не *a*» в масштабах нижнелужицкого диалектного языка, как правило, несравненно ниже, чем частота компонента *a*.

Специфика осуществления нижнелужицкого изменения $e > a$ сравнительно с $e > o$ обусловлена двумя факторами. Первый — особенности функционирования нижнелужицкого диалектного языка. Переход $e > a$ так же, как $e > o$, протекал в условиях изолированного функционирования частных диалектных систем.

Следствием этого и явилась неунифицированность в масштабах диалектного языка состава морфем, охваченных переходом $e > a$. Второй фактор — структурная необходимость перехода $e > a$ как условия снижения частоты употребления фонемы [e]. Этим объясняется более последовательное, сравнительно с $e > o$, осуществление изменения $e > a$ (как было показано выше, переход $e > o$ не был структурно необходим).

Х.

В истории нижнелужицкого вокализма существует определенная взаимосвязь между 1) изменением $e > a$, 2) утратой или сохранением фонемы [ě], 3) утратой или сохранением фонемы [ô]. Сущность этой взаимосвязи состоит в том, что утрата фонемы [ě], как правило, бывает предварена изменением $e > a$ и утратой фонемы [ô]. Принципиально отличным в этом отношении от остальных нижнелужицких говоров является мужаковский диалект: в нем при отсутствии перехода $e > a$ и при сохранении фонемы [ô] утрачена фонема [ě].

В мужаковском диалекте гласный *ě*, локализованный на более высокой ступени подъема, чем *e*, ограничен в своем употреблении позицией в первом слоге слова после мягких согласных не перед мягкими согласными (т. е. перед твердыми согласными, а в односложных словах и на конце слова). Гласный *ě* выступает на месте **ě*, **e*, **ь*, а также в соответствии с *e* группы $er < *r$. В число твердых согласных, перед которыми выступает гласный *ě*, включены также отвердевшие сибиланты.

В записях из говора д. Яблоньц, сделанных сорабистом З. Михалком (Отв. на пр.), имеются следующие примеры употребления гласного *ě*:

düě, se dřě, džě (3 ед.), *ječ, lětać, slěpce, mětěl, pēs, běte, jědno, něśc, změtana, řezać, šmrěk, džěmej, jěpć, gřebać, směrc, pěrsćen, dřěmać, gřebšyc, němogu, lěžać, mēx, šučer, ŭćer, džěržać* и т. п.

Случаи отклонения от сформулированных выше правил позиционного распределения гласного *ě* очень немногочисленны. В тех же записях З. Михалка встречаем: *nedopyř, ŭdrocy, mēkse, klěšć, mlěć, b'ecać*; звуковые дублиеты — *na ležanje* и *lěžaš, gjęski* и *gjęska*.

Записи Щербы из д. Вускидь содержат большее количество примеров на *e* в позиции для *ě*¹⁰⁷. Однако при сравнении с современными записями из мужаковского диалекта оказывается, что часть примеров, в которых Щерба фиксирует *e* перед твердым согласным, в действительности содержат этот гласный перед мягкими согласными. Ср. *žensa* (Щ. 42), *ženska* (19), *nevem* (24) и *džeⁱnsa, žeńska, nejēt* (Ябл.).

¹⁰⁷ Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие. Приложение, стр. 7—21.

В мужаковском диалекте широко распространено позиционное чередование гласных *ě* и *e*, *ε*. Ср. в говоре д. Яблоньц:

lětač : *lećeć*; *řězać* : *yuřezać*; *měru* : *mėřić*; *lěto* : *leće*, *nałeto*; *uěść* : *duěść*; *uědro* : *neuědro*; *sedřēm* : *sedřėć*; *se dřě* (3 ед.) : *koře* (3 ед.) и т. д.

Гласные *ě*, *e*, *ε* находятся в отношении дополнительного распределения и реализуют фонему [e]; *ě* — в первом слоге слова после мягких согласных перед твердыми и в конце односложных слов; *e* — перед мягкими согласными независимо от качества предшествующего согласного и места слога в слове; *ε* — в первом слоге слова между твердыми согласными, в непоследнем слоге — перед твердыми согласными и на конце слова — независимо от качества предшествующего согласного.

Мужаковский диалект резко отличается от других нижнелужицких говоров, утративших фонему [ě], характером фонетической манифестации дефонологизации противопоставления *e* — *ě*. И в других нижнелужицких говорах утрата фонемы [ě] может находить фонетическое выражение в том, что гласный *ě* включается в состав звуков, реализующих фонему [e]. Однако при этом, как правило, изменению в *ě* подвергается более узкий из двух гласных, реализующих фонему [e], т. е. *e*, но не *ε*. Поэтому в говорах такого типа гласный *ě* в качестве реализатора фонемы [e] выступает в позиции между мягкими согласными¹⁰⁸.

В мужаковском же диалекте представлены результаты иного развития: гласный *ě* в качестве реализатора фонемы [e] заменил собою как раз широкий гласный *ε*. Именно на гласный *ε* в качестве предшественника гласного *ě* в начальном слоге слова (естественно, в тех случаях, когда *ě* не восходит к **ě*) указывает характер фонетической реализации фонемы [e] в нена начальном слоге слова: в позиции перед твердыми согласными и на конце слова эта фонема реализована гласным *ε*.

Щерба выдвигал предположение о том, что первоначальной заменой **ě* в мужаковском диалекте был гласный *a* перед твердыми зубными и *e* в других положениях. Позже *e* любого происхождения, в том числе и из **ě*, подвергся сужению в *ě*¹⁰⁹. Из этого утверждения Щербы следует, что в мужаковском диалекте вообще никогда не существовала фонемная оппозиция [e] — [ě]. С этим вряд ли можно согласиться, так как в подобном случае становится совсем необъяснимым то усложнение в фонетической реализации фонемы [e], которое вызвано изменением *e* > *ě*. Кроме того, различие в судьбе *e* в начальном и нена начальном слоге слова прямо указывает на то, что изменение *e* > *ě* происходило лишь там, где еще имелась оппозиция *e* — *ě*: в нена начальном слоге гласный *ě*

¹⁰⁸ Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 72—73

¹⁰⁹ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 159, 170.

в нижнелужицких говорах утратился значительно раньше, чем стала осуществляться дефонологизация оппозиции *e* — *ě* в начальном слоге слова.

В то же время нельзя не заметить, что в мужаковском диалекте повышение артикуляции претерпел не только гласный *e*, но и *ě*. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства. В мужаковском диалекте ко времени отвердения свистящих и шипящих спирантов и аффрикаты *s* гласный *ě* артикуляционно стоял ближе к *e*, чем к *i*. Ср. в говоре д. Яблоньц: *seła, šery, senz, seřďžačka, sekańe*. В современном же мужаковском диалекте гласный *ě* артикуляционно близок к *i*. Именно на это указывает определение гласного *ě*, данное Щербой¹¹⁰; ср. также замечание Мукe о том, что для мужаковского диалекта характерно сужение *ě* > *i*¹¹¹.

Нет сомнения, что мужаковское изменение *e* > *ě* перед твердыми согласными, а в односложных словах и на конце слова и изменение *ě* > *e* перед мягкими согласными, приведшее в конечном счете к утрате фонемы [*ě*], свидетельствует о том, что характерная для н.-луж. диалектного языка тенденция к упрощению вокализма не чужда и мужаковскому диалекту. Однако представляется неясным, почему эта тенденция в мужаковском диалекте реализовалась именно таким путем.

¹¹⁰ Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, стр. 12.

¹¹¹ К. Е. М у с к е. HFL, стр. 85.

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО В СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКАХ

(на материале памятников XVI—XVIII вв.)

М. И. Ермакова (Москва)

Задачей настоящего исследования является анализ морфологии категории двойственного числа и употребления форм двойственного числа в некоторых серболужицких памятниках письменности XVI—XVIII вв.

1. Если состояние категории двойственного числа в старославянском языке рассматривать как архаичную модель категории двойственного числа, то следует констатировать, что в серболужицких языках категория двойственного числа подверглась существенным грамматическим и семантическим преобразованиям. Эти изменения частично аналогичны тем, которые имели место в других славянских языках. Однако при общем сходстве конечных результатов сам процесс изменений отличает серболужицкие языки от других славянских языков. Отличия касаются не только хронологии отдельных изменений в категории двойственного числа, но и условий их осуществления.

В современных литературных серболужицких языках по модели двойственного числа изменяются имена существительные, прилагательные, местоимения и глаголы, т. е. все категории изменяемых слов.

Сравнительная схема окончаний форм двойственного числа существительных для современных серболужицких литературных языков приведена в табл. 1.

Как видно из приведенной схемы окончаний, парадигмы двойственного числа существительных мужского, женского и среднего родов различаются только в формах именительного и винительного падежей. Остальные формы двойственного числа для всех родов тождественны. Совпадение форм единственного и двойственного числа в нижнелужицкой парадигме, множественного и двойственного числа — в верхнелужицкой при отсутствии числительного *dwa* (в.-луж.), *dwaj* (в.-луж.), *dwě* в ряде случаев затрудняет оп-

Таблица 1

Падеж	Нижнелужицкий язык			Верхнелужицкий язык		
	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
Им.	-а	-е	-’е; -у’, -’і	-ај	-е	-’е
Вин.	-а -оѡи	-е	-е, -у, -і	-ај -оѡ	-е	-’е
Род.	-оѡи	-оѡи	-оѡи	-оѡи	-оѡи	-оѡи
Дат. Твор. Мест.	-ота	-ота	-ота	-отај	-отај	-отај

ределение значения формы существительного. Числительное *dwa* (н.-луж.), *dwaј* (в.-луж.) — для мужского рода, *dwě* — для среднего рода во всех падежах, кроме им. п., имеет одинаковые окончания для всех трех родов: род. п. дв. ч. (= вин. п.) *dweju*; дат.-твор.-мест. п. дв. ч. *dwěta* (н.-луж.); *dwětaj* (в.-луж.).

Прилагательные, включая также притяжательные и указательные местоимения, имеют единые формы двойственного числа для всех трех родов: им.-вин. п. *-ej*; род. (= вин. п.) *-eju*; дат.-твор.-мест. п. *-yта (-іта)*.

Личные местоимения в двойственном числе изменяются по следующей парадигме:

в верхнелужицком языке:

им. п. *tbј, wбј* ‘мы, вы оба’; *woneј, wonaј* (только для лиц мужского пола) ‘они оба’;

род.-вин. п. *пају, wају, jeју (njeју)* или *jeј (njeј)*

дат.-твор.-мест. п. *патај, wатај, jітај (nітај)*;

в нижнелужицком языке:

им. п. *теј, weј, woneј*; род.-вин. п. *пају, wају, jeју (neју)*;

дат.-твор.-мест. *пата, wата, jіта (nіта)*.

Глагольная парадигма двойственного числа образована следующими окончаниями:

Настоящее время

1 л. *-теј* (н.-л.); *-тој* (в.-л.)

2 л. *-теј* (н.-л.); *-тај* или *-теј* (в.-л.)

3 л. *-теј* (н.-л.); *-тај* или *-теј* (в.-л.)

Окончание *-тај* для м. р.; *-теј* — для ж. и ср. р. Те же окончания для двойственного числа имеют и формы повелительного наклонения.

В прошедшем времени, в формах аориста и имперфекта, употребляются одинаковые окончания:

1 л. *-chmej* (н.-л.); *-chmoj* (в. -л.)

2 л. *-štej* (-*stej*); *-štaj* (-*štej*)

3 л. *-štej* (-*štej*); *-štaj* (-*štej*)

Формы двойственного числа образуются как от существительных, обозначающих парные предметы (типа *ruka, noga*), так и от существительных в сочетаниях с числительным *dwa* (н.-луж.), *dwaj* (в. -луж.), *dwě*. Распространенным типом употребления двойственного числа является двойственное число в анафорическом положении.

Возможность употребления форм двойственного числа при отсутствии прямой связи с числительным *dwa/dwaj, dwě* свидетельствует как будто бы о том, что формы двойственного числа в современных литературных серболужицких языках имеют особое синтаксическое значение двойственности, а двойственное число является живой грамматической категорией.

2. Состояние категории двойственного числа в современных литературных серболужицких языках отлично от состояния этой категории в других славянских языках, сохраняющих лишь реликты форм двойственного числа.

Возможность употребления форм двойственного числа от всех категорий изменяемых слов в серболужицких литературных языках с точки зрения истории этих языков оценивается по-разному.

Согласно точке зрения, высказанной Мукой¹, категория двойственного числа в современных серболужицких языках отражает ту степень ее развития, которая уже была пройдена другими славянскими языками и, следовательно, является архаизмом. Специфика категории двойственного числа в серболужицких языках, по мнению Муки, сближает эти языки со старославянским².

Другая точка зрения была высказана Досталом и состоит в том, что категория двойственного числа в серболужицких языках по своим грамматическим и семантическим особенностям является специфической серболужицкой инновацией, не известной никаким другим славянским языкам, в том числе и старославянскому³. В старославянском языке, по мнению Достала, расцвет категории двойственного числа имел вторичный характер, был «результатом сознательной и интенсивной архаизации языка, т. е. сознательной ориентации на древнее состояние»⁴. Однако суждения о сходстве или различии судьбы двойственного числа в старославянском

¹ К. Е. М у с к е. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und der obersorbischen. Leipzig, 1891, стр. 330.

² Там же, стр. 330.

³ А. Д о с т а л. Vývoj duálu v slovanských jazycích zvl. v polštině. Praha, 1954, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 17.

и серболужицких языках требует доказательств. Этот вопрос конкретно, а не в общих чертах, может быть решен при изучении категории двойственного числа в серболужицких языках на материале памятников письменности и сопоставления данных серболужицких памятников с данными старославянских памятников. Обращение к старославянскому языку может быть полезным в выяснении синтаксических особенностей употребления форм двойственного числа в серболужицких языках там, где, казалось бы, сходство серболужицких языков и старославянского не вызывает сомнений (например, употребление форм двойственного числа существительных, означающих парные предметы).

Известно, что парадигма двойственного числа в серболужицких языках отлична от парадигмы двойственного числа в других славянских языках, в том числе и старославянского языка. Она состоит из форм им.-вин. п.; род. п.; дат.-твор.-мест. п. (ср. состав старославянской парадигмы: им.-вин. п.; род.-мест. п.; дат.-твор. п.). Если речь идет о сходстве старославянского и серболужицких языков в распределении форм двойственного числа внутри парадигмы, то это актуально, очевидно, только в применении к самому раннему периоду, т. е. к периоду до появления первых памятников серболужицкой письменности. В Вольфенбюттельской псалтыри есть еще примеры употребления старой формы мест. п. дв. ч. на *-и* наряду с новой формой на *-ота*, тождественной дат. и твор. п. дв. ч. Но уже в первых серболужицких памятниках намечались такие изменения в формах двойственного числа, которые привели к перестройке всей парадигмы двойственного числа.

В период XVI — XVII вв. в серболужицких языках формируется форма род.-вин. п. дв. ч., стимулированная, очевидно, необходимостью различения единственного и двойственного чисел⁵. К XVII в. относится появление специфически верхнелужицких форм с *-j* в им.-вин. п. дв. ч. (*-aj*) и дат.-твор.-мест. п. дв. ч. (*-otaj*).

Таким образом, еще в XVII в. в серболужицких языках наблюдается тенденция к смене норм в парадигме двойственного числа и формирование специфически серболужицкой парадигмы двойственного числа.

Чисто морфологические изменения в категории двойственного числа в серболужицких языках могли, очевидно, носить самостоятельный характер, но, частично, могли отражать изменения семантического порядка в этой категории.

В современных серболужицких литературных языках образуются особые формы для склоняемых и спрягаемых частей речи, когда речь идет о двух предметах, лицах или явлениях, что как будто дает возможность говорить о наличии живой грамматической категории двойственного числа. Так же обычно характеризуют

⁵ R. L ö t z s c h. Die Verbreitung des Gen.-Akk. Du in den sorbischen Dialekten und das Problem seiner Genese.— Zfsl., B. IX, N. 4, 1964, стр. 487.

состояние двойственного числа и в серболужицких памятниках XVI — XVIII вв. Однако материал серболужицких памятников показывает, что различные типы употребления двойственного числа (свободное двойственное число, связанное двойственное число и двойственное число в анафорическом положении ⁶) к моменту появления первых памятников серболужицкой письменности уже претерпели существенные изменения.

3. Различные этапы изменений в категории двойственного числа представлены в серболужицких говорах.

Современные серболужицкие говоры, как известно, не унифицированы в отношении категории двойственного числа. С одной стороны, имеются говоры, демонстрирующие то же состояние категории двойственного числа, что и серболужицкие литературные языки (нижнелужицкие говоры, северные верхнелужицкие говоры) ⁷. С другой — говоры, в которых категория двойственного числа полностью утрачена (южные верхнелужицкие говоры). Между этими крайними точками располагаются говоры с различной степенью утраты категории двойственного числа.

4. Данные серболужицких памятников письменности XVI — XVIII вв., созданных на основе различных диалектов, представляют особый интерес, так как дают возможность установить преемственную связь между состоянием категории двойственного числа периода, предшествующего появлению памятников, и современным состоянием этой категории в серболужицких литературных языках и говорах.

Материалом для исследования категории двойственного числа в серболужицких языках нам послужили некоторые памятники серболужицкой письменности XVI—XVIII вв.

Известно, что ранние серболужицкие памятники относятся к довольно позднему периоду (XVI в.) и представляют в основном перевод с немецкого языка церковных книг. Первые серболужицкие памятники являются оригиналами переводов, а не списками и поэтому непосредственно отражают язык лужичан того времени. Серболужицкая письменная традиция в период XVI — XVIII вв. только еще складывалась, поэтому степень адекватности языка древнелужицких памятников живому языку лужичан того времени достаточно велика.

Число древнейших верхнелужицких памятников письменности, которые могут быть использованы нами при исследовании дв.

⁶ Терминология А. Белича. См.: A. B e l i ě. О двојини у словенским језицима. Београд, 1932, стр. 3—12.

⁷ Об употреблении форм двойственного числа в конструкциях с числительным *dwaј, dvě* в некоторых верхнелужицких говорах см.: Н. Ј е н њ. К. někotrym prašenjam duala w Rozwodacach a w druhich hornjoserbskich narečach. — Studije k serbskej dialektologiji. Budyšin, 1963.

ч., невелико. Наиболее значительными из них по объему являются памятники, созданные на основе будышинского диалекта. Последний, как известно, лег в основу верхнелужицкого литературного языка. Эти памятники, отражая хронологически различные периоды, дают возможность наблюдать формы дв. ч. в верхнелужицком языке на разных этапах его развития.

Древнейшим из использованных нами верхнелужицких памятников является памятник конца XVI в. (1597), представляющий собой перевод с немецкого языка катехизиса М. Лютера. Перевод осуществлен Варихием, и в основу его положен ныне вымерший любийский говор верхнелужицкого языка⁸.

Древнейшим памятником⁹, созданным на основе будышинского диалекта верхнелужицкого языка, является памятник конца XVII в. — Агенда (1696). Верхнелужицкая Агенда 1696 г. является первым переводом на верхнелужицкий язык немецких литургических книг лютеранской церкви¹⁰.

В процессе перевода Агенды на верхнелужицкий язык переводчики сопоставляли немецкий текст Агенды с текстами Агенды, написанными на других славянских языках. Как отмечают в предисловии к переводу Агенды сами переводчики, они основывались на общеупотребительном верхнелужицком языке и избрали *Fundamental Dialectum*¹¹, т. е., очевидно, будышинский диалект. Авторы перевода были свободны от влияний существовавших и доступных им других славянских переводов Агенды и в большей степени опирались на лужицкую народную речь. Существенных морфологических различий между Агендой и верхнелужицким языком более позднего периода, как отмечают исследователи, не наблюдается.

Наиболее крупным из обследованных нами памятников верхнелужицкого языка является перевод Библии на верхнелужицкий язык, осуществленный в 1728 г. комиссией лужицких священников¹². Перевод 1728 г. сделан с третьего издания немецкого пере-

⁸ Der kleine Catechismus, Tauf- und Trau-Buchlein D. Martini Lutheri, wendisch und deutsch in Druck verfertigt durch Wenceslaum Warichium, Groedicensem Pfarren zu Gödau. — K. H. Meyer. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1597). — Slavische Forschungen von K. H. Meyer, Heft 1, Leipzig, 1923.

⁹ Более ранний памятник верхнелужицкой письменности — будышинская присяга начала XVI в. не дает нужного материала для наблюдений над формами дв. ч.

¹⁰ J. C. E. R i o t t e. Die obersorbische Agenda, von 1696. Text und Untersuchungen. Berlin, 1959; R. J e n č. Рец. на кн.: J. C. E. R i o t t e. Die obersorbische Agende..., Lětopis Instituta za serbski ludospyt, Rjad A, Č. 7, Budyšin, 1960.

¹¹ Там же, стр. 42*.

¹² Biblia, to je zylé Szwjate Pišmo Stareho a Noveho Zakona, predy do njemskeje, D. Martena Lutheru, njetko pak do horneje Lužiskeje Berskeje recze se wschitkej Bwjernoscze a prozu wo njekotarych Evangeliskich Prjedarjow pscheložena. Budeschin, 1728.

вода библии Лютера¹³. В процессе перевода авторы его прибегали к сравнению с уже имеющимися переводами Библии на чешский, словенский, польский языки¹⁴. Однако авторы перевода, хорошо владея верхнелужицким языком, стремились переводить, как они сами пишут, «Nach dem rechten Budisinischen Dialecto». Кроме названных выше памятников, мы использовали менее значительные памятники верхнелужицкого языка раннего периода, написанные на основе разных верхнелужицких диалектов: «Rokutne psalmy Martini» (1627) — любийский диалект, катехизис Берлинга (1693), перевод Евангелия от Матвея и Марка, осуществленный М. Френцелем (1670) — гебйргсдиалект; «Der Bautzener Bürgerreid aus dem XV Jahrh» (будышинский диалект).

Такова же в жанровом отношении и использованная нами нижнелужицкая литература раннего периода.

Мы располагали четырьмя нижнелужицкими текстами, относящимися к XVI в. От первой половины XVI в. нам известен лишь небольшой отрывок из перевода «Нового Завета» (часть 26 главы Евангелия от Матвея), вписанный в экземпляр первого издания «Нового Завета» Лютера¹⁵, и часть перевода «Нового Завета» Якубицы 1548 г.¹⁶ Большинство исследователей считает язык памятника нижнелужицким.

Для исследования был привлечен один из первых памятников серболужицкой письменности «Вольфенбюттельская псалтырь», который относится исследователями ко второй половине XVI в.¹⁷ Это перевод с немецкого текста Лютера. Диалектная основа памятника не вызывает разногласий у исследователей: перевод возник в юго-западной части нижнелужицкой языковой области. Основой языка перевода служил один из вымерших диалектов этой части Нижней Лужицы, относительно близкий, как отмечает Траутман, диалекту Котбуса¹⁸.

Нижнелужицким памятником второй половины XVI в. является сборник песнопений, молитв и катехизис Моллера (1573—1574)¹⁹. Его язык отражает особенности ныне вымершего нижнелужицкого диалекта.

Основными источниками для изучения категории двойственного числа в нижнелужицком литературном языке XVIII в. послужили переводы «Нового Завета» Г. Фабрициуса (1709) и «Вет-

¹³ Там же, стр. 6, 11.

¹⁴ Там же, стр. 11.

¹⁵ W. N e h r i n g. Ein alter Niedersorbische Text.— AfslPh, Bd. 4, H. 3, 1880.

¹⁶ A. L e s k i e n. Der sorbische Neue Testament von 1548.— AfslPh, Bd. I, H. 2, 1876; H. L o t z e. Der Brief des Jakobus. Leipzig, 1867, стр. 11.

¹⁷ Мы пользовались первым изданием этого памятника: R. T r a u t m a n n. Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter. Leipzig, 1928.

¹⁸ R. T r a u t m a n n. Указ. соч., стр. VII, IX.

¹⁹ A. M o l l e r. Niedersorbische Gesangbuch und Katechismus. Budissin, 1754, Berlin, 1959.

хого Завета» Фр. Фрица (1796)²⁰. Языковая основа этих памятников — коттбусский диалект. Оба перевода сделаны с немецкого перевода Библии Лютера. На коттбусском же диалекте написаны «Prjatkańske knigły» (1792) и «Prjatowafske knigły» (1797) Фр. Фрица.

Жанровое однообразие и малочисленность серболужицких памятников письменности XVI — XVIII вв. ограничивали для нас возможности изучения судьбы форм двойственного числа в серболужицких языках. Особенно недостаточен материал для изучения двойственного числа в XVII в.

В основу описания форм двойственного числа в серболужицких памятниках мы кладем рассмотрение их в отдельных частях речи.

*Состав форм двойственного числа
в серболужицких памятниках XVI—XVIII вв.*

1. Серболужицкие памятники XVI — XVIII вв. не дают возможности проследить во всех деталях, каким образом вырабатывались в категории двойственного числа специфические серболужицкие черты, в каких падежных категориях этот процесс начал осуществляться в первую очередь. Памятники XVI в. сохраняют лишь отдельные следы старого состояния в парадигме двойственного числа. Даже Вольфенбюттельская псалтырь, наиболее архаичный из всех серболужицких памятников, фиксирует уже совершенно новое, по сравнению с другими славянскими языками, распределение форм внутри парадигмы двойственного числа. Вероятное, предшествующее ему распределение им.-вин. п. дв. ч.; род.-мест. п. дв. ч.; дат.-твор. п. дв. ч., сменяется следующим: им.-вин. п. дв. ч., род. п. дв. ч., дат.-твор.-мест. п. дв. ч.

2. Формы двойственного числа существительных в серболужицких памятниках XVI — XVIII вв. зафиксированы в большинстве случаев у существительных, обозначающих парные предметы. Число слов, обозначающих парные предметы и засвидетельствованных в формах двойственного числа, в серболужицких памятниках очень невелико. Материал для реконструкции парадигм двойственного числа существительных в серболужицких памятниках XVI — XVIII вв. дают, в основном, существительные *woko*, *wucho*, *ruka*, *noga*.

Н.-луж. памятники XVI в.

Форма им. п. дв. ч. не засвидетельствована для слов *noga* и *wucho* (слово *wucho* вообще не употреблено в катехизисе и книге песнопений Моллера). Но форма вин. п. зафиксирована во всех

²⁰ Ten Nowi Testament naschogo' Kniesa a wumożnika Jesuša Kristuša do Berškeje Rezi pschestawony wot Gottelieb Fabriziuša nabogogo huschego Farara a Inspectara Sjoschobusu. Halu, 1868.

памятниках почти для всех существительных, обозначающих нар-
ные предметы (исключение слово *wucho*).

Ср. им. п. дв. ч. ... *swóje ruce górze zwignuś...* Mol. M. K. 5 r.,
22—24.

Род. п. дв. ч. имеет окончание — *owu*.

...ahsh ja twohich winihkow k schamloju twojeju *nogowu* podsta-
wüh. Wolf. ps. CX, 1; ... à twojeju *rukowu* potzinkih ja chwalüh.
Wolf. ps. XCII, 4; ... a to sswetlo mojeju *wotzowu* pshi mnöh nejo.
Wolf. ps. XXXVIII, 11; ... à moy kshick protek jogo *huschowuh*
pshisho. Wolf. ps. XVIII, 7; ... à sposy tim chlotkom twojeju
kshilowu chwalüja. Wolf. ps. LXIII, 8. Twojo sslowo jo mojeju *nogowu*
sswetzka. Wolf. ps. CXIX, 105; ... à te nehbah ssu twojeju *rukowu*
shelo. Wolf. ps. CII, 26; Te pozünkih jogo *rukowu* stey ta wehrnostz
a to pshawo. Wolf. ps. CXI, 7; Ty sse kublasch bushosch wot twojeju
rukowu shelah... Wolf. ps. CXXIIX, 2; ... to shelo twojeju *rukowu*
ty spuschtzisch nechal... Wolf. ps. CXXXIIX, 8; ... à pograhnn-
owam wot twojeju *rukowu* statkow. Wolf. ps. CXLIII, 5; Moja hut-
schoba tenbe proteku *wotzowu* kla-/sho twojo sslowo... Wolf. ps.
XXVII, 8; ... ja ssom wot twojeju *wotzowu* wotstarzonih ... Wolf.
ps. XXXI, 23; Tehn knehs hihch s *wotzowu* nihkula spuschtzisch neder-
by.... Wolf. ps. CIX, 15.... a poloschy iomu te palcze do *wuschowu*.
B. Jak. M., VII, 33.

В книге песнопений и катехизисе Моллера нет ни одной формы
род. п. дв. ч. на *-owu* (см. схему окончаний).

В старославянском языке в род. п. дв. ч. окончание *-owu* име-
ли лишь существительные с основой на **-u*, существительные дру-
гих основ образовали ту же форму с окончанием *-u*. Мука²¹ по-
лагает, что окончание *-owu* в род. п. дв. ч. в нижнелужицком язы-
ке и в пограничном диалекте в период до появления первых пись-
менных памятников было заимствовано из **-u* основ и вытеснило
первоначальное окончание **-o* основ *-u*, что, очевидно, было ре-
зультатом действия тенденции к более отчетливой формальной диф-
ференциации двойственного и единственного числа (род. п. ед. ч.
и дат. — мест. п. ед. ч., так же как и род. п. дв. ч., могли иметь
окончание *-u*; окончание *-u* в форме род. п. дв. ч. известно старо-
польскому и старочешскому языкам).

В старославянском языке форма род. п. дв. ч. тождественна
форме мест. п. дв. ч. и в основах на **-o*, **-jo*, **-a* имеет окончание *-u*.
Такое же положение сохраняется частично и в нижнелужицком
языке XVI в. Так, в Вольфенбюттельской псалтыри можно наблю-
дать старую форму мест. п. дв. ч. на *-owu*, тождественную форме
род. п. дв. ч.:

To stoy twojeju *rukowu* ... Wolf. ps. X, 14; Aleh tehn knehs toy
něwohstawjo we wonog *rukowu*... Wolf. ps. XXXVII, 3; ... to stoy
twojeju *rukowu*. Wolf. ps. XVII, 14; Ja nossu moju duschu... mojeju

²¹ К. Е. М и с к ъ е. Указ. соч., стр. 330.

rukowu. Wolf. ps. CXIX, 109; Kněžomaj Bog, som ja take scyniř a jo-li kšiwda mojeju *rukowu*.... Wolf. ps. VII, 4.

В остальных случаях мест. п. дв. ч. в Вольфенбюттельской псалтыри имеет форму на *-ома*, как и дат.-твор. п. дв. ч., например, *Moy zass stoy we twohima rukoma*... Wolf. ps. XXXI, 16. *Ahsh wonih tēhbo na rukoma nossisch derbeh*.... Wolf. ps. XCI, 13.

В опубликованной части перевода библии Якубицы²² не зафиксирована старая форма мест. п. дв. ч. (*A po dwema dnoma byly jastzy* ... В. Як. М., XIV, 1). Таким образом, наиболее архаичное, переходное состояние в употреблении формы мест. п. дв. ч. представлено в Вольфенбюттельской псалтыри, где обе формы мест. п. — старая, тождественная форме, род. п. дв. ч. на *-оми*, и новая, тождественная форме дат.-твор. п. на *-ома* — сосуществуют.

Форма дат. п. дв. ч. в нижнелужицких памятниках XVI в. образована с окончанием *-ома*. Исключение составляют существительные *wosu* и *wuschu*, имеющие окончание *-има*, *-ума*: дат. п. дв. ч. — *wozima* и *huschuma*. Существительное *ruka* зафиксировано в двух формах дат. п. дв. ч. — *rukoma* и *rutzima*. Wolf. ps.; *Šycko sy ty jogo nogoma podchyšil*. Wolf. ps. VIII, 7; ... *à naschima nogoma sse possunusch nēda*. Wolf. ps. LXVI, 9 — ... *à zu to tēhbē k wozima shersshasch*. Wolf. ps. L., 21; *day twohima huschima na tehn gloss mojeje skerskbū possluschasch*. Wolf. ps. CXXX, 2.

В книге песнопений и катехизисе Моллера форма дат. п. дв. ч. не зафиксирована.

В переводе библии Якубицы: ... *a hich pak bylo kedwema tusintoma*. В. Як. М., V, 13.

Форма твор. п. дв. ч. омонимична с формой дат. п. дв. ч. ... *s nogoma mnoh teptzo*. Wolf. ps., XLI, 10; *spohdy naschima nogoma*. Wolf. ps. XLVII, 4; *Ja pack bēch sse na malēh s mohima nogoma satokonihl*. Wolf. ps. LXXIII, 2; *Plotzy hich s nogoma*... Wolf. ps. LXXXIV, 3... *à buchu ponūshonēh spohsy tihch rukoma*. Wolf. ps. CVI, 42; ... *s tzlowetznihma rukoma pscheshelaneh*. Wolf. ps. CXV, 4; CXXXV, 15; *a nepodajohsch mnoh tima — rukoma tihch winihkow*.... Wolf. ps. XXXI, 9; ... *à swahsshnē norshonstwo s waschima rutzima naporaischo*. Wolf. ps. LIIX, 3; *psheto twoja dobrohsch jo prōtek mohima wohtzima*. Wolf. ps. XXV, 4... *ja zu tēhbōh s mohima wotzima psēwoshisch*. Wolf. ps. XXXII, 8; *stoh, s twohima wotzima ty twojo spodobanē wischesch bushosch* ... Wolf. ps. XCI, 9.

Wohnih possluschachu mnoh s possluschnima huschichma. Wolf. ps. XVIII, 45; ... *Boha, s naschima huschima ssmū my sslūschalih*... Wolf. ps. XLIV, 2; ... *à twoja nasheja busho būsč spohsy jogo kshiloma*. Wolf. ps. XCI, 5.

...*ia chczu ten tempel, kotory s rukoma wuczynōny ie* ... В. Як. М., XIV, 58.

²² Полный перевод библии Н. Якубицы опубликован.

Для вин. п. дв. ч. засвидетельствована форма, тождественная им. п. дв. ч.: Вольфенбюттельская псалтырь — *Woni maju rutzeh*, à *nësapshimuju...* Wolf. ps., CXIV, 7; *Ja hustrü mojej rutze k tëhbe...* Wolf. ps. CXLIII, 6; ... *ty mojej nose na schiroky ruhm sta-wahsch.* Wolf. ps. XXXI, 9; *Wohn hutzinihjo mojej nose ...* Wolf. ps. XVIII, 33 ... *husswetlih mojej wohtzih...* Wolf. ps. XIII, 4. ... *wotwory mneh mojej wotzy.* Wolf. ps. CXIX, 18. ... *gleday gohre*, à *pshichülh twojej huschy...* Wolf. ps. XLV, 11; ... *ako ta glucha smihja*, *kinhsh ßwojej huschih satika.* Wolf. ps. LIIIX, 5.

Ср. с формой им. п. дв. ч. :... à *hich rutzeh tihch gerntzow sbuschtey.* Wolf. ps. LXXXI, 7; *Mojej wohtzih glëdatey...* Wolf. ps. XXV, 15; *Glëday*, *kaghsh tey wotzy tihch sslushabnihkow na tey rutze ... gledatey.* Wolf. ps. CXXIII, 2.

Форма вин. п. дв. ч.—им. п. дв. ч. встречается и в других нижнелужицких памятниках XVI в.— у Моллера и Якубицы:

вин. п.: ... *a klassasso schwohe Ruße nahne ...* Mol. M. K. 11 г., 25; ... *schwohe Ruße gure schwijgnuss ...* Mol. K. 5 г., 23—25; ... *poloschy swojey rusze na jogo wooczy ...* B. Jak. M. VIII, 25; ... *neschluby dwe noose mel a bilby do tego pekla chyczony ...* B. Jak. M. IX, 45; [им. п.: ... *swóje ruce górje zwignuś ...* Mol. M. K. 5 г., 22—24].

Для одушевленных существительных в книге песнопений и катехизисе Моллера для вин. п. дв. ч. зафиксировано две формы: вин.-им. п. дв. ч. и вин.-род. п. дв. ч. Ср. вин. п. дв. ч. *Dwa Jenschela tam namakachu kenss the schenske trostowachu.* Mol. Gesang. 43 г., 17—18; *Ga tham Jogo ksijbowachu.* A *psijnom Grjnsnic-kou dweju ...* Mol. Gesang. 33 г., 15—18.

В переводе библии Якубицы вин. п. дв. ч. одушевленных существительных также тождествен или род. п. дв. ч., или им. п. ... *a possla Jesus swoieiu vczedlnikowu dweiu ...* B. Jak. M., XI, 1; Ср. ... *a poloschy dwa schkarda nuetz.* B. Jak. ... *a tey dwe riebe mesy hich schwiczkich rozely.* B. Jak. M. VI, 39. Ср. ... *krome wobute ze sakamy*, *a aby se newoblekly dwe sukne.* B. Jak. M., VI, 9. ... *ažby dali ... dweju mařaškowu*, *albo dweju gołub'aškowu.* B. Jak. Luk., II, 24.

Однообразие текстов псалтыри и катехизиса, неполнота перевода Якубицы мешают сделать более определенные выводы относительно связи категории дв. числа в нижнелужицких памятниках XVI в. с категориями одушевленности—неодушевленности и личности—неличности.

Как видно из приведенного материала, формы двойственного числа в нижнелужицких памятниках XVI в. засвидетельствованы в основном от существительных, обозначающих парные предметы. При этом ни для одного из них по доступным для обследования материалам нельзя восстановить полную парадигму. Для каждого из этих существительных эта парадигма по названным памятникам предстает в следующем виде (см. табл. 2).

	Noga			Ruka		
	W. Ps.	Kat. M.	B. Jak.	W. Ps.	Kat. M.	B. Jak.
Nom.	—	—	—	rutzeh	—	—
Akk.	nose, noseh, nohu [nogy] [nohgy]	[nogh, nohǰ nohgi, nogij, nohe]	[nogy]	rutze	ruce, ruße	ruße, rucze, ruecze
Gen.	nogowu	—	[noog, nög]	rukowu	rukow, ru- kou [ruk]	rukovu [ruk, rük]
Dat.	nogoma	[nhogam]	—	—	—	rukoma
Instr.	nogoma	—	—	rukoma, rutzima	—	rukoma [rukamy]
Lok.	—	[nogach]	—	rukoma	[rukach]	—
	Woko	—	—	—	Wucho	—
	W. Ps.	Kat. M.	B. Jak.	W. Ps.	Kat. M.	B. Jak.
Nom.	wohtzih	wócy	wooczy	huschih	—	wuschy
Acc.	wohtzih	wofi	wooczy	huschih huschy	—	wuschy
Gen.	wotzowu	—	woc zow	huschowu	—	wuschowu
Dat.	wozima	—	—	huschima	—	—
Instr.	wotzima	—	[wooc- zmy] vocima	huschi- hma	—	vušima [wuschmy]
Lok.	—	—	—	—	—	—

* В скобки заключены формы множественного числа данных слов.
Прочерк на всех схемах означает отсутствие формы в памятнике.

По нашим материалам наиболее полно представлены парадигмы существительных, обозначающих названные парные предметы, в Вольфенбюттельской псалтыри.

Если свести все зафиксированные формы в общую парадигму, то получится следующая картина, отражающая состояние форм двойственного числа по всем трем нижнелужицким переводам XVI в. (см. табл. 3).

Легко допустить, что отсутствие в этой схеме данных для некоторых падежей объясняется недостаточной полнотой материала, доступного для нашего обследования.

Таким образом, для существительных, обозначающих парные предметы, в нижнелужицких памятниках XVI в. нет ни одной строго выдержанной полной парадигмы двойственного числа. Для большинства падежей отмечено две параллельные формы — форма двойственного числа и форма множественного числа.

Т а б л и ц а 3

Падеж	noga	ruka	woko	wucho
Им.	—	rutze	wocy	wuschy
Вин.	nohse [nogy,] [nohe]	rutze	wocy	wuschy
Род.	nogowu [noog]	rukowu [rukow,] [ruk]	wotzowu [woczow]	wuschowu
Дат.	nogoma [nogam]	rukoma	wozima	huschima
Тв. (s)	nogoma	rutzima rukoma [rukamy]	wotzima [woocmy]	huschihma [wuschmy]
Мест.	[nogach]	[rukach] rukoma	—	—

В памятниках XVI в. формы двойственного числа наблюдаются и от некоторых других существительных, обозначающих парные предметы. Например, *koleno*: им. п. *Mojey kolenih stey ssebeey sprohtu dláh ... Wolf. ps. CIX, 24*; вместе с тем ср. форму вин. п. мн. ч. от этого же существительного *Sche tutzne na semy budu jêhstz à sse mod-lihsch*; *kolëna budu sse pshed nihm poklanahsch... Wolf. ps. XXII, 30*. В форме вин. п. мн. ч. это существительное зафиксировано и в переводе Якубицы: ... а *pluwachu na nõgo klykayuczy na kolena a klonily se iomu. B. Jak. Mark. XV, 18*.

Форма им. п. дв. ч. образована от существительного *shtzognih* 'бедро' в Вольфенбюттельской псалтыри: *Psheto mojej shtzognih schey husknótey, à nitzog stroweg na mojom sschiwoshë nejo. Wolf. ps. XXXVIII, 8*.

Форма им. п. дв. ч. от существительного *hobwotzy*: ... *jogo wot-zih gledatey pilnêh, jogo hobwotzy tihêh tzlowetzihêh Shischow sganowatey. Wolf. ps. XI, 5*.

Для существительного *kshilo* отмечены две формы двойственного числа: род. п.: *à sposy tim chlotkom twojeju kshilowu chwalüja. Wolf. ps. LXIII, 8* и дат.-твор.-мест. п. ... *sesswohim perohm wohn têhbo po kshisch bu — sho, à twoja nasheja busho büsch spohsy jogo kshiloma. Wolf. ps. XCI, 5*.

Форма *rohga* также, вероятно, является формой им.-вин. п. дв. ч.: ... *jaden wohl, kotary roh-/ga à nohgy mah ... Wolf. ps. LXIX, 32* (форма *nohgy* вин. п. мн. ч.).

Существительное *husta* зафиксировано только в формах множе-

ственного числа: им. п. *twoje husta* Wolf. ps. XXXIV, 13; род. п. *s tihch hustow*. Wolf. ps. VIII, 13; дат. п. *twohim hustam*. Wolf. ps. L., 19; твор. п. *s timy hustamih*. Wolf. ps. XLIX, 14; мест. п. *mohich hustach*. Wolf. ps. XVI, 4.

Существительное *rahme* засвидетельствовано также только в формах множественного числа: мест. п. *a hich ramënoh*. Wolf. ps. CVII, 29.

Формой им. п. мн. ч. является и *hoblitz* от существительного *hoblitzo*: ... *tagdlah ahsh hich hoblitz glëdaju na to* ... Wolf. ps. XI, 7.

В Вольфенбюттельской псалтыри употребление форм дв. ч. от существительных ограничивается лишь кругом существительных, обозначающих парные предметы.

В книге песнопений и катехизисе Моллера есть несколько случаев употребления существительных при числительном *dwa*. В двух случаях речь идет о форме вин. п. дв. ч. от существительного мужского рода. При этом одна форма вин. п. дв. ч. тождественна род. п. дв. ч., а другая — им. п. дв. ч. (см. примеры на стр. 55). В одном случае, где существительное употреблено при числительном *dwa*, вместо ожидаемой формы им. п. дв. ч. находим форму им. п. мн. ч. *Dwa Serapj blijska pssynom sto asteh* ... Mol. Gesang. 106 г., 10—19.

В переводе Якубицы форма вин. п. дв. ч. одушевленных существительных, употребляемых при числительном *dwa*, тождественна род. п. дв. ч. (примеры см. на стр. 55). Ср. форму вин. п. дв. ч. неодушевленных существительных, тождественную форме им. п. дв. ч. (примеры см. на стр. 55). В одном из примеров существительное *riebe* 'рыба', очевидно, осмыслено как неодушевленное: *a won wesmu te pietcz pokrut chleba a tey dve riebe.... a tey dve riebe mesy hich schiczkich rozely*. В. Jak. M., VI, 41. К сожалению, мы не располагаем другими примерами с одушевленными существительными женского рода. Отметим, что в переводе Н. Якубицы в одном случае вин. п. существительного при числительном *dwa* имеет форму не дв. ч., а мн. ч.: *a tey tu noczy, neschly ten kohott dwa rassy zazruwa* ... В. Jak. M., XVI, 30.

В некоторых случаях в двойственном числе у существительных мужского и женского рода в переводе Библии Якубицы сохраняется старое окончание род. п. дв. ч. *-u*: *z vobu stronu vostry u z vobu stronowu*. В. Jak. Apostolgesch. XXVIII, 11; *gëzdu dwu*; *bratru* В. Jak., M., V, 37.

В одном случае вместо формы род. п. дв. ч. *-ovi* зафиксирована форма на *-ov*:

... *a podawowal sem ia hich do yutcatwa, wobohich muschou a schenskich* ... В. Jak. Apostelgesch. XXII.

В этом же переводе в дат. п. дв. ч. существительное м. и ж. р. при числительном *dwa* имеет окончание *-oma*: (см. пример на стр. 54).

Таким образом, если попытаться получить схему окончаний в формах двойственного числа существительных всех родов, используя материал нижнелужицких памятников XVI в., то получится следующая картина:

Таблица 4

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Им.	-а, у	-i, -у	-е
Вин.	=-им. или род.п.: -а -owu, -и, -ow	=им. п.	-е, -у
Род.	-и, -owu, -ow	-owu, -ow	-owu;
Дат.	-ота	-има	-ота, [-om]
Твор.	-ота	-има, -та	-има, -ота [-amy]
Мест.	—	—	-ота, [-ach]

В.-луж. памятники XVI — XVII вв.

Единственный верхнелужицкий памятник XVI в. — Катехизис Варихия — небольшой по объему и содержит очень мало сведений о формах двойственного числа. В нем отражены две формы двойственного числа — обе от существительного *ruka*: им. п. дв. ч. *ruce* и род. п. дв. ч. (*do*) *rukowu*.

Более обширные сведения о формах двойственного числа можно почерпнуть из памятника верхнелужицкого языка XVII в. Агенды 1696 г. В нем встречаются существительные, обозначающие парные предметы: *ruka*, *noha*, *woko*, *koleno*, *huba*. Однако парадигма двойственного числа для этих существительных предстает еще менее полно, чем в нижнелужицких памятниках XVI в.

Форма им. п. дв. ч. зафиксирована лишь для существительного *woko*: *Wschitkich woczy czakaju na — tebe knjeze ... A. 121 с.*²³, 17.

Форма род. п. дв. ч. — для существительного *ruka* (ср. *rukowu* из Катехизиса Варихия): *Ty budžesch Ɔo žiwic Ɔwojch rukow dźjela... A. 45с, 4—5.*

Форма дат. п. дв. ч. зафиксирована для существительных *noha*, *ruka*, *koleno*: ... *daj Ɔo jich rukomaj wustać ... A. 23 с. 9—11; Won nebudže twojima nohomata Ɔo dać poƆunuć. A. 57 с., 18 (Tebe pak a twoje Ɔwjate Ɔlowo taini psched — woczomaj mjeli. A. 25 с., 8—9).*

²³ В примерах дано указание на нумерацию страниц в оригинале.

Форма твор. п. дв. ч. отмечена для существительных *woko* и *huba*: Tebe rak a twoje βwjate βlowo staine psched *wocʒomaј* mjeli. A. 25 с., 8—9.

Наконец, форма мест. п. дв. ч. отмечена лишь для существительного *woko*: *wocʒomaј*. A. 43*.

В вин. п. дв. ч. для существительного *noha* зафиксирована лишь форма мн. ч. *nohi*, а для существительного *ruka* — параллельное употребление формы *ruce/rucu* (дв. ч.) и формы мн. ч. *rukj*:... рюβету теho Satana pod nasche *nohi* (мн. ч.) teptač A. 17 с., 1, 10; A won wokoschowasche je kladžesche *ruce* na ne A. 35 с., 10—11; Simeon ho ... na *rucy* wsal ... A, 93, 2—4; A poloschj tha *Rukj* paneh ... A. 47 с.

Для существительного *woko* — форма вин. п. дв. ч. *wocʒi*: A posbjeham βwojej *wocʒi* ... A. 57 с., 12—13.

Таблица 5

Падеж	<i>noga</i>		<i>ruka</i>		<i>woko</i>		<i>koleto</i>		<i>huba</i>	
	Кат. Вари-хия	Аген-да	Кат. Вари-хия	Аген-да	Кат. Вари-хия	Аген-да	Кат. Вари-хия	Аген-да	Кат. Вари-хия	Аген-да
Им.	—	—	<i>ruce</i>	—	—	<i>wocʒi</i>	—	—	—	—
Вин.	—	[<i>nohi</i>]	—	<i>ruže</i> <i>ružu</i> , [<i>rukj</i>]	—	<i>wocʒi</i>	—	[<i>kole- na</i>]	—	—
Род.	—	—	<i>ruko- wu</i>	<i>rukow</i>	—	—	—	—	—	—
Дат.	—	<i>noho- ma</i>	—	<i>ruko- ma</i> <i>rukomaј</i>	—	—	—	<i>k kole- nomaј</i>	—	—
Твор.	—	—	—	—	—	<i>wocʒ- omaј</i>	—	—	—	(se)hu- bomaј
Мест.	—	—	—	—	—	<i>woc- ʒomaј</i>	—	—	—	—

Для верхнелужицкого языка XVI — XVII вв. можно восстановить парадигму двойственного числа существительных, обозначающих парные предметы (см. табл. 5).

По мнению Муки²⁴, окончание *-owi* в род. п. дв. ч. в верхнелужицком языке господствовало еще и в XVIII в. (по крайней мере в восточных диалектах ср., например, грамматику Маттея 1721). Время утраты *-и* в окончании род. п. дв. ч. *-owi* для нижнелужицкого языка Мука определяет XVIII в. (ср. у Стемпеля — *dweju wójaków žednej młóżeńcow, swóju rogow*; у Косыка: *wót dweju bokow*, ср. также в тексте народной песни из окрестностей Мужакова и Зенфтенберга: *gólsuk swójeju kónjow pasešo*. У Гауптмана, учитывающего перевод Библии Фабрициуса: *do mójjeju husow* Luk. 1,44. В верхнелужицком же языке утрата конечного *-и* произошла, по-видимому, раньше. Во всяком случае, утрата *-и* в окончании род. п. дв. ч. наблюдается уже в XVII в.

В дат. п. дв. ч., как отмечает Мука, в верхнелужицких печатных изданиях и рукописях XVII в. (Мартини, 1627; Михаил и Абрагам Френцель, 1670, Леманн, 1700) преобладает все же старое окончание *-ота*; новое *-отaj* — встречается еще редко. Напротив, в им. п. дв. ч. постоянно употребляется окончание *-aj*. Отметим, что в грамматиках Тицина (1673), Коклю (1741) и Маттея (1721) в качестве нормы для им.-вин. п. дв. ч. предлагается только окончание *-aj*, а в дат.-твор.-мест. п. дв. ч. — только окончание *-ота*.

То же соотношение в употреблении старых и новых окончаний в им.-вин. п. дв. ч. и дат.-твор.-мест. п. дв. ч. наблюдается и в переходных, пограничных диалектах Мужакова до Зенфтенберга и в примыкающих верхнелужицких диалектах, т. е. *-aj* употребляется чаще, чем *-а*, и *-ота* чаще, чем *-отaj*.

Как следует из Блунской книги песнопений 1675 г., окончание *-aj* в западном пограничном диалекте было известно уже в XVII в. (*'jańdželaj'*)²⁵.

Таким образом, в верхнелужицкой парадигме двойственного числа уже в XVI — XVII вв. произошли такие изменения, которые сделали ее отличной от парадигмы двойственного числа в нижнелужицком языке. Нижнелужицкая парадигма двойственного числа по сравнению с верхнелужицкой является более архаичной.

К XVIII в. в парадигме двойственного числа существительных в верхнелужицком языке закрепляются те особенности, которые отличают ее от нижнелужицкой парадигмы двойственного числа существительных: отсутствие *-и* в окончании род. п. дв. ч. и наличие *-j* в окончании дат.-твор.-мест. п. дв. ч.

Материал серболужицких памятников до XVIII в. не дает возможности наблюдать закономерность в употреблении род.-вин.

²⁴ К. Е. М у с к е. Указ соч., стр. 332.

²⁵ Там же стр. 331—332.

п. дв. ч. На материале памятников XVIII в. эта закономерность прослеживается яснее.

Сравнительная парадигма двойственного числа существительных, обозначающих парные предметы, в обоих серболужицких языках в XVIII в. выглядит следующим образом:

Таблица 6

Падеж	<i>noga</i>		<i>ruka</i>	
	В.-луж.	Н.-луж.	В.-луж.	Н.-луж.
Им.	—	—	ruzy	—
Вин.	nozu, [nohi]	[nogi], noze	ruzy	ruze, [ruki]
Род.	nohow,	[nogow]	rukow	rukowu, [rukow]
Дат.	nohomaj	nogoma	—	rukoma
Твор.	(s)nohomaj,	nogoma	rukomaj	rukoma
Мест.	(na)nohomaj	nogoma	rukomaj	(na)rukoma

Таблица 7

Падеж	<i>woczu</i>		<i>wuschy</i>	
	В.-луж.	Н.-луж.	В.-луж.	Н.-луж.
Им.	woczi	wozi	wuschi	wuŝy
Вин.	(bes)woczi	wocy	wuschi	wuŝy
Род.	(do)woczow	wocowu	(do)wuschow	wuŝowu
Дат.	—	—	(k)wuschomaj	wuŝy ^h ma
Твор.	(s, psched)woczomaj	—	(s)wuschomaj	(z)wuŝy ^h ma
Мест.	woczomaj	wocy ^h ma	—	—
Твор.	<i>huba</i> (s)hubomaj	—	<i>koleno</i> Вин. [kolena] Дат. kolenomaj	—

Другие формы не зафиксированы.

Анализ употребляемых в серболужицких памятниках XVI — XVIII вв. форм двойственного числа существительных, обозначающих парные предметы, указывает на то, что в серболужицких памятниках различных периодов тенденция к замене форм двойственного числа формами множественного числа проявилась неодинаково.

Язык обследованных памятников имеет разные диалектные основы. Но и памятники одного времени, тождественные по диалектной основе, дают несколько отличную картину образования отдельных форм двойственного числа от названий парных предметов и замены их формами множественного числа.

Верхнелужицкие памятники XVI — XVII вв. дают сравнительно небольшой материал по формам двойственного числа от названий парных предметов. Но и этот материал свидетельствует о возможности параллельного употребления форм двойственного и множественного числа от названий парных предметов в некоторых падежах.

В обследованных серболужицких памятниках XVIII в. отражены тенденции к нормализации языков, развившихся впоследствии в верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные языки. Поэтому они дают иную картину морфологии двойственного числа, чем памятники предшествующего периода. Для них характерна сознательная архаизация некоторых явлений, в том числе и в категории двойственного числа. Так, в верхнелужицких памятниках XVIII в. закрепляются специфические формы двойственного числа (например, дат.- твор. -мест. п. дв. ч. с *-j*, *-otaj*). В памятниках XVIII в. обоих серболужицких языков последовательно употребляются формы двойственного числа для слов *woczy*, *wuszy*.

Однако и в этих памятниках в отдельных падежах некоторых названий парных предметов можно наблюдать параллельное употребление форм двойственного и множественного числа (например, в.-луж. и н.-луж. вин. п. дв. ч. слов *ruka*, *noha/noga*; н.-луж. род. п. дв. ч. слова *ruka*), вытеснение формы двойственного числа формой множественного числа (например, в.-луж. род. п. дв. ч.).

3. Серболужицкие памятники письменности дают возможность восстановить парадигму двойственного числа личных местоимений.

1-е лицо. В нижнелужицких памятниках местоимение 1-го лица в им.-вин. п. дв. ч. имеет форму *mej* 'мы оба'. Эта форма засвидетельствована в переводе Библии Якубицы: *Wonej vzaschthey: ia mey dobre moschemey*. В. Jak. М., X, 36: ... *asch mey sednemej ieden k twoiey prawiczy*. В. Jak. М., X, 37: ... *mey tebe prossitz buczemej*. В. Jak. М., X, 36.

Та же форма представлена в нижнелужицком языке XVIII в.: *Kak won pak něto wiži, mej něwěmej*. В. Fab. J., 2; ... *mej wěmej, až ten naju Byn jo*. В. Fab. J., 20: *Mej comej hyś tam na jermank*. Chr., I, 72.

В верхнелужицком языке раннего периода нет соответствующей формы им.-вин. п. дв. ч. местоимения 1-го лица. В Библии 1728 г. выступает форма *toj*: *Kak won pak njetk widži, newjemoj toj*. В. 1728 J. IX, 21; ... *da chzemoj toj reknucž*. В., 1728, L.,

IX, 54. Форма род.-вин. п. дв. ч. местоимения 1-го лица в известных нам памятниках XVI — XVII вв. не зафиксирована. Контексты, в которых эта форма могла бы быть употреблена, встречаются очень редко. В произведениях XVIII в. в этих случаях употребляется форма *naju*. Например: ... *Pop naju mězgu měšaju...* Chr. I, 50; ... *te budu naju pšeražiš we naju noweј komorje.* Chr. I, 72.

Дат.-тв.-мест. п. дв. ч. выступают в форме *nama* (н.-луж.), *namaj* (в.-луж.). Например: *Woneј reknuley knomu; day nama, asch mey sednemeу.* В. Jak. M., X, 36—37. (Ср. дат. п. мн. ч. ... *...progokuу nam.* В. Jak. M., XV, 65; ... *a ie nam ... schywno.* В. Jak. M. XII, 11.) В верхнелужицком языке форма *namaj* наблюдается в переводе Библии 1728; ... *ty by namaj sžiniš.* М., X, 35; *Kneže, ty byno Davitowу, wmil wo nad namaj.* Mat., XX, 30.

2-е лицо. В переводе Библии Якубицы для местоимения 2-го лица дв. ч. употребляется форма *weј* 'вы оба'. А *nekotory zcosch ty stojaly, prawyly knyma: czo to czinitey, asch wey to schgrebe wotwüsuyeteу? Woneу rekly knym tak, iak chim Jesys bul pcykasal; a wony to dopuschczili.* В. Jak. M., XI, 5... *a stumkaly gdisch wey nuetč pczyscheteу, da wey buscheteу namakatz iedno schgrebe ...* В. Jak. M., XI, 2; *Jesus knyma rekl; wey neweteу, saatcz wey prossiteу. Moscheteу wey ten kelich pytz.* В. Jak. M., X, 38.

Эта же форма им. п. дв. ч. засвидетельствована в книге песнопений и катехизисе Моллера: ... *weј wijsteј a wijrzyteј.* Mol. Gesang. 15 r., 8—10; (Ср. им. п. мн. ч.; *Wij sej buischo abij sgubili scho ...* Mol. Gesang., 27 r., 12—13; ... *kotory wy szce chim zadrzaly wola ...* List. Jak. 4.)

Форма *weј* представлена и в нижнелужицком языке XVIII в. Например: ... *Wot kotaregož weј groniteј.* В. Fab. J., 19; ... *aby weј žłówekow rybaka hordowaleј.* В. Fab. M., I, 17; ... *zo weј pytateј? В. Fab. J., 38; Gaž weј tym Hebreiskim žeńskim pomogateј...* В. Fr. 16; ... *psczez ga weј to zyniteј, až weј ... wostawiteј? В. Fr. 18.*

В верхнелужицкой Агенде 1696 г. зафиксирована форма *woј*. Например: *K schwortemu de je to waju troscht/ woј wjestaj a wjeritaj ...* A. 69 c., 19—21; *K — drujemu poBluchataј na Bozu pschikasn / kak wo woј wetajkim žtandži ... mataј.* A. 67 c., 1—3; *Dokelž woј do — wjateho mandželskeho žtanda w — wožem mjeni wo podalaj ...* A. 65 c., 1—4; ... *da derbitaj woј najprotže s — wožeho piwma srosemić ...* A. 65 c., 3—4. Эта же форма употребляется в Библии 1728 г.: *Njewjestaj woј so ja bycz mam ...* L., II, 49; ... *a nудым dyž woј nuž pschindžetaј, budžetaј woј woBlatko ...* nama-kacž. L., XI, 2.

Род.-вин. п. дв. ч. имеет форму *waju*: *Dsessen ga tho ho wahu trost ass weј wijsteј a wijrzyteј kack wahu stand psed Bogom spodobanny.* Mol. Gesang. 15 r., 8—10; ... *ia chezu wayu k złoweczkm*

rybakom wuczinitcz. В. Jak. М., I, 17. (ср. род. п. — вин. п. мн. ч.:
A kotory was nєpczymu дану was posluchowacz. В. Jak. М., VI, 11).

Форма *waju* представлена и в нижнелужицком переводе Библии XVIII в. Например; *hopokažtej waju žiwu*. В. Fr. 9; ... *tan Knes gledaj na waju*. В. Fr. 21; ... *ia chczu waju k zloweczkym rybakom wuczinitcz*. В. Fab. М., I, 17.

В верхнелужицком языке XVII в. также употребляется форма *waju*: *Ton Knes rožonui waju a swarnuj waju*. А. 73 с., 17—20; *Ton Knes posbjen swoje wobljєczo na — waju ...* А. 73 с., 21 ... *schtož Boh Werschni (pošwojej wohli) a k — waju sbožnosći wama porschecž/aby nawaju dopuschćicž budže ...* А. 63 с., 5—8; 61 с., 1—17; ... *a bo tejsch wot-neho rosno nedželicž /nacž waju Boh pschєs-tu cžabnu wmcrcž rosno džjeli*. А. 63 с., 8—10; *Kak waju bo Bohu lubi a rožonowany je*. А. 69 с., 19—21. См. также Библию 1728 г.... *a cžłowek budže waju setkacž ...* М. XIV, 13—14; *Džitaj do teho mjєstka, kotrež predy waju leži*. L. XI, 2.

В дат.-твор.-мест. п. дв. ч. представлена форма *wama*:... *vschytєy do tego mesta, a wama bucze ieden zloweg potkacz...* В. Jak. М., XIV, 13; ... *aschbich ia wama schzynitz derěl?* В. Jak. М., X., 36—37; ... *a gsesch wama nechto neczo bucze prawitz*. В. Jak. М. XI, 3; *Da won wama bucze pokazatz wiliku schurlu ...* В. Jak. М., XIV, 15.

Форма *wama* употребляется и в нижнелужицком переводе Библии Фрица. Например: *Gaž Faraon k'wama bužo raz*. В. Fr. 9; *A Faraon nєbužo sa wama wlyschasch*. В. Fr., 7, 4. Та же форма представлена и в верхнелужицкой Агенде 1696 г. Один раз встречается форма с конечным *-j*, характерная для более поздних верхнелужицких произведений. Например: *Ton Knes robwjєc swoje wobljєcžo nad wamaj a bycž wama nadny*. А. 73 с., 17—20; ... *a daj wama ton mjer*. А. 73 с., 21; ... *a k — waju sbožnosći wama porschecž*. А. 63 с., 5—8; см. также 61 с., 17.

В верхнелужицком языке XVIII в. употребляется исключительно форма *wamaj*. Например: *Po waju wjeri bo wamaj stan*. В. 1728. Mat., IX, 29.

3-е лицо. В Вольфенбюттельской псалтыри представлена лишь форма им. п. дв. ч. местоимения 3-го лица *woney*: Wolf. ps. LXXVII, 5; LXXXIIX, 17—18; LXXXIV, 4; LXXXVII, 4; CXIX, 37. Эта форма четко противопоставлена форме им. п. мн. ч. местоимения 3-го лица *wohnih*. Например: *Tu mojej wohtzy shersshisch, ahsh woney sse nєshamrotey*, Wolf. ps. LXXVII, 5; *Shohsh kulih my choishimih, ga wohnih* (мн. ч.) *nass habdaju; hihch wohtzy wohnih* (мн. ч.) *k tomu hobraschüju ...* Wolf. ps. XVII, 11.

Им. п. дв. ч. этого же местоимения находим и в книге песнопений и катехизисе Моллера: *Dwa Seraph blijssko pssynom stohasteh, seeß ksshdlou wohneh kusdy mehasteh* Mol. Gesang. 106 г.

10—19. См. также Mol. M. K., 12 v., 5—11; Ср. им. п. мн. ч. *Wij seh buischo abij sɡubili scho*. Mol. Gesang. 27 r., 12—13.

В переводе библии Якубицы: *A woney stumkaly wopusciszchthey ieiū seczy*. В. Jak. M. I, 18; ... *woney biley ribaka*. В. Jak. M., I, 16. См. также M., XI, 7. Ср. им. п. мн. ч. ... на тич chorich *wony budu te rusze klascz*. В. Jak. M., XVI, 18; *Wony pak hich rusze panogo poloschyly*. В. Jak. M. XIV, 46; См. также XIV, 2; XI, 6—7, XI, 4; X, 39; X, 8.

Эта же форма представлена и в нижнелужицком языке XVIII в. Например: ... *ɡaž wonej s'Faraonom gronaschthey*. В. Fr., 7; *A woney stumkaly wopusciszchthey ...* В. Fab. M., I, 18; *Wonej pak žaschthey*. В. Fab. 38, см. также M. I, 16; M., I, 18, 20; J., IV, 39; В. Fr. II kn. Mojs., IV, 29.

В верхнелужицкой Агенде 1696 г. местоимение 3-го лица двойственного числа имеет форму — *wonaj*. Например: ... а *wonaj budžetaj jene sčjelo*. А. 65 с., 18—20; ... *so by wonaj tajke ѳwoje mandželswo s — Wožej nadu dere sarosžalaј*. А. 60—61 с., 17—21.

Форма *wonaj* употребляется и в верхнелужицкой библии 1728 г.: *Duž wsaschtaj wonaj to sčjelo*. В. 1728. J., XIX, 40; ... а *wonaj džjeschtaj sanim*. Mat. XX, 34. См. также J., XIX, 42; Mat., XX, 33, VIII, 28; M., XVI, 12.

В род. вин. п. дв. ч. для местоимения 3-го лица зафиксирована форма *jeju*. Она встречается впервые в Катехизисе и книге песнопений Моллера: *Wohn stwory iehu hadnu Musszijnu a hadnu Szenszijnu a Bog schognowasso iehu ...* Mol. Gesang. 15 r., 14—20. *A hned rowola ieyu*. В. Jak. M. I, 20. (Ср. род.-вин. п. мн. ч.:... *pczyztroysche sa nas*. В. Jak. M., XIV, 15.)

Форма *jeju* или *njeju* представлена и в нижнелужицких произведениях XVIII в. Например: *Weze dweju wolowu a zruha jeju na kusy*. В. Fr., 1 ... *dachu ѳe na njeju*. В. Fr., 20; *A ako woni jeju pschoѳachu ...* В. Fr. Tob., VII, 9; ... а *ned wołascho won jeju*. В. Fab. M., I, 19; *Jesus pak ѳe hobroschi, a wižescho jeju ...* В. Fab., J., 38.

Форма *jeju* зафиксирована и в верхнелужицком языке: ... *da chseŋu jeju w Wožem mjeni/ro jeju ... žadanju romađu wjerowacž*. А. 60—61 с., 17—21; А. *Boh posonowasche jeju*. А. 71 с., 2—7. Та же форма употребляется в библии 1728 г.: *A Jesuѳy bjesche jeju žel*. Mat., XX, 34. *Rowla jeju k Jesuѳej*. L. VII, 19.

Дат.-твор.-мест. п. дв. ч. имеет форму *jima* или *nima*: *A tey vczedlnyka vschley stey a pcyžsschley do mesta a namakalej tak, yakosch won chyma prawyl byl*. В. Jak. M., XIV, 16; *A nekotory zcosch tu stojaly, prawyly knyma*. В. Jak. M., XI, 5; ... *posla Jesus swoieiu vczedlnikowu dweiu a rekl knyma ...* В. Jak. M., XI, 1—2; см. также — M., X., 39; X, 36—38; *A won posla swoieiu vczedlnikowu dweiu a vzasche knyma ...* В. Jak. XIV, 13; *A Jesus rekl knyma*. В. Jak. M., I, 17. (Ср. твор. п. мн. ч.: ... а *wot cziszcze ten proch wot waschich nög k iednemu poznankowu nad nymu*. В. Jak.

М., VI, 11; дат. п. мн. ч.: A won reknu *knym* ... В. Як. М., IV, 11).

Форма *jima* или *nima* употребляется и в нижнелужицком языке XVIII в. Например: A Jesus rekl *knyma*. В. Fab. М., I, 17; ... a *žascho k'nima*. В. Fr. 18; ... ten Hегуptojski kral *jima* bėscho pschikasał. В. Fr., 17; A won groñascho ... *knima*. В. Fr. Tob., XII, 6; ... twaršascho won *jima* wjaže. В. Fr. 21; ... kaž *jima* ten knės bescho pschikasał. В. Fr. 6.

Та же форма представлена и в верхнелужицком языке XVII — XVIII вв. Например: ... njekajke sadžiwanj bės *nimaj* wedžił. А. 59 с., 9—13; ... a džasche *k — nimaj* ... А. 71 с., 2—7. См. также перевод библии 1728 г.: A Jesus *jimaj* porosy. Mat. IX, 29; см. также J., XII, 23; Mat., XXI, 6—7, A džesche *k'nimaj*. М., XI, 2, см. также: М. XIV, 13—14; Mat., XXV, 22; L. II, 49, 50—51, VII, 22.

Таким образом, парадигма двойственного числа личных местоимений в серболужицких языках по памятникам письменности выглядит следующим образом:

Таблица 8

	Нижнелужицкий			Верхнелужицкий		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.-вин. дв. ч.	mej	wej	wonej	moj	woj	wonaj
Род. -вин. дв. ч.	paju	waju	jeju	paju	waju	jeju
Дат.-твор. -мест. дв. ч.	pama	wama	jima nima	pamej	wamej wamaj	jimaj nimaj

4. В памятниках серболужицкой письменности наблюдаются и формы двойственного числа прилагательных (включая относительные, притяжательные и указательные местоимения, причастия).

Н.-луж. памятники.

Форма им.-вин. п. дв. ч. имеет окончание *-ej*:

Bužitaj *plodneje*. Mol. K. 15 г., 14—20; Shehn à nohtz stej *twojěy*. Wolf. ps. LXXIV, 16; ... ta semáh à tehn sswěht *stworohney* buhschtey. Wolf. ps. XC, 3; ... psichülaischo *waschey* huschy ... Wolf. ps. LXXIIX, 1; *Mojej* wotzy ... Wolf. ps. CXXXV, 4; Tshuchlostz à nusa stej na mnóh *spahdnuley*. Wolf. ps. XIIIX, 143; *Mojej* kolenih stej *sslabej* ... Wolf. ps. CIX, 24; ... ahsh mnóh *tej* pschewoshütej. Wolf. ps. XLIII, 3; dobrohsch à wěhrnostz, *kotarej* jogo swarnujo-tey. Wolf. ps. LXI, 8; *Tey ssamej* hopokaso waschthey ... Wolf. ps. CV, 26; ... nachülay *twoiey* huschih. Wolf. ps. XVII, 6; à husswet-lüju *tey* wohtzih. Wolf. ps. XIX, 10; Kotarihsh *něwinowatey* rutze

ma ... Wolf. ps. XXIV, 4. *Tey* wohtzih tego kněhsa ... Wolf. ps. XXXIV, 15; à *naschey* rutne gohrě swihgnuli. Wolf. ps. XLIV, 21; Poswignischoh *waschey* rutze. Wolf. ps. CXXXIV, 2; *Kotarey* bechmey ... mehsty ssobu *neilubschey*. Wolf. ps. LV, 14—16. *Kotarey* ty humogł ssy, stey *wessoley*. Wolf. ps. LXXI, 23; we *twohima* rukoma. Wolf. ps. XXXI, 16.

Tej personje cotej se za bōžym wustawjenim ... Mol. K. 12 v. 5—11.

Potom wopet won poloschy *swoiey* rucze ... B. Jak. M., VIII, 25; *Tey* szcinitey ieden hallar; B. Jak. M., XII, 42; A *tey samey* tesch vseschtey. B. Jak. M., XVI, 12; A *tej* vczedlnika vschley stey. B. Jak. M., XIV, 16; Bužitej *plodnej*. Mol. Gesang. 15 r. 14—20.

Эта же форма встречается и в нижнелужицких произведениях более позднего периода. Например: ... wižescho won Schumana a Handroscha ... *chyschežej* tu Běsch do morja. B. Fab. M., I, 16; ... we loži Bwoje Běshi *platajužej*. B. Fab. M., I, 19; ... a *tej* dwa huknika ... B. Fab. J., I, 37; B. Fab. Hiob., II, 10; wětsch a morjo jomu stej *poβluschnej*. B. Fab. M., IV, 41; ... a *twojej* ruze na ňu połožysch. B. Fab. M., V, 23; ... swigajscho waschey wozy. B. Fab. J., IV, 35; ... kak stej tebe *tej* wozy *wotworonej*? B. Fab. J., IX, 10; ... a niasascho *mojej* wozy ... B. Fab. J., IX, 11; см. также 15, 26.

В.-луж. памятники

Форма им.-вин. п. дв. ч. на *-ej* в притяжательных местоимениях характерна и для верхнелужицких памятников раннего периода. Например, в Агенде 1696 г.: ... a sawdatej Běbi *prawej* ruzy. A. 63 с., 11—12; 15—18; Pschetož *mojej* woczi stej ... widžiłej. A. 91 с., 19—20; A posbjeham *βwojej* woczi. A. 57 с., 19—13.

Эта же форма известна и в переводе Библии 1728 г. Например: ... so byschtej *naschey* woczi *wottewrenej* byłej. Mat., XX, 33; *Mojej* hubi dyrbitej kwalbu powedacž. Ps. CXIX, 171; Dyž woni pak *βwojej* woczi posbežechu: ... połoži *βwojej* ruzy. M., VIII, 23.

В верхнелужицких памятниках XVIII в. в окончаниях им.-вин. п. дв. ч. прилагательных и причастий нет единообразия. Прилагательные в этой форме имеют окончание *-aj*. Например: Pschetož *tejž* wjetr a morjo staj jemu *poβluschnaj*. B. 1728. M., IV, 41; Woboj pak bjeschataj *sprawnaj* psched Bohom ... B. 1728. L., I, 5; ... pschistupischtaj knjemu taj *blepaj* ... B. 1728. Mat., IX, 28; IX, 27; ... ton mjejesche dwaj *wobokaj* rohaj. B. 1728. Dan, VIII, 3. В причастиях же возможны два окончания: *-ej* или *-aj*: A taj, kotraj snim bjeschtaj *kschižowanaj*, jeho *tejž* hanischtaj. B. 1728. M., XV, 32; ... so woboje Bwjatniza, a wojsko *poteptanej* budžetaj. B. 1728. Dan., VIII, 13; ... Kak stej *twojej* woczi *wottewrenej*? J., IX, 10; Mat., IX, 29—30.

Возможно, что в окончаниях *-aj* и *-ej* в данном случае находит выражение противопоставление по линии одушевленность — неодушевленность.

В нижнелужицких памятниках род. п. дв. ч. зафиксирован с окончанием *-eju*: Pokshihwoj mnoh spohsih tihm chlotkom *twojeju* kshilowu. W. Ps., XVII, 8; Te balchatze protek *twojeju* wotzowu. Wolf. ps., V, 6; ... a jo-li kšiwda *mojeju* rukowu. Wolf. ps. VII, 4; ... we tom shělě *sswojeju* rukowu. Wolf. ps. IX, 17; ... wot *twojeju* wotzowu. Wolf. ps. XXXI, 23; à pomogay tomu statkoju *nascheju* rukowu. Wolf. ps. XC, 18; à *twojeju* rukowu potzinkih ja chwalüh. Wolf. ps. XCII, 4; à jo jaden shiw protku *nascheju* wotzowu. Wolf. ps. CXIIX, 22—23; Twojo sslowo jo *mojeju* nogowu sswětzka. Wolf. ps. CXIX, 105; Possla Jesus *swoieu* wczednikowu dweiu. B. Jak. M., XI, 1.

Форма род. п. дв. ч. на *-eju* употребляется и в нижнелужицком языке XVIII в. Например: ga pšinjas ... dweju marijankowu abo dweju *młodeju* gołbjowu. B. Fr.: Pšeto pšebywach po smjerši *swojeju* starjejejeju. Chr., I., 118.

Это же окончание род. п. представлено и в верхнелужицких памятниках: ... poruczū moie czilo a duschu / a schitko *dotwoieiu* rukowu. Kat. W. 11—12; ... a tej *noweju* Mandželskeju nacžjeli... A. 73 c. 3; ... ja poruczū Bwoju duschu do *twojeju* rukow. B. 1728. L., XXIII, 46.

Дат.-твор.-мест. п. дв. ч. в нижнелужицких памятниках имеет форму на *-ima* (*-yma*): ... s *mohima* nogoma ... Wolf. ps. LXXIII, 2; Wohnih possluschachu mnòh s possluschnima huschihma. Wolf. ps. XVIII, 44; ... pròtek *mohima* wohtzima. Wolf. ps. XXV, 4; A nšepodajohsch mnòh *tima* rukoma ... Wolf. ps. XXXI, 9; s *mohima* wotzima. Wolf. ps. XXXII, 8; ... spohdy *naschima* nogoma Wolf. ps. XLVII, 4; s *waschima* rutzima. Wolf. ps. LIIX, 3; à *naschima* nogoma sse po — ssunusch neda. Wolf. ps. LXVI, 9; pròtek *naschima* wotzima. Wolf. ps. LXXIX, 10; s *twohima* wotzima. Wolf. ps. XCI, 9; daj *twohima* huschima. Wolf. ps., CXXX, 2; *Mojej* wotzy gledatey *satima* wehrnimih na semy. Wolf. ps. CI, 6; ... sslobro à slohto, s *tzlowetznihma* rukoma psheshelaneh. Wolf. ps. CXV, 4; CXXXV, 5; ... s *nemutima* rukoma ten chleb gescz. B. Jak. M., VII, 2,5; ... a *wokszoney* buschetey steiu ksczeniczku. B. Jak. M., X, 39.

Окончание *-ima*, *-yma* употребляется в нижнелужицком языке XVIII в. Например: A ten Hегуптоjski kral pschikasa Hebrejskima habkoma B. Fab. II kn. Mojs., 15; Nebuduli pak *tyma* *hobyma* snamenoma wèrisch ... B. Fab., II kn. Mojs., 9; ... wěcej pšawje na *swojima* nogoma stojaš njamožachu. Chr. I, 207; ... pschereschi Bo Hiob se *βwojimaj* hubomaj. B. Fab. Hiob., II, 10.

Окончание *-ima* (*-yma*) употребляется и в верхнелужицких памятниках раннего периода. Например, в верхнелужицкой Агенде 1696 г.:

...A tejsch jima *βatyma* nicžo wjedomne neje ... A. 60—61 c., 4—5; 17—18: Wop nebudže *twojima* nohomа Во dасž роwunuscž. A. 57, c., 16. В верхнелужицком переводе Библии 1728 г. зафиксировано окончание *-imaj* (*-ymaj*): se *swojimaj* hubomaj. Mat. XV, 8; ... psched

naschimaj woczomaj. M., XII, 11; Mat. XXI, 42: ... psched *waschimaj* wuschomaj. L., IV, 21; ... k *mojimaj* nohomaj. L., VII, 47; ... k *waschimaj* wuschomaj. L., IX, 44; ... se *βwojimaj* Bynomaj. Mat., XX, 20.

5. Формы двойственного числа глагола в серболужицких памятниках известны в парадигмах всех времен.

Настоящее время.

1-е л. дв. ч.

В нижнелужицких памятниках: .. *ia mey dobre moschemey*. B. Jak. M., X, 39; ... *a mey dobre moschemey*. B. Jak. M., X, 39. То же окончание в переводах библии XVIII в.: ... *mej wémej, až ten Byn jo*. B. Fab., J., IX, 20; *kak won pak ňeto wiži, mej ňewemey* ... B. Fab. J., IX, 21; ... *honimey a hujzij s'nogo*. B. Fab. M., I, 25; *Mej comej hyś tam na jermank*... Chr. I, 72.

В верхнелужицких памятниках 1 л. дв. ч. глагола образовано с окончанием *-moj*: *Kneže chzeschli, da chzemoj moj reknucz* ... B. 1728, L., IX, 54; *A moj schak βmoj po prawem wtemšamem*... B. 1728. L., XXIII, 41; *Kak won pak njetk widži, newjemoj moj*... B. 1728. J., IX, 21.

Окончания во 2 л. дв. ч. и 3 л. дв. ч. совпадают: *Chwalitey jogo*. Wolf. ps. C XLIIIX, 3; ... *wej newetey, saatz wey prossitey. Moschetej wey ten kelich pytz*...? B. Jak. M., X, 38; *Bužitej płodnej a płožitej se a napóŋnitej tu zemju a pšinjesytej ju pód sebje a kŋěžytej se* ... Mol., M. K., 15 r., 14—20; *Mojej wotzy pospasch nēdērbitey*. Wolf. ps. CXXXV, 4; *Ash dobrosch à wēhrnostz sse seti — katey*. Wolf. ps. LXXXV, 11; ... *milohstz à wēhrnostz stej prótku twojogo hoblitza*. Wolf. ps. LXXXIX, 15;

То же окончание наблюдается и в нижнелужицких произведениях XVIII в. Например: ... *jo ten waju Byn, wot kotaregož wej gronitej*. B. Fab., J., IX, 19; ... *pojžtej samnu* ... B. Fab. M., I, 17; ... *žo wej pytatej?* B. Fab. J., I, 38. ... *mjod a mloko bežytej*. B. Fr., II kn. Mojs., 8; ... *dokulaž njewustupujostej žěnsa wěcej w toś tej měrje*. Chr. I, 58; ... *gaž dwa pšijašela stej a roztyla dejitej*. Chr. I, 76.

В верхнелужицких же памятниках XVII — XVIII вв. для 2 — 3 л. дв. ч. употребляется окончание *-taj*. Например: *Płóđžtaj a pschiportaj βo a pjelntaj tu semu /a cžintaj ju Bebi podanu/ Knježtaj nad rybami*. A. 71 c., 2—7: ... *ton Nawožena a ta potžiwa Njewjesta mataj mysl* ... A. 59, 9—13; ... *a staj βo žikrocž sjauné w Božim domi dalej pschipowedacž*. A. 59 c., 9—13. ... *a nydym budžetaj woj woβlizu namakacž* ... *a młodeho woβła pschinej, wotwetzaj a pschiwedžtaj jeju kemni*. B. 1728. Mat., XXI, 2; *Schto chzetaj* ... B. 1728, Mat., XX, 32.

В прошедшем времени глагола представлены следующие формы двойственного числа:

В 1 л. дв. ч. аориста и имперфекта в нижнелужицких памятниках употребляется окончание *-(ch)mey*.

Например: *Katarey bēchmey jaden drugemu mehsy ssobu neilubschey, jaden pshi drugem choishachmey tom domeh bohsshem.* Wolf. ps. LV, 14—15.

Форма 1 л. дв. ч. аориста или имперфекта глагола является очень редкой. Редко употребляется и форма 2 л. дв. ч. аориста и имперфекта, тождественная форме 3 л. дв. ч., наиболее распространенной в серболужицких памятниках письменности.

Во 2, 3 л. дв. ч. нижнелужицкого аориста и имперфекта представлено окончание *-tey* или *-schtey*: *Teu ssamey hopokasowaschtey jogo ro — roky mehsy nihmih ...* Wolf. ps. CV, 26. *Woney vzaschtey ...* B. Jak. M., X, 39; *Woney vseschtey a namakaschtey to schgrebe... a wot wysaschtej to.* B. Jak. M., IX, 4; *A tey semey tesch vseschtey a rozprawyschtey tym chynym.* B. Jak. M., XVI, 12; *A woney stumkaly wopuszczischtey ieu seczy...* B. Jak. M., I, 18; *Dokulss wej wobeh dottogo Mansselsskego standa daley stej webossem Mbnu ga posslussatej ...* Mol. Cesang. 14 r. 2—4; *Dokulss Hans. N. a Greta N. iaden drugego k wijrrowanstwu possedateh ...* Mol. Gesang. 13 r., 11; *Sdwyma pack schwohe Nogy pocksystem /a styma dwyma wohneh lesseseth/ sswelbkhm glosso psseswo seb spywastej* Mol., Gesang. 106 r., 10—19.

То же окончание имеют и формы 2, 3 л. дв. ч. в нижнелужицких переводах Библии XVIII в. Например: *Togodla žaschtej jogo starejschey.* B. Fab. J., IX, 23; *... dokulaž wonej Be psched tymi žydami bojaschtej.* B. Fab. J., IX, 22; *A tej dwa huknika βtyschaschtej jogo groněžego, a žeschtěj sa Jesuβom.* B. Fab. J., I, 37; *A ned wostawischtej wonej βwoje Běschi ...* B. Fab. M., I, 18; *Wonej pschižoschtej a glėdaschtej, žo won wosta; a wostanuschtej ten Bami žeñ podla nogo.* B. Fab. IX, 39; *A wonej dojžeschtej tam, a sgromažischtej schych starschych wot tych Jsraelskich žischi.* B. Fr., II kn. Mojs. IX, 28; *A wonej nabraschtej Kopscha s'kañen a stupischtej psched Farao-na.* B. Fr. II kn. Mojs., IX, 10; *Na drugem městnje písžeštej direktor Busse a informator Konradi.* Chr. I, 141.

В верхнелужицкой Агенде 1696 г. формы 3 л. дв. ч. имперфекта или аориста не встречаются.

В верхнелужицком переводе Библии 1728 г. формы аориста и имперфекта, сочетающиеся с существительными мужского рода, в 3 л. дв. ч. имеют окончание *-schtaj*, сочетающиеся с существительными женского и среднего родов — окончание *-schtej*: *Wonaj Bebi pak pomyslištaj so snadž je bes towarschemi a pschindžeschtaj wo jeneho dnja pucž, a pyttaschtaj jeho bes pscheczelemi a snajomnymi.* B. 1728. L., II, 44; *A dyž wonaj jeho wuladaschtaj, džiwaschtaj βo nemožnje.* B. 1728. L., 'II, 48; *A woni pschundžechu, a napelnichu wobej łodzi tak, so βo ponureschtej.* B. 1728. L., V, 7.

Таким образом, формы двойственного числа аориста и имперфекта, наблюдаемые в верхне- и нижнелужицких памятниках

письменности, аналогичны тем, которые употребляются в современных серболужицких языках.

Формы двойственного числа перфекта и плюсквамперфекта встречаются уже в первых серболужицких памятниках. Форма перфекта состоит из формы двойственного числа настоящего времени вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени также в форме двойственного числа на *-ej*. В форме плюсквамперфекта вспомогательный глагол *byś* имеет форму двойственного числа имперфекта.

Н.-луж.

à jogo rutzeh *stey* to ssuche *pshigottowaley*. Wolf. ps. XCV, 5; Tschuchlostz à nusa *stey* na mnoh *spadnulej*. Wolf. ps. CXIX, 143; в переводе Якубицы вспомогательный глагол в форме двойственного числа часто отсутствует: ... asch woney ieiu seczy *wyschpaley* do moga, pscheto ze woney *biley* ribaka. B. Jak. M., I, 16; A tey vczedlnyka *vschley stey* a *pczysschley* do mesta a *namakaley* tak. B. Jak. M., XVI, 16; A hobej, nan a Bin, *sawotaley* jogo na jedno wëste mësto, a *pschoßiley* jogo. B. Fr. Tob., XII, 6; ... a *stey* jim ten miazdo jich rukowu *dalej*, nas k'nußmerscheñu. B. Fr. I. kn. Mojs., XXXIV, 30; ... mëBo a wino *nepschißchlej* do mojich hust. B. Fr. Dan., X, 3; *Lëtalej stey*, *lëtalej* styrzasća tam dnjow a styrzasća nocow. Chr. I, 18; Albin Mollerus a Handroš Fara wšak *bëštej se wopytalej* w takich spisach... Chr. I, 148.

В.-луж.

Причастие прошедшего времени в верхнелужицком языке в составе перфекта и плюсквамперфекта в формах двойственного числа имеет окончание *-aj*: ... a na — to bebi tejsch prawej ruzy *staj saudalaj*. A. 63 с., 15—18; Dokelž woj do — Bwjateho mandželskeho tanda w Božem mjeni *bo podalaj staj* ... A. 65 с., 1—4; ... wonaj w — tajkim štandži po — Božem a Bwjjetnem prawu romadže bycz *nëmołaj*. A. 59 с., 13; ... schtož snaschimi skutkami *ßmoj saßtužilaj*. B. 1728. L., XXIII, 41; Dyž pak poßłaj Janowaj *bjeschtaj wotteschtaj*, pocza won kludu wot Jana reczecž ... B. 1728. L., VII, 23; ... schto woj *staj widžilaj* a *ßlyschałaj*. B. 1728. L., VII, 22; A jako wonaj *wuschłaj* bjeschtaj, laj, duž pschineBechu woni knjemu człoweka. B. 1728. Mat., IX, 32; A jako wonaj wschitko *dokonałaj bjeschtaj* po Sakonju teho Knesa, wroczischtaj Bo wonaj saBo ... B. 1728. L., II, 39; ... a wobaj *ßo bjeschtaj sestariłaj*. B. 1728. L., I, 7.

В будущем сложном времени форму двойственного числа имеет вспомогательный глагол *byś* (н.-луж.), *być* (в.-луж.). Формы двойственного числа будущего простого и сложного времени зафиксированы уже в ранних серболужицких памятниках. Например:

Н.-луж.

Sslüntze à tehn messatz *trasch bushotey* ... Wolf. ps. LXXII, 5; A ahsh naschey nosch *stawasch bushotey* tihch rotach Hierusalëmé.

Wolf. ps. CXXII, 2; Ty mojej wontzy shersshisch ahsh wonaj sse *něshamrotey*. Wolf. ps. LXXVII, 5; ... zcosch mey tebe *prossitz buczemey*. B. Jak. X., 35; ... da wey *buschetey nemakatz* iedno schgrebe ... B. Jak. M., XI, 2; ten kelich dobreh *pytcz buschetey* ... B. Jak. M., X, 39; A *buschetey* tey dwe iedno musso bitcz ... B. Jak. M., X, 8; ... daj nama. asch mey *sednemey*... B. Jak. M., X, 36.

В.-луж.

A wonaj *budžetaj* jene cžjelo. A. 65 с., 18—21; Jeli so pak Blepy Blepeho powedže, *budžetaj* wobaj do jamy padacz. B. 1728, Mat. XV, 14; ... schtoz moj *proščycz bydžemoj* ... B. 1728. M., X, 35; ... a *bužetaj* taj, dwaj jene cžjelo. B. 1728. Mat., XIX, 5—6; Nebjo a semja *budžetaj sahinucz* ... ale moje Błowa nebudža sahinicz. B. 1728. Mat., XXIV, 35; Dwje *budžetaj mlycz* w mlyni ... B. 1728. Mat., XXIV, 41.

Употребление форм двойственного числа существительных

1. Обращаясь к анализу употребления форм двойственного числа в серболужицких памятниках, мы хотим уяснить:

1. а) систему соотношений форм двойственного и форм множественного числа от существительных, обозначающих парные предметы; б) систему соотношений форм двойственного и форм множественного числа в ситуации, требующей анафорического двойственного числа; в) соотношение форм двойственного и форм множественного числа в составе сочетаний существительных с числительными *dwa* (*dwaj*), *dwě*.

2. Систему отношений форм двойственного и форм множественного числа согласуемых слов: а) в сочетании с существительным в форме свободного двойственного числа, б) в ситуации, требующей анафорического двойственного, в) в сочетаниях с числительным *dwa* (*dwaj*), *dwě*.

При анализе употребления форм двойственного числа существительных, обозначающих парные предметы, учитывается соотношение двух компонентов: 1) контекст, повествующий об одном лице (предмете) или о многих лицах (предметах), и 2) форма двойственного или множественного числа.

Теоретически возможны следующие сочетания этих компонентов.

1) Контекст, повествующий об одном лице, + двойственное число существительного, обозначающего парный предмет; 2) контекст, повествующий об одном лице, + множественное число существительного, обозначающего парный предмет; 3) контекст, повествующий о множестве лиц, + двойственное число существительного, обозначающего парный предмет; 4) контекст, повествующий о множестве лиц, + множественное число существительного, обозначающего парный предмет.

В сочетаниях 1 и 2 типа от существительных, обозначающих парный предмет, используются формы разных чисел, противопоставленных по признаку выраженной расчлененности множества на два/не выраженной расчлененности множества на два²⁶. В такого рода контекстах формы двойственного и множественного числа выступают как члены одной оппозиции.

Контекст, повествующий о множестве лиц и включающий существительное, обозначающее парный предмет, двусмыслен в отношении выбора категории числа.

При анализе употребления форм двойственного числа в конструкциях с числительным *dwa (dwaj)*, *dwę* контекст не имеет значения, поскольку речь всегда идет о двух предметах или лицах. Здесь важно учитывать согласование слов с сочетаниями «существительное + *dwa*, *dwę*».

В серболужицких памятниках возможны следующие типы согласований в этих конструкциях: 1) *dwa (dwaj)*, *dwę* + дв. ч. существительного + дв. ч. согласуемого слова; 2) *dwa (dwaj)*, *dwę* + мн. ч. существительного + мн. ч. согласуемого слова.

В связи с различными типами соотношения компонентов, учитывающихся при анализе употребления форм двойственного числа и различными типами согласования с существительными, обозначающими парные предметы, встает вопрос о критериях определения грамматического значения форм двойственного и множественного числа в серболужицких памятниках XVI — XVIII вв.

В контекстах типа 2, 3, 4 формы числа не несут информации о значении расчлененности множества на два.

Форма двойственного числа существительных, обозначающих парные предметы, не несет информации о дихотомии, а лишь свидетельствует о расчлененности множества тогда, когда согласующее слово имеет форму двойственного числа, а согласуемое — форму множественного числа.

Нет информации о значении расчлененности множества на два и в том случае, если ситуация требует множественного числа, а употребляется форма двойственного числа (например, в анафорическом положении).

Очевидно, в рассматриваемый нами период формы двойственного и множественного числа могли быть синонимичны, поскольку формы двойственного числа в некоторых ситуациях не несли информации о расчлененности множества на два.

2. Соотношение форм двойственного и множественного числа у каждого из существительных, обозначающих парные предметы, имело свои особенности. В связи с этим мы рассматриваем употребление форм двойственного числа для каждого из этих существительных отдельно.

²⁶ А. В. Исаченко. О грамматическом значении. — ВЯ, № 1, 1961.

Как мы уже отмечали, круг существительных, имеющих в серболужицких памятниках XVI — XVIII вв. формы свободного двойственного числа, невелик. К ним в первую очередь относится группа из четырех слов: *noga* (*noha*), *ruka*, *woko*, *wucho*.

Интересующие нас названия парных предметов употребляются как изолированно, так и в сочетании с согласующимися с ними словами (неличные местоимения, прилагательные, причастия).

Noga. В обследованных памятниках серболужицкой письменности XVI — XVII вв. это существительное употребляется как в формах двойственного, так и в формах множественного числа XVI в.

Н.-луж.

Употребление форм двойственного числа в контексте, сообщаящем об одном лице: *Wohn hutzinihjo mojej nose*. Wolf. ps. XVIII, 33; *Twojeje noseh won sse nebuscho dasch satokonihsch*. Wolf. ps. CXXI, 3; ... *sycko sy ty jogo nogoma podchyšl*. Wolf. ps. VIII, 7; ... *à stawih mojej nohse na janu Kaměhnohnu gohru*. Wolf. ps. XL, 2: ... *wonih pod mojej nose panuhsěh dërbě*. Wolf. ps. XVIII, 38. ... *ty mojej nose na schiroky ruhm sta-wähsch*. Wolf. ps. XXXI, 9. *Psheto ty ssy ... mojej nose wot possruwahnah ...* Wolf. ps., LVI, 14. ... *a busho sswojey nose tej kshwy ... humusch*. Wolf. ps., LIIX, 11; *Ja pak bëch sse na malěh s mohima nogoma satokonihl ... k tomu moj pschiaschěhl, kotaremu sse ja pschirutzihch, kotory moy klěhb jeshascho, a nogoma mnóh teptzo*. Wolf. ps. XLI, 10; *Tlotzy hihch s nogoma*. Wolf. ps. LXXIV, 3.

В приведенных примерах формы двойственного числа от существительного *noga* указывают на принадлежность одному лицу. В ряде случаев формы двойственного числа этого существительного употребляются в контексте, где речь идет о множестве лиц. Например, ... *spohdy naschima nogoma*. Wolf. ps., XLVI, 4. *à naschima nogoma sse po — ssunusch něda*. Wolf. ps. LXVI, 9; *A ahsch naschey noseh satowasch bushotey tihch rotach Hierusalēmě*. Wolf. ps. CXXII, 2.

В нижнелужицких памятниках XVI в. слово *noga* употребляется также и в формах множественного числа, хотя из контекста ясно, что речь идет о ногах одного человека.

Wohnih ssu moje rutze a nogy pshekoppali. Wolf. ps. XXII, 17; *Ty gohnihsch mohihch winihkow bëhgy nogy*. Wolf. ps. XVIII, 40; *Polossu ksamloh pottwoje Nogy*. Mol. Gesang, 46 r., 13—14; *Mogiem Nhogam twoho schlowo Goreža schwißbka io*. Mol. Gesang. 75 v. 21—22; ... *won nahma spodobana natheiu Moßu togo Runa daniss nijbogych Nogach...* Mol. Gesang, 5 v, 21—25; ... *a togo wjrnego Nohe sahmeg wussmege pottwoieh welikeh schmilnoWy schwarnował*. Mol. Gesang. 10 r., 1—7; *Wohny schu moye Ruiße a Nohgy...* Mol. Gesang. 30 r., 5—16; *Ta prczysschla ie a padnula pred iogo nogy doloy*. B. Jak. M. VII, 25; ... *tak dlugo asch ia poloschim*

twoich nerczaczelow k schemlowy twoich *noog*. В. Jak. М., XII, 36;

В ряде случаев формы множественного числа употребляются в контексте, указывающем на множество лиц: ... wedl gych *Nhogi*. Mol. Gesang. 13 г., 15—16; *sosch scho ma wesswoich Ruße /The Nogij schwogiem Possolam Mjasscho tack ponijsne sahnu*. Mol. Gesang. 32 г., 15; ... a wot cziscze ten proch wot waschich *nög* k iednemu rozpankowy nad nуму. В. Jak. М., VI, 11.

Наибольшее число случаев употребления форм множественного числа слова *noga* в нижнелужицких памятниках XVI в. отмечено в книге песнопений и катехизисе Моллера и в переводе Библии Якубицы.

В.-луж.

В единственном известном нам верхнелужицком памятнике XVI в. катехизисе Варихия как форм двойственного, так и множественного числа слова *noga* нет.

В памятнике XVII в. — Агенде 1696 г. — форма двойственного числа употреблена в отношении к одному лицу: *Won nebudže twojima pohota* Во dasz rowunucz. А., 57 с., 16.

Форма множественного числа употребляется в контексте, где речь идет о множестве лиц: *My hubeni Rjeschniży proweму ... Tego Satana pod — nasche nohi teptaež ...* А., 17 с., 1, 10.

В нижнелужицких произведениях XVIII в. в употреблении форм двойственного числа слова *noga* отличий от памятников предыдущего периода не наблюдается. Форма двойственного числа употребляется в контекстах, повествующих об одном лице: ... *jogo wozi kaž hogñezu rōchorña, jogo rameñi a noze kaž Bwětli kupor ...* В. Fr. Dan., 6; ... a *szyñi ju k'jogo nogoma*. В. Fr. Dr., I kn. М., IV, 25; ... a *gaž jogo hupyta, rajže won k'jogo nogoma*. В. Fab. М., V, 22; *Won mějašo zelenej noze a ruce*, Chr. II, 380; ... *bundele su se me pod noze walili*. Chr. II, 327; *Wjele rybow a rybkow ... sedachu se jej na noze*. Chr. II, 380; *Koza bjakoco wulékana. Neto z postole wen, z nogoma do sena*. Chr. II, 299.

Формы двойственного числа употребляются в контексте, повествующем о множестве лиц: *gosci na koñcu gosćiny wěcej pšawje na swojima nogoma stojaš njamožachu*. Chr. I, 207. *Gaž my mamy serbsku zemju pod nogoma...* Chr. II, 346; ... a *wujšpurnosć jo pśidana wam wot głowy až k nogoma*, Chr., II, 313.

Формы множественного числа употребляются так же, как и формы двойственного числа в контекстах, сообщающих об одном лице: *Won zascho: ñerschistup, rosuj Bebe Bwoje zreje wot Bwojich nogow ...* В. Fr. II Kn. М., III, 5; о множестве лиц: *Akle po kuranju tych nogow za rosu jo namšy dar*. Chr. II, 235.

В Библии 1728 г. (верхнелужицкой) существительные, обозначающие парные предметы, в том числе и *noga*, употребляются в формах двойственного и множественного числа.

Двойственное число в контексте, повествующем об одном лице: ... a kładźechu jich k JesuŃowomaj *nohomaj*... В. 1728, Mat., XV, 30; ... pschistupi knjemu njekajki człówek, a panu jemu *knohomaj*; В. 1728 Mat. XVII, 14; ...padźe won k jeho *nohomaj*. В. 1728 M., V, 22; и см. также M., VII, 25; A stupi sady k jeho *nohomaj* ... В. 1728 L., VII, 38; ...ty mi nejße wody dał k mojimaj *nohomaj*, ta pak je mojej *nosy* se Bylsami maczała ... В. 1728 L., VII, 47; ... a namakachu tego człóweka... sejdźo k JesuŃowomaj *nohomaj* ... В. 1728 L., VIII, 35. ... a padźe JesuŃej *knohomaj* ... В. 1728 L., VIII, 41; A panuschi na Ńwoje wobljeczó k jeho *nohomaj*. В. 1728 L., XVII, 16; A dyž won to prajił bjesche, pokasa jim rusy a *nosy*. В. 1728 L., XXIV, 40; ... K jeho *nohomaj* ... В. 1728 J. XI, 32; ... na *nohomaj* a na rukomaj. В. 1728 J., XI, 44; Ton, kiž moj kljeb jy, ton terpe me *snohomaj*. В. 1728 J., XIII, 18.

В приведенных примерах формы двойственного числа существительного *noga* представлены почти исключительно дат.-тв. мест. падежом и лишь два раза — вин. падежом.

В следующих примерах речь идет, вероятно, о форме род. п. дв. ч., которая, тождественна с формой род. п. мн. Ani na semju, pschetož wona je jeho *nohow* podnoschk. В. 1728. Mat. V, 34—35 ... ja položu twojich nepscheszelow sa podnoschki twojich *nogow*. В. 1728 Mat. XXII, 44; M., XII, 36; L., 43.

Формы множественного числа существительного *noga* в Библии 1728 г. употребляются как в отношении к одному лицу, так и в отношении ко множеству лиц.

1. ... a wokówasche jeho *nohi*. В. 1728 L., VII, 38; a dajcze perschżen najeho ruku, a czrije na *nohi*. В. 1728 L., XV, 22; a jemu jeho *nohi* wutryła se Ńwojimi łohŃami... В. 1728 J., XI, 2; Kneže, dyrbjał ty mi moje *nohi* mucž? В. 1728 J., XIII, 6; Nanidy nedŃrbisch ty mi moje *nohi* mucž ... В. 1728 J. XIII, 8—9; ... Kneže, niz jeno moje *nohi* Ńame ... В. 1728 J., XIII, 8—9; ... schtuž smuty je, temu wjazy neje treba, kiba jeno *nohi* mucž ... В. 1728 J., XIII, 18.

В приведенных примерах слово *noha* имеет форму вин. п. мн. ч.

2. ... a nasche *nohi* wedł naschżeschku tego mjera. В. 1728 L., I. 79. Jesus muje tym wuczomnikam *nohi*. В. 1728 J., XIII, 5; ... a pocza wuczomnikam *nohi* mucž ... В. 1728 J., XIII, 5; Jako won tehodla jich *nohi* smuł bjesche, wsa won sswoju drastu ... В. 1728, J., XIII, 12; Duž tehodla ja, kiž Ńym Knes a Mischter, wasche *nohi* muł Ńym ... da dyrbicže tejž wy Ńebe jedyn druhemu *nohi* mucž. В. 1728 J., XIII, 14.

Ruka в нижнелужицких памятниках XVI в. также употребляется как в формах двойственного, так и в формах множественного числа.

Двойственное число в контексте, повествующем об одном лице:

... à jogo *rutzeh* stey to ssu-che pshigottowaley. Wolf. ps. XCV, 5; A twojeju *rukowu* potzinkih ja chwalüh. Wolf. ps. XCII, 4; ... à te nëhbläh ssu twojeju *rukowu* shëlo. Wolf. ps. CII, 26; Te pozünkih

jogo rukowu stey ta wěhr-nostz a to pshawo ... Wolf. ps. CXI, 7; Ty sse kuhlasch bushosch wot twojeju rukowu shěláh ... Wolf. ps., CXXIX, 2; ... to shělo twojeju rukowu ty spuschtzisch něchal. Wolf. ps. CXXXIIX, 8; ... à pograhowam wot twojeju rukowu statkow. Wolf. ps. CXLIII, 5; ... mojej rutze gohrě swihgnusch. Wolf. ps. CXLI, 2; Ja hustru mojej rutze k tēhbe ... Wolf. ps. CXLIII, 6. Knězo moj Bog, som ja take scynil a jo-li kśiwda mojeju rukowu. Wolf. ps. VII, 4; Knězoju bužoš ty jogo stawiś nad twojeju rukowu źělom. Wolf. ps. VIII, 7; Do twojěju rukowu pshirutzuja ja mojogo ducha. Wolf. ps. XXXI, 6; Tehn slossny jo saměschanih we tom shělě ssojeju rukowu. Wolf. ps. IX, 17; ... à te firmamenty Swěhstzeluju jogo rukowu statky. Wolf. ps. XIX, 2; Kotarihs nēwinowatey rutze ma, à jo zihsty hutschobě ... Wolf. ps. XXIV, 4; Mojej rutze ja s nēwihnu mūju ... Wolf. ps. XXVI, 7; ... gahsh ja mojej rutze swih-gnu k twojey sswētey khorě. Wolf. ps. XXVIII, 2; ... na te statky jogo rukowu. Wolf. ps. XXVIII, 5; A klažašo swoje ruce na nje a žognowaše je. Mol. Kat., 11 r., 1—3. Wohny schu mohe Ruße a Nohgij ... Mol. Gesang. 30 r., 5—6; Posschlesj schmožu wulasscho /gasch wohn niety o wumres ksijscho/ wettwoje Ruße wuļ lubj ... Mol. Gesang. 33 v., 10—23; Welgy wohn sse sdychuyoj /a schwygg Ruße sbogu. Mol. Gesang. 88 v., 22—24; ... Kotore psches iogo rucze se stanu. B. Jak. M., VI, 2; Potom wopet won poloschy swojeju rucze na iogo wooczy. B. Jak. M., VIII, 25.

Двойственное число в контекстах, повествующих о множестве лиц: ... Ahsh wonih tēhbo na rukoma nossisch dērbeh ... Wolf. ps. XCI, 13; ... à buchu pomūshoneh spohsy tihch rukoma. Wolf. ps. CVI, 42; ... s tzlowetznihma rukoma psheshelaneh. Wolf. ps. CXV, 4; Woni maju rutzeh, à nesapshimuju ... Wolf. ps. CXIV, 7; Tihch tathanōw behgih ssu sslo — bro à slohto, z tzlowentznima rukoma psheshelaneh. Wolf. ps., CXXXV, 15; Poswignischōh waschey rutze we tom sswetem hubudlēnū. Wolf. ps. CXXXIV, 2; Hihch husta derbeh bohga pohuschihsch, à dērbe wotschēh mehtzeh β hihch rukoma sapshinjesch ... Wolf. ps., CXLIX, 6; ... psaschy him sa tim shēlohm hihch rukowu ... Wolf. ps. XXVIII, 4; ... à naschey rutze gohrě swihgnuli. Wolf. ps. XLIV, 21; ... ia chczu ten tempel, kotory s rukoma wuczynōny ie, wotlamacz a w trczekh dnach czyny ztwaritz, kotory nedery s rukoma wuczynony bitcz. B. Jak. M., XIV, 58. A gdisch wony wupittachu nekotorych iogo wczednikou s gemeynskymy rukamy, to ie, s newumytima rukoma, ten chleb gescz zaniczychu hich. B. Jak. M., VII, 2; Wony pak hich rucze panogo poloschyly ... B. Jak. M., XIV, 46.

Формы множественного числа употребляются в контексте, где речь идет об одном лице: Pśeto ja pśirucu se ... šykno do twójich swětých rukow. Mol. M. K. 4 v, 20—23; 5 r, 14—16; ... twogieh Ruckou siehlo. Mol. Gesang. 10 v, 20—21; ... sielo twogieh Ruckou. Mol. Gesang. 11 r., 5—8; Won Dussu nassljdnem konžu /Ja dottwo-gjch Ruk psijružu ... Mol. Gesang, 114 v., 8—10; ... Psetto ia psy-

ružu se mojo szplo/a Dussa a schęckno dottwoğnych schwitych *Rukou*... Mol. Gesang. 4 v, 20—23; 5 r, 14—16; ... ak ten Schwietty Symeon Jogo Bylno io schwogğych *Rukach* miel ... Mol. Gesang 115 v, 4—8;

Множественное число в контекстах, повествующих о множестве лиц: A gdisch wony wupittachu nekotorich iogo vczedlnikou s gemeynskymu *rukamy*, to ie, s newumytima rukoma, ten chleb gesch, zanuczychu hich. B. Jak. M., VII, 2; Ten zloweczky syn bucze podany bitcz do zloweczkich *rük*. B. Jak. M., IX, 31; ... ten zloweczky syn bucze do *ruk* tich greschnykw. B. Jak. M., XIV, 41.

Таким образом, формы множественного и формы двойственного числа, образованные от слова *ruka*, в нижнелужицких памятниках XVI в. употребляются в аналогичных контекстах.

В верхнелужицком Катехизисе Варихия есть лишь три случая употребления формы двойственного числа слова *ruka*: род. п. дв. ч.: Psheto ia poruczū sso moie szelo a schiweni a schitko dotweiu *rukowu*. Kat. W. 6—7; вин. п. дв. ч. A won ie wokowasche a kladzische szī *ruce* a poschohnwasche ie. Kat. W. 50, 10.

В верхнелужицкой Агенде 1696 г. зафиксирована форма двойственного числа от существительного *ruka* по отношению к одному лицу и ко множеству лиц:

A won wokowasche je kladzēsche *ruze* nané A. 35 с., 10—11; Simeon ho ... na *ruzy* wsal. A. 93 с., 2—9.

... daj wo jich *rukomaj* wustać. A. 23 с., 9—11.

В двух случаях употреблены формы множественного числа по отношению к одному лицу: A poloschj tha *Rukj* naneh ... A. 47 с.; Ty budzēsich wo žiwicž wjowjch *rukow* dzjeła ... A., 45 с., 4—5.

В нижнелужицком языке XVIII в. формы двойственного числа употребляются также в контекстах, сходных с контекстами употребления форм множественного числа.

Употребление форм двойственного числа по отношению к одному лицу: ... k nim *ruce* swojej žwigašo ... Chr. I, 124: Z proznuma *rukoma* stojašo něto Tšestow ... Chr. I, 248. Z tšesucyma *rukoma* chopjašo něto mēch rozwēzaš. Chr. I, 253: ... ty kscheł pshisch a twojej *ruze* na ňu położysch ... B. Fab. M., V, 23.

Употребление форм двойственного числа по отношению ко многим лицам: Pšeto gaž take wěcy jano do pšawēju *rukowu* ... pšidu ... Chr., I, 216; 1. Mašerku do rowa stajachu: žēši *ruce* k njeju žwigachu ... Chr., I, 66; с.; Mě jano hyšci zwosta to, wam psez někotare słowa ... wam je do *rukowu* pšiporaš ... Chr. I, 201.

2. ... w cuzbje pak lětaju pjacone gołbje wokoło, tam možoš *ruce* do klina szyniš ... Chr. I, 212; Žoź trošt a moc se w serbskej dušy pali, tam jo ten mjac tež blisko k *rukoma* ... Chr. I, 209: Nět po lětach stojm ja how, tužnje trēju licy, kłázom *ruce* na waš row ... Chr. I, 236.

В Библии 1728 г. существительное *ruka* также употребляется как в формах двойственного, так и в формах множественного чис-

ла. В тех случаях, где речь идет об одном лице, существительное *ruka* употребляется преимущественно в форме вин. п. дв. ч. Например: Tedy buchu džječzatka knjemu pschinebene, so by won *ruzy* nanje położył. B. 1728 Mat., XIX, 13; A won położył *ruzy* nanje... B. 1728 Mat., XIX, 15; ... wsa won wodu, a smu Bebi *ryzu* psched ludom ... B. 1728 Mat., XXVII, 24; ... a położył *ruzy* nanju ... B. 1728 M., V, 23: .. na mało korych położył won *ruzy*, a sahoji jich. B. 1728 M., VI, 5; ... położył swojej *ruzy* na njeho ... M. VIII, 23; Potom położył won sawo *ruzy* na jeho woczy. M. VIII, 25; Wsa teź won jeho nawwojej *ruzy* ... L., II, 28;

Форма род. п. дв. ч. один раз употреблена также в отношении одного лица: Wotze ja poruczu swoju duschu do twojeju *rukow*. L., XXIII, 46.

В контексте, повествующем о множестве лиц, употребляются и формы твор.-мест. п. дв. ч., вин. п. дв. ч.; ... a woni budza cze na *rukomaj* powucz ... Mat. IV, 6. Ale snymutymaj *rukomaj* jyszcz, to czloweka neczisteho neczini. Mat. XV, 20: ... so njekotsi jeho wuczomnikow smeju, to je, snymutymaj *rukomaj* kljeb jydzychu. M., VII, 2; M. VII, 5.

В некоторых случаях формы двойственного и множественного числа существительных *ruka*, *noga* сосуществуют в пределах одного и того же контекста. Ср., например: Kneže, niz jeno moje *nohi* bame, ale teź *ruzy* a lowu. B. 1728, J., XIII, 8—9: Wohnih ssu moje *rutze* a *nogy* pschekoppali. Wolf. ps. XXII, 17: Wohn schu mohe *ruze* a *Nohgh* ... Мої. К. 30 г., 5. Из контекста, в котором употреблены формы слов *ruka*, *noga*, ясно, что речь идет об одном лице, которому принадлежит парный предмет. Сам по себе такой контекст предполагает выбор формы двойственного числа, которая и употреблена от существительного *ruka*, слово же *noga* выступает в форме мн. ч. Несомненно, что в этом случае грамматическое значение форм дв. ч. и форм мн. ч. тождественно. Однако трудно решить, произошла ли в этом случае унификация в пользу первоначального значения дв. ч. (обе формы указывают на расчлененность на два) или же в пользу первоначального значения мн. ч. (обе формы обозначают не расчлененное на два множество).

Woko, *Wucho*. Особенностью слов *woko*, *wucho* является употребление их в им.-вин. п. только в формах двойственного числа.

Формы двойственного числа этих слов употребляются в контекстах, где речь идет об одном лице или о множестве лиц. Например: 1. Psheto ty ssy moju duschu s teje ssmer/schy hudrahl, mojej wontzy s tihch drsow ... Wolf. ps. CXVI, 8—9: Te balchatze protck twojeju *wotzowu* newohstanu ... Wolf. ps. V, 6: ... jogo *wohtzih* gledatey na te chude. Wolf. ps. X, 9: XI, 5: ... husswëtljx mojej *wohtzih*. Wolf. ps. XIII, 4: Ja mam togo knëhsa kuhshdih zass protek *wozowu* ... Wolf. ps. XVI, 8. Psheto schickne jogo pshawa mam ja protck *wotzima* ... Wolf. ps. XVIII, 23: Togdläh ssplaschüjo mneh tehn knëhs po mojej pshawdohstzih, po tey zihstohstzih mojeju

rukowu protck jogo *wotcowu*. Wolf. ps. XVIII, 25; Twojey *wotzy* mnòh wishaschey. Wolf. ps. CXXXIX, 16 u CXLI, 8; Mojej *wohtzih* glèdatey ... Wolf. ps., XXV, 15; Psheto twoja dobroshèh jo protck mohima *wohtzima*. Wolf. ps. XXV, 4; ... a to sswètle mojej *wotzowu* pshi mnòh nèjo. Wolf. ps. XXXVIII, 11 ... ja ssmom wot twojey *wotzowu* wotstartzonih. Wolf. ps. XXXI, 23; ... ja zu tèhboh s mohima *wotzima* psewoshisch. Wolf. ps. XXXII, 8; ... danish s *wotzima* na mnòh kiwahsch. Wolf. ps., XXXV, 19; ... alèh ja zu tèhbo poshtroffowahsch, à zu to tèhbè k *wozima* shersshasch. Wolf. ps. L, 2; jogo *wohzy* glèdatey. Wolf. ps. LXVI, 7.

В переводе библии Якубицы: А те sluschebnicy jogo mesy *wooczy* byachu. В. Jak. M., XVI, 65; Meicy *wooczy* a newschize ... В. Jak. VIII, 18; Potom wopet won poloschy swoiey rucze naiogo *wooczy* ... В. Jak. M., VIII, 25; А рекл knym: chtosch *wyschy* ma k slyshanu, tem posluchny. В. Jak. M., IV, 9; M., IV, 23; M., VII, 16.

В форме двойственного числа употребляется также и существительное *wuschy*, когда речь идет об одном лице: ... aleh tey *huschih* ssy ty mnèh wodetkal. Wolf. ps. XL, 7; nachülay twoiey *huschih* kumneh .. Wolf. ps. XVII, 7; ... à moy kshick protck jogo *huschowuh* pshisho. Wolf. ps. XVIII, 7; ... glèday gohrè, à pshichühl twojey *huschy* ... Wolf. ps. XLV, 11; ... ako ta glucka smihja kinsh sswojey *huschih* satika. Wolf. ps. LIIX, 5; Nachil, knehssho, twojey *huschih*. Wolf. ps. LXXXVI, 1; LXXXIIX, 3; ... day towihma *huschima* na tehn gloss mojeje skershbü possluschasch. Wolf. ps. CXXX, 2; ... a poloschy iomu te palcze do *wuschowu*. В. Jak. M., VII, 33; А jogo *huschih* na jogo kshich. Wolf. ps. XXXIV, 15; А stum se wotworily iogo *wuschy*. В. Jak. M., VII, 35.

2. Формы двойственного числа существительных *woczy*, *wuszy* могут употребляться в контекстах, сообщающих о множестве лиц. Например: То je sse stanulo wottogo knèhsa, à io /jaden shiw prótku nascheju *wotzowu*. Wolf. ps. CXIIX, 23; ... hihch *wohtzy* wohnih k tomu hobra — schüju. Wolf. ps. XVII, 11; te kahsnih togo knèhsa ssu sswètle à husswetlüju tey *wohtzih*. Wolf. ps. XIX, 10; Hich *wohtzy* dërbe schamne büsch ... Wolf. ps. LXIX, 24; Daschy mehsty timih tathànami protck naschima *wotzima*. Wolf. ps. LXXIX, 10; Glèday, kaghsh tey *wotzy* tinch sslushab — nihkow na tey rutze ... glèdatey. Wolf. ps. CXXIII, 2; Wohnih possluschachu mnòh s possluschnima||*huschihma*. Wolf. ps. XVIII, 45; Boha, s naschima *huschima*||ssmü my sslüschalih ... Wolf. ps. XLIV, 2; ... pschichülaischo waschey *huschy*. Wolf. ps. LXXIIX, 1; Schiknihch *wotzy* pozakuju na tehbo. Wolf. ps. CXLV, 15.

Форма множественного числа для существительного *woczy* в нижнелужицких памятниках XVI в. отмечена лишь в нескольких случаях и только в переводе библии Якубицы: ... asch wony ie s wuschuzymu *wooczmy* wyscheya. В. Jak. M., IV, 11—12; ... а ie nam pred naschymu *woczmy* schywno. В. Jak. M., XII, 11. По-видимому, как форму множественного числа следует рассматри-

вать и род. п. на *-ow* (вместо н.-луж. *-owu*) в следующем случае: ... a plunu iomu do *woczow*. В. Як. М., VIII, 23.

Форма им.-вин. п. дв. ч. может иметь при себе согласуемое слово в форме множественного числа. В этих случаях форма дв. ч. употребляется при указании на одно лицо и чаще — при указании на множество лиц. Например: 1. RoBunyi nietej twoje *wofci*. Mol. Gesang. 18 г., 3; A hich wolanie schencnow ie prezisschlo pred te *wuschy* tego knisa Zebaoth. В. Як. Epist. Як. 2. ... hich *wohtzy* wohnih k tomu hobraschüju. ... Wolf. ps. XVII, 11; Psheto ty pomogash tihm gubohnihm lüsham /à te huputzohne *wohtzih* ty ponihs-shujohsch. Wolf. ps. XVIII, 27; Hihch *wohtzy* dërbe schamne büsch ... Wolf. ps. LXIX, 24; Šykne *wócy* sakaaju, kněz Bog, na tebjе ... Mol. M. K. 5 v., 1—3; ... pscheto ze hich *wooczy* pelne zpaana byly ... В. Як. М., XIV, 40.

В верхнелужицком катехизисе Варихия слова *woczy*, *wuszy* употреблены лишь один раз: Ja wieru scho me Boh stworil ie sewschim stworenem a ie mi dal czilo a duschu *wotschi* a *wuschi*. Kat. W. 22, 7—10.

В Агенде 1696 г. зарегистрировано лишь слово *woczi*. В двух случаях форма *woczi* употреблена в контексте, где речь идет об одном лице: A posbjeham Bwojej *woczi* k — Hohram. A. 57 с., 12—13; Pschetož mojej *woczi* stej twojeho sbožnika widžilej. A. 91 с., 19—20.

В двух других случаях в контексте, где речь идет о множестве лиц: Wschitkich *woczi* sčakaaju na tebě Knježe. A. 121 с., 17; Tebe pak a twoje Bwjate Błowo stajne psched *woczotaj* mjeli. A. 25 с. 8—9.

В нижнелужицких памятниках XVIII в. преобладает употребление слова *woczy*, обычно в отношении к одному лицу. Например: A ja swinuch mojej *wozi*, a glédach. В. Fr. Zach., V, 9; ... swin twojej *wozi*, a gledaj. В. Fr. Zach., V, 5; A ja swinul mojej *wozi*. В. Fr. II, 1; Woni žachu togodla k'òomu: Kak stej tebe tej *wozy* wotworonej? В. Fab. J., 10; ... ten złowek, pomenony Jesus, huzyni paru, a masascho mojej *wozy*. В. Fab., J., 10; Won pak žascho k'nim: paru položy won na mojej *wozy*. В. Fab., J., 15; ... abo chtož jomu tej *wozy* jo wotworił. В. Fab., J., 21; Kak wotwori won twojej *wozy*? В. Fab., J., 26; ... a jogo *wozy* wotwori. В. Fab., J., 14; ... jogo *wozi* kaž hogněza pochorna. В. Fr., Dan., 6.

В некоторых случаях форма двойственного числа употреблена и по отношению ко множеству лиц. Например: Lej, ja žeju wam, swigajschko waschej *wozy*. В. Fab., J., 35.

В основном, та же картина в употреблении слов *woczy*, *wuschy* наблюдается в верхнелужицком языке XVIII в.

Формы двойственного числа употребляются в отношении к одному лицу: Duž posbeže Jesus Bwojej *woczi*. В. 1728, J., VI, 5; Kakstej twojej *woczi* wottewrenej. В. 1728, J., IX, 10; ... a pomasa mojej *woczi*. В. 1728, J., IX, 11; Błoto polož won

na mojej *woczi*. В. 1728, J., IX, 15; Schto ty prajisch wotnjeho, so won je twojej *woczi* wottewri? В. 1728, J., IX, 17; Kak won twojej *woczi* wottewri? В. 1728, IX, 26; ... a won je mojej *woczi* wottewri? В. 1728, J., IX, 30.

В контексте, в котором употреблена форма двойственного числа, речь может идти и о множестве лиц. Например: Pschetoż swidżazumaj *woczomaj* woni newidża. В. 1728, Mat., XVIII, 13—14; Dyż woni pak swojej *woczi* posbezechu, newidżichu nikoho, hacż Jesusa Bameho. В. 1728, Mat. XVII, 8. Kneże, so buschtej naschej *woczi* wottewrenej bulej. В. 1728, Mat., XX, 33; Wot teho Knesa je so to stało, a je dziwne psched naschimaj *woczomaj*. В. 1728, Mat., XXI, 42; Tak so bychu woni swidżazumaj *woczomaj* widzili. В. 1728, Mat., IV, 12; Tak so bychu woni ... se Błyszczazumaj *wuschomaj* Błyscheli. В. 1728, M., IV, 12; Dżens je tuto piBmo dopełnene psched waschimaj *wuschomaj*. В. 1728, L., IV, 21; Wsmicze wy kwaschimaj *wuschomaj* tute recze. В. 1728, L., IX, 44.

Сопоставление употребления форм двойственного числа для слов, обозначающих парные предметы, в верхнелужицком языке XVIII в. и старославянском языке обнаруживает значительные различия²⁷.

Noga, Ruka. Старославянским формам множественного числа слов *noga, ruka* в верхнелужицком языке в аналогичных контекстах соответствуют:

1) формы двойственного числа. Ср., например, в.-луж. Ale snemutymaj *rukomaj* jyszcz, to cżłoweка neczisteho necżini. В. 1728, Mat., XV, 20; ст.-слав. еже не оумъвенами *рѣками* ѣсти не скврѣнить чѣа ...; в.-луж. Ale pschedewschitkim tem budża woni swojej *guzu* na wás położicż. В. 1728, L. XXI, 12; ст.-слав. ... на вы *рѣкы* свою (Мар., Зогр., Ассем.), в.-луж. Pschetoż woni swoje *guzu* nemuja, dyż kljeb jydża. В. 1728, Mat., XV, 2; ст.-слав. по чѣто оученици твои ... не омыважѣ бо *рѣкѣ* своихъ (Мар., Зогр.); в.-луж. ... a woni budża cże na *rukomaj* поwysz. В. 1728, Mat., IV, 6; ст.-слав. на *рѣкахъ* възмъжѣтѣ (Зогр., Сав.), ср. также В. 1728, M., XVI, 16; L., IV, 11;

2) формы множественного числа. Например: в.-луж. i szczascze groch swaschich *pogow*. В. 1728, Mat., X, 14; M., VI, 11; ст.-слав. отъгрѣсѣте прахъ от *ногъ* вашихъ (Мар., Зогр.); в.-луж. a nasche *nohi* wedł naschczeschku teho mjera. В. 1728, L. I, 79; ст.-слав. *ногы* наша ... (Мар. Зогр.); в.-луж. Jako won tehodla jich *nohi* smuł bjesche. В. 1728, J., XIII, 12; ст.-слав. ... *ногы* ихъ ... (Ассем.), в Мар. и Сав. *носѣ* (дв. ч.); в.-луж. ... cżłoweка Byn budże do *rukow* tych gjeschnikow podaty. В. 1728, Mat., XXVI, 45; ст.-слав. ... в *рѣкы* ... (Мар.), в *рѣцѣ* (Зогр., Ассем.).

²⁷ Для сопоставления использован материал из статьи: А. Б е л и ч. К двойственному числу в старославянском. — ИОРЯСАН, 1899.

Старославянским формам двойственного числа могут соответствовать верхнелужицкие формы множественного числа. Например: в.-луж. Człoweka byn budže do człoweskich rukow podaty. В. 1728, Mat., XVII, 22; М., IX, 31; XVI, 41; ст.-слав. въ рѣцѣ члѣвкомѣ (Мар., Ассем., Савв.); в.-луж.: ... do rukow tych człowekow. В. 1728, L., IX, 44; ст.-слав. въ рѣцѣ члѣвцѣ (Мар., Зогр.); в.-луж. do rukow tych rjeschnikow podaty. В. 1728, L., XXIV, 7; ст.-слав. въ рѣцѣ члѣвкѣ грѣшньныхъ (Мар., Ассем.); в.-луж. Rosza wusomnikam *nohi* musz. В. 1728, J., XIII, 5; ст.-слав. начать оумывати *nosť* оученикомѣ (Мар., Зограф., Савв.); в.-луж. jich *nohi* smul ... В. 1728, J., XIII, 12; ст.-слав. оумы *nosť* ихъ; в.-луж. ... wasche *nohi* mul bym. В. 1728, J., XIII, 14; ст.-слав. аште оубо азъ оумыхъ *nosť*.

В некоторых случаях старославянским формам двойственного числа соответствуют верхнелужицкие формы двойственного числа. Например: в.-луж. Woni pak słożichu swoje ruzy na njeho. В. 1728, М., XIV, 46; ст.-слав. они же възложиша рѣцѣ на нь ... в.-луж. ... nekotsi jeho wuczomnikow ... snemutymaj rukomaj kljeb jydžichu. В. 1728, М., VII, 2,5; ст.-слав. ... не оумъвенама рѣкама; в.-луж. ... a položichu ruzy na Jesuša. В. 1728, Mat., XXVI, 50; ст.-слав. възложиша рѣцѣ на нь; в.-луж. ... kiba so bu bebi ruzy husto smuli. В. 1728, М., VII, 2; ст.-слав. нечистыма рѣкама ...

Woczy, Wuszy. В старославянском языке, по наблюдениям А. Белича, слова *очи, оуши* всегда употребляются только в формах двойственного числа. Старославянским формам двойственного числа *очи, оуши* соответствуют в верхнелужицком также формы двойственного числа; например: в.-луж. Duž woni pak swojej *woczi* posbežechu. В. 1728 Mat., XVII, 8; ст.-слав. въведѣше *очи* свои; в.-луж.: ... a je dziwne psched naschimaj *woczomaj*. В. 1728 М., XII, 11; ст.-слав. въ очию нашу; в.-луж.: Wsmucze wy kwaschimuj *wuschomaj* tute recze. В. 1728 L., IX, 44; ст.-слав. въ *оуши* ваши (Зогр., Мар.); в.-луж.: A Jesušej bjesche jeju zel, a dotknu wo jeju *woczow*, a nudyт jich *woczi* ladachu. В. 1728 Mat., XX, 34; ст.-слав. *очию* има ... і абѣ презрѣсте има *очи* (Мар., Савв.); в.-луж. Duž buchu jeju *woczi* wottewrene a robnaschtaj jeho. В. 1728 L., XXIV, 31; ст.-слав. онѣма же отвѣста сѧ *очи* и познасте и отъ нею (Мар., Ассем.); в.-луж.: ... ale jeju *woczi* bjechu dżerżane, so jeho nesnajeschtaj. В. 1728 L., XXIV, 16; ст.-слав. *очи* же ею дрѣжааште сѧ да его не познаете (Мар., Зогр., Ассем.); в.-луж.: A jich *woczi* bjechu роlне spanja. В. 1728 Mat., XXVI, 43; М., XIV, 40; ст.-слав. бѣсте бо *очи* имѣ тѣжцѣ (Мар., Зогр.); в.-луж.: A wschitkich jich *woczi* wteji schule bjechu na njeho wobrożene. В. 1728, L., IV, 20; ст.-слав. въсѣмъ *очи* бѣшете зрѣшти на нь (Мар., Ассем., Савв.); в.-луж. Won je jich *woczi* saVlepił. В. 1728 J., XII, 40; ст.-слав. видитъ *очима* (Мар., Зогр., Ассем., Савв.).

Для других существительных, обозначающих парные предметы, формы двойственного числа сохраняются по-разному.

Koleno. Употребляется в формах двойственного и множественного числа.

В том случае, если речь идет об одном лице, употребляется форма двойственного числа, в остальных случаях — форма множественного числа. Такое распределение наблюдается и в Вольфенбюттельской псалтыри. Например: *Mojej kolenih stey sslabej sprohtu dlah*. Wolf. ps. CIX, 24; но ср.: ...*kolëna budu sse psched nihm poklanähsch*. Wolf. ps. XXII, 30. См. также в переводе Якубицы: ... а *pluwachu na nögö klykauczy na kolena* а *klonily se iomu*. В. Jak. M., XV, 18.

Та же закономерность характерна и для верхнелужицкой библии 1728 г. Например: ... а *padachu na kolena*. В. 1728 M., XV, 19; ст.-слав.: ...*прѣгыбаѣште колена кланѣахъ сѧ ему* (Мар., Зогр., Асс., Савв.) Но ср. ... *padze won Jesuŝowumaj kolenomaj*. В. 1728 L., V. 8.

Hobwotzy 'брови'. Это слово встретилось только раз в форме двойственного числа в контексте, повествующем об одном лице. Например: ... *jogo wotzih gledatej pilnëh, jogo hobwotzy tihch tzlowetzihch shischow sganowatëy*. Wolf. ps., XI, 5.

Shtzogno 'бедро'. Это слово зафиксировано один раз в форме двойственного числа — *shtzognih*: *Psheto mojej shtzognih schey hustnôtey, à nitzog stroweg na mojom sshiwoschë nejo*. Wolf. ps. XXXVIII, 8. Наряду с этим форма множественного числа ... *à hihch stzôgna daschy nëhobstawajutzy sse tshëssu*. Wolf. ps. LXIX, 24.

Kshilo 'крыло'. Для этого слова отмечены две формы двойственного числа: ... *à sposy tim chlotkom twojeju kshilowu chwälüja*. Wolf. ps. LXIII, 8.

Другая форма дат.-твор.-мест. п. двойственного числа *kshiloma*: ... *sesswohim përohm wohn tëhbó pokshisch by-shò, à twoja nasheja büsho büsch spohsy joga kshiloma*. Wolf. ps., XCI, 5.

В верхнелужицкой библии 1728 г. это слово встречается в форме множественного числа в контексте, сообщающем об одном существе: ... *jako pata sromadzuje ŝwoje kurjatka pod kziidla*. В. 1728 Mat., XXIII, 37.

Отмеченные выше слова, обозначающие парные предметы, встречаются крайне редко и это затрудняет выяснение определенных закономерностей в употреблении этих слов.

Редко употребляется и слово *huba*. В памятниках XVI—XVII вв. оно вообще не зафиксировано. Оно встречается в памятниках XVIII в., где выступает в формах двойственного числа в контексте, повествующем об одном лице. Например: ... *wschitkim tem nepscherjeschi ŝo Hiob se swojimaj hubomaj*. В. Fab. Hiob. II, 10. *Mojej hubi dyrbitej kwaŝbu powëdacž*. В. 1728 Ps. CXIX, 171. *Ton lud ŝo kemni pschibližnje seŝwojim rtom a czesczi me se ŝwojimaj hubomaj, ale jich wutroba je daloko wottemne*. В. 1728 Mat., XV, 8. *Ja shzu se ŝwojimaj hubomaj powëdacž*. В. 1728 Ps.

CXIX, 13; Ten lud *czesczi* me s *hubomaj* ale jich wutroba je daloko wottemne. В. 1728 М., VII, 6.

Rohg 'рог'. В Вольфенбюттельской псалтыри отмечена одна форма двойственного числа этого слова в контексте, повествующем об одном существе: ... *jaden wohl kotary roh-/ga* a *nohgy mah*. Wolf. ps., LXIX, 32.

В нижнелужицких произведениях XVIII в. слово *rog* встречается уже только в форме множественного числа, в том числе и в контексте, повествующем об одном существе. Например: *Lac drje by byl, ale rogi brachuju*. Chr. I, 84.

В верхнелужицкой Библии 1728 г., напротив, это же слово в контекстах, повествующих об одном лице, употребляется в формах двойственного числа. Например: *Ja widzich so ton bogan stumaj rohomaj storkasche kwesżoru*. В. 1728 VIII, 4. Отметим, что это слово одно из немногих слов, обозначающих парные предметы, употребляется в верхнелужицком языке в сочетании с числительным *dwa* (см. ниже).

Rahmë 'плечо' употребляется лишь в формах множественного или единственного числа. Например: ... a *kladu je ludżom na ramenja*. В. 1728 Mat., XXIII, 4 (ср. ст.-слав., где слово *плешта* также употреблено в форме мн. ч.: *събираѣтъ же брѣмена тѣжъка и не оудобъ носима и възлагаѣтъ на плешта члвска* (Мар., Ассем.) ...à *hich raměnoh* him *něromogascho*. Wolf. ps. XLIV, 4; ... à *hich raměnoh*. Wolf. ps. CVII, 29.

Husta 'уста'. Все серболужицкие памятники дают для этого слова форму множественного числа: Например: ... à *hobsshernih hogěhn ß jogo hust*. Wolf. ps. XVII, 9; *Z tych hustow mlodych źětkow ... Sy ty janu moc pśigotowal*. Wolf. ps. IIX, 3; *Woni maju husta*. Wolf. ps. CXXXV, 16; ... *nic jedno z tymi wustami, ale z tymi statkami*. Mol. M. K. 1 v., 18—21; *Gŕch wusta sche nahmne roßeraiu/ /A tack ack dargaße Lawijrupiu*. Mol. Gesang. 29 v., 17—20; *Wotwory mie moye wusta*. Mol. Gesang. 73 г., 6—7.

Stopa 'стопа'. Это слово употребляется только в формах множественного числа, независимо от контекста. Например: *Wandru Sakryst stopamy Adama Crijsnyck schmerssŕj* Mol. Gesang. 93 г., 22—23; *Ja pack bëch sse na malěh s mohima nogoma satonihl, mohihch stopach bëch je sse skoro possunuhl*. Wolf. ps., LXXIII, 2.

Слово *bok* 'бок' в нижнелужицких произведениях XVIII в. зафиксировано только в форме множественного числа. Например: *Bruslac drje by byl, ale boki brachuju*. Chr. I, 84.

Слово *starejsze* 'родители' встречается уже в нижнелужицких памятниках XVI в. в книге песнопений и катехизисе Моллера и в переводе Библии Якубицы, где имеет только форму множественного числа, независимо от контекста. Например: им. п. мн. ч. *Hewi nederbje te starejsze tych źětkow hyndrowaś*. Mol. M. K., 1 v., 11—12; ... *ten pjerwy clowjek Adam a Ewa naše pjerwe*

starejše su padnuli a zgrěšyli. Mol. M. K., 9 r., 4—7; ... až woni pótom to budu šomu lěpšemu žaržaś a tak ak *starejše* jog se górze weześ a ten katechismus wucyś. Mol. M. K. 9 r., 25—27;

Род. п. мн. ч.: Ja, ten kněz twój Bog... ten grěch tych *starejšych* strofuju. Mol. M. K. 2 v, 12—15; ... a žersche to wustawene tich *starschich*. В. Jak., M., VIII, 3, 5.

Дат. п. мн. ч.: ... a te scheczy powstanu napzczeczywoswochim *starsschym*. В. Jak. M., XIII, 12.

В нижнелужицком переводе библии Фабрициуса это же слово встречается и в формах двойственного числа в контексте, где речь идет об одном лице. Например: Togodla žaschtej jogo *starejschej*. В. Fab. J., 23; Take grońaschtej jogo *starejschej*. В. Fab. J., 22; ... až woni wołachu tej *starejschej* togo kenž bėscho wižезу huзыноny. В. Fab. J., 18; ... daniž ten jo grěschył, daniž jogo *starejschej*. В. Fab. J., 3; Pśeto pśebywach po smjerśi swojeju *starjejšeju* pśisamem dvě lěśi w ty wsy. Chr. I, 118; Togo *starejschej* wotgronischej ... В. Fab. J., 20.

В верхнелужицкой Агенде 1696 г. слово *starsche* употребляется в форме им. п. мн. ч. в контексте, повествующем о множестве лиц: Kotrež jeden kraβny troscht je sa-te džjeczi/kotrymž jich *starschi* saje wottemru. А. 53 с., 14—15.

В этом же памятнике слово *mandželskeja* ‘супруги’ употребляется в форме род. п. дв. ч.: ... tej noweju *Mandželskeju* nacžjeli ... А. 71 с., 18—21, 1—3.

В форме род. п. мн. ч. слово *starschi*, представляющее собой субстантивированное прилагательное, употребляется в верхнелужицкой библии 1728 г. в контексте, повествующем об отношении данного слова ко множеству лиц: Czohodla pschestupja twoji wuczomnizu tych *starschich* wustawenja. В. 1728, Mat., XV, 2. Но наряду с этим встречается и форма род.-вин. п. дв. ч. *starszeju* в контексте, где речь идет об отношении к одному лицу: Židzi pak ņewjerjachu wotnjeho, so by źlepy był, a to widzenje saβo dostał, hacž woni sawołachu teju *starscheju* tehoβameho, kiz bjesche to widzenje dostał. В. 1728 J., IX, 18.

В остальных случаях это слово засвидетельствовано в формах им. п. дв. ч. в контекстах, из которых ясно, что данное слово употреблено по отношению к одному лицу: Jesus wotmolwi: Ani ton neje srjeschił, ani jeho *starschej*. В. 1728 J., IX, 3; A jeho *starschej* pak chodžeschtaj kojžde ljetu do Jerusalema ... В. 1728 L., II, 41; A jako taj *starschaj* Jesuβa to džjeczатko do templa pschineβeschtaj; so byschtaj so njo czynilaž po waschnju teho Sakonja. В. 1728 L., II, 27; A jeje *starschej* dziwaschtaj βo nemoznje ... В. 1728 L., VIII, 56; Jeho *starschej* wotmolwischtaj jim ... В. 1728 J., IX, 20; To prajeschtaj jeho *starschej* ... В. 1728 J., IX, 22; Tehodla dzeschtaj jeho *starschej* ... В. 1928 J., IX, 23.

Очевидно, в верхне- и нижнелужицком языках наблюдается та же закономерность, что и в старославянском языке: там, где

слово *starsche* имеет отношение к одному лицу, оно употребляется в формах двойственного числа, в остальных случаях — в формах множественного числа.

3. Конструкции с числительными *dwa* (н.-луж.), *dwaј* (в.-луж.), *dwě*, *wobeј* (н.-луж.), *wobaj* (в.-луж.) в серболужицких памятниках в большинстве случаев содержат существительные в форме дв. ч.

В памятниках XVI—XVII вв. сочетания существительных с числительными встречаются очень редко. Так, в нижнелужицкой книге молитв и песнопений Моллера наблюдается лишь три случая употребления интересующих нас конструкций. ... *Ga tham Jogo ksiјbowachu. A psijnom Grępsnieckou dweјu.* Mol. Gesang. 33 г., 15—16; *Dwa Jenschela tam namakachu / kenss the schenske trostowachu.* Mol. Gesang. 43 г., 17—18; *Dwa Seraph bliјssko pssynom stoj asteh.* Mol. Gesang. 106 г., 10—19.

Эта конструкция засвидетельствована также и в библии Якубицы. Например: ... *possla Jesus swojeiu wczedlnikowu dweiu.* B. Jak. M., XI, 1; см. также M. XIV, 13; ... *a snym su gczyschowaly dweiu mordarowu.* B. Jak. M., XV, 27; ... *ažby dali ... dweјu mařaskowu, albo dweјu golub'ařkowu.* B. Jak. L., II, 24; ... *a hich pack bylo ke dwema tusintoma.* B. Jak. M., V, 13; ... *krome wobute ze sokamy, a aby se newoblekly dwe sukne.* B. Jak. M., VI, 9; ... *derymy me da iczy a za dwe szczehe penis chleba kuppitz a chym gescz daatecz?* B. Jak. M., VI, 37; ... *a gdisch wony to zgonyly, rekly: pietz a dwe riebe.* B. Jak. M., VI, 38; ... *a won wesmu te pietz pokrut chleba a tey dwe riebe ... a tey dwe riebe mesy hich schiczkich rozely.* B. Jak. M., VI, 41; ... *wono ie tebe lepey ... neschlyby ty dwe rucze mel a pczysschel do pelka.* B. Jak. M., IX, 43; ... *wono ie tebe lepey, asch ty chromy poyschesch k schywenowu, neschlyby dwe noose mel ...* B. Jak. M., IX, 45; ... *wono ie tebe lepey s iednym wookiem iczy do boschego kralostwa, neschly dwe wooczy metcz ...* B. Jak. M., IX, 47; ... *a pczysschla ie iedna chudobna wudowa a poloschy dwa schkarda nuetzo.* B. Jak. M., XII, 42; *A po dwema dnoma byly iastry a te dny tich slotkich chlebowu...* B. Jak. M., XIV, 1; *Wy weszo, ař po dweiw dnewu Jaczschy budu.* Nehr., M., XIV, 1.

Слово *raz* в сочетании с числительным *dwa* иногда выступает в форме множественного числа: ... *w tey ty noczy, neschly ten kokott dwa rassy zazpywa ty mne tczy kratt zapreczesch.* B. Jak. M., XVI, 30. Ср. из более позднего текста: ... *pla serbow dwa raza dwařasća ...* Chr. I, 118; ... *wot kotrychř k tyženju dwa raza poľne korby kwiřinkow ... předawařo.* Chr. II, 186. Конструкции с числительным *dwa* встречаются и в нижнелужицком языке XVIII в. Например: ... *a won wostanu tam dwa dņa.* B. Fab. J., 40. *Ale po tuma dwěma dņoma řescho won s'tam wen ...* B. Fab. J., 43; *Poslaľ jo pak Noas doloj do tog swěta dweјu wronařkowu.* Chr. I, 18; *Poslaľ jo pak Noas doľoj do tog swěta dweјu gotubařkowu.* Chr. I, 19; *Jadna wjelika řěřa jo, gař dwa pšijařele stej a roztyla*

dejitej. Chr. I, 76; W tej wsy, zož mějach *dweju*, mlodeju *kněžkowu* rozwucowaś, běšo teke faraf rožony Serb. Chr. I, 128; Pseto pseywach po smjerši swojeju starjejšeju písamem *dwě lěši* w tej wsy ... Chr. I, 118.

В верхнелужицкой Агенде 1696 г. нет сочетаний существительного с числительным.

Конструкции с числительным *dwa* зафиксированы в переводе библии 1728 г. В преобладающем большинстве эти конструкции содержат формы дв. ч. существительных. Например: ... *poßła won ßwojeju wuczomnikow dweju*... В. 1728 М., XI, 2; ... a *połoži nuz dwje scherbatzy*. В. 1728. М., XII, 42; A woni kschiżowachu snim *dweju mordarjow*. В. 1728 М., XV, 27; Ale so bychu wczrijach byli, a *ßo dwje bukni* newoblekli. В. 1728 М., VI, 9; Wy wjescze, so *ßo dwjemaj dnjomaj* jutry budža. В. 1728 Mat., XXVI, 2; ... *poßła won ßwojeju wuczomnikow dweju*. В. 1728. М., XI, 2; ... *połoži nuz dwje scherbatzy*. В. 1728. М., XII, 12; Duž pschistupi tež ton kiž bjesche *dwaj zentnarej* dostał, a dšesche: Kneže, ty *ßy mi dwaj zentnarej* pschirucił, laj, ju *ßym druhaj dwaj* snimaj dobył. В. 1728. Mat., XXV, 22; A laj, *dwaj ßlepaj* sejdžshtaj pschi puczu ... В. 1728 Mat., XX, 30; Nebudžetaj *dwaj robej* sa mały penes kupjenaj? В. 1728, Mat., X, 29; Wustrowi *dweju ßlereju*. В. 1728, Mat., XX; Nichto nemože *dwomaj knesomaj* słužicž. В. 1728, Mat., VI, 24; Jesus ... wotpuscži *dwimaj* wunatymaj czertomaj do sergesenskich *ßwini* czanucž. В. 1728, Mat. VIII; Napoßletku pak pschindžeshtaj *dwaj* falžnaj *ßwjetkaj* a dšeshtaj. В. 1728, Mat., XXVI; A tedy buschtaj tež *dwaj mordarej* snim kschiżowanaj ... В. 1728, Mat., XXVII, 88.

Согласуемые слова (глагол-сказуемое простое или именное составное, прилагательное-определение) при конструкциях с числительным *dwa* обычно также употребляются в формах двойственного числа: A woni pschindžechu, a napelnichu *wobej łodzi* tak, so *ßo ponureschtaj*. В. 1728 L., V, 7; *Dwaj człowekaj džjeschtaj* hohrje do templa *ßo modlicž*. В. 1728 L., XVIII, 10; Woni pak džjachu: Kneže, laj tu *staj dwaj meczej*. В. 1728 L., XXII, 38; *Buschtaj* pak tež *druhaj dwaj słoscznikaj* uwedženaj; so *buschtaj* snim skonżowanaj *butoj*. В. 1728 L., XXIII, 32; ... da nalje pschistupischtaj *dwaj muskaj* knim wjasnych drastach. В. 1728 L., XXIV, 4.

О сохранении грамматического значения двойственности в конструкциях с числительным *dwa* (*dwaj*), *dwě* говорит употребление анафорического двойственного числа. Например: Njekajki lichownik mjejesche *dweju dołžnikow* ... Dyž pak *wonaj nemeschtaj* sapłacžicž, spuscži won wobymaj ton doł. Kotryda, powes mi. bes nimaj budze jeho najbolje lubowacz? В. 1728 L., VII, 41—42; A swjasachu jeho *sdwjemaj* nowymaj *postronkomaj*, a wedžichu jehc se skału ... ale Knesowy duch pschindže na njeho a taj *postronka*. na jeho rukomaj bjeschtaj jako zwernowej ničži, swohenjom pschepalenej ... В. 1728 kn. Ssudnikow, XV, 13—14.

В одном случае в составе конструкции с числительным *dwa* вместо ожидаемой формы им. п. двойственного числа существительного находим форму род. п., которая совпадает с род. п. множественного числа: *A taj dwaj jeho wuczomnikow błyscheschtaj jeho reczo a dżeschtaj za Jesiřom*. В. 1728 J., I, 37. Этот случай, очевидно, следует истолковывать так же, как следующий: *Nasajtra stej-esche sasso Jan, a snim dwaj wot jeho wuczomnikow*. В. 1728 J., I, 35.

В сочетании числительного *dwa* с существительным *dżeń* последнее в некоторых случаях имеет форму вин. п. мн. ч. *dny* вместо ожидаемого двойственного *dni*: ... *a won poby tam dwaj dny*. В. 1728 J., IV, 40. ... *wosta won tedy dwaj dny na tem mjesczi, dżeż bjesche*. В. 1728 J., XI, 6.

В других случаях это существительное при числительном *dwa* имеет форму двойственного числа в конструкции с числительным. Ср., например: *Ale po tymaj dwjemaj dnjomaj wojndże won wot tudy ...* В. 1728 J., IV, 43; *Wy wjeszcze, so po dwjemaj dnjomaj jutry budża...* В. 1728, Mat. XXVI, 2.

В одном случае и слово *ryba* в сочетании с числительным *dwa* также употребляется в форме мн. ч.: *A woni dżjachu: my nimamy wjazы hasz pјeczprokrotkow, a dwje ryby ...* В. 1728 L., IX, 13. Однако в других примерах находим форму вин. п. дв. ч. *dwje rybi*: *A won wsa te pјecz pokroty a czi dwje rybi, a polada knebesam*. В. 1728 L., IX, 16; *A won wsa te pјecz pokroty, a czi dwje rybi ...* В. 1728, Mat., XIV, 19; *Won dżjachu pak knjemy: My tudy nitscho nimamy, kiba jeno pјecz pokrotow klјeba, a dwje rybi*. В. 1728, Mat., XIV, 17.

4. Формы двойственного числа существительных могут употребляться в тех случаях, когда существительные выступают в качестве приложения или именной части именного составного сказуемого при конструкции из двух имен, как с союзом, так и без него. Употребление форм двойственного числа существительных, выступающих в качестве приложения и именной части сказуемого, в каждом памятнике встречается редко или вовсе отсутствует, поэтому составить полную картину возможного употребления форм двойственного числа в этом типе случаев для каждого памятника трудно. Иногда вместо ожидаемых форм двойственного числа существительных наблюдаются формы множественного числа, причем такая замена характерна уже для памятников XVI в. Так, например, в сборнике песнопений и катехизисе Моллера есть лишь один случай, когда существительное выступает в роли приложения при конструкции с двумя именами, соединенными союзом *i*. В этом единственном примере существительное-приложение имеет форму не двойственного, а множественного числа: *Krystus zaso swojim poslam, Matej a Marci na tom slędnem stawje: Žiřo tam we ten cyly swęta a wucyřo řykných tatanow*. Mol. M. K. 3 v., 12—16.

Употребление форм множественного числа вместо двойствен-

ного у существительных, выступающих в роли приложений при конструкции из двух имен, можно наблюдать и в переводе Якубицы. Например: *Techdy pczystuppili knomu Jakub a Jan synowe Zebedeowe, a rekly ...* В. Як. М., X, 35. (Ср. в верхнелужицком переводе 1728 г. аналогичный отрывок: *Tedy pschistupischtaj knjemu Jakub a Jan, taj bynaj Zebedeuβowaj, a dżeschtaj ...*).

В переводе Якубицы существительные, образующие именную часть составного сказуемого, демонстрируют замену двойственного числа множественным наряду с сохранением двойственного числа. Например: *A yak won čhoschyl pczy Gallileiskim moru, wupitta won Symona a Andreia, iogo brattra, asch woney ieiu seczy wuschpaley do mora, pscheto ze woney biley ribaka.* В. Як. М., I, 16. Но ср. далее: *A Jesus rekl knyma: pootcztey zamnu, ia chczu wayu k złoweczkm rybakom wuczinitcz.* В. Як. М., I, 17. В последнем примере употреблена форма множественного числа, хотя речь идет о тех же двух лицах, по отношению к которым в первом примере была употреблена форма двойственного числа *rybaka*. Ср. аналогичный отрывок из нижнелужицкого перевода Библии Фабрициуса: *... pscheto wonej beschtej rybaka. A Jesus žascho k'nima: pojátej samnu, ga zu ja hyzynisch, aby wej złowekow rybaka hordowalej.* В. Fab. М., I, 16—17. Форма двойственного числа в сходном контексте употреблена в верхнелужицком переводе Библии 1728 г. *... pscheto wonaj bjeschtaj rybakaj ... ja chzu sžinicž, so budžetaj sžłowekow rybakaj.*

Перевод 1728 г. отличается большей последовательностью в употреблении форм двойственного числа в данном типе синтаксического контекста. Например: *Teho runja tejz Jakuba a Jana Zebedeoweju bynow, kiz bjeschtaj Schimanowaj towarschtaj.* в. 1728 L., V, 10; *A laj, dwaj mužej reczeschtaj snim, kotrajž bjeschtaj Mojsas a Helias.* В. 1728. L., IX, 30—31; *Jako pak to jeho wuczomnikaj, Jakub a Jan widžischtaj, dżeschtaj wonaj ...* В. 1728 L., IX, 54; *A jako won tam dale wottendže, wulada won dweju druheju bratrow, Jakuba Zebedeoweho byna, a Jana jeho bratra, włodži s jeju nanom Zebedeom...* В. 1728 Mat., IV, 21.

Описанные выше примеры являются, по существу, частными случаями употребления анафорического двойственного числа. В большинстве приведенных примеров употреблению формы двойственного числа предшествует упоминание о двух лицах. В других примерах такое упоминание непосредственно следует за высказыванием, где употреблена форма двойственного числа. При употреблении анафорического двойственного слово в форме двойственного числа может быть достаточно удалено от высказывания с упоминанием двух лиц или предметов. И здесь в серболужицких языках наблюдаются случаи замены ожидаемого анафорического двойственного числа множественным. Ср., например, следующие случаи: *A swjasachu jeho s dwjemaj nowymaj postronkomaj ... ale knésowy duch pschindže na njeho, a taj postronkaj*

na jeho rukomaj bjeschtaj, jako zwernowej niczi, swohenjom psche-palenej. B. 1728 kn. Sudnikow, XV, 13—14. В этом примере употребление форм *postronkaj*, *niczi* со значением двойственности обусловлено более ранним употреблением формы связанного двойственного *s dwjemaj postronkomaj*. То же и в следующем примере: Tedy pschistupi knjemu macz tych dzjeszi Zebedeowych se *βwojimaj bynomaj* ... B. 1728. Mat., XX, 20; A won wsa te pjecz Pokroty, a czi *dwje rybi* ... a czi *dwje ryby* rozdzejli won bes wschitkich ... A wono sebrachu kruschkow kljeba ... a wot *teju rybow*. B. 1728 M., VI, 41—43. Форма двойственного числа местоимения *teju* заставляет предполагать форму двойственного числа и в слове *rybow*. (Ср. перевод Якубицы: A won wesmu te pietcz pokrut chleba *tey dve riebe* ... a *tey dve riebe* mesy nich schiczkich rozely. A sebraly su wostatkow drobesc ... a wot tich *rieb*. Вместо ожидаемой формы *teju riebów* употреблена форма множественного числа *tich rieb*.) Замена ожидаемой формы двойственного числа наблюдается в следующем случае: A jako *βobbota* prejcz bje... pschindze Maria Madlena, a ta druha Marja, so by row wobladatej ... Ton jandzel pak wotmołwi, a dzesche *ktem* žonskim ... B. 1728 Mat., XXVIII, 1, 5.

Употребление форм двойственного числа личных местоимений

Обычно форма двойственного числа личного местоимения употребляется в контексте, в котором уже раньше было указание на то, что речь идет о двух предметах или лицах и соответственно употреблены формы двойственного числа существительных. Например: Ty *mojej* wohtzy shersshisch, ahsh *woney* sse nēshamrōtey. Wolf. ps., LXXVII, 5; Psheto tehn ptaschk jo ssēbē janu we — sshu dopūtahl, à ta jaskolitz a sswojo gnēhsdo, shosh *woney* mlode hussedujotey ... Wolf. ps. LXXXIV, 4; Je zu pshiwdasch Rahaboju à Ba-béloju praetkawasch, ahsh *woney* mnōh pohssnasch dērbētey ... Wolf. ps. LXXXVII, 4; Twoja gornihwostz huchaischōwa na — / mnōh, twojo tschaschenē mnōh nushy. *Woney* mnōh hobbēhgnōtey ... Wolf. ps., LXXXIII, 17—18; Ja zapowjedam pjerwo Hanesa N. a Gretu N. *Tej* personje cotej se za bōžym wustawjenim do tego wērowaństwa pódaś ... aby *wonej* ten štand we bōžem mēnju zachopiŕej a *jima* se debrje ražilo ... Bog daj *jima* swójo žognowanje. Mol. M. K. 12 v., 5—11; Dokulž Hans N. a Greta N. jaden drugogo k wērowaństwu pózedatej ... ga ja *jeju* do tego wērowaństwa gromadu zwēžu ... Mol. M. K. 13 r., 19; Tšesemu ga to jo waju trošt, až *wej* wēštej ... kak *waju* stand pšed Bogom spódobany a žognowany jo. Mol. M. K., 15 r., 8—10; *Wonej* vseschtey a namakaschtey to schgrebe ... B. Jak. M., XI, 4; Won vzasche *knyma*: czo czetey, aschbich ia *wama* szinitz derel? *Woney* reknulej knomu: daj *nama* ... Jesus *knyma* rekl: *wey* newetey saatcz *wey* prossitey. B. Jak. M., X, 36—38; wotto bucze ten zloweg swoiego woschcza

a maczer wopuschcztiz a bucze swoiey schone pcywysnutcz, a buschetey tey dwe iedno musso bitcz, da *woney* nint neystey dwe krome iedno musso. B. Jak. M., X, 7—8; Potom jak dwa znych vschley stey, zgewy won se *chyma* w iednym stalcze. B. Jak. M., XVI, 10; A tey wczedlnyka vschley stej ... a namakalej tak, yakosch won *chyma* prawyl byl ... B. Jak. M., XIV, 16.

To же в переводе библии Фабрициуса: A gaž tam tschochu dalej wotejže, wižescho won Jakuba, Zebedejoweho βyna, a Jana, jogo bratscha, ... a ned wołascho won *jeju*. B. Fab. M., I, 19; A tej dwa huknika βlyschaschtej jogo groņezego, a žeschtej sa Jesuβom. Jesus pak βe hobroschi a wižescho *jeju*, sa nim dužeju, a žascho k'*nima*: o *wej* pytatej? *Wonej* pak žaschtej ... B. Fab., J., I, 37—38; A hobj, nan a βin, sawołałje jogo ... A won gronascho skschajzu *knima*. B. Fr. Tob., XII, 6; Ga sawoła ten Hegojtojski kral tej babže, a žascho k'*nima*: pschez ga *wej* to zynitej, až *wej* tych golzow žywyx wostawijotej? B. Fr. II kn. Mojs. IX, 18; Ga žeschtej Mojsas a Aron nutsch k'Faraonoju, a žynaschtej, kaž *jima* ten knes bėscho pschikasał. B. Fr. II kn. Mojs., IX, 10.

В верхнелужицкой Агенде 1696 г.: Tehodla budže Muž βwojeho Nana a βwoju Macž wopuschcžicž ... a *wonaj* budžetaj jene cžjelo. A. 65 c., 18—21; A Boh stwori teho cžloweka ... Muskeho a Zonsku. A Boh požonowasche *jeju* a džjasche k — *nimaj* ... A. 71 c., 2—3; Dokelž *woj* do-βwjateho mandželskeho žtanda w — Božem mjeni βo podalaž staj ... da derbiłaj *woj* najprotβe s — Božeho piβma srosemicž. A. 65 c., 1—4.

Формы двойственного числа личных местоимений употребляются в анафорическом положении и в библии 1728 г. Если сравнить текст этого перевода со старославянским, то окажется, что в верхнелужицком переводе личные местоимения в форме двойственного числа последовательно употребляются там, где в старославянском наблюдается замена двойственного числа множественным. Например: A laj, dwa βleraj βeidžischtaj pschi ruszu ... a džeschtaj: Kneže, ... βmil βo nad *namaj*. B. 1728, Mat., XX, 30; ст.-слав. дѣва слѣпца зовѣща и глѣца: помилоуи *ны* снѡу двѣ. Мар., Ассем. Jako tehodla taj mužej knjemu pschindžeschtaj, džeschtaj *wonaj*. Jan ton chczenik je *naju* ktebi poβłał ... B. 1728, L., VII, 20; ст.-слав. пришьдѣща же къ нему мѣжа рѣсте... посьла *ны* к тебѣ. Мар., Зогр.; A budželi *waju* schtu praschecz ... B. 1728, L., XIX, 31; ст.-слав. аще къто *вы* въпрашаатъ ... Мар.; A jedyn teju słoscznikow ... džesche: Ssyli ty Krystus, da pomhaj βebi a *namaj*. B. 1728, L., XXIII, 39. ст.-слав. един же отъ обѣшеноую зълѡдѣю глѣа ... аште ты еси хѣ сѣси сѣсамъ и *ны*. Мар., Ассем, Савв.; Je ton *waju* Byn, wot kotrehož *woj* prajitaj ... B. 1728, J., IX, 19; ст.-слав. съ ли естъ снѣ ваю его же *вы* глѣта. Мар., Зогр., Ассем. ... ja chzu *waju* krybakomaj tych cžlowekow scžinicž. B. 1728, Mat., IV, 19; ст.-слав. ... сѣтвори *вы* члкомъ

ловца. Зоґр., Ассем. Jeli so dwaj beswami psches jena staj nasemi, nech je schtož chže, so chzetaj probycz to dyrbi wo *jimaj* dostacz wot mojego wot a wnebeſach. В. 1728, Mat., XVIII, 19; ст.-слав. дѣва отъ васъ съвѣштаате ... бждеть имъ. Сав.

В немногочисленных случаях в верхнелужицких памятниках, как и в старославянских, вместо ожидаемой формы двойственного числа личного местоимения употреблена форма множественного числа. Например: Ssy ty ſem pschischol predy сѣва *nas* сѣwilowacz? В. 1728, Mat., VIII, 29; ст.-слав. пришелъ еси сѣмо прѣжде врѣмене мѣжитъ *насъ* (вм. *наю*) Мар., Зоґр., Сав., Bjeda tebi Chora im! bjeda tebi Betsaida! dy by w Jhru a w Sidoni tajke skutki wo state, jako pola *was* wo ъu state ... В. 1728, Mat., XI, 21; ст.-слав. горе тебѣ хоразинь. горе тебѣ витѣсаида. ѣко аще въ тоурѣ и сидонѣ бж силы были бывшма въ *васъ*. древле оубо въ врѣтици. Мар., Зоґр., Nato praju ja *wam*: Losche budze na budnym dnju Турувеј а Sidoneј дузли *wam*. В. 1728, Mat., XI, 22. Ст.-слав. обаче глѣ *вамъ* Тоуромъ и Сидоноу... Вамъ. Мар., в Зоґр. — *вамъ* и *вама*. А jako Bobbota prejcž bje ... pschindže Marja Madlena a ta druha Marja ... Ton jandžel pak wotmolwi: ... ja wjem, so *wy* Jesuſa teho kschizewaneho pyttacze ... A laj, won predy was pojndže do Galilejskeje; tam budžecže wy jeho widžicž: laj, ja ъum *wam* to ѡamo praji. В. 1728, Mat., XXVIII, 1, 5, 7. И далее по отношению к этим двум лицам употребляются лишь формы множественного числа личного местоимения 2 и 3 л.

В следующих случаях верхнелужицкий и старославянский языки имеют в аналогичном контексте формы двойственного числа: Jeho starscheј wotmolwischtaj jim, a džeschtaj: Moj wjemoј, so ton naju ѡyn je ... В. 1728, J., IX, 20; ст.-слав. вѣвѣ ... снѣ наю ... Мар., Зоґр., Как won pak njetk widži, newjemoј *moј*, aby schtu je jeho woczi wottewri, moј teiž newjemoј: ... В. 1728, J., IX, 22; ст.-слав. вѣ вѣвѣ, вѣ не вѣвѣ. Мар., Ассем. Зоґр.; ... to dyrbi wo *jimaj* dostacz wot mojego Wotza wnebeſach. В. 1728, Mat., XVIII, 19; в Мар. ев. дѣва отъ васъ съвѣштаате ... бждеть *има*.

В старославянском языке замена форм двойственного числа личных местоимений формами множественного числа происходит в основном в винительном падеже. Это явление А. Белич²⁸ объясняет возможным тождеством каких-либо энклитических форм двойственного и множественного числа, но не как результат смешения вообще форм двойственного и множественного числа. Так, энклитические формы *на*, *ва* не являются формами одного падежа. При отсутствии неэнклитической формы в винительном падеже появляется форма множественного числа. Такая замена, по мнению А. Белича, никак не свидетельствует о падении двойственного числа, поскольку наблюдается и в словенских диалектах и в верх-

²⁸ А. Белич. К двойственному числу в старославянском, стр. 1190—1191.

нелужицком языке, где при формах дв. числа в им.-вин. и дат.-твор., в род.-мест. находим формы множественного числа.

Как видно из приведенного выше сопоставления верхнелужицких и старославянских примеров, в верхнелужицком языке замена формы двойственного числа формами множественного числа имеет место там, где в старославянском она встречается в редких случаях (т. е. в родительном и дательном падежах местоимения *ty*).

Замена двойственного числа множественным в формах личных местоимений наблюдается уже в ранних памятниках серболужицкого языка, начиная с нижнелужицких памятников XVI в. При этом такой замене подвержены личные местоимения любого лица. Например: *Techdy rczystuppili knomu Jakub a Jan ... a rekly: mistre me chcemy asch ty nam sczinisch to, zcosch mey tebe prositz buczemey*. В. Як. М., X, 35—36. В приведенном примере вместо ожидаемой формы 1 л. дв. ч. употреблена форма 1 л. мн. ч. наряду с употребленной в дальнейшем формой 1 л. дв. ч. (ср. с переводом 1728 г., где местоимение имеет форму мн. ч., а глагол — дв. ч. — *ty chzemoj*). ... *A rekl knuma: vschytey do tego mestka, kotory pred wamy leeschy, ...* В. Як. М., XI, 2.

Форма 2 л. мн. ч. — *wamy* употреблена вместо ожидаемой формы 2 л. дв. ч. *wama* (ср. наряду с этим: *A won posla swoieiu vczednikowu dweiu a vzasche knuma: vschytey do tego mesta, a wama bucze ieden zloweg potkacz ...* В. Як. М., XIV, 13); перевод библии 1728 г., где находим: ... *kotrež predy waju ležy ... Woney rekley knum tak, iak chim Jesus byl pcykasal, a wony to dopuschczil ...* В. Як. М., XI, 6 (ср. с переводом 1728 г., где употреблена форма дв. ч. — ... *kajž jimaj Jesus bjesche pschikasał ...*).

Случаи замены форм двойственного числа множественным в личных местоимениях отмечены и для более поздних переводов на нижнелужицкий язык. Например: *A hoboј, nan a řin sawoľafej jogo na jadno wěste město, a pschořileј jogo, abu won kschěl goreјsēsč tu poľozju wot schiknich dobutkow, kotarež woni běchu se wobu pschiwjadľy. A won groňascho skschajzu knima ...* В. Fr., Tobias, XII, 6.

В приведенных примерах формами множественного числа заменены формы анафорического двойственного. При этом замещающие формы могут непосредственно соседствовать с формами двойственного числа, которые так же, как и первые, имеют отношение к одним и тем же упоминаемым ранее двум лицам или предметам.

Употребление форм двойственного числа глагола

1. Личные спрягаемые формы глагола, выполняющие функции сказуемого, употребляются в формах двойственного числа при подлежащем, выраженном существительным в форме свободного двойственного числа, конструкцией с числительным *dwa (dwaj)*,

dvě, hobej (wobaj) или именем существительным в форме анафорического двойственного числа. В этих случаях во всех серболужицких памятниках глагол употребляется в форме 3 лица двойственного числа.

Н.-луж.

В Вольфенбюттельской псалтыри: A ahsh naschey nosch stawasch *bu-shotey* tihch rotach Hierusalēme. Wolf. ps. CXXII, 2 ... à jogo rutzeh *stey* to ssuche pschigottowaley. Wolf. ps. XCV, 5; Mojej wotkzih *glědatey* pschetsse k tomu kněhsu... Wolf. ps. XXV, 15; ... jogo wotkzih *glědatey* pilněh, jogo hobwotzy tihch tzlowetz nihch shischow *sganowatěy*. Wolf. ps. XI, 5.

В переводе библии Якубицы: A tey vczedlnyka *vschley stey* a *pczysschley* do mesta *namakaley* tak, yakosch wõn chyma prawyl byl ... B. Jak. M., XIV, 16; A buschetey tey dwe iedno musso bitcz, da woney nint neystey dwe krome iedno musso. B. Jak. M., X, 8.

В книге песнопений и катехизисе Моллера: ... a *bužotey* dwa jedno šělo běšo. Mol. M. K. 13 V, 24-D; Tej personje *cotej* se za bõžym wustawjenim ... podač. Mol. M. K. 12 V, 5—6; Dwa serpp blyssko pssynom *stogastey* ... Mol. Gesang. 106, 15; Dokulss wej wobej seh dottogo Mansselsskego standa daley *stey* webossem Mynu ga *posslussatej* nejperwej thu kassu bussu nathej stand wustawonu. Mol. Gesang, 14 г., 2—4.

В переводе библии Фабрицуса: A tej dwa huknika *βlyschaschtej* jogo groñezego, a *žeschtej* sa Jesuõm. B. Fab. J., I, 37; Take *groñaschtej* jogo starejschey ... B. Fab. J., IX, 22; Jaden s'teju dweju, kenž to wot Jana *βlyschaschtej* a sa nim *žeschtej*, bėscho Handrosch ... B. Fab. J., IX, 40.

В переводе библии Фрица ... *dwe žeñsze hujžeschtej* wõn a *mejaschtej* kschidla ... B. Fr. Zach., V, 9. Tej babže *wotgronischtej* Faraonoju ... B. Fr. II kn. Mojs., ... 19; Ale tej babže *bojaschtej* βe boga a ñežyñaschtej, kaž ten Hегyптоjski kral jima bėscho pschikasal ... B. Fr. II kn. Mojs., ... 17. A hoboј, nan a βin, *sawołaťej* jogo na jedno wěste město, a pschoβilej jogo ... B. Fr. Tob., XII, 6.

Из других произведений XVIII в.: Jadna wjelika šěša jo, gaž dwa pšijašela *stey* a roztyla *dejitej*. Chr., I, 76; Jaden abo dwa *sejžeštej* juž na ploše a *wulěžeštej* do dworu. Chr. I, 140;

В.-луж.

XVII в. В Агенде 1696 г.: ... a na - to βebi tejsch prawej ruzy *staj saudalaj*. A. 63 с., 15—18; pschetož mojej wocži *stey* twojeho sbožnika *widžilej*. A. 91 с., 19—20.

XVIII в. В переводе библии 1728 г.: ... Jedyn wot teju dweju, kiž to wot Jana *βlyscheschtaj*, a sa Jesuõm *džjeschtaj*, bjesche Handri. B. 1728 J., I, 40; Dweje *budžetey* najene mlycz ... B. 1728 J., XVII, 35; A laј, dwaј βlepaj *seјdžischtaj* pschi puczu ... *wolašchtaj* wonaj,

a *dżeschtaj* ... B. 1728 Mat., XX, 30; Napoßletku pak *pschindżeschtaj* dwaj fałżnaj ßwjetkaj, a *dżeschtaj* ... B. 1728 Mat., XXVI, 60—61; A woni pschindżechu, a napelnichu wobej łodzi tak, so ßo *ponureschtej*. B. 1728 L. V, 17; A laj, dwaj muzej *reczeschtaj* snim ... B. 1728 L., IX, 30; A jeho starschej pak *chodżechtaj* kojżde ljetu do Jerusalema ... B. 1728 L., II, 41; A jeje starschej *dżiwaschtaj* ßo nemożnje ... B. 1728 L., VIII, 56; To *prajeschtaj* jeno starschej. B. 1728 J., IX, 22; Mojej hubi *dyrbitej* kwałbu powedacz B. 1728 Psalmy, CXIX, 171; A nydym *wottewrischtej* ßo jeho wuschi. B. 1728 M., VII, 33; Wotwobrocż mojej woczci, so *byschtaj neladatej* sa kniżomnej wuczbu ... B. 1728 Psalmy, CXIX, 37; Mojej woczci *požadatej* twojeho ßłowa, a *reknetej* ... B. 1728 Psalmy, CXIX, 82; Mojej woczci tyschnje *latatej*..., B. 1728 Psalmy, CXIX, 123; Mojej woczci woczucžitej. B. 1728 Ps. CXIX, 148.

Форма двойственного числа глагола представлена и при подлежащем, выраженном сочетанием двух имен в единственном числе. В этом случае, так же, как и в первом, употребляется форма 3 л. двойственного числа глагола.

Н.-луж.

В Вольфенбюттельской псалтыри: Thabor à Hermon we twojom mehnü *wüşkatej*. Wolf. ps. LXXXIX, 13; Woblokil à mrokota *stey* hokolo ñohgo, pschawdostz à wëhtzo *stey* jogo stohlu *hobwëhstzëhnëh*. Wolf. ps. XCVII, 2; *chwalitej* jogo, sslüntzo à messatz ... Wolf. ps. CXLIIX, 3; Pscheto moy nahn a moja mahsch mnöh *spuhschtzäjotey* ... Wolf. ps. XXVII, 10; Tshuchlostz à nusa *stey* na mnoh *spahdnuley*. Wolf. ps. CXIX, 143; Pschawdostz a ssuhd *stey* twojogo sto — lü *hobtwarshënhëh*, milohstz à wëhrnostz *stey* prótku twojogo hoblitza. Wolf. ps. LXXXIX, 15; Ahsh dobrosch à wëhrnostz *sse seti-/katej*, pshawodostz à mëhr, *sse poschkatej*. Wolf. ps. LXXXV, 11; Tebö sse bojasch bubu tack dlugo, ak to sslüntzo à tehn messatz trasch *bushotey* ... Wolf. ps. LXXII, 5; Dobrosch à smihlnostz *bushotey* pshi mnöh ... Wolf. ps. XXIII, 6; Nehbo à semäh *stey* twojej ... W. Ps. LXXXIX, 12; Shëhn a nohtz *stey* twojej. Wolf. ps. LXXIV, 16; Moja guba à moja duscha ... *stey wessoley*, à tehbë *chwalbu spëwatej*. Wolf. ps. LXXI, 23; Te pozünkil jogo rukowu *stey* ta wëhrnostz à to pshawo. Wolf. ps. CXI, 7; ... twoja dobrohsch à wëhrnostz mnöh kuhsh-dy zass *swarnujotey*. Wolf. ps. XL, 12.

В книге песнопений и катехизисе Моллера: Dokulż Hans N. a Greta N. jaden drugo k wërowanstwu *pőzedatej* ... a pśed tym swëtom *znajotey* a na to same sebye swője ruce a pjerścenje *dalej stej* ... Mol. Gesang. 13 r., 19.

В переводе Библии Якубицы: ... zazree won Jakuba, syna Zebedeowego, A Jana, iogo bratra, asch te seczy w loeschy *platalay*. B. Jak, M., I, 19.

В переводе библии Фабрициуса: Potom *żeschtej* Mojsas a Aron nutsch, a *żaschtej* k'Faraonoju ... B. Fab. II kn. Mojs., V, 1; S'takim

žeschtej Mojsas a Aron wot Faraona ... B. Fab. II kn. Mojs., VIII, 12; Mojsas a Aron *zynaschtej* kaž jima ten knēs bēscho pschikasaf. B. Fab. II kn. Mojs., II, 6.

В произведениях XVIII в. Albin Mollerus a Handroš Tara wšak *běštej se wopytalej* w takich spisach, ale njeměještej drje na mysli, je wejsańskim lužam do rukowu daś ... Chr. I, 148; Na drugem městnje *pšízeštej* direktor Busse a informator Konradi ... Chr. I, 141; ... tež wjelk a mjadwiež *běštej* w kerkach ... Chr. I, 122; Dokładnej njok powjedaš wo naglédnošći a mocy serbskeje rěcy, dokulaž *njewustupujotej* žěnsa wěcej w toś tej měrje. Chr. I, 58.

B.-луж. В Агенде 1696 г.: Moj Nan a moja Macž *wopuschěžitaj* mě... A. 53 с., 12—13; ... ton Nawožena a ta potžiwa Njewjesta *mataj* mysl ... do Bjateho mandželskeho žtanda stupicž a *staj* wo zikrocž sjauné w — Wožim domi dalaj pschpowedacž ... A. 59 с., 9—11.

В переводе библии 1728 г.: A laj dwaj mužej reczeschtaj snim, kotrajž *bjeschtaj* Mojsas a Helias. B. 1728 L., IX, 30; Tedy *pschistupischtaj* knjemu Jakub a Jan... a džeschtaj ... B. 1728 M., X, 35; Jako pak to jeho wuczomnikaj, Jakub a Jan widžischtaj džeschtaj wonaj ... B. 1728 L., IX, 59.

Известно, что в древнерусском языке в подобных случаях вместо формы 3 л. дв. ч. глагола могла употребляться и форма 3 л. ед. ч.

В старославянском языке глагол при подлежащем, выраженном сочетанием двух имен, может иметь форму дв. и ед. ч., если речь идет об одушевленных существительных, и только ед. ч., когда речь идет о неодушевленном существительном. Этот факт не свидетельствует об особенностях старославянского языка, а связан с влиянием греческого оригинала на славянский перевод.

В серболужицких языках параллельные конструкции с глагольными формами не двойственного числа при подлежащем из двух имен, как правило, не наблюдаются. Лишь в одном из рассмотренных случаев употребляется форма 3 л. ед. ч. глагола, когда глагол-сказуемое стоит перед подлежащим из двух имен и согласуется лишь с одним из них: A jim *βo sjewi* Helias z Mojsaβom, a mejeschtaj rosreczowanje s Jesuβom. B. 1728. M., IX, 4. ... *pschindže* Marja Madlena, a ta druha Marja, so by row *wobladataj*. B. 1728 Mat., XXVIII, 1.

Но возможны случаи, когда глагол-сказуемое в форме 3 л. ед. ч. употребляется после подлежащего из двух существительных. Например: Ten grěch a drugi grěch moju wutšobu *tužy* a *matrujo*. Mol. M. K. 6 v., 8—9. A dokulaž woni wizechu, až we swěši wobojdobre a zle — *se stawa* ... Chr. I, 156. (Ср. A hoboј, nan a Bin, *sa-wolataj jogo* ... B. Fr. Tob. XII, 6.)

Как и в древнерусском языке, в серболужицких языках формы двойственного числа глагола употребляются при наличии анафорического двойственного числа в предложении. Анафорический характер двойственного числа проявляется в употреблении место-

имения 3 л. двойственного числа, заменяющего в высказывании упоминавшееся указание на два лица или предмета. Например:

Н.-луж.

Wothobroschuy mojej wotzy, ahsh woney so prosneju hudshu *něglědnotey*. Wolf. ps. GXIX, 37; Ty mojej wohtzy shersshisch, ahsh woney sse *něshamrōtey*. Wolf. ps. LXXVII, 5; Psheto tehn ptaschk jo ssěbě janu we-sshu dopūtahl, à ta jaskolitza sswojo gněhsdo, shosh woney mlode *hussedujotey* ... Wolf. ps. LXXXIV, 4; A yak won choschył pcyz Gallileiskim moru, wupitta won Symona a Andreia, iogo bratra, asch woney ieu seczy *wyschpaley* do mora, psheto ze woney boley ribaka. B. Jak. M., I, 16; A wonej *dojžeβchtej* tam, a *sgromaziβchtej* Bchich starβchich wot tich Israelskich žischi. B. Fr. II Mojs., IV, 29; A Mojsas bėscho woβymzaβet let stary, a Aron tschi a woβym aβet, gaž wonej s'Faraonom *groñaschtej*. B. Fr. II kn. Mojs., IX, 7.

В.-луж.

Tehodla budže Muž βwojeho Nana a βwoju Macž wopuschcžicž a k βwojej žoni Bo džeržacž / a wonaj *budžetaj* jene cžjelo. A. 65 c., 18—20; ... ton Nawožena ta potžiw a Njewjesta *mataj* mysl ... do βwjateho mandželskeho žtanda stupicž ... a *staj* βo žikrocž sjaune w — Božim domi dalaj pshipowedačž / kotrež Bo tehodla stalo je dy by njecho njekajke sadžiwanej bės nimaj wedžil / so wonaj w — tajkim žtandži po — Božem a βwjetnem prawu romadže bycž *němolaj*. A. 59 c., 9—13; A jako wonaj wschitko *dokonałaj bjeschtaj* po Sakonju teho Knesa, *wrocžischtaj* Bo wonaj saβo do Galilejskeje kβwojemu mjestu Nazarethu. B. 1728 L., II, 39; Duž poβła won Pjetra a Jana, a džesche: Džitaj a pschihottujtaj nam to jutrowne jehnjo, so bychmy toβame jydli. Wonaj pak *džeschtaj* knjemu. Dže chzesch so bychmoj toβame pschihottowałaj? B. 1728 L., XXII, 8—9.

Форма 3 лица двойственного числа глагола наблюдается и в том случае, если анафорический характер двойственного числа обусловливает употребление указательного местоимения в форме двойственного числа. Например:

Н.-луж.

Postžehl twojo sswětlo à twoju wěhrnostz, ahsh mnoh *tej pschewoshūtey*, a k twojej sswētey gohre *pshināssotey* à k twojomu domu. Wolf. ps. XLIII, 3; Wohn possla Moysessa sswojogo ssluschabnihka, Aarona, kotareg wohn bėscho huswolihl. Tey ssamey *hopokasowaschtey* jogo po-roky mehsy nihmih ... Wolf. ps. CV, 26.

В переводе библии Якубицы есть случаи, когда форма 3 л. дв. ч. глагола согласуется с указательным местоимением, указывающим на ранее употребленную конструкцию с числительным *dwa*: A pcysschla ie iedna chudobna wudowa a poloschy dwa schkarda nuetz, tey *sczinitey* ieden hallar. B. Jak. M., XI, 42; Potom yak dwa zných vschley stey, zgewy won se chyma w iednem stalcze,

gdisch na pole vschley stey. A tey samey tesch *useschtey* a *rozprawyshchtey* tym chynym. B. Jak. M., XVI, 12.

В.-луж.

... wulada won dweju bratrow ... taj *puszczishtaj* Bycz do morja ... B. 1728 Mat., IV, 18; A sryczja Bo s Joabom Zerujg Bynom a s Abjatharom stym mjeschikom, taj *pomhaschtaj* Adonii. B. 1728 I kr., I, 7; A laj, dwaj muzej *reczeschtaj* snim, kotrajz bjeschtaj Mojsas a Helias. Taj *sjewischtaj* Bo wkraßnosczi a *reczeschtaj* wot jeho wuchoda. B. 1728 L., IX, 30—31; A jena kuda wudowa pschindze, a polozi nuz dwje scherbatzy czi *sczinitej* mały penezk. B. 1728 M., XII, 42; A laj, tam Bo jim sjewischtaj Mojsas a Helias, taj *reczeschtaj* snim. B. 1728, Mat., XVII, 3; A taj Bamaj tejj *wottendzeschtaj* a *powedaschtaj* to tym druhim... B. 1728 M., XVI, 13.

Формы 3 л. ед. ч. глагола употребляются и при относительном местоимении — подлежащем, заменяющем упоминавшееся ранее указание на два лица или предмета. Например:

Н.-луж.

Ahsh wóhn prötku bohga stawné wostanó / sseishëzy; hopokahsh jomu dobrohsch à mëhrnostz, / kotarey jogo *swarnujotej*. Wolf. ps. LXI, 8.

Низкая частота употребления форм 1 л. и 2 л. дв. ч. глагола обусловлена жанровыми особенностями серболужицких текстов XVI—XVIII вв. Обычно они встречаются в предложении, где подлежащим выступает личное местоимение 1 или 2 л. дв. ч. Dokulss *wej wobey* seh dottogo Mansselsskego standa daley *stej* webossem Mjnu ga *posslussatej* nejper thu kassu bussu nathej stand wusta—wonu. Mol. Gesang. 14 r., 2—4; Tsesemu ga to jo trošt, až *wej wëstey* a *wëritej* waju stand pšed Bogom spódobany a žognowany jo. Mol. Gesang. 15 r., 8—10. Jesus knyma rekl: *wej newetej*, saatcz *wey prossitey moschetey* *wey* ten kelich pytcz ...? B. Jak. M., X, 38; A nekotory, zcosch ty stoialy, prawyly knyma: czo to *czinitey*, asch *wey* to schgrebe *wotwüsuyetej*? B. Jak. M., XI, 5; ... zcosch *mey* tebe *prossitz buczemey*. B. Jak. M., X, 35; Woney *vzaschtey*; *mey* dobre *moschemey*. B. Jak. M., X, 39; ... a stumkaly *gdisch wey* nuetcz *pczyschetej*, da *wey buschetej* namakacz iedno schgrebe *pczywysane* ... B. Jak. M., XI, 2; Woney reknuley knomu: *daj* nama asch *mey* sednemaý ... B. Jak. M., X, 37;

В переводах библии и в других произведениях XVIII в.: Až *wej stej* naschu woñ Bmëržezu *hugotowalej* psched Faraonom... a *stej* jim ten mjaz do jich rukowu *daley* ... B. Fr. II kn. Mojs. IX, 21; Kak won pak néto wiži *mej newemej*, abo chtož jomu *tej* wozy jo wotworil, *mej tež newemej* ... B. Fab. J., IV, 21; ... jo ten waju Byn, wot kotrehož *wej gronitey* ... Togo starejschey wotgronischtej jim, a žaschtej; *mej newemej*, až ten naju Byn jo. B. Fab. J., IX, 19—20; ... zo *wej pytatej*? B. Fab. J., I, 38; *My comej* hyš

tam na jermank *comej* sebję kupiś jermanka. Chr. I, 72; Gaž wej tym Hebrejskim žęńskim *pomogatej*, a na stele wižitej, až wono Byn jo, ga *husmierschtej* jogo ... B. Fr. II, kn. Mojs., IX, 16; ... pschez ga wej to *zynitej*, až wej tych gołzow žywych *wostawijotej*? B. Fr. II, kn. Mojs., IX, 18.

В.-луж.

XVII в. К — drujemu poslučataj na — Božu pschikasn / kak Bowo we — tejkim žtandži jeden pschecžiwo drujemu sadžeržacž *mataj*. A. 67 с., 1—3; К — schtwortemu da je to.waju troscht / so woj *wjestaj* a *wjeritaj* kak waju žtand Bo Bohu lubi ... A. 69 с., 19—21; Dokelž woj do — Bwjateho mandželskeho žtanda. W — Božem mjeni Bo *podalaj staj* / so *nebyschtaj* pak ton Bamy s — newjedomnosčžu Božeho Blowa saropčalaj / jako cži Newjerni / da *derbitaj* woj najprotže s — Božeho pišma srosemicž ... A. 65 с., 1—4.

В переводе библии 1728 г.: *Мoj wjemoj*, so ton naju Byn je ... B. 1728 J., IX, 20; *Kak won pak njetk wižiti, newjemoj moj*, aby schtu je jeho woczy wottewrił, *moj tejž newjemoj*. B. 1728 J., IX, 21; *Woj budžetaj* derje ton kelich picž ... *budžetaj* chczenaj stej chczenizu ... B. 1728 M., X, 39; ... a nydym *budžetaj* woj wobližu namakacz pschiwjazanu ... B. 1728 Mat. XXI, 21; woj *newjestaj* schto *prosytaj*: *Možetaj* woj ton kelich picž ... B. 1728 M., X, 38; ... *džitaj* a po-, *westaj* Janej sašo, schtož woj *blыschitaj* a *widžitaj* ... B. 1728 Mat. XI, 4.

Формы 2 л. дв. ч. глагола употребляются и в односоставном предложении, где эти формы являются единственными показателями того, что речь идет о двух лицах. Например:

Н.-луж.

XVI в. — *Czegodla to czynitej? da rekley* ... M., XI, 3; ... ten kelich dobreh pytcz buschetey ... a woksczoney *buschetey* steiu ksczeniczu ... M., X, 39; *Znowa póslušatej teke tu kšicę* ... Mol. Gesang. 14 v., 10—12; *Bussytej* plodneę a *plossitej se* a *napulnytej* thu Dsemu a *psijnessitej* ju podsebe ... a *Knijssyteh se* nathymy Rijbamj. Мол. Gesang. 15 г., 14—20; *Chwalitej* jogo sslüntzo à messatz. Wolf. ps. CXLIX, 3.

В библии 1728 г. — schto *chzetaj*, so bych ja wama cžinił? Mat., XX, 32. *Dže chzesch, so bychmoj* tošame *pschikottowalaj*. L., XXII, 9. В переводах библии XVIII в.: *Pojžtej* a *gledajtej* ... B. Fab. II kn. Mojs., IX, 8; ... *pschoštej* togo knesa sa mńó ... B. Fab. II kn. Mojs., VIII, 8; ... až wono Byn jo, ga *hušmierschtej* jogo, joli pak žowka, ga *wostajtej* ju pschi zyweńu. B. Fr. II kn. Mojs., IX, 16; *sejtej* polnej gjarsečži žasow s'kamen. B. Fab. II kn. Mojs., IX, 8.

В.-луж.

Poklaktaj a *modltaj* šo k — Bohy so-mnu tak. A. 71 с., 14; К — žecžemu *kedžbujtaj* tejsch na-tom kschiž ... A. 69 с., 1; Nato *pschemjen-*

taj Wjenze a *sawdataj* Bebi prawej ruzy. 4. 63 c., 11—12; A Boh-pożonowasche jeju a dżjasche k — nimaj: *plodźtaj* a *pschipoortaj* Bo / a *pjelntaj* tu semu / a *cżintaj* ju Bebi podanu / Knjeżtaj nad — rybami ... A. 71 c., 3—7:

В переводе библии 1728 г.: *Dżjetaj* do teho mjestka ... M., XI, 2; A dżeż won muž dże, tam *rektaj* khospodarej ... M., XIV, 14; *Lajtaj*, so wot tem nichto neshoni. Mat., IX, 29; A budżeli wamaj schtu schto prajicz, da *rektaj* ... Mat., XXI, 3; A dżesche knimaj: *Džitaj* do teho mjestka ... a nydym *budżetaj* woj woßlizu namakacz pschiwjazanu, a młodeho woßła pschinej, *wotweztaj* a *pschiwedźtaj* jeju kemnu. Mat., XXI, 2.

Как видно из приведенных примеров, употребление формы двойственного числа в глаголе распространяется в равной степени на настоящее, прошедшее и будущее время в тех случаях, когда действие совершается двумя субъектами. В то же время во всех трех временах изъявительного наклонения можно наблюдать и замену формы двойственного числа формами множественного числа. Если в роли подлежащего в этом случае выступает слово, имеющее форму двойственного числа, то замена формы двойственного числа глагола-сказуемого формой множественного числа свидетельствует об изменениях в значении формы двойственного числа слова — подлежащего. Таким образом, употребление той или иной формы глагола-сказуемого является показателем значения соответствующей формы слова — подлежащего. Ср., например: *šykne wośy cakaju*, *knež Bog*, na *tebje* ... Mol. M. K. 5 v., 1; ... *pscheto nich wooczy pelne zraana były*, a *neweschaly*, zco iomu *wotmalwaly*. B. Jak. M., XIV, 40.

Подобные примеры, где форма множественного числа глагола свидетельствует о новом значении множественности в формах двойственного числа, приведены в разделе о формах двойственного числа существительных.

Замена форм двойственного числа формами множественного числа в глаголе наблюдается уже в нижнелужицких памятниках XVI в. и прослеживается на материале форм настоящего, прошедшего времени, а также форм повелительного наклонения. Замена эта проведена непоследовательно, случаи ее немногочисленны. Больше всего случаев замены глагольных форм двойственного числа множественным приходится на нижнелужицкий перевод библии Якубицы. Ср. для форм настоящего и прошедшего времени: *н.-луж.* *Tehdy pczystuppili* knomu *Jakub* a *Jan*, *synowe Zebedeowe*, a *rekly*: *mistre*, *me chcemy*, *asch ty na szynisch to*, *zcosch mey tebe prossitz buzemey*. *Won vzasche knyma*: *czo czetey*, *aschbich ia wama szynitz derel?* *Woney reknuley knomu*: *day nama asch mey sednemej ieden twoiej prawiczy*, a *ieden k twoiej lewiczy w twoiej czesnocy*. B. Jak. M., X, 35—37.

Верхнелужицкий перевод 1728 г.: *Tehdy pschistupischtaj* knjemu *Jakub* a *Jan*, *taj Bynaj Zebedeußowaj*, a *dżeschtaj*: *Mischter*, *my*

chzemoj so, schtož moj probycž budžemoj, ty by namaj cžinił. Won pak džesche knimaj; Schto chzetaj woj, so bych ja wamaj cžinił? A wonej prajeschtaj knjemu: Daj namaj, so byschmoj. Bedžiłaj jedyn na twojej prawizy. Woney rekley knym tak, iak chim Jesus byl pcykasał; a wony to dopuschczili. A woney to schgrebe pcywesley k Jessusowy, a poloschyly hich drastu na to a won posednu na to. B. Jak. M., XI, 6—7.

Верхнелужицкий перевод 1728 г.: Wonaj pak džeschtaj knim, kajz jimaj Jesus bjesche pschikasał: a woni jimaj wotpuschczichu. A wonaj pschiwedžeschtaj to wołatko k Jesušej, a položischtaj swoje drasty na pjo ...

Ср. для форм повелительного наклонения: в переводе библии Якубицы: ... rekl knuma; *wschytej do tego mestka, kotory pred wamy leeschy, a stumkaly gdisch wey nuetcz pcyshchetey, to wey buschetey namakatz iedno schgrebe pcywysane ... wotwuschcze to a pcywesche to haw ... B. Jak. M., XI, 2.*

Верхнелужицкий перевод библии 1728 г.: ... a džesche knimaj Džjetaj do teho mjestka, kotrež predy waju lejži, a nydym, dyž woj nuž pschindžetaj, budžetaj woj wołatko pschiwjasane namakacz ... wotwajažtaj jo, a pschiwedžtaj to wame hew ...

Во всех приведенных случаях речь идет о замене ожидаемого анафорического двойственного числа множественным, поскольку в контексте есть ясное указание на наличие двух субъектов, от которых исходит действие. При этом отмеченные формы множественного числа выступают наряду с другими формами двойственного числа и являются вместе с ними однородными сказуемыми к одному и тому же подлежащему. Анафорически употребляемое местоимение в большинстве случаев также сохраняет форму двойственного числа, но иногда и оно меняет форму двойственного числа на форму множественного числа (см. выше В. Як. М., X, 35—37). Формы множественного числа глагола вместо ожидаемых форм двойственного числа употребляются и изолированно, как в приведенном выше примере из перевода библии Н. Якубицы (М., XI, 2). Таков же следующий пример из книги молитв и песнопений Моллера: *Krystus žašo swojim póslam, Matej a Marci na tom slědnem stawje: žišo tam we ten cyly swět a wucyšo šykných tatarow ... Mol. M. K. 3 v., 12—16.* Ср. также из верхнелужицкого перевода библии 1728 года: *Won pak džesche knemy: Człowecze, schtu je me sa budnika postajił, aby sa džjelnika nad wamaj. A džesche knimaj: Ladajcze ... B. L. XII, 14.*

Замена формы двойственного числа иногда наблюдается в именном составном сказуемом при подлежащем из двух существительных. Например, в переводе библии Якубицы: ... *chto ie ten, pscheto ze iomu wetr a more ie poslušne.* В. Як. М., IV, 41 (ср. с переводом 1728 г.: *Pschetož tejž wjetr a morjo staj jemu poβłuschnaj.* М., IV, 41): в переводе библии Фрица: ... *ja som ten ras we pschegreschył, ten Knēs jo pschawu, ja pak a moj lud βmy neplezne.*

В. Fr. II kn. Mojs., IX, 27; ... ze hich wooczy pelne zpraana byly. В. Jak. M., XIV, 40; в переводе библии 1728 г.: Ale jeju woczí bjechu dżerżane, so jeho nesnajeschtaj. L., XXIV, 16; A tak budże woboje sekowane. L., V, 38; A jeho ruzy bu BaBo pomhane. L., VI, 10; Duż buchú jeju woczí wottewrene a poßnaschtaj jeho. L., XXIV, 31.

Употребление форм двойственного числа прилагательных и неличных местоимений

Прилагательные и неличные местоимения обычно согласуются по форме с существительными, к которым они относятся. Подобно личным формам глагола они являются своего рода показателями значения расчлененности множества на два, заключенного в форме двойственного числа существительного, по отношению к которому данное прилагательное или местоимение в форме двойственного числа является определением. Ср. н.-луж. в Вольфенбюттельской псалтыри: Wothobroschüy *mojey* wotzy ... CXIX, 37; Ты *mojey* wotzy shersshisch ... LXXVII, 5; A ahsh *naschey* nosh stawasch by- / chotey tihch rotach Hierusalémě. CXVII, 2; Ja pack bëch sse na malëš s *mohima* nogoma satokonihl ... LXXIII, 2; ... pokschihway mnòh spohsih tihm chlotkom *twojèju* kshilowu ... XVII, 8; ... pschichülaischo *waschey* huschy ku grohnëhnü mohihch hustow. LXXIIX, 1; ... a jo-li kśiwda *mojeju* rukowu ... VII, 4; ... bużoż ty jogo stawiś nad *twojeju* rukowu źëlom ... IIX, 7; ... tehn slossny jo samëschanih we tom shëlë *ssojeju* rukowu ... IX, 17; Pscheto twoja dobrohsëh jo protek *mohima* wohtzima ... XXV, 4; *Mojej* kolenih stey sslabey spohtu dlah ... CIX, 24; Pscheto *mojej* shtzognih schey husknótey ... XXXVIII, 8; Glëday, kaghsh *tey* wotzy tihch sslushab — nihkow na *tey* rutze sswohiehch knëhsow glëdatey. CXXIII, 2; *Tey* wohtzih togo knëhsa gledatey ... XXXIV, 15; Kaghsh *tey* rutze teje sslushabnitze na jeje knëhsa ... CXXIII, 3; ... kinsh sse *twojew pshawey* rutze napshischwo klahdu. XVII, 7; Tihch tathanów bohgił ssu sslo-bro à slohto, z *tzlowetznima* rukoma pshe—shelaneh. CXXXV, 15; Kotarihsh *nëwinowatey* rutze ma, à jo zihsty hytschobe ... XXIV, 4; Wohnih posluschachu mnòh s *possluschnima* huschihma ... XX, 44; В малом катехизисе Моллера: *Tej* personje cotej se za bóžym wustawjenim do togo wërowaństwa pòdaś. Mol. M. K. 12 v., 8—11; в переводе библии Якубицы: A *tey* vczednika vschley stej a pcysschley do mesta ... M., XIV, 16; ... czëgodla twoie vczedniczy nezachowaiu to wusstawene tihch starsschich, krome wony gesche s *newumytyma* rukoma. M., VII, 5; Potom wopet won poloschy *swoiey* rucze na iogo wooczy ... M., VIII, 25; в переводе библии Фрица: Ale *tej* babże bojaschtej Be boga ... II kn. Mojs. IX, 17; Dla togo zyńascho Bog *tyma* babkoma dobrosch, II kn. Mojs. IX, 20; Swin *twojej* wozi a glëdaj ... Zach., V, 5; A ja swinuch *mojej* wozi ... Zach., V, 9; Wschitkim tem nepsherjeschi Bo Hiob se *ßwojimaj* hubomaj. Hiob., II, 10; A tem Hegyp-

tojski kral pschikasa *tyma Hebrejskima* babkoma ... II kn. Mojs., VIII, 15: *в переводе библеи Фабрициуса*: Kak wotwori won *twojej* wozy? J., IX, 26; ... paru poloży won na *mojej* wozy ... J., IX, 15; ... swigajscho *waschei* wozy ... J., IV, 35; ty kschel pschisch a *twojej* ruze na nu polożysch ... M., V, 23; ... až woni wołachu *tej* starejschej ... J., IV, 18. Cp. *в.-луж.* в переводе *Агенты* 1696 г.: A posbjeham *βwojej* woczi k Hohram ... 57 c., 12—13; won nebudže *twojima* nohoma bo dacž poBunucž ... 57 c., 16; Pschetož *mojej* woczi stej twojeho sbožnika widžilej; 91 c., 19—20; ... a na — to Bebi tejsch *prawej* ruzy staj saudałaj. 63 c., 17—18; *в переводе библеи 1728 г.*: *Mojej* woczi woczucžitej jara rano — Ps., CXIX, 17 w.; ... a ton kosow mjejesche jedyn Bylny roh, bes *βwojimaj*, woczomaj. Dan, VIII, 5; Ja widžich so ton boran *stymaj* rohomaj storkasche kweczoru ... Dan., VIII, 4; Ja noschu Bwoju duschu stajnje *wβwojimaj* rukomaj ... Ps., CXIX, 109; ... a wobrocžju *βwojej* nohsy ktwojim Bwjetsenjam. Ps., CXIX, 59; ... neje pschestala *mojej* nosy sczalbu namasała. L., VII, 45; Kak won *twojej* woczi wottewri? J. IX, 26; Woladajče *mojej* ruzy a *mojej* nosy ... L., XXIV, 39; Wotze ja poruczi Bwoju duschu do *twojeju* rukow ... L., XXIII, 46; Wsmicže my *kwashimaj* wuschomaj tute recže ... L., IX, 44; ... ty mi nejBy wody dał k *mojimaj* nohomaj, ta pak je *mojej* nosy se Bylsami maczala ... L., VII, 47; Džens je tuto pišmo dopełnene psched *waschimaj* wuschomaj. L., IV, 21; Wsa tejš won jeho *naβwojej* ruzy ... L., II, 28; ... a je dziwne psched *naschimaj* woczomaj. M., XII, 11; ... a czeBczi me se *βwojimaj* hubomaj ... Mat., XV, 8; Dyž pak taj poBłaj *Janowaj* bjeschtaj wotteschłaj, pocza won kludu wot Jana recžecz ... L., VII, 24; Tak so bychu woni *swidžazymaj* woczomaj widžili ... a se *βlyschazymaj* wuschomaj blyschali ... M., IV, 12; ... *snemutymaj* rukomaj kłeb jydžichu ... M., VII, 2; Teho runja tejš Jakuba a Jana *Zebedeoweju* bynow, kiž bjeschtaj *Schimanowaj* tovarschej. L., V, 10; ... padže won k *Jesuβowymaj* kolenomaj ... L., V, 8; A ta mejesche Botru, *tej* rjekachu Maria, kotraž Bejdzó k *Jesuβowemaj* nohomaj, na jeho recž posłuchasche. L., VIII, 36; Tedy pschistupi knjemu macž tych dzjeczi Zebedeowych se *βwojimaj* bynomaj ... Mat., XX, 20; Jesus posnaje *tymaj* poBłomaj *Janowymaj* ... Mat., XI; Jesus ... wobβwjetsi *Janowomaj* poBłomaj ... L., VII; A woni wedžeche *tej* łodzi kbrjohej ... L., V, 11; Da stupi won do jeneje wot *teju* łodžow ... L., V, 3; ... hacž woni sawołachu *teju* starscheju ... J., IX, 18.

Случаи нарушения согласования определения — прилагательного с определяемым — существительным наблюдаются во всех серболужицких памятниках, начиная с XVI в. Обычным типом такого нарушения согласования форм прилагательного и существительного является следующий: прилагательное имеет форму множественного числа, существительное сохраняет форму двойственного числа. Cp. *н.-луж.* *Mojej* wotzy pospasch nēdērbitey, danihsh *moje* hobwotzy podrēmasch ... Wolf. ps., CXXXV, 4; ... à te

huputzohne wohtzih ty ponihsshujohsch. Wolf. ps., XVIII, 27;... a wohn ie wokossyno a krassasso *schwone* ruze natne a schognowasse. Mol. Gesang. 11 r., 25; Roßyni niety *twone* woßi. Mol. Gesang. 18 r., 3. *Šykne* wócy cakaju ... Mol. M. K., 5 v., 1—3; Dokulž Hans N. a Greta N ... na to same sebje *swóje* ruce a pjeršćenje daley stej; ... Mol. M. K., 13 r., 19; ... ga derbje te žétki a ta celaš ... *swóje* ruce górze zwignuš ... Mol. M. K. 5 r., 22—24; ... a wón je wokošujo a klažašo *swoje* ruce na nje ... Mol. M. K., 11 r., 1—3; Wobstaurny domojog Konša / Sgowaj mie *weschwoje* Ruße. Mol. Gesang. 92 r., 7—8: ... Gasch wohn nietšo wumres ksijscho / *wettwoje* RußeWuß lubh... Mol. Gesang. 33 v., 19—23; ... *schwone* Ruße gure schwij gnuss ... Mol. Gesang. 5 r., 23—25; ... aby zcusto prwej *te* rucze wumywaly ... B. Jak. M., VII, 3; ... a wony prossyly iogo, aschby won *te* rucze chezal na nogo poloschitz ... B. Jak. M., VII, 32; *в.-луж.* Pschetož woni *βwoje* ruzy nemuje ... B. 1728 Mat., XV, 2; Ale *sbožne* βu pak *wasche* woczi, so widža, a *wasche* wuschi, so Blyscha. B. 1728 Mat., XIII, 16; Woni pak složichu *βwoje* ruzy na njeho ... B. 1728, M., XIV, 46; ... ton βamy roh mjejesche woczi, jako *cžloweszy* woczi ... B. 1728 Dan., VII, 8.

В приведенных примерах употребление формы множественного числа прилагательного-определения может свидетельствовать об изменении грамматического значения формы двойственного числа определяемого им существительного. Формы двойственного числа, как и формы множественного числа, сигнализируют о расчлененности множества вообще, а не о расчлененности множества на два. Такой тип нарушения в согласовании форм существительного и прилагательного представляет собой переход к широко распространенной в серболужицких памятниках одновременной замене форм двойственного числа прилагательных и существительных, к которым они относятся, формами множественного числа. В некоторых случаях можно наблюдать параллельное употребление при прилагательном во множественном числе существительного в двойственном и во множественном числе. Ср., например, в Вольфенбюттельской псалтыри: *Wohnih ssu moje rutze a nogy pshekorpalí.* XXII, 17; в книге песнопений Моллера: *Wohnschu moje Ruze a Nough* ... 30 r., 5; в верхнелужицком переводе Библии 1728 г.: *Kneže, niz jeno moje nohi* Bame, ale *tejž ruzy a lowu.* B. 1728 J., XIII, 9.

Согласование форм прилагательного и существительного во множественном числе имеет место не только там, где существительное указывает на парный предмет, но и в случаях анафорического употребления существительного во множественном числе вместо ожидаемого двойственного.

Н.-луж. В книге песнопений Моллера; *The Nogij schwogiem posso lam Mhasscho tack ponijsne sahm.* 32 r., 4—5 ... *scho sielo twogíech* ruckou pudespíß. 11 r., 6; *Sdwyma pack schwone* Nogy pocksystem. 106 f., 19; *Pseto ja pširucu se, móje sělo a dušu a šykno*

do *twójich swėtųch* rukow. 4 v., 20—23; Psezto ia ludu wijses tho Njebo/Messeß a wuiessi *twogitech* Ruckou siehlo. 10 v. 20—21; ... polossu ksamlog *pottwoje* Nogj. 46 r., 14; *Mogiem* Nhogam twogo schlowo goreßa schwißka io. 75 v., 21—22; Psetto ia psijrußk se mojo czglo a Dussu a schpekno *dottwogych schwitych* Rukou ... 4 v., 20—23; won najma spodobana natheiu Moßu togo Runa/ /daniss *nijßogych* Nogach. 5 v., 21—25; ... ak ten Schwietty Smeon Jogo ßplue *schwogych* Rukach miel ... 115 v., 8; ... ja *dottwogych* Ruk psijrußu. 114 v., 10; ... ten grěch tych starejšych strofuju ... 2 v., 15; ... ten pjerwy cłowjek Adam a Ewa *nase pjerwe* starejše su padnuli a zgrěyli. 9 r., 6—7; Krystus zašo swoim poslam, Matej a Marei na tom slědnem stawje ... 3 v., 12—13.

В переводе библии Якубицы: A Jesus rekl knyma: pootczyey zamnu, ia chczu wayu k *złoweczky* rybakom wuczinitcz. M., I, 17; A sebraly su wostatkow drobek dwanadczce pelnich kosschow, a wot tich rieb. M., VI, 43 (речь идет о двух рыбах); ... a sersche to wystawene tich starsschich. M., VII, 3, 5; ... a te scheczy powstanu napczeczywo swochim starsschym ... M., XIII, 12; A wot tego knisa to se stalo ie a ie nam pred *naschymy* woczmy schywno. M. XII, 11; ... asch wony ie s *wyschuzymy* woczmy wyscheya ... a s *slyschuzymy* wuschmy slyscheya ... M., IV, 12; A gdisch wony wupitachy nekotorych iogo wczedlnikou s *gemeynskymy* rukamy, to ie, s *nemutima* rukoma, ten chleb gescz, zanyczychu hich. M., VII, 2; ... ten złoweczky syn bucze podany butcz do *złoweczkich* rük ... M., IX, 31; ... asch ia poloschim twohich nepczaczelow k schemlowy *twohich* noog. M., XI, 36; ... a wot cziscze ten proch wot *waschich* nog ... M., VI, 11; в переводе Фрица: ... ga dejsch ty a *te Israelske* starsche nutsch hysch ... II kn. Mojs., IX, 18; ... nepschistup, rosnj Bebe Bwoje zreje wot *ßwojich* nogow ... II Kn. Mojs., III, 5.

В.-луж. в переводе Аренды: Ты budžesch ßo žiwičž *ßwojoch* rukow dzjela ... Ps. CXXIIX, 2; My hubeni Rjeschnizy probemy ... teho Satana pod — *nasche* nohi teptacz ... 17 c., 1, 10. В переводе библии 1728 г.: stacz ßo budže, so człoweka Byn budže do *człoweskich* rukow podaty. Mat., XVII, 22; Czohodla nechodza twoji wuczomnizy po *tych* starschich jich wustawenjach, ale jydža kljeb *snemutymaj* rukomaj? M., VII, 5; ... ja položu twojich nepscheczelow sa podnoschki *twojich* nogow. Mat., XXII, 44; ... a szcasze tejž ton proch *swaschich* nohow ... M., VI, 11; ... a *nasche* nohi wedł naschczeschku teho mjera. L., 79; ... kneže, dyrbjał ty mi *moje* nohi mycz? J., XIII, 6; Duž tehodla ja, kiž Bym Knes a Mischter, *wasche* nohl muł Bym ... J., XIII, 14. Twoje Błowo je *mojim* noham Bwježa ... Ps., CXIX, 105; Ja wobaram *ßwojim* noham wschitke sle puče ... Ps., CXIX, 101; ... a rosmeczje a rostępta to sbotkne se *swojimi* nohami ... Dan., VII, 7. Woda so, jako rjeka, lije *swojich* woczow ... Ps., CXIX, 136.

Прилагательные и неличные местоимения могли употребляться и в конструкциях с числительными *dwa*j, *dwa*, *dwę*. Тот материал,

которым мы располагаем, дает возможность говорить об устойчивости в употреблении форм двойственного числа прилагательных и местоимений, входящих в состав этой конструкции. Ср., например, в переводе Библии Якубицы: *A won wesmu te pietcz pokrut chleba a tej dwe riebe ... M., IX, 41; A possla Jesus swoieiu vczednikowu dweiu ... M., XI; A won possla swoieiu vczednikowu dweiu ... M., XIV, 13; в переводе Библии Фрица: Nebuduli pak tyma hobyma sanamenoma werisch ... II kn. Mojs. I, 9; A potom teju dweju kózłowu wzés ... II kn. Mojs., IX, 3; ... dejšo ... hopro- waś ... dweju mlodeju wolkowu ... II kn. Mojs., IX, 9; ga pśinjas ... dweju marijankowu abo dweju mlodeju golbjowu. L., II, 24; в переводе Библии Фабрициуса; a tej dwa huknika Blyschaschtej jogo grońezego ... J., I, 37. См. также: ... Wtej wsy, żož mejach dweju mlodeju kněžkowu rozwucowaś, běšo teke faraf rożony serb. Chr., I, 128.*

Подобные примеры употребления форм двойственного числа прилагательных или неличных местоимений в конструкциях с числительным *dwaj, dwa, dvě, wboj* можно наблюдать и в верхнелужицком языке. Например: *Pschikaž, so taj mojej dwaj Bynaj buschtaj Beidziłaj w twojim kralestwi ... B. 1728, Mat., XX, 21; A jako won tam dale wottendže, wulada won dweju druheju bratrow ... B. 1728, Mat., IV, 21; — ... poBła won Bwojeju wuczomnikow dweju ... B. 1728, M., XI, 2; L, XIX, 28—30; ... widžichu woni jeho kraBnosć, a teju dweju mužow pschihim stejo. B. 1728, L., IX, 32; Nepschedowaju pječž robljow sa dwaj małaj peneschkaj B., 1728, L., XII, 6; Na tyma dwjemaj kasnomaj wiBe zyły sakon a prophetojo. B. 1728, Mat., XXII, 40; A wsa kšebi Pjetra, a teju dweju Bynow Zebedeoweju ... B. 1728, Mat., XXVI, 37; Jesus Bo sjewi Marji Madaleni, potom tymaj dwimaj smauntiskimaj poBłomaj. B. 1728, M., XVI, 6; A so byshtyj dałaj ton Błomaj. B. 1728, M., XVI, 6; A so byshtyj dalej ton wopor, jako prajene je w Sakonju teho Knesa, por tujawkow, aby dweju mlodeju holbjow. B. 1728, L., II, 24; NapoBletku pak pschindžeschtaj dwaj falžnaj Bwjetkaj ... B. 1728, Mat., XXVI, 60—61. Jesus ... wotpuszczł dwimaj wunatymaj czertomaj do sergesenskich Bwini czanucz. B. 1728, Mat., VIII; ... rosniwachu woni Bo na teju dweju bratrow. B. 1728, Mat. XX, 24; Duž sawola Jan Bwojeju wuczomnikow dweju. B. 1728, L., VII, 18; Ale po tymaj dwjemaj dnjomaj wojndže won wot tudy ... B. 1728, J., IV, 43; ... ton mjejesche dwaj woBokaj rohaj ... B. 1728, Dan., VIII, 3.*

Таким образом, замена форм двойственного числа формами множественного в прилагательных и неличных местоимениях, связанная с утратой первоначального значения форм дв. ч. определяемых существительных, в серболужицких языках не коснулась конструкций с числительными *dwaj, dwa, dvě*. Это объясняется тем, что последние отличались большей устойчивостью в сохранении форм двойственного числа в значении расчлененности

на два. Об этом свидетельствует и глагольная форма в тех случаях, где конструкция с числительным *dwa*, *dwaj*, *dwę* выступает в функции подлежащего: глагол-сказуемое всегда имеет форму двойственного числа.

Сама форма числительного в серболужицких языках рассматриваемого периода очень устойчива. Числительные *dwaj*, *dwa*, *dwę* всегда имеют только формы двойственного числа. Правильная форма двойственного числа числительного сохраняется и при изолированном употреблении числительного, вне конструкции с существительным. Например: *n.-луж.* A orana w templu se rozstarnula na *dwe* wot wirchey asch doloy. В. Jak., М., XV, 38; Potom yak *dwa* znych vohley stey, zgewy won se chyma. В. Jak., М., XVI, 12; A won zawola tich dwanadzich a chopy se a possla hich, y *dweiu* a *dweyu* ... В. Jak., М., VI, 7; Togodla bužo jaden muski swojogo nana a mašerje se wustaś a pśi swojej stojaś a bužotej *dwa* jedno šelo běšo. Mol. M. K. 13 v., 21—24; Dokulss *wej wobej* se dottogo Manselsskego Standa dalej stej webossem M₅nu ga posslussatej ... Mol. Gesang. 14 r., 2—4; ... bushotey sasparney *hobey* Kohń a wohs. W. Ps., LXXVI, 7; Jaden abo *dwa* sejžeštaj juž na płoše ... Chr., I, 140; Doma jo nuza na polu *dwę*; Běch pśikazał, až dejachu słužabne žowki a mložina až na žewješ — a žasešlětne žěši po *dwěma* ... pśiš. Chr., I, 141; stej *dwa* muža bylej raz wobjadnje; *Wobej* se z rownej mocu lubowaštej. Chr., I, 178. Jaden s'teju *dwěju*, kenž to wot Jana Błyschaschtej ... В. Fr., J., IX, 40.

В.-луж. Dalje praju ja wam: Jeli so *dwaj* beswami psches jene staj nasemi... В. 1728, Mat. XVIII, 19; A jeli schtu tebe nusy jenu milu, dži snim *dwje*. В. 1728, Mat., V, 41; Njetk pak Bu j'e widžili, a tolla hidža wobeju, me a mojeho Wotza. В. 1728, J., XV, 24; Tam kschižowachu woni jeho, a *dweju* snim, swobeju stronow ... В. 1728, J., XIX, 18.

В памятниках XVI—XVII вв. не нашел отражения сложный процесс приспособления форм числительных *dwa*, *dwaj*, *dwę* к склонению прилагательных и местоимений во множественном числе и обратное влияние последних, как это наблюдается, например, в некоторых современных верхнелужицких говорах.

Как показывает рассмотренный выше материал серболужицких памятников XVI—XVIII вв., согласуемые слова (прилагательные, неличные местоимения, глаголы) при согласующих могли иметь как форму двойственного, так и форму множественного числа. При этом возможны три типа сочетаний согласующего с согласуемым: 1) оба зафиксированы в формах двойственного числа; 2) согласующее употреблено в форме двойственного числа, согласуемое — в форме множественного числа; 3) согласующее, обозначающее парный предмет, и согласуемое употреблены в формах множественного числа.

В третьем типе сочетаний признак расчлененности на два грамматически не выражен, хотя речь идет о парном предмете. Соче-

тания второго типа, несмотря на наличие в их составе формы дв. ч., также не несут грамматической информации о расчлененности множества на два. Форма согласуемого слова указывает на то, что форма дв. ч. в этих сочетаниях синонимична форме множественного числа. Кстати, свидетельством того, что грамматическая синонимия развивалась именно по линии распространения грамматического значения мн. ч. на формы дв. ч., является отсутствие в памятниках сочетаний типа «мн. ч. согласующего слова + дв. ч. согласуемого слова».

Если рассматривать, как наиболее архаическую модель, двойственное число в старославянском языке, то в серболужицкой категории двойственного числа можно говорить об определенных сдвигах в употреблении форм двойственного числа.

Так, при употреблении названий парных предметов типа *ruka, noga, wucho, woko* в серболужицких языках контексты, в которых употребляются формы двойственного и множественного числа, не дифференцированы, т. е. один и тот же тип контекстов (1. повествующий об одном лице; 2. о множестве лиц) допускает как формы двойственного, так и формы множественного числа.

В этих условиях формы двойственного числа не несут информации о расчлененности на два, а лишь о расчлененности вообще, т. е. включаются в сферу значения категории множественного числа. Противопоставление грамматических значений двойственного и множественного числа оказывается нарушенным. Об этом может свидетельствовать употребление, хотя и очень редкое, при названиях парных предметов числительного *dwa*. Ср., например, в переводе Якубицы (XVI в.): *wono ie tebe lepey, asch ty chromy pcysschesch schywenowu, neschlyby dve noose mel a bilby to tego pekla ruczony ... N., IX, 45; ... wono ie tebe lepey ... neschlyby ty dve rucze mel a pcysschel do pekla ... M., IX, 43; wono ie tebe lepey s iednym wokiem iczy do boschego kralostwa, neschly dve wooczy metcz a buczech do tego helskego woogna chiczony ... M., IX, 47).*

Морфологически категория двойственного числа сохраняет относительную устойчивость. Для серболужицких языков не характерны взаимопроникновение, смешение окончаний двойственного и множественного числа, как, например, в русском языке. При формальном ясном разграничении двойственного и множественного числа формы двойственного числа грамматически начинают включаться в сферу категории множественного числа.

Отражением сдвигов в значении категории двойственного числа явилось параллельное употребление форм двойственного и множественного числа в названиях парных предметов.

Случаи нарушения в употреблении форм двойственного числа обнаруживаются и в анафорическом двойственном.

Серболужицкие памятники различаются в зависимости от формальных изменений, происходящих в категории двойственного числа, от степени морфологической сохранности этой категории.

На той стадии развития, которую мы наблюдаем по материалам памятников серболужицкой письменности XVI—XVIII вв., формы двойственного числа утрачивают свое первоначальное грамматическое значение. Эти изменения являются предпосылками для падения категории двойственного числа. Дальнейшее развитие этого переходного этапа в состоянии категории двойственного числа прослеживается в современных серболужицких говорах. Здесь наблюдается смешение форм двойственного числа и множественного во всех типах употребления двойственного числа. В ряде говоров это привело к окончательной утрате двойственного числа, как живой грамматической категории.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- A. J. C. E. R i o t t e. Die obersorbische Agende, von 1696. Text und Untersuchungen. Berlin, 1959.
- Apostelgesch. Apostelgeschichte.
- B. 1728 Biblia, to je zyle Szwjate Pismo Stareho a Noveho Zakona, predy do njemskeje, D. Martena Luthera, njetko pak do horneje Lužiskeje Berskeje recze se wschitkej Bwjernoscju a prozu wo njekotarych Evangeliskich Prjedarjow pscheložena. Budeschin, 1728.
- B. Fab. Ten Nowi Testament naschogo Knjesa a wumožnika Jesusa Kristusa do serskeje Rezi pschestawony wot Gottlieb Fabriziuša ĩabogogo huschego Farafa a Jnspectařa Cjoschobusu. Halu, 1868.
- B. Fr. To bože pismo wot Johana Fryca, naschego farafa Golkojcach a Golbiĩe. Halu, 1868.
- B. Jak. A. L e s k i e n. Der sorbische Neue Testament von 1548.—AislPh, Bd. I., H. 2, 1876.
- Chr. Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa. I., Berlin, 1956.
- J. Jan.
- Kat. W. K. H. M e y e r. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1597).—Slawische Forschungen von L. H. Meyer, Heft 1, Leipzig, 1923.
- Kn. Knigly.
- List Jak. H. L o t z e. Der Brief des Jakobus. Leipzig, 1867.
- L. Luka.
- M. Mark.
- Mat. Matheus.
- Mol. Gesang. A. M o l l e r. Niedersorbische Gesangbuch und Katechismus. Budissin, 1754. Berlin, 1959.
- Mol. M. K. A. M o l l e r. Niedersorbische Gesangbuch und Katechismus. Maly Katechismus. Budissin, 1754. Berlin, 1959.
- Ps. Psalmy.
- Tob. Tobias.
- Wolf. ps. R. T r a u t m a n n. Der Wolfenbutteler niedersorbische Psalter. Leipzig, 1928.
- Zach. Zacharius.
- II kn. Mojs. II knigly Mojsasowe.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
РОДИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
В СОБСТВЕННО НИЖНЕЛУЖИЦКИХ ГОВОРАХ
И В НИЖНЕЛУЖИЦКО-ВЕРХНЕЛУЖИЦКИХ
ПЕРЕХОДНЫХ ДИАЛЕКТАХ**

Рональд Леч

(Берлин)

1. Авторы верхнелужицких грамматик ограничивают употребление родительного-винительного падежа во множественном числе категорией рациональности, т. е. считают его присущим лишь существительным мужского рода, обозначающим лица¹, и прилагательным, местоимениям и числительным, поскольку они относятся к лицам мужского пола. В этих рамках его, однако, объявляют обязательно нормой².

Для верхнелужицкого литературного языка действительно характерна такая дистрибуция форм вин. мн. По свидетельству

¹ Термин «лицо» употребляется здесь в более широком значении. В категорию рациональности включаются и такие понятия, как 'бог', 'черт', 'ангел' и т. п., поскольку существительные, которыми они обозначаются, грамматически ничем не отличаются от названий настоящих лиц мужского пола.

² Ср.: G. M a t t h a e i. Wendische Grammatica, welche in deutscher Sprache abgefaßt, nach dem neu-inventirten Principio und leichtesten wendischen Schreib-Art und Budißinischen Dialecto mit Fleiß eingerichtet, und nicht allein mit nützlichen Anmerkungen, Schematibus, Paradigmatibus und Exemplis aufs deutlichste erklärt; sondern auch zu mehreren Nutzen mit einem deutschen und wendischen Register zum Nachschlagen versehen worden. Budißin, 1721, pass.; A. S e i l e r. Kurzgefaßte Grammatik der sorben-wendischen Sprache nach dem Budißiner Dialecte. Budißin 1830, стр. 8; J. P. J o r d a n. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. Im Systeme Dobrovský's abgefaßt. Prag, 1841, стр. 110; F. S c h n e i d e r. Grammatik der wendischen Sprache katholischen Dialects. Budißin, 1853, стр. 33; C. T. P f u h l. Laut- und Formenlehre der oberlautsitzisch-wendischen Sprache. Mit besonderer Rücksicht auf das Altslawische. Bautzen, 1867, стр. 34; G. K r a l. Grammatik der wendischen Sprache in der Oberlausitz. Dritte vermehrte Auflage. Bautzen, 1925, стр. 23, 24; P. W o w e r k. Kurzgefaßte obersorbische Grammatik. Bautzen, 1951 (2. Auflage Bautzen, 1954; 3. Auflage, Bautzen, 1955), стр. 25.

верхнелужицких письменных памятников, первые из которых восходят к концу XVI — началу XVII в., эта норма сложилась еще в дописьменный период. Что же касается верхнелужицкого диалектного языка, то категория рациональности, выражаемая особыми формами им. мн. (ср. *ći stari mužojo* 'эти старые мужчины' — *te stare konje* 'эти старые лошади') и формами род.-вин. мн. (ср. *mat synow* 'у меня сыновья' — *mat konje* 'у меня лошади'), сохраняется только в наиболее южных говорах³, в то время как основная масса собственно верхнелужицких говоров уже не знает обязательного употребления родительного-винительного падежа вне единственного числа. Причины возникновения и пути развития этой структуры еще недостаточно выяснены, и вопрос об употреблении род.-вин. мн. в собственно верхнелужицком диалекте в данной статье рассматриваться не будет.

2. В собственно нижнелужицком и в нижнелужицко-верхнелужицкой переходной зоне⁴ род.-вин. мн. регулярно выступает лишь в сочетаниях с числительными 'три' и 'четыре' и выражает не категорию рациональности, как в верхнелужицком литературном языке и южных верхнелужицких говорах, а категорию одушевленности⁵ вообще.

Г. Фаске, который первый описал эту своеобразную структуру⁶, приводит следующие примеры из ветошовского диалекта:

³ Эти же говоры утратили категорию дв. ч., см.: Н. Ј е н њ. К někotrym prašenjam duala w Rozwodacach a w druhich hornjoserbskich narěčach. Studije k serbskej dialektologiji. Budyšin, 1963.

⁴ Лишь южная часть переходного диалекта, на котором говорят в окрестностях г. Войерецы (нем. название Hoyerswerda; сам диалект в немецкой литературе поэту обычно называют Hoyerswerdaer Dialekt, в лужицкой же *wojerewski dialekt*), в этом отношении примыкает к собственно верхнелужицкому, с которым территориально непосредственно соприкасается. Относительно классификации лужицких диалектов, различающей наряду с собственно нижнелужицкими и собственно верхнелужицкими говорами не менее девяти переходных диалектов, см.: R. L ö t z s c h. Die spezifischen Neuerungen der sorbischen Dualflexion. Bautzen, 1965, стр. 7—8, 94, карта 7; О н ж е. Einheit und Gliederung der Sorbischen. Berlin, 1965, стр. 19—28, карта 1.

⁵ При этом следует иметь в виду, что категория одушевленности в лужицком, как и в других славянских языках за исключением русского, не выходит за рамки мужского рода.

⁶ См.: Н. F a њ k e. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964, стр. 242—244. — Как упоминает Фаске, род.-вин. иногда употребляется и в сочетаниях с определенением, выступающим в виде специальной одушевленной формы числительного 'выше пяти' типа *pěšo*, *zasěšo* и т. п. (там же, стр. 287). К сожалению, он дает один только пример (*mat pěšoch bratšow*), так что нельзя су-

Распространение нижнелужицкого типа дистрибуции форм род.-вин. дв. и мн. ч.

1— Историческая граница между Нижней и Верхней Лужицами;

2— Граница распространения нижнелужицких-верхнелужицким переходных диалектов;

3— Линия, обычно рассматриваемая как граница между верхнелужицким и нижнелужицким диалектами (языками);

4— Южная граница распространения нижнелужицкого типа дистрибуции форм род.-вин. дв. и мн. ч.

маму *tšoch/tšich kónow*
маму *tšoch welikich wołow*
som *tšoch Žyďow wiźel*

из говора деревни Диссен:

мам *tšoch keňow*
мам *styřoch bykow*

маму *kóně*
маму *móčne woły*
sy *ty te formany wiźel* 7;

som *keňe pucował*
som *naše kučaki zmakał* 8.

3. Предшествующая грамматическая и диалектологическая литература дает весьма неясное представление об употреблении род.-вин. мн. в нижнелужицких и переходных говорах и даже в нижнелужицком варианте письменного языка. Между тем, за исключением грамматики Б. Швелы⁹, все соответствующие работы содержат некоторые указания на то, что в языке нижнелужицкой литературы и в интересующих нас диалектах род.-вин. мн. употребляется несколько иначе, чем в верхнелужицком. Это относится уже к первой печатной нижнелужицкой грамматике Гауптмана¹⁰. Правда, и Гауптман рассматривает род.-вин. мн. только как признак категории рациональности, но как признак необязательный¹¹.

Э. Мука, который утверждает, что род.-вин. мн. характеризует категорию рациональности¹², и специально подчеркивает, что

дти о том, возможно такое употребление только в связи с рациональными или в сочетании со всеми одушевленными. Во всяком случае выделение категории одушевленности (или рациональности?) в этих сочетаниях, по-видимому, необязательно. Наряду с приведенным примером Фаске дает *Mam pěš bratšow*. О том, что противопоставление здесь между категориями рациональности и одушевленности менее четкое, свидетельствуют и те случаи, когда все сочетание имеет значение им. падежа (ср. *tam stoje pěšo žědy* наряду с *tam stoj pěš žěďow*). Кроме того, нельзя не отметить, что различие между именами, характеризующимися род.-вин. падежом, и остальными здесь отражается лишь косвенно, в форме числительного, так как количественно определяемые имена в этих сочетаниях всегда выступают в форме род. мн., когда все сочетание имеет значение им. п. или вин. п. (ср. *tam stoj pěš botow*; *мату пěš botow*). В виду отсутствия соответствующего материала, в рамках этой статьи приходится, таким образом, отказаться от рассмотрения вопроса о том, возможны ли формы род.-вин. мн. неарац. одуш. в сочетании с числительными типа *pěšo, žasešo*. Это оправдывается и тем, что именно ограничение регулярного употребления род.-вин. мн. пределами сочетания «одушевленное имя + определение в виде числительных 'три' или 'четыре'», является специфически нижнелужицкой инновацией.

⁷ Там же, стр. 242.

⁸ Там же, стр. 244.

⁹ B. Š w e l a. Grammatik der niedersorbischen Sprache (2 Aufl.). Bautzen, 1952, стр. 13.

¹⁰ J. G. H a u p t m a n n. Nieder-Lausitzisch Wendische Grammatica. Das ist möglichste Anweisung zur Erlernung der Niederlausitzisch Wendischen Sprache, Lübben, 1761.

¹¹ Ср. «In Plurali... ist der Accusativus teils wie der Nominativus, teils wie der Genitivus z. E. won ma Knechti oder Knechtow er hat Knechte, doch ist der Accusativus, dem Genitiv gleich, gebräuchlicher» (стр. 64).

¹² Ср.: E. M u c k e. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch, wendischen) Sprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Obersorbischen. Leipzig, 1891, стр. 298, 325.

это относится к грамматическому строю «beider sorbischen Dialekte»¹³, все же вынужден признать, что в нижнелужицкой литературе встречаются отклонения от постулируемой нормы. Эти отклонения он, однако, считает «ошибками» писателей¹⁴. Но в то время как Гауптманн в качестве отклонения от правила приводит только случаи употребления им.-вин. мн. по отношению к лицам, Мука видит это отклонение прежде всего в том, что род.-вин. мн. распространяется и на названия животных. Обратное явление, отсутствие род.-вин. у существительных мужского рода, обозначающих лиц, и у прочих имен, поскольку они относятся к лицам, Мука считает редким¹⁵. Совершенно ошибочным ему кажется употребление в качестве винительного «настоящих форм им. п.», т. е. праславянских форм им. мн. м. р. типа *carši* < *čřti, *suseži* < *sopšedi, *Žyži* < *židi, *lúže* < *ludbje и т. п., которые частично и в нижнелужицком сохраняются по сей день¹⁶.

Таким образом, концепция Муки довольно противоречива. Из его утверждения, что отклонения встречаются только в литературе, а в «неиспорченном народном языке» они якобы ощущаются как «нерегулярности», как будто вытекает, что Мука видит в этих отклонениях промахи писателей и переводчиков, недостаточно владеющих народной речью. С другой стороны, Мука различает «формы вин. п.» и «настоящие формы им. п.». Под первыми он подразумевает формы им.-вин. мн., формально совпадающие с первоначальным вин. п. на -у (после заднеязычных -i) или -е < *ě — *bratry*, *winiki*, *krále*, которые он, по-видимому, признает подлинными архаизмами, хотя полностью или почти полностью исчезнувшими в народном языке. Наконец, возникает вопрос, не указывает ли замечание Муки относительно неиспорченного народного языка на то, что Мука считает язык писателей как во многих других, так и в этом отношении «испорченным», т. е. испытавшим влияние немецкого языка.

4. К диалектам, обладающим интересующей нас структурой, относится и диалект мужаковский. В моих записях, например, имеются такие однозначные противопоставления; *ja žeńem te kóńe na tu łuku* — *ja žeńem tšoch koni na tu łuku* — из д. Голя (луж. *Góla* / нем. *Haide*); *ja šycke kóńe na łuku žeńem* — *ja tšoch kóni na łuku žeńem* — из д. Сьярбешойце (*Skjarbješojce* / *Skerberdorf*).

¹³ Там же, стр. 298.

¹⁴ Ср. «Es kommen jedoch in den ns. S c h r i f t e n (разрядка Муки. — *P. L.*) manche Abweichungen von dieser Regel vor, die aber in der unverdorbenen Volkssprache als Unregelmäßigkeiten, wo nicht als Fehler empfunden werden» (стр. 325).

¹⁵ Ср. «Selten trifft man umgekehrt bei den Personennamen die Form des Akkusativs statt der des Genitivs als Objekt gebraucht...» (Там же).

¹⁶ Ср. «Völlig falsch sind die Konstruktionen, wo wirkliche Nominativformen von Rationalia für Akkusative gesetzt erscheinen» (Там же).

Монография Л. В. Щербы, посвященная мужаковскому диалекту¹⁷, между тем не дает адекватного описания этого факта. В теоретической части книги говорится о категории «одушевленности», но приводимые примеры являются примерами категории рациональности (*ja sxtm tēx luži, teju gylcovu, txx gylca vižeł*)¹⁸. Однако в приложенных текстах наряду с формами род. вин. мн. рац.¹⁹ и им.-вин. мн. о.-нерац.²⁰ мы находим и примеры род.-вин. мн. от названий животных или относящихся к животным. Первую группу составляют: *su činesli jomu šelakix xyrēx a pobednēx* (стр. 29, 32); *hugnał tēx carto* (стр. 30, 39); *zrēxtujeme čisčiano* (стр. 33, 26).

Ко второй относятся: *a zrēxtoval jo bok vilike vudovx rēbē a šelake zvefeta ... a šelake ptaški* (стр. 33, 21); *ta zemja čines txx živex zvefeta ... skyt, huženex* (стр. 33, 24).

Третья представлена примерами: ... *kγtrxsbē kn'izk bēli čistēx rēbo vxmōfu, a čistēx ptaško spydē nebja a čistxn skyt, a čiscxlu zemju a čisčickix huženco* (стр. 33—34, 26); ... *bēčte kŋiza čistēx rēbo vxmōfu a čistēx ptaško spyde nebja a čisčickix zvereto* (стр. 34, 28).

Любопытно при этом, что формы вин. мн., противоречащие даже теоретической концепции самого автора, находятся исключительно в отрывках священного писания, переведенных с немецкого языка на мужаковский диалект самим Щербой. Так как в категорию одушевленности здесь оказываются включенными и животные, обозначаемые существительными женского и среднего рода, невольно возникает впечатление, что в этих формах сказывается влияние структуры родного Щербе русского языка.

5. Первые определенные указания на то, что употребление им.-вин. мн. рац. вовсе не объясняется недостаточным знанием писателями народного языка, а, наоборот, как раз характерно для народного языка, находим в очерке исторической грамматики лужицкого языка Г. Шустера-Шевца²¹, который это явление квалифицирует как архаизм. Шустер-Шевц упоминает и о распространении род.-вин. мн. на нерациональные одушевленные, причем показательно, что примеры, которые он приводит, представляют сочетания с числительными 'три' или 'четыре' (*wižim tšoch konjow*

¹⁷ Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.

¹⁸ Там же, стр. 84.

¹⁹ Добавлением сокращения «рац.» здесь обозначается, что данные формы имеют рациональное значение.

²⁰ Сокращение «о.-нерац.» означает, что речь идет о формах существительных мужского рода, обозначающих животных, или о формах других имен, относящихся к таким животным.

²¹ См. Н. Š e w c. Stawizny hornjeje a delnjeje serbsčiny. Listowy studij za wučerjow. Serbsčina. Wudawa Serbski Pedagogiski Institut w Małym Wjelkowie, 1955—1956, стр. 1778.

štyrich wołow). Соответствующего правила, правда, автор еще не формулирует.

З. Михалк, который в своей монографии говора д. Нове Место (нем. Neustadt) касается вопроса об отсутствии род.-вин. мн. в отношении лиц и даже подчеркивает, что род.-вин. мн. употребляется прежде всего в сочетании с числительными²², также не располагал достаточным материалом, чтобы определить территорию, на которой отсутствует регулярное употребление род.-вин. мн. в отношении лиц и условия употребления той или другой формы.

Эти проблемы, как было уже отмечено, разрешил Г. Фаске. Тем самым был окончательно опровергнут тезис Муки о том, что употребление им. вин.-мн. рац. в «неиспорченном народном языке» якобы ощущается как ошибка.

6. Остается, однако, выяснить, действительно ли эта особенность нижнелужицких и переходных говоров является архаизмом, как предполагает Шустер-Шевц. Возможно ведь и иное объяснение современной структуры. В одной из статей²³ я показал, что утрата род.-вин. дв. в верхнелужицком — явление относительно новое, и высказал предположение, что первоначально в отношении употребления род.-вин. мн. не было существенных различий между лужицкими диалектами: род.-вин. мн. рац. стал общей нормой приблизительно одновременно как в верхнелужицком, так и в нижнелужицком и в переходных диалектах. Только впоследствии он здесь был устранен в тех синтаксических контекстах, в которых не стал обязательным и для нерациональных одушевленных, т. е. вне сочетаний с числительным 'три' или 'четыре'. В сочетаниях же с этими числительными род.-вин. стал выражать категорию одушевленности по аналогии с двойственным числом, для которого именно в этих диалектах также характерна сигнализация категории одушевленности род.-вин. падежом. В собственно верхнелужицком двойственное число, если оно вообще сохраняется, уже вовсе не знает этой формы. В пользу этой гипотезы говорят известные из истории почти всех славянских языков многочисленные факты перенесения особенностей двойственного числа на сочетания с числительными 'три' и 'четыре'. Что же касается предположения о различных путях развития теперешней дистрибуции двух форм вин. пад. у рациональных и нерациональных одушевленных — у первых от обязательного употребления род.-вин. мн. к устранению его вне сочетаний с числительными 'три' и 'четыре', у вторых от сохранения им.-вин. мн. независимо от контекста к появлению род.-вин. п. в сочетаниях с числительными

²² S. Michalk. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962, стр. 152.

²³ Die Verbreitung des Gen.-Akk. Du. In den sorbischen Dialekten und das Problem seiner Genese.— Zeitschrift für Slawistik, IX, 1965, стр. 485—499.

‘три’ и ‘четыре’ под влиянием дистрибуций в двойственном числе ²⁴, то оно нуждалось еще в подтверждении на основе данных письменности. Настоящая работа и представляет попытку, проследить употребление род.-вин. мн. в древнейших нижнелужицких памятниках.

7. При исследовании падежных отношений внутри группы рациональных необходимо исходить из того, что употребление не род.-вин., а им.-вин. мн. должно было бы быть характерным как раз для древнейших текстов, если бы оно действительно являлось архаизмом. На самом деле это не так.

В законченном в 1548 г. переводе Нового Завета Якубицы, представляющем древнейший образец переходного нижнелужицко-верхнелужицкого диалекта, в котором, однако, преобладают элементы нижнелужицкие ²⁵, в одних лишь четырех евангелиях насчитывается 439 случаев с род.-вин. мн. рац., в то время как им.-вин. мн. рац. употребляется только девять раз, что составляет приблизительно 2%. Примеры следующие:

... *zeby ie newesmul ... duomy a Brattry a Sostry* (Марк 10, 30); ... *zawola wona ieye pczaczelnyczy, a Sussady* (Лук. 15, 9); ... *a wony budu zgromaschitz ... iogo wywolone* (Мат. 24, 31); ... *a bucze zgromaschitz swoje wywolone* (Марк 13, 27); *schiczke te czosch meiachu Chorich, wobdany ze schakowateiu nemoczcu a przywozowali je* ²⁶ *knomu ... a wuzdrowy hich* (Лук. 4, 40); *a powola ksebe kotory won chczesche* (Марк 3, 13). *A won ksebe wesmu te dwanatcze* ²⁷ (Лук. 18, 31).

²⁴ Там же. «Die für den Dual geltende Differenzierung von Nichtanimata mit Nom.-Akk. und Animata mit Gen.—Akk. wurde also auch auf die übrigen Zahlenverbindungen übertragen, in denen ein Nom.-Akk. überhaupt vorkam. Dabei muß man für Rationalia und nichtrationale Animata sicher eine unterschiedliche Entwicklung annehmen. Nur bei letzteren dürfte diese so vor sich gegangen sein, daß der Nom.-Akk. Pl. grundsätzlich erhalten blieb, wenn das betreffende Substantiv nicht die Grundzahlen drei oder vier als Attribut neben sich hatte. Hinsichtlich der Rationalia dagegen wird man sich die Entwicklung so vorzustellen haben, daß sich der Gen.-Akk. Pl. erst in jeder Position durchsetzte, dann aber in den syntaktischen Kontexten wieder eliminiert wurde, in denen er nicht auch für die nichtrationalen Animata obligatorisch geworden war», стр. 496.

²⁵ Для настоящей исследования была использована фотокопия подлинника рукописи, принадлежащая Институту славистики Немецкой Академии наук в Берлине.

²⁶ Во избежание излишней сложности терминологии именительным-винительным падежом я называю любую форму вин. мн. м. р., формально не совпадающую с род. падежом, в том числе и вин. мн. м. р. личного местоимения 3-го лица *je*, хотя эта форма отличается от им. п. *wóni*.

²⁷ Поскольку вопрос об употреблении род.-вин. числительных ‘выше пяти’ в данной статье не рассматривается (ср. прим. 5), употребляемая здесь форма *dwanatce* не включается в список примеров с им.-вин. п. Это относится и еще к двум случаям: *A won swola swohich dwanatcze wczednikou k sebe* (Мат. 10, 1) и *Potom rak wywoły ten Knis sedmschesud* (Лук. 10, 1). С другой стороны, следует отметить, что у Якубицы и эти числительные, как

Бросается в глаза, что в шести примерах им.-вин. мн. рац. имеет ту же форму, что и соответствующий вин. мн. в чешском языке. Если учесть, как сильно какой-то чешский перевод библии воздействовал на перевод Якубицы, можно ожидать, что и характерное для чешского отсутствие род.-вин. мн. отразилось в языке перевода. Совершенно очевидно это в евангелии от Луки 15, 9, где *susady* 'соседей' соответствует форме *sousedy* чешского перевода, в то время как немецкий перевод имеет *Nachbarinnen* (потому и у Фабрициуса ²⁸ *susednice*). Также дело обстоит, по-видимому, и с формой *wywolone*, точно соответствующей чешскому *wyvolené* (в лужицком это причастие имеет форму в.-л. *wuzwolony*, н.-л. *huzwolony*, следовательно всегда содержит приставку на *z*-). Что касается примеров *wobdany* и *kotory*, то это скорее всего просто ошибки. Если же за этим написанием кроются «настоящие» формы им. мн. (в понимании Муки) *wobdani* и *kotori*, то не исключена возможность, что современная нижнелужицкая норма, допускающая в качестве им.-вин. мн. и такие формы, в зачатках стала развиваться еще в XVI в. Как бы то ни было, во всяком случае можно констатировать, что в отношении лиц у Якубицы, как правило, употреблен род.-вин. мн.

Вольфенбюттельская псалтырь, которую также датируют XVI веком ²⁹, содержит 306 примеров с род.-вин. мн. рац. Им противостоит 17 случаев, т. е. 5,5%, с им.-вин. мн. рац.

Hihch Krahlëh huwesahsch s reschätzamy (Пс. 149, 8); *jogo wohtzih glëdatey na te chude* (Пс. 10, 8); *Ty ... pschinássosch hokolo te slossneh* (Пс. 9,6); *Ja ssom sse sarewnihl na te slossneh* (Пс. 119, 53); *Tey wohtzih togo Knëhsa glëdatey na te pschawe* (Пс. 34, 16); *Ten Knëhs zinih lyche te popashòneh* (Пс. 146, 7); *A rohsdraschnih-chu jogo...*, *pshist sse tam teke ta plóga mehsy nëh waly* (Пс. 106, 29); *A da na nëh mëhssso ... napadahsch* (Пс. 78, 28); *Pshisho tehn gnëw bohsshу na nëh* (Пс. 78, 32); *Ak wohn schakeh wahky mehsy nëh puschtzy, kotareh hihch sshrachu, à shkrodawih, kotareh hihch nakasichu* (Пс. 78, 46); *Doley twoju nëgnadu na nëh, a twoy stziwih gnew hihch sapshimy* (Пс. 69, 25).

правило, употребляются в форме род.-вин. п. Всего таких случаев в евангелиях насчитывается 9: *Tich tu dwanatzich posslal ie Jesus* (Мат. 10,5); *A won zryschy tich dwanaczich* (Марк 3,14); *A won zawola tich dwanaczich* (Марк 6, 5, так же и 9,35); *A Jesus wezmul wopet tich dwanaczich k sebe* (Марк 10,32); *Jesus pak zawola tich dwanaczich gromadu* (Лук. 9,1); ... *a namakaschthey tich Jednaczich zgromaschonich* (Лук. 24, 33); *Neyssem ia was dwanaczich wywolil* (Ио. 7, 70); ... *a znuch hich wywoły dwanaczich* (Лук 6,13). Интересно полное отсутствие «специально одушевленных» форм с окончанием, содержащим гласный *o*. Единственный пример с окончанием *-ech*, несомненно, является опиской.

²⁸ Das Neue Testament unseres Herrn Jesu Christi in die Nieder-Lausitzsche Wendische Sprache übersetzt und zum Drucke befördert von Gottlieb Fabricio Predigern in Kahren, Kahren, 1709.

²⁹ См.: R. Trautmann. Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter. Leipzig, 1928, стр. V—VI.— Памятник здесь цитируется по этому изданию.

Как показывают примеры, форма вин. пад. местоимения 3-го лица *je* в отношении лиц употребляется исключительно в предложных сочетаниях, так что она выступает только в виде *nje* (*mehsy nĕh* = *mjezu nje*; *na nĕh* = *na nje*). С другой стороны, род.-вин. *jich* (в орфографии памятника *hich*) в сочетании с предлогом (следовательно, в виде *nich*) встречается только один раз *Ak wohn slihch janshelow mehshy nich possla* (Пс. 78, 50). В беспредложном же употреблении род.-вин. не знает исключений: во всех 75 случаях Псалтырь имеет *hich*. Ввиду этого соотношения вполне возможно, что вин. пад. *je* (*nje*) действительно является архаизмом. Как доказывает история род.-вин. падежа во всех славянских языках, первоначальные формы вин. падежа в сочетании с предлогами сохраняются значительно дольше чем в функции прямого дополнения. Вопрос о том, являются ли и другие случаи употребления им.-вин. мн. рац. архаизмом или специфической нижнелужицкой инновацией, остается открытым. Показательно однако, что первоначальная «настоящая» форма им. мн. м. р. не употребляется еще в качестве вин. пад. Ясно во всяком случае то, что в Вольфенбюттельской псалтыри им.-вин. мн. рац. является редким исключением.

Даже в переводе Нового Завета Фабрициуса³⁰, вышедшем в печати в 1709 г., род.-вин. мн. в отношении лиц еще значительно преобладает над им.-вин. мн. Однако 30 примеров с им.-вин. мн. рац. против 393 с род.-вин. составляют уже 7,6% всех случаев употребления форм вин.-пад. рац. Решающее значение при этом имеет факт, что уже пять раз в качестве вин. падежа употребляется «настоящая» форма им. падежа. Перечисляю примеры с им.-вин. мн. рац., причем все случаи с первоначальным им. мн. м. р. приводятся в начале: *Wón góni carši* (Mat. 9, 34); *Čtož ... buže ... luže tak hucyś* (Mat. 5, 19); *... až był te luže wot se puścił* (Mat. 14, 22; Марк 6, 45); *A gaž wón te luže wot se puścił* (Марк. 23); *... a daši te humarłe swoje humarliki zakopaju* (Mat. 8, 22); *Njeměńšo, až ja som pśišel' kazń abo profety rozwězowat* (Mat. 5, 17); *A wóni budu zgromaźiš jogo huzwolone* (Mat. 24, 31); *... aby zawjadli ... tež te huzwolone* (Mat. 24, 24); *... kotaryž spuścił jo wjažu abo starejše abo bratšow abo žonu* (Лук. 18, 29); *pśiwježochu k njomu šykne njestrowe* (Mat. 14, 35); *wóno budu janžele won hiś*

³⁰ См. примечание 27. Поскольку Фабрициус в отличие от Якубицы и переводчика Вольфенбюттельской псалтыри применяет уже орфографию, позволяющую безошибочно определить фонемный состав его языка, считая возможным передавать цитаты из его перевода письмом, близким к тому, которое применяется в современных диалектологических исследованиях наряду с фонетической транскрипцией (ср. *Sorbische Dialekttexte I*, Spohla, Kreis Hoyerswerda, bearbeitet von H. Faßke und S. Michalk, Bautzen, 1963, стр. 6; и мою рец. на это издание в ж. «Zeitschrift für Slawistik», IX, 1964, стр. 283—286). Это кажется целесообразным, так как таким образом можно заменить порой громоздкие буквосочетания немецкого типа буквами с диакритическими знаками.

a *te zle* ze srježa tych pšawych wótželiš (Mat. 13, 49); a budu je do hognjecego pjaca chyšiš (Mat. 50); a wóni pšiwježochu k njomu *šyknje*, kotare se zle mējachu ... a wón je hustrowi (Mat. 4, 24); a wón je *šyknje* gójašo, a hobgrozy je (Mat. 12, 15—16); A budu je (людей *P. Л.*) do hognjowego pjaca chyšiš (Mat. 13, 42); a wón je tam hustrowi (Mat. 19, 2); Wón pak zawoła *te dwanaśco*³¹ (Лук. 9, 1); wóni wizechu *někotare* jogo huknikow (Марк 7, 2); pušć je (людей — *P. Л.*) wót tebjo (Марк 6, 36); A wón je (злых духов.— *P. Л.*)³² wjelgi hobgrozy (Марк 3, 12).

В переводе Ветхого Завета Фрицо³³, вышедшем почти столетие спустя, псалмы при 320 примерах род.-вин. мн. рац. обнаруживают лишь 14 случаев с им.-вин. мн. рац.: Wón buže nam te ludy ródchyšiš a *te luže* pod naše nogi (Пс. 47, 4); ga cu ja ší *te tatanje* k derbstwu daš (Пс. 2, 8); wón ... štrochowašo *krale* (Пс. 105, 14); a spóraj *móje winiki* na knicomne (Пс. 143, 12); Jogo *winiki* cu ja se sromotu hoblekaš (Пс. 132, 18); A zabi wyken pjerwonarod wo Eguptowskej, *šyknje prjedne derbniki* (Пс. 105, 36); A wóni hoprowachu *swóje syny* a swóje žowki tam cartam (Пс. 106, 37); Hudowy a *cuzbniki* wóni skóncuju (Пс. 94, 6).

Хотя доля случаев с им.-вин. (4,4%) здесь значительно меньше, чем у Фабрициуса (7,6%), и даже не достигает доли Вольфенбюттельской псалтыри (5,5%), такие примеры, как «настоящий» им. *luže*, доказывают, что перевод Фрицо по сравнению с Вольфенбюттельской Псалтырью представляет более новую стадию развития.

8. Совершенно иную картину употребления форм вин. пад., обследованные тексты обнаруживают по отношению к нерациональным одушевленным. В то время как в единственном и двойственном числах категория одушевленности, сигнализируемая род.-вин. падежом, предстает уже совсем сложившейся³⁴, во мно-

³¹ Числительные выше пяти в обследованных частях перевода Фабрициуса последовательно употребляются в форме им.-вин. даже в тех случаях, когда они сопровождаются артиклем или другим определением в форме род.-вин., например, A wón hucyni jich *dwanasćo*..., aby wón jich won posłał (Марк 3, 14); huzwoli wót nich *dwanasćo* (Лук. 6,13); Njejsom ja was *dwanasćo* huzwolił (Ио. 6,70); wón weze pak k sebje *tych dwanasćo* (Лук. 18,31); A wón weze *tych dwanasćo* (Марк 10, 32); ...wolašo *tych dwanasćo* (Марк 9,35); A wón zawoła *tych dwanasćo* (Марк 6,5);... a namakašej *zgromažonych tych jednasćo* a *tych kenž* z nimi běchi (Лук. 24,33); ...huzwoli... *drugich sedymžaset* (Лук. 10,1).

³² О том, что слово *duch* имеет рациональное значение, свидетельствует тот факт, что даже в обороте *tógo ducha górze daš*, возникшем по образцу немецкого *den Geist aufgeben*, это существительное употребляется в род.-вин. п.— *daš swójogo ducha górze* (Ио. 19, 30).

³³ То Воže Риѣмо Starego Testamenta, kotarež do teje Berskeje Rezi, ak Be hokoło Choschobusa namakajo, jo pschestawił a dał schischčasch Jobann Friedrich Frizo, Gołkojzach a Gołbine Farar. Cottbus, 1796.

³⁴ См.: R. L ö t z s c h. Die Verbreitung des Gen.- Akk. Du. in den sorbischen Dialekten und das Problem seiner Genese, стр. 487, 490.

жественном числе еще как правило преобладает им.-вин. падеж. Однако тенденция распространить род.-вин в парадигму мн. ч. вполне отчетливо проявляется и у нерациональных одушевленных. Синтаксический контекст при этом, по-видимому, никакой роли не играет.

У Якубицы, например, находим, с одной стороны: *A gadl ie zkoczky* (Марк 1, 6); *A namaka seschuczich w Templu a pcedawaiuczy Wooly, Woucze, Golube* (Ио. 2, 14); *a schiczkich z Tempła ween wigna / te Woucze teke y te Wooly* (Ио. 2, 15); *a rekl knym zcosch te Golube pcedawaly* (Ио. 2, 16); *ia sem wam dal mocz, tloczytz po wuschach a na Sstyry* (Лук. 10, 19).

По всей вероятности, сюда относится и *ja sem pytz rebrow woolow kuppil, a nint ya tam gdu te same wogczywatz* (Лук. 14, 19), ибо *te same* здесь заменяет скорее «*woly*», чем «*peć rebrow*».

С другой стороны, в том же памятнике имеется: *Tich wuhuschow zaganowatz budu* (Марк 16, 18); *a te Woucze won bucze k iogo prawicyz postawitz, a tich Koslow k lewicyz* (Мат. 25, 33); *ya possylam was ... mesy wylkow* (Лук. 10, 3); *Pogczywaysche na tich Ronow* (Лук. 12, 24): Поскольку и тут весьма вероятно влияние чешского языка (особенно интересно в этом отношении заимствование *Sstyry*, восходящее к чешскому *štyry*), то следует констатировать, что у Якубицы в отношении нерациональных одушевленных род.-вин. мн. фактически уже так же часто употребляется, как им.-вин.

В Вольфенбюттельской псалтыри противостоят друг другу: *Schitzko ssy ty jogo nogoma podchihschil, Woitze à wohlih ... Te ptahschky* (Пс. 8, 7—9): *Schitzke ptahschky ... ja snaju* (Пс. 50, 11); *Po lówach a po smihjach ty choischisch bushosch a stupasch na mlodeh lówih à plónih* (Пс. 91, 13) — *c twojogo domu ja wolow brahsch nóhk / danihsh Kohslow s twohjihch groshow* (Пс. 50, 9); *ja zu hoprowasch wolow s Kohslamih* (Пс. 66, 15).

Таким образом, род.-вин. мн. о.-нерац. встречается здесь несколько реже, чем у Якубицы.

Фабрициус же имеет приблизительно то же самое соотношение, что и Якубица: ... *a je [z] ašo skócki* (Марк 1, 6); *A namaka ... tych woly a wojce a golubje pśedawajucych* (Ио. 2, 14); *a wigna šyknych z templa, tež wojce a woly* (Ио. 2, 15); *Hobmyslišo te wrony* (Лук. 12, 14); *huže zagnaš* (Марк 16, 18) — *A wón buže te wojce k swojej pšawicy stawiš, tych kózlów pak k swojej lěwicy* (Мат. 25, 33); *ja posćelu was ... mjazy wjelkow* (Лук. 10, 3); *ja dawam wam móć na hužow a skorpionow teptaš* (Лук. 10, 19); *ja som sebje pěš pšěg wolow kupil a du tam jich probirowat* (Лук. 14, 19).

Наконец, у Фрицо род.-вин. мн., по-видимому, преобладает и в отношении нерациональных одушевленных. В псалмах находим; *Šykno sy ty do jogo mócy powdał, wojce a woly ... te ptaški* (Пс. 8, 7—9); *ja cu póściwaš skóšeta a kózty* (Пс. 66, 15) — *Ja znajom šych ptaškow* (Пс. 50, 11); *a da měšo na nich padaš kaž kuř a*

ptaškow kaž pěšk při morju (Пс. 78, 27); Ja pak njok z twójogo domu *šělcow* braš, daniž *kózłow* z twójich grožow (Пс. 50, 9).

Даже в сочетании с количественным числительным 'выше пяти' Фрицо употребляет род.-вин. Так, в 29 главе четвертой книги Моисея перечень жертвоприношений содержит следующие примеры: *žasešoch šělcow* (29, 23); *žewješoch šělcow* (29, 26); *wósymjoch šělcow* (29, 29); *sedymjoch wołkow* (29, 31). Только два раза в этой главе встречается обычное сочетание числительного выше пяти в форме им.-вин. с род. мн. существительного — *dwanasćo šělcow* (29, 17 и 20)³⁵.

9. Таким образом, тезис о различных путях развития рациональных и нерациональных одушевленных по направлению к современной дистрибуции двух разновидностей вин. мн. приходится уточнить. Правда, данные древнейших памятников в общем подтверждают, что род.-вин. мн. рац. сначала стал фактически обязательной нормой независимо от синтаксического контекста. Однако нельзя не отметить, что для XVI, а вероятно, и для XVII в. нужно считаться с возможностью сохранения некоторых первоначальных форм вин. мн. м. р. Прежде всего это относится к местоимению (*n*)*je*. Эти пережиточные формы могли служить исходной точкой для позднейшего развития, которое, однако, в конце концов привело к тому, что в новую форму им.-вин. мн. вошли и сохранившиеся формы «настоящего» им. п. типа *carši*, *suseži*, *luže*.

Что же касается нерациональных одушевленных, то трудно говорить о том, что старые формы им.-вин. п. «в принципе» остались незатронутыми распространением род.-вин. падежа, за исключением сочетаний с числительными 'три' и 'четыре'. И тут, по-видимому, сначала существовала тенденция к обобщению род.-вин. мн. во всех позициях, однако она не была реализована с такой последовательностью, как у рациональных³⁶. Это, собственно, и не

³⁵ Эти примеры как будто свидетельствуют о том, что и факультативное употребление род.-вин. в сочетании с числительными выше пяти (см. примечание 6) не ограничивается категорией рациональности.

³⁶ Выражением того, что норма еще не сложилась окончательно, является, по всей вероятности, и возможность употребления род.-вин. мн. по отношению к лицам, обозначаемым существительными женского и среднего родов. Особенно часто это встречается в Вольфенбюттельской псалтыри, например: *Then kněhs swarnuy tich puhtnikow à ssirotow*, a *hobshersshy tich widowow* (Пс. 146,8); *Widowow à zusihch sěmtzow wonih gershěh*, a *samorduju tich ssirotkow* (Пс. 94,6); *Aby wohn... teje ssmerschy shischow lucheš hutzinihl* (Пс. 102,21);... *tehe shishih hobrashone budu, tich ty buchos zelem sswesche k furschtam ssaishisch* (Пс. 45, 17). И у Фрицо такие случаи встречаются, например: *Město twójich nanow bužoš ty žiši měš, tych bužoš ty za wjerchow hustawiš we wšom swěše* (Пс. 45, 17); *Ten Kněz hobzwarnujo tych cuznikow a syrotow*, a *zdžaržujo te hudowy* (Пс. 146,8); *Derje tomu, kenž twóje mlode žetki zejo, a jich na kamjenju zmoržujo* (Пс. 137,9). В Пс. 45, 17 (в обоих переводах) и Пс. 137,9 (у Фрицо) употребление местоимений *tych* и *jich*, вероятно, объясняется и тем, что в данном контексте речь идет фактически только о сыновьях.

удивительно, так как во всех славянских языках развитие род.-вин. п. у нерациональных одушевленных независимо от грамматического числа отстает от развития у рациональных. Но прежде, чем оно могло завершиться, в нижнелужицком это развитие под влиянием двойственного числа было прервано новой тенденцией к распределению различных форм вин. мн. в зависимости от того, находилось они в сочетании с числительными 'три' или 'четыре' или нет. О том, как проходил этот процесс, обследованные памятники не дают никакого представления, так как интересные нас сочетания не встречаются.

10. Первые данные, в некоторой степени позволяющие судить о современном состоянии, можно извлечь только из народных песен, записанных в первой половине прошлого столетия. Особенно интересен в этом отношении II том собрания Смолера, вышедший в 1843 г.³⁷ Рациональные здесь уже употребляются в соответствии с современной нормой, т. е. вне сочетаний с числительными 'три' или 'четыре' применяется им.-вин. мн. Имеется два таких примера: *Naš kral ... swoje wójnaki komanděrujo* (104, 1—3); *Žówco to swaši pak witašo* (185, 29). Встречающийся в песне 94 (строчка 69) пример с числительным 'три' обнаруживает род.-вин.: *Šak tam hušće drugich tšoich* (имеются в виду женихи). По всей вероятности сюда же относится и пример из песни 61 (строчка 13—15); *Góń sobu Hanka, góń, góń, góń! Styryoch tam ja matych, tych tam ja psidanych*. Здесь, однако, не совсем ясно, идет речь о людях или о животных.

У нерациональных одушевленных отношения менее ясны. Вне сочетаний с числительными, правда, и тут употребление им.-вин. мн. не знает исключений, например: *Zo bužomej witše koniki gnaś* (16, строка 2; также строки 4 и 5); *Gólce te kóńe narowachu* (27, строка 1). *A jo tam gólcyk kóńe pasl* (49, строка 25); *Su wama kupiś ... brune kóńe* (83, строка 3—4).

Что же касается сочетаний с числительными 'три' или 'четыре', то по отношению к нерациональным одушевленным здесь также употребляется им.-вин., например: *styri brune kóńe tam* (60, на конце каждой строфы, всего 14 раз); *Až sy pšez te styri brune wep hujšļa* (184, строка 2; с союзом *žo* вместо *až*, также 187, строка 2).

Во всех собраниях народных песен и сказок, записанных в области распространения исследуемого здесь явления и опубликованных во второй половине XIX в. в журнале *Časopis Maćicy Serbskeje*, наоборот, именно примеры с нерациональными одушевленными более соответствуют современной норме. Правда, и тут в двух песнях в сочетании с числительным еще употребляется

³⁷ L. Haupt und J. E. Schmalzer. Volkslieder der Wenden in der Ober- und Niederlauzitz. Zweiter Teil. Volkslieder der Wenden in der Niederlauzitz. Grimma 1843.

им.-вин. мн.: Zastaj doch za mnje *te styri brune ... styri brune* ja zastajiju (ČMS 1874, стр. 86); Rědny ten *styri brune kónje* ma ... Rědne *te styri brune* nadeda ... Ten dej *te styri brune kónje* měš (ČMS 1877, стр. 6, 7). Но уже в 7 песнях или сказках в этом контексте находим род.-вин. п.: *Ako tych styrjoch brunych* ma ... *Zenych ja styrjoch brunych* njamam (ČMS 1874, стр. 96); *ten mějašo styrich kóni zapšěgnjonych* (ČMS 1876, стр. 16); *Styrjoch brunych kónjow* ma (ČMS 1881, стр. 49 и 50 — дважды в той же самой песне); *je ... styrjoch brunych* nadejšła (ČMS 1881, стр. 20); *Gólcyk ten styrich brunych kónjow* ma ... Ten dej *tych styrich brunych* w wozu měš (ČMS 1881, стр. 46) *Kupił sebje wólkow tšoch* (ČMS 1881, стр. 44); *styrjoch tych brunych zakłada* (ČMS 1883, стр. 7).

Вне сочетаний с числительными род.-вин. мн. нерационального, одушевленного употребляется только один раз: *Gólcyk tam kónjow pasešo* (ČMS 1883, стр. 7). Этому отдельному примеру противостоят 9 случаев, в которых название животного, одно или в сочетании с артиклем либо определением, имеет форму им.-вин. мн.: *Zyži pšez Jeruzalem šegnjechu, swóje te kónje* napówachu (ČMS 1874, стр. 83) ... *kenž gótbje pasechu* (ČMS 1874, стр. 76); *Gólcu ... kónje ... pasechu* (ČMS 1876, стр. 16); *Staji kónje* na hospodu (ČMS 1875, стр. 115); *Žo ga jo ten rědny gólc, ako kónje* spopaso (ČMS 1881, стр. 21); *Ten gólc te kónje* napowa (ČMS 1881, стр. 64); *Kónje stawí* na herbergu (ČMS 1883, стр. 144); *Słyšachmej te ptašacki* na tych bomach *spiwajuće* (ČMS 1881, стр. 34); *Glědajšo na te tešacki* (ČMS 1882, стр. 153).

У рациональных и вне сочетаний с числительными преобладает род.-вин. мн. Однако и им.-вин. употребляется довольно часто, например: *Mogawa pšížo* w nosy na *łuže*, wosebje na *mlode luže*, a *tócy je* (ČMS 1877, стр. 105); *Wec ga te luže* tak drogo *wozyš?* (ČMS 1883, стр. 145); *Som wam zwostajila te rědne gólcu* (ČMS 1882, стр. 117); *Šykne ... gylcy* rozegnała ... *šykne ... gylcy* zgromažila (ČMS 1882, стр. 143); *Měniła syhólcu* jebaš (ČMS 1875, стр. 110). Показательно, что в сочетаниях с числительным род.-вин. не знает исключения. Всего четыре таких случая: *Ja mam hišće drugich tšich* (ČMS 1874, стр. 69); *Ja wěm ... tšoch drugich* (ČMS 1874, стр. 76); *Ga ja tam wižach* *łože jěš, we* *łoži gólcow tšoch* (ČMS 1881, стр. 31); *Ja mam hišće drugich tšoch* (ČMS 1882, стр. 131).

11. Итак, можно констатировать, что перестройка и дифференциация первоначальной, в принципе общелужицкой, дистрибуции форм вин. падежа, при которой формой род.-вин. в ед. и дв. числе сигнализировалась категория одушевленности, а во мн. ч. — категория рациональности, привели к тому, что современные нижнелужицкий и нижнелужицко-верхнелужицкие переходные диалекты обладают в этом отношении структурой, не известной ни в одном другом славянском языке ³⁸.

³⁸ Следы подобной структуры обнаруживали лишь вымершие в начале нашего столетия словинские говоры. Подробнее об этом см.: R. L ö t z s c h. Die Verbreitung des Gen.-Akk. Du. ..., стр. 498.

СОВРЕМЕННОЕ НИЖНЕЛУЖИЦКОЕ СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

О. В. Ткаченко

(Киев)

1. Сложные слова современного нижнелужицкого языка, являющиеся предметом анализа в настоящей статье, по формальным особенностям можно разделить на две группы: 1) сложения, первый компонент которых оканчивается в большинстве случаев на *-o-* (*-jo-*); 2) сращения разных типов. Архаические композиты типа *mjadwjež*, *gumno* и *под.* в статье не рассматриваются¹.

2. В пределах первой из названных групп обнаруживается наибольшее количество типов сложных слов, свойственных также и остальным славянским языкам. К этой группе относятся существительные, общей чертой которых является отглагольный характер второго и отыменной — первого компонента. Первый компонент может быть связан с существительным (*blyskowod*), прилагательным (*cystopis*), местоимением (*samošěg*), числительным (*piegwonarod*).

¹ Материал для настоящей работы взят из следующих источников: E. M u c k e. Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte. B. I. St.-Petersburg — Prag, 1911—1915, 1926, B. II, Prag, 1928; B. Š w j e l a. Dolnosorbisko-němski słownik. Budyšin, 1961; B. Š w j e l a. Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch. Bautzen, 1953; Chrestomatija dolnoserbkego pismowstwa,⁴ I—II zwězk. Berlin, 1956—1957; W. B j e r o. Mjazka a druge wulicowańka z Dolneje Łužyce. Budyšin, 1959; M. N o w a š k o j c. Wubrane spise. Zestawił za šulu a wugotowił z dogronom dr. F. Mětšk. Berlin, 1956; W. B j e r o. Wjaska pod голу (Wulicowańko z našogo casa). Budyšin, 1959; F. R o c h a. Wobraz mojogo žywnjenja. Berlin, 1956; F. R o c h a. Pěsni, wulcowańka a gadanja. Berlin, 1955; Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие. Т. I (с приложением текстов). Пг., 1915. Из соображений экономии места ссылки в большинстве случаев опускаются.

Значительную часть подобных сложных слов составляют бес­суффиксные образования, в которых преобладают сложения с бес­приставочной второй составной частью: kolenokłon, kulostark, listopad, muchoraz, pawkoraz, pširodospyt, słowoskład, wodopad, wodoskop, wodowod, wognjostroj, żywjenjoběg, zložej, samošěg, pjerwonarod.

Композиты указанного типа встречаются во всех славянских языках. Ср.: *в.-л.* hronoměr, dobročin, samoběh; *ч.* bleskosvod, zloděj, samowaz, prvotisk; *слц.* domolub, dobrobyt, samopal, prvoklík; *п.* drogowskaz, dobrodziej, samochód, pierworys; *р.* водо­провод, злодей, самокат, первоцвет; *б.-р.* добрабыт, лихадзей, самоцяг, першацвет; *укр.* пароплав, злочин, самопал, первопо­чин; *болг.* водосвет, двубой, злодей, самоток; *схв.* водокāз, добро­твор, самонйк, двббој; *словен.* wodomet, zlodej, samobran, prvotisk; *м.* водоскок, добротвор, самоук, двоглед.

Другую часть сложений этого типа (более половины общего количества) составляют образования с суффиксами: *-a* (domověd-a); *-ař* (listonos-ař, carnowiž-ař, samomord-ař), *-ba* (samochwal-ba), *-ak* (dalokopis-ak, samojězdž-ak), *-dło* (samostši-dło), *-ka* (casoměr­ka), *-c* (bogosłow-c, samoger-c), *-stwo* (samolubow-stwo), *-ica* (wšokupn-ica), *-nje* (šamožarža-nje, radowěže-nje, kulostarka-nje), *-še* (kšupobi-še, řědnocu-še).

Распространенность этих суффиксальных образований в сла­вянских языках не является такой же всеобщей, как приведенных выше бес­суффиксных сложений. Однако это объясняется не столько самой природой суффиксальных сложений, которые являются разновидностью того же типа, что и бес­суффиксальный вариант, сколько особенностями включенных в сложения суффиксов: степенью их продуктивности в отдельных славянских языках, общеславянским или позднейшим происхождением и т. п. Поэтому с полным основанием можно считать, что суффиксальные сложения связаны с тем же общеславянским (и, по всей видимости, прасла­вянским) типом, что и бес­суффиксальные образования.

Верность общему словообразовательному образцу характерна и для тех сложных слов, которые с лексической точки зрения представляют собой кальки соответствующих немецких (ср. carnowižar — Schwarzseher; cuzolubowanje — Fremdsucht, Fremdsüchtelei; dalokotopjenje — Fernheizung; dobrozdaše — Gutachten; kolenokłon — Kniebeuge; zuboryše — Zahnreißen; Lebenslauf — żywjenjoběg) иногда с прямым заимствованием в одной из частей (ср. glukožycenje — Glückwunsch).

Особое место среди нижнелужицких сложных слов занимают те, в которых первым компонентом является существительное сред­него рода, типа drjewogubak, winopiše и под. Приминая формально к рассмотренным выше сложениям, они в то же время дают воз­можность формальной идентификации со сращениями типа gluku­žycenje, knigłukurs, в которых первый компонент — форма ви-

нительного падежа, а второй — существительное, образованное от глагола, управляющего винительным падежом. Эта довольно многочисленная группа образует как бы переходное звено между нижнелужицкими сложениями и сращениями и не дает возможности провести между ними четкой границы. Этот тип сложных слов, включает в себя, по-видимому, только суффиксальные образования, которые могут быть разложены на самостоятельные слова: ср. *drjeworubak* (*drjewo* M.² 204; *rubak* M.II, 346); *žěłodawař* (*žěło* M. II, 1182; *dawař* M. I, 161), *manželstwołamanje* (*manželstwo* M. I, 857; *łamanje* M, I, 770); *manželstwołamař* (*manželstwo* M, I, 857; *łamař* M, I, 770), *pismowjednik* (*pismo* M, II, 53; *wjednik* M. II, 863), *piwopiše* (*piwo* M, II, 57; *piše* M, II, 55), *senosecenje* (*seno* M. II, 402; *secenje* M, II, 393), *winopiše* (*wino* M.II, 882; *piše* M. II, 55).

Вряд ли можно толковать как сращения слова *piwowař*, *kołožej*, *kołowrot*. Компоненты, составляющие эти слова, не функционируют в качестве отдельных слов (в первом слове это касается лишь второго компонента). Кроме того, в языке нет других сращений, сочетающих первую часть вышеуказанных слов с другими неоминимальными формами. В случае *kołožej* так же, как и *kołozapnica*, указание на то, что это сложение дает также форма первого компонента *koło* со значением 'колесо', в самостоятельном употреблении нигде не сохранившаяся вследствие ее замены фомой *kolaso*.

Кроме сложений-существительных рассматриваемого типа, в современном нижнелужицком языке употребляются сложения-прилагательные и сложения-причастия, в принципе также не отличающиеся от образований, характерных для славянских языков в целом. Прилагательные этого типа преимущественно бывают связаны с именем существительным или прилагательным во втором своем компоненте и с прилагательным местоимением и числительным в первом компоненте. Характерно, что первый компонент в них никогда не бывает образован от существительных.

Для каждого из отдельных видов этих сложений, если отвлечься от особенностей их суффиксального оформления и конкретного лексического наполнения, в данном случае не играющих существенной роли, без труда могут быть найдены параллели в других славянских языках. Ср.:

а) вид *cuzokrajny* (< *cuzy* + *kraj*): *cuzokrajny*, *cuzorečny*, *cystoněmsky*, *cystoserbski*, *dłujkowjacorny*, *dłujkozajtšny*, *dłujkolětny*, *dłymokowocny*, *dobrodušny*, *dobroserbski*, *dobrowolny*, *dolnołužyski*, *dolnoněmski*, *dolnoserbski*, *gornołužyski*, *gornoněmski*, *gornoserbski*, *južnosłowjański*, *krotkozajtšny*, *krotkowjacorny*, *lažkoatletiski*, *lubogłosny*, *narodnogospodarski*, *nowocasny*, *pol-*

² К. Е. М у с к е. Wörterbuch der niedersorbischen Sprache und ihrer Dialekte, B. I.

noletny, rownobocny, rownocasny, rownogłosny, rownolětny, rownopšawny, střednowěkowy, starotestamentny, tužnogłosny, samnowłosny, zwenkownopolitiski, běloždonkaty, carnowłosaty, cerwjenowłosaty, dlujkorukowaty, pšawonugłaty, wotšonugłaty, zelenozdonkaty;

в.-л. čerwjenowłosaty, *ч.* dlouhobradý, *слц.* belohlsvý, *п.* czarnoskóru, *р.* широкоплечий, *б.-р.* doŭганосы, *укр.* зеленоокий, *болг.* дългорѣк, *схв.* црнбглав, *словен.* črnook, *м.* белоглав;

б) вид *carnoběly* (< *carny* + *běly*): brunocarny, carnozelenko-waty, cystoběly, głuchoněmy, modro-bělo-cerwjeny, modro-šery, starodawny, swětłozeleny, šamnomodry, šamnozeleny, šěžkochory; *в.-л.* čarnosrokaty, *ч.* červenobílý, *слц.* černomodrý, *п.* ciemnozielony, *р.* светло-коричневый, *б.-р.* светлажоўты, *укр.* жовтогарячий, *болг.* тъмножълт, *схв.* тамнозелен, *словен.* svetlordeč, *м.* темно-алов;

в) вид *wšostronski* (< *wše* + *strony*), где второй компонент связан, как правило, с именем существительным: samowolny, swojowolny, wšoměstny, wšostronski; *в.-л.* samowólny, *ч.* všenárodní, *слц.* všel'udský, *п.* samowolny, *р.* всемирный, *б.-р.* усебаковы, *укр.* всесвітній, *болг.* саморъчен, *схв.* swakóгдишњи, *словен.* vsestranski, *м.* сесветски;

г) вид *jadnogłosny* (< *jaden* + *głos*): dwojobarwny, dwojobocny, dwojokolosny, dwojokolejsty, dwojonogaty, dwojorěcny, dwojorusny, dwojowokaty, jадnodnjowny, jадnogłosny, jадnolětny, jадnorucusny, jадnostronski, stygorožkaty; параллели находим во всех славянских языках, однако часто в более ограниченном объекте, так как в качестве первого компонента обычно выступает лишь соответствие нижнелужицкому *jadno-*: *в.-л.* jадnoghłóсны, *ч.* jednopatrový, *слц.* jednosvázkový, *п.* jednooki, *р.* однурукый, *б.-р.* анадзённы, *укр.* двомісячний, одноголосний, *болг.* двоутробен, едноугьлен, *схв.* двокрїлан, једновремен, *словен.* dvolik, *м.* еднокатен, двореден.

Количественно меньшую группу в нижнелужицком языке составляют такие сложные прилагательные с соединительным *-o-*, первый компонент которых соотнесен с прилагательным, местоимением или числительным, второй же имеет отглагольный характер и при этом вне сложения, т. е. в качестве самостоятельного слова, не употребляется. Эта группа сложений может быть также признана общеславянской. Ср.:

а) вид *rownopađny* (< *rowny* + *padaś*): lažkomyslny, starobytny, krotkowidny, krotkowižny, rownopađny, wjelikomyslny; *в.-л.* małowěriwy, *ч.* lehkovážný, *слц.* prostoreký, *п.* wolnobiežny, *р.* тихоходный, *б.-р.* вольналюбны, *укр.* легкодумний, *болг.* многострадален, *схв.* злòхран, *словен.* malobeseden, *м.* краткотраен;

б) вид *samobytny* (< *sam* + *byś*): samobytny, samopašny, samostatny, swojorazny; *в.-л.* samoróđny, *ч.* samoliby, *слц.* samostačny, *п.* samodzielny, *р.* самоплавный, *б.-р.* самаперакульны,

укр. самозапальний, болг. самостоен, схв. самѡжив, словен. samostalen, м. самолюбив;

в) вид *jadnorodny* (< jaden + rožiš (se): dvojorěžny, jadnomysl-ny, jadnorodny; в.-л. dvojorěžny, ч. jednotvarny, слц. jednomerny n. jednozgodny, р. однозначный, б.-р. аднародны, укр. однодумний, двосічний, болг. едноцветен, схв. једнѡрезан, словен. dvozezen.

Таковыми же широкими инославянскими связями характеризуется близкая к предыдущей группа сложений-причастий, первый компонент которых связан с прилагательным, местоимением или числительным. Если принять во внимание, что причастия, в частности действительные настоящего времени, являются явно деградирующей категорией в ряде славянских языков, будет понятно отсутствие некоторых разновидностей этой группы сложений в отдельных славянских языках (иногда причастия сохранены пережиточно в виде соответствующих отпричастных прилагательных).

а) вид *małowěrjocy, nowokšyty* (< mały + wěriš, nowy + kšyš), małowěrjocy, małowizocy, radowěžocy, krotkowižocy, lažkomyslecy, lažkowěrjocy, lichomyslony, luboměty, nowodobyty, nowokšyty, nowonarožony, nowonatwarjony noworožony, nowozałożeny, šeromazany, wojnskowěrowany, wusokorožony, в.-л. małoważeny, ч. mnohováženy, слц. novoutvorený, н. górnobrzmiący, nowowubudowany, р. многообещающий, глубокоуважаемый, новорожденный, б.-р. многоабяцаючы, глыбокапаважаны, укр. новонаставлений, болг. многоочакван, схв. новѡкован, словен. povogojen, м. новооснован;

б) вид *wšotogucy* (< wšen + moc, mogu): samoslužocy, wšotogucy, wšowěžocy, wšyknowěžocy; в.-л. wšowožiwjacy, wšowučeny, ч. všemohoucí, слц. samozvaný, samovzdelávací, н. samozapisující, р. самовлюбленный, самовоспламеняющийся, б.-р. самадзючы, укр. самозакоханий, саморееструющий, болг. самозапалващ се, самозван, схв. самопѡздан, словен. vseмогоčen, м. самопоканет;

в) вид *pjerwoporožony* (< pjerwy + porožiš): jаднорѡžony, pjerwoporožony, pjerwostworjenu; в.-л. přenjorodženy, ч. jednomletý (jednomletá mouka), druhorozený, слц. jednorodeny, р. prvorodený, н. једнобрзмиący, р. первородяща т, б.-р. першанароджаны, укр. первонароджений, болг. еднозначещ, схв. првѡрођени, словен. prvorojenes (< prvorojen).

3. Наряду с рассмотренными видами сложений, представляющими собой нижнелужицкие варианты общеславянского словообразовательного типа, для нижнелужицкого словосложения характерны и другие. Эти виды сложений от рассмотренных ранее отличаются тем, что они имеют соответствия в гораздо более узком круге славянских языков, а иногда только лишь в верхнелужицком. Характерным является употребление этих видов сложений в языках, находившихся в длительном контакте с немецким, и отсутствие в языках, не имевших сколько-либо прочной связи

с немецким. В соответствии с этим среди славянских языков, знающих указанные сложения, насыщенность ими нарастает по мере возрастания степени территориальной близости и длительности контакта с немецким языком. Сложения этого типа связаны лишь внешними приметам с общеславянским (наличие «соединительного» -о-), в действительности же от него отличаются. По-видимому, их следует расценивать как результат перенесения на славянскую языковую почву внеславянских (в данном случае — немецких)³ образцов словосложения. В ряде случаев обнаруживаются конкретные немецкие композиты, с которых калькированы славянские, в других случаях построение славянского сложения осуществляется по общему заимствованному словообразовательному образцу. В нижнелужицком языке так образованы некоторые сложные существительные и прилагательные. Существительные, в частности, характеризуются тем, что их второй компонент соотносится с существительным, невоспринимаемым как отглагольное, а первый — с существительным или прилагательным.

Немецкие композиты, с которых калькированы славянские, обнаруживаются в словах *dušopastyř* (Seelenhirt, ср. *n.* *duszpasterz*), *rodolist* (Geburtsbrief), а также *choropostola* (Krankenbett). В славянских языках, не имеющих этих сложных слов, им соответствуют обычно словосочетания «определяемое + несогласуемое определение», иногда «согласуемое определение + определяемое» (ср. *p.* свидетельство о рождении, постель больного, духовный пастырь).

Сложения этого типа встречаются также в верхнелужицком, чешском, словацком, отчасти словенском и сербохорватском языках. Ср. *в.-л.* *swětokula* (Weltkugel), *swětoduch* (Weltgeist), *chorołožo*, *parolodź* (Dampfschiff), *kuzłoprut* (Zauberstab), *ч.* *bankocedule* (Bankzettel), *čarokolo* (Wunderkreis), *čarostrom* (Wunderbaum), *ledohora* (Eisberg), *letokruh* (Jahresring), *hvězdokupa*⁴, *сл.* *čarokráž*, *čarokruh*, *схв.* *дѣлокруг* (Arbeitskreise)⁵, *верозáкон*

³ В сербохорватском, словенском, словацком языках следует считаться также с возможностью венгерского влияния, которое в интересующем нас отношении, как правило, совпадает с немецким, о чем будет сказано ниже.

⁴ В настоящее время часть из этих образований в чешском языке устарела или воспринимается как не вполне литературная. Ср., например, толкование таких слов, как *bankocedula*, *čarokolo*, *čarostrom* и под., в словаре Ф. Травничка — F. T r a v n í č e k. *Slovník jazyka českého*. Praha, 1952, стр. 46, 169.

⁵ Для сербохорватского, словенского, а также словацкого языков не исключено также влияние венгерских образцов словосложения, в принципах построения совпадающих с немецкими, ср. *hatáskör* 'компетенция' (*hatás* 'действие' + *kör* 'круг'), *csodaállat* 'чудовище; чудесный зверь' (*csoda* 'чудо' + *állat* 'зверь, животное'), *csodagyermek* 'вундеркинд' (*csoda* 'чудо' + *gyermek* 'ребенок'), *csodakút* 'волшебный колодезь' (*csoda* 'чудо' + *kút* 'колодезь'), *fasor* 'аллея' (*fa* 'дерево' + *sor* 'ряд') и т. п.

дрворед, словен. delokrôg, letogrâd, drevored. Для польского, болгарского и восточнославянских языков сложения такого типа не характерны.

По заимствованному словообразовательному образцу в нижнелужицком языке построены следующие субстантивные сложения: Dolnołužycan, Dolnołužycanaŕ (Niederlausitzer), Gornołužycan (Oberlausitz), Gornołužycan, -caŕ, Gornołužycanaŕ (Oberlausitzer), Južnosłowjan (Südslave), lažkoatletika (Leichtatletik), małoměšćanar (Kleinstädter), małorolnikaŕ (Kleinbauer), Nižnozemska (Niederlande, *pl.*), nowowucabnik (Neulehrer), rownopšawo, dalokoskok (Weitsprung), wusokoskok (Hochsprung), wjelikobaseu, wjelikogat, wjelikogotnica (Großbetrieb), wjelikograd, wjelikoindustrija (Großindustrie), wjelikojazoro, wjelikoměsto (Großstadt), wjelikomoc (Großmacht), wjelikoprodukcija, wjelikorěka, wjelikorolnikarstwo (Großbauerntum), wjelikowiki (Großmesse), wjelikowjoda (Großherzog), wjelikowucycaŕ.

Первый компонент этих слов связан с прилагательным, а второй — с существительным, которое либо не имеет с глаголом ничего общего, либо настолько отдалилось от него, что стало независимым. Последнее, в частности, выражается в возможности самостоятельного употребления второго компонента.

Образования подобного типа находим, кроме того, в верхнелужицком, чешском, словацком и, в несколько меньшей степени, в словенском и сербохорватском языках. Ср.: в.-л. zložwuk (Überklang) złowětr, drobnopřekupc (Kleinkaufmann), dobrowón (Wohlgeruch), čornokruš, čerwjnokruš, małowobchodnik (Kleinhändler), małoswět, małomešćan (Kleinstädter), wulkobanka (Großbank), wolkoburstwo, wulkowiki (Großmesse), wulkoměsto (Großstadt), złoduch, nowostatok, nowowólba (Neuwahl), nowowučer (Neulehrer), sylnoprud (Starkstrom), wjeleprerada (Hochverrat)⁶; ч. zloboh, zloduch, zlosyn, maloměsto (Kleinstadt), malomoc maloobchod (Kleinhandel), maloprůmysl, malorolník (Kleinbauer), malostatek, (Kleinwirtschaft), maloswět, malovýroba, velkokupec (Großhändler), velkoměsto (Großstadt), velkoměšt'ák (Großstädter), velkoobchod (Großhandel), velkoprůmysl (Großindustrie), velkovévoda (Großherzog); сл. zloduch, zločin, malodomkár, malohospodár, malokapitalista, malokupec (Kleinhändler), malomesto (Kleinstadt), maloměšt'an, malomysel' (Kleinmut), malorol'nik, malostatok (Kleinwirtschaft), malosvet, vel'kobanka, vel'kokapital, vel'koknieža (Großfürst), vel'kopodnik (Großbetrieb), velezrada; словен. ostrostrelec (Scharfschütze), malomešćan (Kleinstädter), veledelo, veleindustrija (Großindustrie), ve-

⁶ Компонент *wjele-* связан с уже не выступающим самостоятельно прилагательным *wjeli* (-wulki); употребляясь лишь в качестве наречия (*wjele* 'много'); то же явление имеет место в чешском, словацком и словенском языках; несколько иначе — в сербохорватском, где компоненту *wele-* соответствует этимологически связанное с ним все еще самостоятельно употребляемое прилагательное *wělŷ* (-wělik).

leizdaja (Hochverrat), velejzdajalec (Hochverräter), veleposest, veleposestnik, veleposlanik, velereka, veletok, velesejem (Großmesse), veletrgovec (Großhändler), velesila (Großmacht), veletrgovina (Großhandel), velkoměšan (Großstädter)⁷; *схв.* злѡволя, малѡрошанин, малѡграѡанин, вѡлейздаја, вѡлейздајнѡк, велекѡпац, вѡлемѡјстор (Großmeister), вѡлепѡсед, вѡлепѡседнѡк, велѡсила, велѡсејѡм (Großmesse), велетрѡац, великовѡрошанин, великодѡстѡјнѡк, вѡлѡкопѡседнѡк, великошкѡлац⁸.

В польском, русском, белорусском, украинском, болгарском этим сложным словам соответствуют, как правило, простые слова или сочетания прилагательного с определяемым им существительным. Сложения рассмотренного типа для этих языков не характерны, поскольку эти сочетания не поддержаны извне со стороны неславянских образцов. Кроме явно калькированных образований типа русского *младограмматик* (ср. нем. Junggrammatiker) в этой связи можно назвать немногочисленные сочетания, возникшие в славянских языках из устойчивых словосочетаний типа «прилагательное + существительное», в частности, в названиях разных видов растений, местностей и под.: ср. п. czarnozielen, Czarnolas p. черноклен, б.-р. лѡсахвост, укр. жовтозілля, и т. п.

Наряду со сложениями-существительными, отклоняющимися от общеславянского типа, в нижнелужицком языке изредка встречаются такого же типа сложения-прилагательные. Их особенностью является соотнесенность первого компонента с существительным, которое в словосочетании, легшем в основу композита, должно было выступать в роли определения или дополнения (обстоятельства). В инославянских языковых областях эти прилагательные представлены еще более ограниченно, чем аналогичные существительные. В основе рассматриваемых прилагательных лежат неславянские словообразовательные образцы.

⁷ Так же, как и в предшествующей группе, помимо немецкого влияния в качестве стимула для возникновения указанных сложений в словацком, словенском и сербохорватском языках можно предположить также венгерское влияние; в некоторых случаях оно даже более вероятно, ср., в частности, следующие образования, не имеющие соответствий в немецком языке: *схв.* злѡволя 'враждебное отношение' — венг. rosszakarát 'алонамеренность, недоброжелательность' (rossz 'злой' + akarat 'воля'), *словен.* veleposlanik 'посол' — венг. nagykövet 'посол' (nagy 'великий, большой' + követ 'посланник').

⁸ Из *схв.* сложные слова подобного типа, в частности с первым компонентом *веле-*, были заимствованы в македонский язык. Ср.: м. велепосед, велепоседник, велемајстор и *схв.* вѡлепѡсед, вѡлепѡдседнѡк, вѡлемѡјстор. Часть подобных слов в македонском является кальками сербохорватских слов, например: м. веледостојник, велепредавник, велепредавство, велетрговец и *схв.* вѡлѡкодѡстѡјнѡк, вѡлейздѡјнѡк, вѡлепѡздѡјство (вѡлейздаја), велетрѡац. Совершенно единичны в македонском случаи, в которых можно видеть результаты влияния со стороны других славянских языков (калькирование); ср. в этой связи м. велерад и *словен.* vele mesto, ч. velkoměsto, м. велетрговија и *словен.* veletrgovina.

По принципу калькирования с немецкого в нижнелужицком образованы *kralosakski*, *ludogospodarski* (*volkswirtschaftlich*), *zapadoněmski* (*westdeutsch*), *ptaškoswajžbny program* (*Vogelhochzeitsprogramm*). Соответствия, в весьма ограниченном объеме, находим только в верхнелужицком, чешском и словацком языках: ср. *в-л.* *ludodemokratiski* (*volksdemokratisch*); ч. *zapadočeský* (*westtschechisch*), *zapadoevropský* (*westeuropäisch*), *zapadoslowanský* (*westslawisch*), *severoamerický* (*nordamerikanisch*), *severoneměcký* (*norddeutsch*), *východoevropský* (*osteuropäisch*), *jihoneměcký* (*süddeutsch*), *jihoslovanský* (*südslavisch*); *слц.* *juhoamerický* (*südamerikanisch*), *juhoslovenský* (*südslavisch*, *jugoslawisch*), *severoamerický*, *východoslovenský* (*ostslowakisch*), *západoevropský*.

В польском, русском, белорусском, украинском и болгарском языках сложений подобного типа, как правило, не находим. В основном, видимо, чужды они и сербохорватскому⁹, а также словенскому языкам, судя по таким образованиям, как *схв.* *narodno-slobòdilačkū*, *јужнословенскū*, *словен.* *narodnogospodarski*. На основе неславянского типа — скорее всего, немецкого или венгерского, построен *схв.* и *словен.* *југословенскī* /*jugoslovenski* (ср. *нем.* *südslawisch*, *венг.* *délszláv* ‘южнославянский’ *dél* ‘юг’ + *szláv* ‘славянский’).

По заимствованному словообразовательному типу построены нижнелужицкие адъективные сложения — *kralowěrnny* (*königstreu*), *ludopřijazny* (*volksfreundlich*), *swětoznaty* (*weltbekannt*), *wodorowny* (*wassergleich*), *sněgoběly* (*schneeweiß*). Соответствия находим: *в-л.* *slěbroběly* (*silberweiß*), *winočerwjeny* (*weinrot*), *lodozymny* (*eiskalt*), *młokoběly*, (*milchweiß*), *swětoznaty* (*weltbekannt*), *swětosławny* (*weltberühmt*), *wodoruny* (*wassergleich*), *wjedrokraty* (*wetterfest*), ч. *sněhobílý*, *světoznámý*, *vodorovný*, *barvoslepý* (*farbenblind*), *střibrobílý*, *skálopevný*, (*felsenfest*), *zlatožlutý* (*goldgelb*), *lidomilý*; *слц.* *sněhobiely*, *swetoznámy*, *vodorovný*, *farboslepý*, *striebrobiely*, *skalopevný*, *zlatožltý*¹⁰; *словен.* *vodorâvni*, *čarokrâsni* (*wunderschön*), *verodostojen* (*glaubwürdig*); *схв.* *веродобстојан*, *вѡдорâван*.

В остальных славянских языках, не имевших столь тесных связей с немецким (или венгерским) языком, сложения этого типа отсутствуют, что лишний раз подтверждает их заимствованный характер. Композиты типа немецкого *felsenfest*, которые калькируют-

⁹ Ср., однако, државопрáвнī, *нем.* *staatsrechtlich*, *венг.* *államjogi* ‘государственноправовой’: *állam* ‘государство’ + *jogi* ‘правовой’.

¹⁰ Для словацкого и словенского языков, имевших длительные связи с венгерским, наряду с немецким не исключена также возможность венгерского влияния; ср. *венг.* *hófehér* ‘белоснежный’ (*ho* ‘снег’ + *fehér* ‘белый’, т. е. буквально ‘снег белый’), *csodaszép* ‘удивительно красивый’ (*csoda* ‘чудо’ + *szép* ‘красивый’), *aranyársárga* ‘золотисто-желтый, желтый, как золото’ (*arany* ‘золото’ + *sárga* ‘желтый’), *szinvak* ‘не различающий цвета, страдающий дальтонизмом’, *нем.* *farbenblind* (*szin* ‘цвет’ + *vak* ‘слепой’), *ezüstfehér* ‘серебристо-белый’ (*ezüst* ‘серебро’ + *fehér* ‘белый’).

ся в нижнелужицком, верхнелужицком, чешском и словацком языках, в других славянских языках передаются описательно с помощью целых словосочетаний обстоятельственного характера, простыми прилагательными, а также сложными словами, однако построенными по другому образцу, характерному для славянских языков (с прилагательным в качестве первого компонента). Ср. данные словарей немецко-польского, немецко-русского и немецко-сербохорватского¹¹: *schneeweiß* — *n.* śnieżnobiały, *p.* бело-снежный, *схв.* бео као снег; *weltbekannt* — *n.* znany na całym świecie, *p.* всемирно известный, *схв.* познат всему свету, познат у целом свету; *silberweiß* — *n.* biały jak srebro, *p.* серебристо-белый, серебристый, *схв.* бео као сребро; *farbenblind* — *n.* ślepy na barwy, *daltonista*, *p.* не различающий цвета, страдающий дальтонизмом, *схв.* слеп за боје; *felsenfest* — *n.* mocny jak skała, niezłomny, *p.* твердый, как скала, непоколебимый, непреклонный, *схв.* чврст као стена и т. п.

Сложения, отклоняющиеся от общеславянского типа, составляют небольшую часть общего числа сложений в нижнелужицком языке. Если не учитывать образований переходного типа (*drjewogubak* и под.), относя их к сращениям, они составляют только 41 из общего числа 271 собранных примеров, т. е. в процентном отношении 15% к 100%, остальные 230 примеров, т. е. 85%, приходятся на сложения общеславянского характера. Если же в качестве сложений, принадлежащих к общеславянскому типу, учесть 14 примеров образования типа *drjewogubak*, отношение между сложениями обоих типов соответственно составит по количеству примеров 41 и 285, в процентах 14,4% и 85,6%. Такой небольшой процент позднейших, калькированных или построенных по заимствованному образцу образований, среди сложений с соединительным *-o-* объясняется тем, что процесс калькирования с немецкого сопровождался преобразованием немецкой словообразовательной модели по правилам славянского словосложения. Сущность этого преобразования состоит в превращении немецкого сращения в славянское сложение.

Следует к тому же учитывать, что передача заимствованных композитов в виде сложений отнюдь не единственный и не самый простой способ их передачи, поскольку в нижнелужицком языке возможны и сращения, в принципе близкие немецким. Если в подобных условиях известный процент заимствованных сложных слов был не только калькирован, но и преобразован в сложение, то это свидетельствует о наличии в нижнелужицком языке некоторых внутренних предпосылок для такого рода преобразований. Так, основанием для распространения в нижнелужицком слово-

¹¹ Немецко-русский словарь. Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой, М., 1958; P. K a l i n a. Słownik podręczny niemiecko-polski i polsko-niemiecki, cz. I, W., 1956; J. K o n g r a. Deutsch-serbokroatisches Wörterbuch. Beograd, 1958—1959.

сложении модели «основа прилагательного + -о- + существительное, утратившее непосредственную связь с глаголом или вообще ее не имеющее», могло послужить не только наличие в немецком словосложении сращений типа Großstadt, Großmesse, но и то, что, хотя и в очень ограниченном объеме, славянским языкам известно подобное сложение, образующееся из некоторых устойчивых словосочетаний, ср. р. черноклен 'порода дерева' < черный клен: л. Czarnolas (топоним) < Czarny las и под.

4. Нижнелужицкий, как и другие славянские языки, сохранил тип сложения с соединительным -i-, при этом в нижнелужицком это -i-, как правило, исчезло¹². Однако в отличие от других славянских языков, например польского, где подобные образования отличаются продуктивностью, в нижнелужицком языке эти сложения принадлежат к числу малораспространенных. Это композиты bolgłowa (р. болиголов, болиголова), saǰręra 'брюква', (возможно, не без влияния нем. Steckrübe с тем же значением), kwiśroža (садовая роза). Возможно, последнее образование возникло также путем сокращения из kwiśa roža¹³. Малохарактерны сложения подобного типа и для верхнелужицкого языка¹⁴.

5. Среди нижнелужицких сращений небольшую часть составляют сращения, находящие себе соответствия во всех славянских языках и являющиеся, по-видимому, исконно славянскими. Это прежде всего сложные слова, образованные соединением числительного с именем (существительным или прилагательным). Характерным для нижнелужицкого языка в отличие, например, от восточнославянских и отчасти чешского является то, что первый компонент сращений этого типа образован формой именительного падежа, а не косвенного (родительного), как этого требует управляющий первым второй компонент (существительное или прилагательное). Ср. н-л. tširog, tširožk, dwaslědař, dvěmarka, dvělětny, dvěgłosny, dvěgłowaty, dvěkolasaty, dwalinkowy, dwarědowy, dvěnogaty, dvěsmužkaty, dwanasćolětny, zasešlětny, źewješlětny, pěšlětny, pěšpalcaty, sedymłětny, styrigłosny, styrigłowaty, styrigranjaty, styrilětny, styrirogaty, styrirogaty, styrnasćolětny, šesćrogaty, tšizělŋny, tšilětny, tširogaty, tširožkojty, tšizasćalětny, tysecgłosny, tysacłětny, wosymłětny и с другой стороны —

¹² В качестве иллюстраций из других славянских языков можно привести р. сорвиголова, л. wydrwigrosz, ч. vrtichvost, hryzkůrka, сл. bažihuba, držgroš, б-р. абібок, укр. пройдисвіт, болг. нехранимайко, схв. газиблато, словен. kážirot, верхнелужицкие параллели приводятся ниже.

¹³ Ср. объяснение в словаре Э. Муки (E. M u k a. Słownik dolnosorbiskeje řečy a jeje narěcow, t. I. Petrohrad — Praha, 1911—1915, 1926, стр. 765).

¹⁴ В словаре Ф. Якубаша (F. J a k u b a š. Hornjoserbsko-němski słownik. Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. Budyšin/Bautzen. 1954) имеются только два примера — tupibłojcka 'головастик', tupikrawc 'водомерка'.

p. трехчлен, трехгодичный, четырехугольный, пятилетка, пятилетний, двадцатилетний, *б-р.* трохвугольний, п'ятигоддє, двухвоки, трохскладовы, чатырохбаковы, п'яцігадовы, дваццацігадовы, *укр.* шестиденка, семизір'я, десятиріччя, шестиденний, семирічний, восьмигодинний, двадцятирічний, *ч.* pětiletí, pětiletý, šestúhľý, sedmidenní, dvacetičlenny.

Подобная неизменяемость первой составной части сращений рассматриваемого вида известна другим славянским языкам. Ср. *с-л.* tříkoleso, tříróžk, štyriboj, štyrirohac, dwěřezny, dwěnohaty, dwanaćelětny, dźesaćelětny, dźewjećwoky, pjećporstny, sydmlětny, tysaćelětny; *слц.* pāt'boj, šest'uholnik, deset'koruna, dvanást-ročnú, deset'ročnú, devět'ročnú, pāt'ročnú, pāt'prstý, sedem-ročnú, štrnást'ročnú, šest'ročnú, tridsat'ročnú, tisícročnú, osem-mesačnú, *словен.* trikotnik, petletka, sedemletka, petdneven, šest-mesečem, sedemdneven, osemuren, devetleten, desetdneven, dvajsetleten, tridesetleten.

Утрата склоняемости числительными в составе сращений в нижнелужицком, верхнелужицком, словацком и словенском языках как проявление тенденции, не чуждой и другим славянским языкам¹⁵, может объясняться сравнительно поздним появлением собственной литературно-письменной традиции, которая могла бы законсервировать то, что клонится к упадку. Следует учитывать и роль влияния со стороны немецкого, а для словацкого и словенского также венгерского языка, в которых, как известно, в аналогичных сложных словах первая составная часть — числительное выступает всегда в форме именительного падежа¹⁶; ср. *нем.* Dreieck, zweibeinig, dreißigjährig, *венг.* háromszög. (három 'три' + szög 'угол'), öt éves (öt 'пять' + év 'год'), hétnapi (hét 'семь' + nap 'день') и т. п.

Только в виде исключения в нижнелужицком языке последних лет встречаются сложные слова, первый компонент которых образован числительным в форме родительного падежа. Нам удалось обнаружить два примера таких образований, оба из нижнелужицкого календаря за 1960 год: sedmilětka, žasešiwowjanje 'десятиборье'. Ввиду явной редкости подобных форм на фоне почти

¹⁵ Эта тенденция проявляется, с одной стороны, в постепенном проникновении неизменяемости числительного в составе сращений в те языки, которым в целом она пока чужда (ср. *укр.* трикутник, тримісячний, чотирикутник, чотириголений и в замене сращений сложениями — с другой (*п.* pęciolatka, ośmioscienne, *схв.* петбок, трёног). Очевидно, в связи с той же тенденцией следует рассматривать колебание форм в некоторых из русских сложных слов, ср. *двуручный* и *двузместный*, *треугольный* и *трехмерный*. Болгарский язык, как утративший именную флексию, в данном случае не характерен.

¹⁶ В немецком языке, как известно, несмотря на почти полную утрату склоняемости количественными числительными, кроме ein, часть форм косвенных падежей, в том числе родительного, сохранили числительные zwei и drei; в венгерском языке склонение числительных в принципе также возможно (см.: К. М а й т и н с к а я. Венгерский язык, ч. 1. М., 1955, стр. 163).

безраздельного господства образований рассмотренного выше типа их следует признать нетипичными для современного нижнелужицкого языка. Можно предположить, что своим появлением они обязаны влиянию со стороны других славянских языков. В частности, слово *sedmilětka* может быть заимствованием из русского языка, переданным в нижнелужицкий через посредство верхнелужицкого, где первый компонент сращения *sedmi-* допустим наряду с *sydom-*; ср. в.-л. *Sedmihory*, *Sedmihródska*, *sedmispancy* и *sydomróžk*, *sydomróžkaty*. Образцом же для формы *žasešiwojowanje* могли послужить чешское *desetiboj* и русское *десятиборье* с тем же значением.

В небольшом количестве в нижнелужицком языке представлены известные и ряду других славянских языков сращения типа *sebje-wuznaše*: *sebjewuznaše*, *sebjezaprěsě*, *sebjewedobny*, т. е. «родительный-винительный падеж возвратного местоимения + существительное или прилагательное, связанное с переходным глаголом».

Сращения этого типа находим также в верхнелужицком, причем в гораздо более широком распространении, ср. *sebjecwělowar*, *sebjechwala*, *sebjechwalak*, *sebjekritika*, *sebjekritisiki*, *sebjelubosć*, *sebjelubowarski*, *sebjemórc*, *sebjemorjenje*, *sebjeponiženje*, *sebjepostajenje*, *sebjepřewinjenje*, *sebjespóznaće*, *sebjewědomosć*, *sebjewědomy*, *sebjewobaranje*, *sebjezaprěwanje*.

Очевидно, именно через верхнелужицкий язык эти сращения проникли в нижнелужицкий. Что же касается верхнелужицкого языка, то для него непосредственным источником такого рода сращений был чешский язык, где, как и в словацком, эти сращения широко распространены, ср.: ч. *sebeanalýza*, *sebedůvěra*, *sebechvála*, *sebejistý*, *sebevýchova*, *sebevzdělání*; сл. *sebanalýza*, *sebadůvera*, *sebaistý*, *sebachvála*, *sebaklam*, *sebaláska*, *sebavzdelanie*. В данном случае, как и в ряде других, верхнелужицкий язык выступил в роли передатчика чешского влияния на нижнелужицкий.

Образования подобного рода находим, правда в весьма ограниченном объеме, также во всех восточнославянских языках: болгарском, македонском и сербохорватском; ср. р. *себялюбец*, *себялюбивый*, *себялюбие*, б.-р. *сябялюб*, *сябялюбивы*, *сябелюбны*, *сябелюбства*, *сябелюбнасць*, укр. *себелюбець*, *себелюбний*, *себелюбство* (*себелюб*), болг. *себелюбец*, *себелюбка*, *себелюбив*, *себелюбие*; сл. *себезнао*, *себельубив*, м. *себельубие*, *себеунижување*.

Среди современных славянских языков сложные слова подобного рода не характерны только для словенского и польского¹⁷. Впрочем, в большинстве славянских языков, как и в нижнелужицком, они не получили широкого распространения, будучи от-

¹⁷ Впрочем, в сравнительно недалеком прошлом (XVIII — нач. XIX в.) встречались они и в польском языке, ср. приводимые слова (в том числе из словаря Б. Линде): *siebiebój*, *siebiebójca*, *siebielubca*, *siebielubiec*, *siebielubność*, *siebielubstwo*, *siebielubny*.

тесняемы более продуктивными композитами с первым компонентом *само-* (типа *р.* самолюбие). Исключение составляют чешский язык и славянские языки, находившиеся под сильным его влиянием, — словацкий и верхнелужицкий. Правда, и здесь образования с *само-* отличаются высокой частотой, но все же не такой, как в остальных славянских языках. Это объясняется, возможно, тем, что при выборе из двух возможных моделей построения рассматриваемого сращения в чешском языке предпочтение нередко отдавалось варианту с *sebe-* как более «славянскому», не ассоциировавшемуся для двуязычного чешского интеллигента периода Возрождения с слишком хорошо ему известными многочисленными немецкими композитами, исключаящими *selbst-* (само-), типа *Selbstmord*, *Selbstlob*, *Selbstsicher* и т. п. Данные славянских языков, находящихся вне сферы интенсивных чешских культурно-языковых влияний, высказанному предположению как будто бы не противоречат¹⁸.

В современном нижнелужицком литературном языке употребляются сложные слова — существительные, прилагательные и причастия со вторым отглагольным или отыменным компонентом и первой составной частью *wjele-*, которая обозначает высокую степень наличия признака, зафиксированного во втором компоненте: *wjelerožk*, *wjelebocny*, *wjeległosny*, *wjelelětny*, *wjelestolětny*, *wjelerožkaty*, *wjelegranjaty*, *wjeledostojny*, *wjelowědny*, *wjelesesćony*. Ввиду того что в нижнелужицком языке, в сложениях, как правило, в роли соединительного гласного выступает только *-o-*, а также вследствие существования в нем ряда сложных слов типа сращений, первый компонент которых образован наречием на *-e*, композиты с *wjele-* на фоне системы воспринимаются скорее как сращения. То же самое, видимо, относится и к верхнелужицкому языку, где в образованиях типа *wjelowაჷჷny*, *wjelowědny*, *wjacebarbny*, *wjacedžělny*, *daletraće* первые компоненты, оканчивающиеся на *-e*, представляют собой, как правило, по происхождению только наречия. В остальных славянских языках образования с первым компонентом, соответствующим нижнелужицкому *wjele-*, воспринимаются преимущественно как сложения. Они в той или иной степени известны во всех современных славянских языках, представляя собой, таким образом, общеславянское явление; ср. ч. *velečtený*, *сл.* *vel'asl'ubný*, *н.* *wielostopniwy*, *р.* велеречивый, *б.-р.* велямоўны, *укр.* велелюдний, *болг.* велегласен, *схв.* велеуважен, *словен.* *velezanimiv*.

В современных восточнославянских и южнославянских языках сложные слова этого типа немногочисленны и функционируют в составе архаической лексики (об этом, в частности, свидетельствует преобладание в них слов с иным вариантом первой составной части:

¹⁸ Продуктивности сложений с *sebbe-*, создаваемых в верхнелужицком языке по примеру чешского, могло способствовать отчасти известное сходство в условиях развития обоих языков в XIX — начале XX в.

много- в русском и южнославянских языках, *шмат-* в белорусском, *богато-* в украинском). Только в западнославянских языках образования с *wjele-* (*vele-*, *vel'a-*, *wielo-*) выступают как стилистически вполне нейтральные, обычные для современного состояния. Таковыми же они являются и в нижнелужицком языке.

Рассмотренные нижнелужицкие сращения, как правило, находят себе соответствия в виде аналогичных сращений или сложений во всех современных славянских языках. Расхождения в этом плане между славянскими языками незначительны и явно вторичны. За общеславянскими чертами, сохранными доньше, по видимому, стоят явления, восходящие в конечном счете к праславянскому периоду¹⁹. Однако доля сращений этого, так сказать, общеславянского типа в общей сумме нижнелужицких сращений не особенно велика. Согласно приблизительным подсчетам (на основании того материала, которым мы располагаем), количественно они дают всего 66 примеров из общего числа 245 (259) сращений²⁰, т. е. в процентах 26,9% (25,87%) против 73,1% (74,13%), приходящихся на нижнелужицкие сращения более специфичного характера, не имеющие сплошных инославянских соответствий.

Среди сращений, не имеющих сплошных инославянских соответствий, обращают на себя внимание сращения (существительные, прилагательные, числительные, причастия), первая часть которых образована существительным (отчасти прилагательным), местоимением, числительным в форме: 1) родительного, 2) именительного и 3) винительного падежей.

Наиболее многочисленной из указанных трех групп является та в сращениях которой первый компонент образован формой родительного падежа. На нее приходится свыше половины примеров, относящихся ко всем трем группам. Вне нижнелужицкого языка образования этого вида имеются в верхнелужицком, чешском, словацком, в несколько меньшей степени — в словенском и в виде единичных примеров — в польском языках. Для остальных славянских языков сложные слова подобной формы не характерны. Нетрудно заметить, что в тех языках, где представлены данные образования, как было уже показано, распространены сложения, возникшие при явном воздействии немецкого языка. Это заставляет предполагать, что сращения, первый компонент которых образован формой родительного падежа, в качестве образца имеет немецкие композиты.

Значительная часть этих сращений представляет собой непосредственные кальки соответствующих немецких, те же, которые таковыми не являются, построены в соответствии с общим заимствованным словообразовательным образцом. Большую часть

¹⁹ Их реконструкции, естественно, уже выходят за рамки этого исследования, написанного преимущественно в плане синхронии.

²⁰ В последнюю цифру входят случаи переходного типа *drjeworubak*, речь о которых шла выше.

сращения составляют здесь такие, где второй компонент является отглагольным по происхождению, меньшую — такие, в которых тот же компонент не связан с глаголами. То же относится и к конкретным исходным немецким образцам, если соответствующие славянские сращения их имеют. Принципы сочетания компонентов внутри немецких и славянских сращений сходны. Поэтому частота калькирования с немецкого по модели сращения значительно выше, чем по модели сложения. В связи с этим в нижнелужицком языке можно назвать сращения: bogabojazń, bogabojaznosć (Gottesfurcht), bogapřejař (Gottesleugner), bogazanicowanje (Gottesverachtung), domapytanja (Heimsuchung), kniǵłowkupc (Buchhändler), kniǵłowšedawar (Bücherwerkäufer), kniǵłowšišćanje (Buchdruck), kniǵłowšišćarnja (Buchdruckerei), kniǵłowšišćar (Buchdrucker), kniǵłowwězarnja (Buchbinderei), kniǵłowwězař (Buchbinder), kšupowbiše (Hagelschlag), kšwěpomšćar (Bluträcher), kšwěpšelaše (Blutvergießen), kšwězgubjenje (Blutverlust), lužižrack (Menschenfresser), manželstwałamar (Ehebrecher), pismawjednik (Schriftführer), rěcyspyt (Sprachforschung), rěcyspytnik (Sprachforscher), sadukublar (Obstzüchter), skotagojc (Vieharzt), wěrypoznaje (Glaubensbekenntnis, Religionsbekenntnis), wokagnuše (Augenblick), zemjedržanje (Erdbeben), zemjepis, zubowbolenje (Zahnschmerz), zubowryše (Zahnreißen), žišižiše, lětтыsec (Jahrtausend), lětstotk (Jahrhundert), lětžasetk (Jahrzehnt), dušowpastyr (Seelenhirt), wšogomoc (Allmacht), tšochwěstk (Dreibund); bogabojazny (gottesfürchtig), bogasromotny (gotteslästerlich), cešćidostojny (ehrwürdig), cešćigłodny, cešćigodny (ehrwürdig), drjewakšety, kšwěłacny (blutigierig), mocyglodny, swětłabojazny (lichtscheu), wěcywustojny (sachkundig), swětamudry (Weltweise); wšogomocny (allmächtig); wšogowědobny (allwissend), wšogozmilny (allbarmherzig); wšogomudry (allweise), wšogognadny (allgnädig), wšogopšawy (allgerecht), pismawucony (Schriftgelehrte).

Сложные слова, построенные по тому же принципу, находим в верхнелужицком языке, в котором они в отличие от нижнелужицкого распространены несколько меньше, составляя немногим более трети среди примеров всех трех перечисленных выше групп: bohaborj(az)nosć (Gottesfurcht), bohahanjenje (Gotteslästerung), boharonožičelka /boharonožičerka (Gottesgebärerin), wěrywuznaće (Glaubensbekenntnis), wěrybrat (Glaubensbruder), šijebolenje (Halbschmerzen *pl.*), rěčeznawc (Sprachkenner), rěčespyt (Sprachforschung), rěčewěda (Sprachwissenschaft), rejewodžer, chlěbadawar, hrykažer (Spielverderber), hłowybolenje (Kopfschmerzen *pl.*), česćelakomc (Ehrgeizige), luduličenje (Volkszählung), lětтыsac (Jahrtausend), lětstotk (Jahrhundert), lětdžesatk (Jahrzehnt), domapytanje (Heimsuchung); wjedrawustojny (Wetterkundige), wěryhódny (glaubwürdig), wědylačny (wissendurstig), wěcywustojny (sachkundig), rěčewědomy, rěčewustojny (sprachkundig), pismawustojny (schriftkundig), chwalbylakomny (rühmsüchtig), česćedostojny (ehr-

würdig), krwělačny (blutdürstig), duchapřitomny (geistesgegenwärtig), duchapoľny (geistvoll), duchachory (geisteskrank), duchasaľby (geistesschwach), hidypoľny (haßerfüllt), ludopřozdny (menschenleer); duchamorjacy (geisttötend), pismawuceny (schriftgelehrt).

Как в нижнелужицких, так и в верхнелужицких примерах обращает на себя внимание то обстоятельство, что, совпадая в основном с немецкими соответствиями в отношении лексического наполнения обоих компонентов сложных слов, а также их связи с определенными частями речи, они далеко не в каждом конкретном случае обнаруживают сходство со своими немецкими соответствиями также и в способах соединения своих составных частей.

Например, во всех 49 нижнелужицких примерах, имеющих немецкие соответствия, первый компонент выступает в родительном падеже, но только 7 из 49 немецких соответствий обнаруживают в первой части ту же падежную форму — в большей части остальных случаев первые компоненты немецких сложных слов не имеют ни внешней, ни внутренней связи с формой род. падежа. То же в основном относится и к верхнелужицким примерам.

Таким образом, немецкое влияние в данном случае проявилось не в формальном копировании каждого немецкого сращения, а в использовании немецкого образца «препозитивное несогласуемое определение в родительном падеже + определяемое» в соответствии с потребностями и возможностями славянского языка, обусловленными его закономерностями. Как и всегда, калькирование представляло собой не прямолинейное продолжение радиации влияний одного языка в сфере другого: попадая в другую лингвистическую среду, она испытывала неизбежные отклонения и преломления, как результат взаимодействия двух разнохарактерных сил. То же относится к аналогичным композитам в чешском, словацком, польском и словенском языках, ср. ч. knihkupec, (Büchhändler), lodivod (Schiffslotse), ctihodnost (Ehrwürdigkeit), okamžik (Augenblick), slávychtivost (Ruhmsucht), pozoruhodný (beachtenswert), duchamorný (geisttötend), láskyhodny (liebenswert), ctihodny (ehrwürdig), podivuhodný (bewunderswert), slávychtivý (ruhmsüchtig); cituplný (gefühlvoll), duchaplný (geistvoll), lihuprostý (alkoholfrei), duchaprázdny (geistlos), hrůzyplný (grauenvoll), láskyplný (liebevoll), *с.л.ч.* knihkupec knihtlač (Buchdruck), kníhväzač (Buchbinder), mierumilovnosť (Friedensliebe); chválychtivý, chvályhodný (lobenswert); láskyhodný (liebenswert), pozoruhodný (beachtenswert), prácešopný (arbeitsfähig), platbyšopný, (zahlungsfähig), platbynešopný (zahlungsfähig), liehuprostý (alkoholfrei), hrůzyplny (grauenvoll), cituplný (gefühlvoll), bohaprázdny (gottlos), *n.* okamgnienie (Augenblick), duszpasterz (Seelenhirt), bogarodzica (Gottesgebärerin); czcigodny (ehrwürdig), karagodny (strawürdig); wszechmoc (Allmacht), wszechstronny (al-leseitig), wszechogarniajacy (allumfassend); *словен.* bogaboječnost (Gottesfurcht), častihlepnost (Ehrsucht), dobičkaželjnost (Gewinn-

sucht), kruhapeka (Brotbacken), ropáželjnost (Raubgier); bogaboječ (gottesfürchtig), častihlepen (ehrsüchtig), častivreden (ehrwürdig), delazmožen (arbeitsfähig), dobičkaželjen (gewinnsüchtig), hvalevreden (lobenswert)²¹, hvaleželjen, ropáželjen (raubgierig), vsegamogočnost (Allmacht), vsegavedni (allwissend), vsegamogočen (allmächtig).

Несравненно более узкое явление в рамках славянских языков представляют собой адъективные преимущественно сращения с первым компонентом в форме именительного падежа. Кроме нижнелужицкого, где они встречаются очень редко, подобные сложные слова обнаруживаются несколько более широко только в верхнелужицком языке. Образцом для построения сращений этого типа служат также немецкие сложные слова. Ср. н.-л. sněgběly, а также sněgoběly (schneeweiß), kšejcerwjeny (blutrot); в.-л. sněhběly, krejčerwjeny, lódhładki, lódzymny (eiskalt), smjerćmučny (todmüde) и ряд прилагательных, созданных самостоятельно по этому типу и не находящих себе соответствий в немецком языке: smjerćwostudly, smjerćskupy, smjerćrady, smjerćmudry, smjerćdobry, smjerćpobozny (обозначают высшую степень качества). Все эти нижнелужицкие и верхнелужицкие композиты в качестве исходных предполагают словосочетания с обстоятельственными отношениями между членами, то же относится к немецким композитам, по образцу которых они построены. Особняком стоит нижнелужицкое wsěnsłowjan (Allslave), которому в верхнелужицком соответствует сложение Wšosłowjan, где первый компонент скорее может быть истолкован как определение. Сращения с первым компонентом в форме именительного падежа не характерны для нижнелужицкого языка. Об этом свидетельствует не только их низкая частота, но и параллельное употребление формы sněgoběly наряду с sněgběly и ее преобладание над последней. Характерно, что в верхнелужицком языке ни одно из сращений рассматриваемого типа не имеет параллельных себе сложений. В связи с этим можно предположить, что в нижнелужицком языке эти сращения появились не без влияния со стороны верхнелужицкого языка.

Почти не имеют соответствий в других славянских языках, исключая верхнелужицкий²², нижнелужицкие сращения, первый компонент которых образован формой вин. пад., а второй компонент связан с переходным глаголом. Первый компонент, таким образом, соотносится с прямым дополнением, находящимся в позиции по отношению к управляющему им глаголу. Образцом

²¹ Близко к этому сращению сербохорватское словосочетание *xвале вредан*, однако сращения подобного типа для сербохорватского языка в отличие от словенского, по-видимому, не характерны.

²² Единственными обнаруженными исключениями здесь являются только чешское и словацкое *vlakvedoucí/vlakvedúci* (ср. *Zugführer*), а также *obchodvedoucí/obchodvedúci*.

для возникновения этих сращений также следует признать немецкие композиты. На это указывает почти полное их отсутствие во всех славянских языках, исключая лужицкие, как известно испытывавшие вслед за полабским наибольшее немецкое влияние. В пользу этого говорит также и то, что каждое нижнелужицкое или верхнелужицкое слово этого типа, как правило, имеет немецкое соответствие, например: *н.-л.* broninjasar (Waffenträger), žělbraše (An)teilnahme), glukužycenje (Glückwunsch), knigłykupc, knigłypsedawar (Buchverkäufer), knigły-sišćaŕnja (Buchdruckerei), knigły-sišćaŕ (Buchdrucker), knigły-wězarnja (Buchbinderei), knigły-wězar (Buchbinder), kšejpomšćaŕ (Bluträcher), kšejpselaše (Blutvergießen), noguzłamanje (Beinbruch), rybyłojenje (Fischfang), snop-ywězar (Garbenbinder), swinjurězanje (Schweineschlachten), znatecy-njenje (Bekanntmachung), znatecyñar (Bekanntmacher), měrlubujucy (freudlichebend); тот же образец лежит в основе слов rowryjaŕ, mlincyjězaŕ, klinkibijaŕ, klinkibiše, диал. (восточнолуж.) palencpicie;

с.-л. krejpluwanje (Blutauswurf), krejpreleće (Blutvergießen), krejstajaty (Blutstillend), krejčisćaty (Blutreinigend), dušipastyr (Seelenhirt), dušipastyrstwo (Seelsorge), knihiwjazar (Buchbinder), knihičiść (Buchdruck), knihiskład (Buchlager), knihikupc (Buchhändler), knihiwjednistwo (Buchführungsstelle), sadsušernja (Obstdarre), kwětkidžělar (Blumenmacher), křižnošer (Kreuzträger), trawužnějak (Grasmäher), tworukupowacy (Wareneinkaufs), woduwodźny (wasserführend, wasserleitend), žilupušćenje (Aderlaß), pismikistajer (Schriftsetzer) pjenjezyměnjor (Geldwechsler), pjenjezyražer (Geldpräger), nuzućerpjacy (notleidend), chlěbłamanje (Brotbrechen), hnójkidar (Mistbreiter), džiwyčinjor (Wundertäter), broninošer (Waffenträger), minymjetak (Minenwerfer), měrlubowacy (friedliebend), měrkažer (Friedensstörer); по тому же образцу созданы и некоторые оригинальные верхнелужицкие слова, в частности kałzačinjer и pjatylizar.

Сопоставление нижнелужицкого языка с верхнелужицким показывает, что в нижнелужицком языке рассматриваемая группа сращений не является столь развитой и продуктивной, как в верхнелужицком. На это указывает численное преобладание верхнелужицких примеров: нижнелужицкие — 23, верхнелужицкие — 31. Если учесть, что нижнелужицкие примеры собирались из всей литературы, имевшейся в распоряжении автора (три словаря, в том числе словарь Э. Муки, а также целый ряд художественных и публицистических произведений), а верхнелужицкие примеры были взяты исключительно из словаря Ф. Якубаши, то можно допустить, что количественное расхождение фактически еще более значительно.

О более прочных позициях, занятых этими сращениями в верхнелужицком языке, говорит и тот факт, что в то время, как все приведенные верхнелужицкие композиты выступают только в данной форме, некоторые из только что рассмотренных нижнелужиц-

ких сложных слов имеют дублиеты в виде сращений, первый компонент которых образован формой не винительного, а родительного падежа ²³, ср.: *knigłykupc* и *knigłowkupc*, *knigły-pšedawaŕ* и *knigłowpšedawaŕ*, *knigły-šišcaŕnja* и *knigłowšišcaŕnja*, *knigły-šišcaŕ* и *knigłowšišcaŕ*, *knigły-wězaŕnja* и *knigłow-wězaŕnja*, *knigły-wězaŕ* и *knigłowwězaŕ*, *kšejpomšcaŕ* и *kšewěpomšcaŕ*, *kšejpšelaše* и *kšewěpšelaše*. Нижнелужицкие словари из этих двух вариантов отдают предпочтение композитам с формой родительного падежа. Ср. систему ссылок в словаре Э. Муки, замену композитов с *knigły* простыми словами при сохранении сращений *knigłowwězar*, *knigłowkupc* в немецко-нижнелужицком словаре ²⁴.

Возможно, это объясняется определенными установками составителей, старавшихся освободиться от излишних германизмов, опираясь на славянские языки, которым подобные формы сложных слов неизвестны. Однако несомненно также и то, что в словаре Ф. Якубаша, в общем не чуждого аналогичных установок, такие же образования остались нетронутыми, служа образцом для создания новых слов (например, *minumjetak*, несомненно новое образование). Это заставляет признать слова типа *minumjetak* более влиятельными и более прочно укоренившимися в верхнелужицком языке.

Если учтем также, что слова *znatecynjaŕ* и *znatecynjenje* последним нижнелужицко-немецким словарем приводятся как устаревшие и нежелательные для употребления в современном языке, то число несомненно вошедших в нижнелужицкий язык слов этого типа еще более сузится, доходя всего до 12 (даже с диалектным *palencrjće*), т. е. меньше половины верхнелужицких. Это — *želbraše*, *noguzłamanje*, *rybyłojenje*, *swinjurězanje*, *klinkibiše*, *palencrjće*, *broninjasaf*, *snopywězaŕ*, *mlincyjězaŕ*, *klinkibijaŕ*, *rowtujaŕ*, *měrulubujucy*.

При сравнении нижнелужицкого материала с верхнелужицким обращает на себя внимание также то, что рассматриваемые сращения несравненно богаче представлены в верхнелужицком языке не только в чисто количественном отношении, но и в отношении разнообразия словообразовательных форм. В верхнелужицком языке эти сращения представлены отглагольными существительными на *-nje* и *-će*, причастиями, а также целым рядом суффиксальных субстантивных и адъективных образований (с суффиксами *-yr*, *-stwo*, *-ar*, **-jb*, **-ъ*, *-c*, *-nistwo*, *-er-nja*, *-er*, *-ak*, *-n-y*). В нижнелужицком же языке все словообразовательные типы такого же

²³ Гораздо реже рассматриваемому типу сращения соответствует сложение, единственный пример — *glukožycenje* вместо *glukužycenje*.

²⁴ См.: В. Š w j e l a. *Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch*. Bautzen, 1953, стр. 67. — Исключением является только последний нижнелужицко-немецкий словарь, где, напротив, при полном отсутствии сложных слов с *knigłow*-приводятся сращения *kniglykupc*, *kniglywězarnja*, *kniglywězaŕ* (В. Š w j e l a. *Dolnosorbisko-němski słownik*. Budyšin, 1961, стр. 114).

рода сращений ограничены отглагольными существительными на *-nje* и *-še (-še)*, действительным причастием и *nomina agentis* с суффиксом *-ař*. Все это вполне согласуется с мыслью об относительно малой продуктивности данных сращений в современном нижнелужицком литературном языке и вместе с тем заставляет предполагать более позднее сравнительно с верхнелужицким их появление (ср. отрицательные данные остальных славянских языков).

Причину преобладания в нижнелужицком языке сращений, являющихся по форме отглагольными существительными, можно видеть в сближении славянских отглагольных существительных с славянскими инфинитивами, которое в условиях двуязычия происходило под влиянием немецких аналогий типа *lachen — das Lachen, leben — das Leben*. Следствием этого сближения явилось постепенное признание за существительными, образованными от переходных глаголов, возможности сохранения глагольного управления. Препозитивное употребление дополнений при таких существительных способствовало созданию словосочетаний, которые могли, как и немецкие, легко превращаться в соответствующие сращения. Употребление отглагольного имени в роли инфинитива, следовательно приобретение им той же степени глагольности, отмечается, в частности, для мужаковского диалекта ²⁵.

Под немецким влиянием в нижнелужицкий язык проникали не только обычные кальки, в которых каждая часть передавалась соответствующим нижнелужицким эквивалентом, но и композиты, калькированные только частично с сохранением первого или второго немецкого компонента. Такие наполовину калькированные сложные образования известны и в других славянских языках; сошлемся хотя бы на общеизвестное чешское *vánoše (Weihnachten)*, словенское *gobaželjep (raubgierig)*, ср. средневерхненемецкое *gour*, совр. *Raub* 'грабеж, разбой') и под.

Среди нижнелужицких сложных слов подобного славяно-немецкого типа преобладают такие, в которых немецким является первый компонент и нижнелужицким — второй; как правило, встречаются они в народном языке. Ср. *grosnan (Großvater)*, где *nan* соответствует немецкому *Vater*), мужаковское *knæpžira (Knopfloch) šwigermać (Schwiegermutter)*, *švigersyn (Schwiegersohn)*. К словам, известным в литературном языке, принадлежат *kurfjerch*, так же и в верхнелужицком (*Kurfürst*) и *lëbgoženje (Liebdienererei)*. Единственным примером гибридного композита со второй немецкой частью является слово *šerman (Graumann)*, где к тому же обращает на себя внимание краткая (без родового окончания), — возможно, по немецкому образцу — форма первого компонента.

²⁵ Ср., в частности, следующие примеры, приводимые Л. В. Щербой: *Ja sëm hoćiseł mōju maćefe uugledańoj* 'я сюда пришел навестить мою мать', *to žëłańe jo ćaške* 'das Arbeiten ist schwer' (букв. 'это работанье есть тяжелое'). Восточнолужицкое наречие, т. 1. Пг., 1915, стр. 137.

Рассмотренные образования едва ли не в наибольшей степени отражают двуязычный характер той среды, в которой они возникли. В то же время их сравнительная немногочисленность даже в народном языке указывает на то, что подобный способ передачи немецких сложных слов был значительно менее типичен, чем те способы передачи, которые были проанализированы выше и примеры которых были почерпнуты, как правило, только из нижнелужицкого литературного языка.

Многочисленную группу в нижнелужицком языке составляют сращения, вторая часть которых формально связана с глаголом или именем, а по значению соединена с представлением о действии или его носителях, первый компонент тех же сращений обозначает качество действия, а также его направление или место совершения.

Сращения этого типа ограничено представлены в других славянских языках и поэтому, скорее всего, должны быть признаны нововведением нижнелужицкого. В славянских языках обычно те же отношения передаются префиксацией либо постпозитивным или вообще нефиксированным употреблением обстоятельственных слов и словосочетаний по отношению к слову, обозначающему действие. Нижнелужицкий язык, имея те же традиционные средства, что и другие славянские языки, в данном случае прибегнул к новым, состоящим в возможности малохарактерного для славянских языков препозитивного употребления обстоятельственных слов и словосочетаний по отношению к словам, связанным с представлением о действии. Закрепление обстоятельственных слов и словосочетаний перед характеризуемыми ими словами способствовало дальнейшему их слиянию и созданию нового типа сложных слов.

Поскольку образцом для создания подобных сращений служили немецкие сложные слова, то во многих случаях (если не в большинстве) трудно определить, происходило ли создание нового сращения на славянской почве путем его эволюции из словосочетания или оно сразу же строилось как композит по немецкому образцу. Характерно, что сращения аналогичного типа представлены, как правило, в кругу славянских языков, входивших в сферу наиболее интенсивного взаимодействия с немецким; степень распространенности этих сращений также находится в прямой зависимости от степени интенсивности немецкого влияния.

В нижнелужицком языке к рассматриваемым сращениям можно отнести: *gorjejbranje* (Aufnahme 'принятие в церковный приход, конфирмация', ср. *gorjej hinauf, herauf, auf (wärts)* 'наверх, вверх'), *gorjejbranica* (то же значение), *gorjejbrašk* (Konfirmand), *gorjejbrany* (aufgenommen), *gorjejstawanje* (Auferstehung); *tamhyše* (Hingehen, Hingang); *tam-a-zas-chojženje* (Hin- und zurückgehen); *tudybyše* (Dasein); *slědkžaržanje* (Zurückhaltung), *slědkhyše* (Zurückgang), ср. *slědk* (zurück 'назад'); *dalejženje* (Weiterfahren), *dalejpisanje*, *dalejuwiše* (Weiterentwicklung); *derjeměše*

(Wohlbefinden, Wohlergehen); znowanarozonje (Wiedergeburt); zasejwiženje (Wiedersehen), na zasejwiženje (Wiedersehen), wokołožzba (Umfahrt), hokołoganjař (Herumtreiber), wokołodroga (Umweg); domojwozenje (Heimfahrt), domojdroga (Heimweg), nutšod (Eingang); zbožnjecynjocy (seligmachend); zbožnjecynjař (Seligmacher); zľěcynjař (Übeltäter); pisanjewušuwany, построенное по тому же образцу.

Для верхнелужицкого языка рассматриваемый тип сращений также характерен. Ср. tampuć (Hinweg), wróćobraće (Rücknahme) wróćopłaćenje (Rückzahlung), wróćopuć (Rückweg), wróćostajenje (Zurückstellung), wróćoswěćak (Rückstrahler), wróćowjerćenje (Zurückschrauben), wróćozawołanje (Zurückrufen, Zurückberufung), wróćožadanje (Rückforderung), ср. wróćo (zurück, rückwärts 'назад'); dalepuć (Weiterreise), daletraće, dalewjedženje (Weiterführung), dalewobstaće, derjeměće (Wohlbefinden), derjehiće (Wohlergehen); znowanarodženje (Wiedergeburt); zasowidženje (Wiedersehen); wokołolažak (Herumkriecher), wokołonošer (Herumträger), woko(ło)puć (Umweg); domojwoženje, donjebjesspěće (spěće 'подъем'), donjebjeswzaće.

В чешском и словацком языках рассматриваемые сложения представлены также, хотя распространены в значительно меньшей степени; ср. ч. znovuzrození, znovudobytí, znovuvskřišení, znovuzřízení (Wiederherstellung); kolemjdoucí; zmrtvýchvstání, nanebevstoupení и т. п.; *сл.* d'alejslužiaci 'сверхсрочнослужащий', znovuzrodenie, znovudobytie, znovunadviazanie, znovujednatenie (Wiedervereinigung), znovuvyzbrojovanie; okolostojaci (nebenstehend); nanebevstúpenie, smftvychvstanie и под.

Сращения рассматриваемого типа мало известны в польском языке. Характерны здесь композиты, в которых первым компонентом является предложное словосочетание, например: przedsięwzięcie, przedsięwzięcie, wniebowzięcie, wniebowstąpienie, zmartwychwstanie, zamążpójście.

Среди южнославянских языков такие композиты выступают в словенском, испытавшем наиболее немецкое влияние: prěkrpôt (Querstraße), medklic (Zwischenruf), medsebojen, klečeplaz, wnebohod, wnebovzêtje.

Иногда в качестве первого компонента такого типа сращений может выступать целое предложное словосочетание со значением перемещения в пространстве, ср. название одного из стихотворений Лизы Домашкойц «Zajtšne pšezpolahyše»²⁶. Рассматриваемый тип сращений вообще не характерен для славянских языков и выступает, как правило, лишь в тех из них, которые соприкасались длительное время с немецким языком, для которого подобные образования вполне естественны, ср. Imstichelassen 'оставление на произвол судьбы', Zuspätkommende 'опаздывающий', Zugrup-

²⁶ Chrestomatija dolnoserbского pismowstwa, II zwězk. Berlin, 1957, стр. 304.

delegung 'обоснование, взятие за основу', Ansichtbringen 'присвоение, приобретение', Inangriffnahme 'начало какой-либо работы', Inanspruchnahme 'использование' и т. п. Поэтому даже в тех случаях, когда подобное сращение не является калькой конкретного немецкого слова, следует считать, что в основе его лежит немецкий словообразовательный принцип, сущность которого связана прежде всего с характерным для немецкого языка порядком слов «определяющее (характеризующее) в широком смысле слово (в том числе несогласуемое) перед определяемым».

Весьма многочисленными в нижнелужицком языке являются сращения с первым компонентом *sobu-* (< *sъ *sobu*, т. е. с *собою*), соответствующим немецкому *mit-*. Эти сращения, как правило, в качестве второго компонента содержат имя, связанное с представлением о действии, например: *sobucuse* (*Mitgefühl*), *sobuželašeŕ* (*Mitarbeiter*), *sobuželba*, *sobuželbnik*, *sobuwobsednikaf* (*Mitbesitzer*), *sobuducy* (*Mitgehende*), *sobuběžny*, *sobupšeskjaržony* (*Mitangeklagte*), *sobušerpnj* (*mitleidig*), *sobugrajaŕ* (*Mitspieler*), *sobulutoś* (*Mittrauer, Mitgefühl*), *sobuwojowaŕ* (*Mitkämpfer*). Исключения составляют слова *sobuzłosnik* и *sobucłowjek* (*Mitmensch*), как не имеющие связи с представлением о действии или движении.

В верхнелужицком языке такой тип сращений также известен. Ср. *sobučuće*, *sobudželačer*, *sobudžěło* (*Mitarbeit*), *sobuwobsedžer*, *sobuběžny*, *sobuwobskorženy*, *sobuhračk*, *sobuběhak*, *sobuželnoś* (*Mitleid*), *sobuwojowaŕ*, *sobučłowjek*.

Как видно из приведенных примеров, очень многие слова этого типа встречаются в обоих языках, что объясняется, видимо, взаимосвязями между нижнелужицким и верхнелужицким литературными языками при преобладающем влиянии верхнелужицкого как более развитого.

Основой для возникновения новых сращений необщеславянского типа в нижнелужицком языке, помимо непосредственного немецкого влияния в области словообразования, послужило (и едва ли не в большей степени) то же влияние в области синтаксиса, конкретно — в разделе о порядке слов. В нижнелужицком языке, наряду с традиционно славянской возможностью расстановки слов, появилась новая, возникшая под немецким влиянием, менее характерная для славянских языков. Стала вполне обычной позиция относительно всякого объясняющего слова по отношению к объясняемому, характерная для немецкого языка и нетипичная для славянских. Такой порядок слов встречаем довольно часто, в частности в названиях, например: *Spěwanja moc* (M. Rizo, 107)²⁷; *Serbow žni* (104); *Burow źěło* (103); *Tog měrneg požedanje* (M. Rocha, 76); *Serbskeg luda skjaržba* (79); *Žyta swajžba* (167); *Možo byś, až wěcej znjasć njamožašo wuwěcranje lichotu lubujucego cłowjeka w zastojanem kraju pšuskich šklobarjow?* (M. Nowak-Njehorŕi-

²⁷ Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa, II zwězk.

ski, 131); Wosebne glědašo won na spěwanje a stronow molowanje (K. Šwjela, 61); Jogo źěło běšo, zajtša a wjacor tych seminaristow listy na post wunjasć a te pśižone listy wšednje pśinjasć a wuźeliś (64); Na zgromažinu jo 72 wosobow pśišło, mjazy nimi běchu jaden serbski wumjejuicy Němc a dwa z Gorneje Łužyce (H. Jordan, 89); Potom smy ze tšachom słyšali wušy poglušujuce rozbuchnjenje bombow w Chošebuzu²⁸; Ale źeń jo hyšći dlujki — zajtšny dešć a starych babow reja dlujko njetrajotej²⁹.

Именно возможность подобного порядка слов составила в нижнелужицком языке основу для построения сращений неславянского типа. Интересно в связи с этим отметить наличие в нижнелужицком языке таких сочетаний, как woblutowanja godny³⁰, wublutowanja dostojny, spomnješa godny, poglědanja dostojny, cesći godny, cešći glodny, cešći dostojny, slědk plašenje³¹, которые по своему составу аналогичны рассмотренным сращениям. Разница между ними заключается в раздельном написании составных частей у словосочетаний и слитном у сращений. С точностью провести границу между словосочетанием и сращением здесь очень трудно, особенно если учесть большую условность различных способов их передачи на письме. Одно несомненно, что изменения, происшедшие в синтаксической системе нижнелужицкого языка, сделали сращение одним из наиболее продуктивных способов нижнелужицкого словосложения. Это же в свою очередь повело к тому, что наряду с типичными и для всех других славянских языков сложными словами в нижнелужицком языке такой большой процент приходится на новые, возникшие под воздействием немецкого языка. Эти последние составляют в общей сложности, учитывая как сращения, так и сложения, 38,5% от общего количества сложных слов, т. е. несколько больше одной трети. Остальные 61,5% составляют сложные слова, по существу не отклоняющиеся от типа, свойственного всем славянским языкам в целом.

7. Исследование современного нижнелужицкого словосложения в сопоставлении с фактами других славянских языков показывает роль межъязыковых контактов в формировании словообразовательных типов.

²⁸ F. Šolta. Serbska pratyja za Dolnych Serbow na lěto 1960. Budyšin, стр. 53.

²⁹ W. Bjeго. Mjazka a druge wulicowańka z Dolneje Łužyce. Budyšin, 1959, стр. 52.

³⁰ M. Nowa k-Njehorński. Kołowokoło Błotow. Budyšin, 1957, стр. 137.

³¹ B. Šwjela. Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch. Bautzen, 1953, стр. 42, 50, 52, 79, 294, 216.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕРХНЕЛУЖИЦКИХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ НА *-at-y* В ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

М. А. Михайлов
(Горький)

Известно, что место отглагольных прилагательных на *-at-y* в грамматическом строе верхнелужицкого языка вызывает различные толкования. В качестве производной основы в этих образованиях обычно используется глагольная основа настоящего времени (*błyšćeć, błyšću — błyšćaty; brojić, broju — brojaty; hrać, hraju — hrajaty; brać, bjeru, bjerješ — bjerjaty*). Для производных от глаголов V класса, не различающих основы инфинитива и настоящего времени (*wołać, wołam; třěleć, třělam, třěleš*), можно говорить о наложении начального гласного суффикса на конечный гласный глагольной основы (*wołaty, třělaty*). Таким образом, производящая основа этих прилагательных полностью совпадает с производящей основой, которая используется при образовании действительных причастий настоящего времени (*błyšćacy, brojacy, hrajacy, bjerjacy, wołacy, třělacy*), а там, где при образовании причастия производящая основа дает какие-либо отклонения от основы настоящего времени, такие же отклонения наблюдаются и при образовании производных от глаголов VI класса, например, там, где используется основа инфинитива (*syłzowacy — syłzowaty*). Ср. также *chcyjacy — chcyjaty, mějacy — mějaty* и параллельное использование основы настоящего времени на шипящий в *dušacy — dušaty, hrožacy — hrožaty, łažacy — łažaty, prošacy — prošaty* и т. д. Михалк при анализе образования действительных причастий настоящего времени членит формы на производящую основу и формант несколько по-иному¹. Такой подход возможен и по отношению к рассматриваемым отглагольным формам, но в этом случае затушевывается единство форманта.

¹ F. M i c h a ł k. Participialne konstrukcije w serbsčínje. Serbska šula. 17, 1964, 1, стр. 57.

Сходство с действительным причастием настоящего времени не ограничивается единством производящей основы. Отглагольные прилагательные на *-at-y* и функционально могут совпадать с причастиями. В грамматической литературе XIX в. по отношению к ним обычно используется термин «причастие»². В современных работах, связанных главным образом с диалектным верхнелужицким материалом, прилагательные на *-at-y* тоже рассматриваются в качестве причастий³. С другой стороны, по отношению к литературному верхнелужицкому языку исследователи предпочитают рассматривать отглагольные прилагательные на *-at-y* в ряду других отглагольных прилагательных, разнообразных в словообразовательном отношении и не имеющих свойств причастий, и только за образованиями на *-ac-y* признают исключительное право именовать причастиями. Например, построение раздела, посвященного отглагольным прилагательным, в статье Кречмара представляет параллель к описанию особенностей отглагольных прилагательных в грамматике чешского литературного языка Травничка⁴, и отглагольные прилагательные на *-at-y* рассмотрены в качестве отглагольных прилагательных в узком смысле слова, в отрыве от действительных причастий настоящего времени⁵.

Однако даже те авторы, которые склонны видеть в прилагательных на *-at-y* свойства причастий, постоянно подчеркивают, что они имеют более адъективную природу сравнительно с причастиями. Например, Пфуль отмечал, что образования на *-ac-y* характеризуют предмет со стороны действия, совершаемого в данный момент, а образования на *-at-y* выражают обычное отношение к действию⁶. Такие же замечания относительно разницы семантики этих образований Пфуль повторил позднее⁷.

² См.: Kurzgefaßte Grammatik der Sorben-Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialekte von Andreas Seiler. Budissin, 1830, стр. 48; Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz, von J. P. Jordan. Prag, 1841; C. T. P f u h l. Laut- und Formenlehre der Oberlausitzisch-wendischen Sprache mit besonderer Rücksicht auf das Altslawische. Bautzen, 1867, стр. 81.

³ S. M i c h a l k. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962, стр. 224; R. L ö t z s c h. Einheit und Gliederung des Sorbischen. Berlin, 1965 — на стр. 23 среди общелужицких новообразований названы «Participien des Präsens mit dem Suffix *-at-*».

⁴ Fr. T r á v n í č e k. Mluvnice spisovné češtiny, č. II. Praha, 1951, стр. 1417 и сл.

⁵ M. K r j e č m a r. Tworjenje słowow w hornjoserbšćinje. Lětopis Instituta za serbski ludospyt, Rjad A, č. 2, 1954, стр. 57.

⁶ Ср. его замечания: «wuknjacy — jetzt (im Augenblick des Sprechens) lernend, wuknjaty — lernend überhaupt... palacy jetzt brennend, aber papjef je palaty... dawacy das iterative Geben ausführend, dawaty zu geben pflegend; dobywowacy das Erringen jetzt ausführend, dobywowaty wiederholt erringend» — C. T. P f u h l. Laut- und Formenlehre ..., стр. 104—105.

⁷ Postrowjenje knjezej fararjej Imišej w Hodźiju... — CMS, 1878, стр. 77. — Впоследствии М. Юст на тех же семантических основаниях проводил резкую грань между «причастиями» на *-ac-y* и «adjectiva activa» на *-at-y* и *-aw-y* (M. J u s t. Wo słowotwórbje w Serbšćinje, CMS, 1914, стр. 137—138).

Трудность решения вопроса об отношении отглагольных прилагательных на *-at-y* к образованиям на *-ac-y*, по-видимому, заключается в том, что критерии, позволяющие утверждать об особых причастных свойствах, например, в близкородственном чешском языке, для верхнелужицкого языка оказываются мало пригодными. Копечны считает, что решающим критерием, позволяющим отнести чешские прилагательные на *-cí* в разряд причастий или в разряд отглагольных прилагательных в узком смысле слова, является возможность или невозможность их использования в качестве именной части сказуемого⁸. Как показал Михалк, верхнелужицкие образования на *-ac-y*, которые единодушно всеми квалифицируются в качестве причастий, могут использоваться в этой функции в литературном языке⁹. По Копечному, возможность употребления чешского образования на *-cí* в качестве именной части сказуемого всегда свидетельствует об адъективизации соответствующего образования. Если бы в верхнелужицком языке дело обстояло так же, мы имели бы, очевидно, ограниченный круг слов, генетически связанных с причастиями, но переживших процесс адъективации и потому приобретших способность использоваться в качестве именной части сказуемого. Изучение синтаксического использования верхнелужицких производных на *-ac-y* показывает, что действительно существует определенная группа таких образований, которые могут выступать как именная часть сказуемого наиболее часто (*mjerzacy, zwjeselacy, jímacy, překwarjacy, njedosařacy* и нек. др.). Таким образом, причину этого явления можно объяснить как факт адъективации соответствующих причастий. Наряду с ними, хотя и редко, но достаточно регулярно, в именной части сказуемого можно встретить и другие причастия. Видимо, можно говорить об употреблении в верхнелужицком литературном языке синонимичных конструкций: *Na to jedne woko ženje njebudže juž widžace* (RB³⁴)—*njebudže juž widžeć*. Разумеется, верхнелужицкие причастия гораздо чаще употребляются в функции определения, но их принципиальная возможность употребления и в предикативной функции не дает права устанавливать границу между причастиями и отглагольными прилагательными на основании синтаксических функций.

Гораздо более ограниченно, чем в чешском языке, могут быть применены и другие критерии, позволяющие противопоставить действительное причастие настоящего времени отглагольному прилагательному в узком смысле слова. Так, употребление в верхнелужицком литературном языке причастий, образованных от воз-

В современной литературе такое же мнение о семантике производных на *at-y* высказал недавно М. Навка (*Serbska šula*, 1962, 1, стр. 47).

⁸ F. K o p e č n ý. Přišedší, zahynuvší — příšlý, zahynulý (*Příspěvek k problému slovanského — přičestí l-oveho*). Славянская филология. Сборник статей, II. М., 1958, стр. 145—146.

⁹ F. M i c h a l k. Participialne konstrukcije, стр. 57.

вратных глаголов, может сопровождаться утратой возвратного элемента *so*. Очевидно, объясняется это влиянием диалектного языка, в котором *so* в подобных случаях опускается¹⁰.

Тем не менее можно утверждать, что по многим признакам отглагольные образования на *-at-y* проявляют сходство с образованиями на *-ac-y*: причастные свойства обоих типов производных ограничены одинаково. Производные на *-at-y*, как и причастия, используются в первую очередь в функции определения, а употребление их в предикативной функции ограничено. Тем самым они равным образом оказываются противопоставленными отглагольным прилагательным в узком смысле слова. Гораздо реже (применительно к современному литературному языку), чем причастия, они, в противоположность отглагольным прилагательным других типов, все-таки могут сохранять при себе возвратный элемент. Они в высокой степени продуктивны¹¹ (об ограниченном их использовании в языке некоторых писателей младшего поколения речь пойдет ниже), а широта их употребления в зависимости от типа глагольного спряжения ограничена теми же факторами, что и для причастий¹². Наконец, подобно последним, они не образуют форм степеней сравнения и не имеют соотносительных наречий и производных отвлеченных существительных¹³.

Известно, что многие образования причастного типа (в том числе и действительные причастия настоящего и прошедшего времени) в разных языках (славянских и не славянских) характеризуют в первую очередь языки литературные. Они редко употребляются или совсем не употребляются в народном языке, их использование значительно возрастает именно в периоды бурного развития литературного языка, причем потребность в причастиях часто

¹⁰ H. J e n ě. Wużiwanje dołhich a krótkich formow refleksiwnego pronomena. Serbska šula, 1961, 11, стр. 690.

¹¹ Высокую продуктивность образований на *-at-y* в верхнелужицком языке отмечает J. Winkler-Leszczyńska (Sufisky przymiotnikowe *-ity*, *-isty*, *-aty*, *-asty* w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1950, стр. 41). О том, что производные на *-at-y* потенциально могут быть образованы от любого глагола несовершенного вида, свидетельствует наличие особых форм при параллельных глаголах несовершенного вида (nawisac̣, nawisowac̣ — nawisaty, nawisowaty; rozważec̣, rozważowac̣ — rozważaty, rozważowaty; zbudżac̣, zbudżowac̣ — zbudżaty, zbudżowaty), а также особых образований при семантически тождественных глаголах типа błyskać — błyskotać (błyskaty — błyskotaty, juskaty — juskotaty, klinkaty — klinkotaty, mikaty — mikotaty, praskaty — praskotaty, skakaty — skakotaty, smėwkaty — smėwkotaty и др.).

¹² Михалк показал, что верхнелужицкие причастия на *-ac-y* от глаголов, относящихся к классам Ib и II, редко употребительны в литературном языке (см.: F. M i c h a l k. Particípialne konstrukcije..., стр. 64). То же можно отметить и по отношению к образованию *-at-y*.

¹³ Пфуль, подчеркивая большую близость форм на *-at-y* к прилагательным, говорит о возможности образований от них наречий: paleće słodźiḅ — brennend schmecken (Postrowjenje knjezej fararjej Imišej..., стр. 78). Наши материалы не дают ни одного случая подобных образований.

удовлетворяется за счет заимствований из других литературных языков. Все эти особенности свидетельствуют о том, что причастия являются одним из тех специальных средств, выполняющих специфические задачи литературных языков, о которых еще в конце 20-х годов писал Гавранек¹⁴. Словообразовательные типы, соответствующие причастиям литературных языков, в языках народных, как правило, существуют, но их семантика не связана с обозначением признака, вытекающего, из конкретного, ограниченного временем действия.

Далеко не последнюю роль в особом распространении причастий в литературных языках играет то обстоятельство, что каждое причастие является потенциально центром причастного оборота, т. е. конструкции, в которой подчиненные причастию слова выступают в тех формах, которые специфичны для глагольных сочетаний. Причастные обороты представляют результат усложнения синтаксиса, характерного для литературных языков.

В связи с этим представляется важным рассмотреть возможности использования и отглагольных образований на *-at-y* в качестве центра глагольных конструкций, соответствующих причастным оборотам¹⁵.

Думается, что применительно к верхнелужицкому языку можно рассматривать образование на *-at-y* в качестве центра глагольной конструкции, если оно распространено обстоятельстами, в первую очередь обстоятельстами места и времени, и если оно повторяет особенности управления соответствующего глагола. Особенно показательным нужно считать сохранение винительного падежа прямого объекта, во-первых, потому, что винительный беспредложный вообще редок в адъективных сочетаниях верхнелужицкого языка, и, во-вторых, потому, что верхнелужицкие прилагательные, образованные от переходных глаголов и сохраняющие возможность иметь при себе прямой объект, часто заменяют приглагольный винительный падеж родительным.

Параллелизм отглагольных образований на *-ac-y* и *-at-y*, свойственный верхнелужицкому литературному языку, безусловно, идет от народного языка. Михалк отмечает использование тех и других образований в качестве причастий в одном из верхнелужицких диалектов¹⁶. В примерах, которые им приведены, нет случаев ис-

¹⁴ B. H a v r á n e k. Příspěvek k tvoření slov ve spisovných jazycích slovanských. Adjektiva s významem latinských adjektiv na *-bilis*. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963, стр. 265. Впервые опубликовано в *Slavia*, 7, 1928/29.

¹⁵ Возможность использования в глагольных конструкциях в качестве доказательства особой близости к глаголу чешских образований на *-telný* недавно использовал А. Едличка, см.: А. J e d l i č k a. K adjektivům s významem možnosti (nemožnosti) v nové spisovné češtině. Prace filologiczne, XVIII, cz. 2. Warszawa, 1964, сmp. 205.

¹⁶ S. M i c h a l k. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962, стр. 224—225.

пользования этих причастий в глагольных конструкциях, и это вполне понятно, поскольку такие обороты составляют специфику литературного языка. Михалк говорит и о редкости употребления действительных причастий настоящего времени в народном языке¹⁷. Очевидно, образования на *-ac-y* и *-at-y* в народном языке чаще употребляются как прилагательные.

В сборниках, представляющих образцы диалектного языка, можно найти примеры, когда образования на *-at-y*, подобно причастиям, обозначают признак, связанный с конкретным действием и ограниченный во времени;

Ćicho płące, kaž skořzaty hoľbik (Př 239); Deščik na kčějate słowki pačinja truki (Př17); Tón króć měješe burik smějaty ch měščanow na swojej stronje (SS12).

Однако гораздо чаще образования на *-at-y* проявляют в диалектном языке свою адъективную природу. Обращает на себя внимание тот факт, что среди многочисленных случаев употребления образований на *-at-y*, отмеченных в сборнике *Metaforiske hrona* (MH), большинство использовано в сравнениях и характеризует при этом не объект сравнения, а объект сравниваемый. Это как раз и свидетельствует о том, что формы на *-at-y* обозначают не признак, связанный с конкретным, ограниченным во времени действием, а имеют значение «склонный к действию, обычно совершающий действие»¹⁸.

Крайне редкие случаи использования форм на *-at-y* и *-ac-y* в глагольных конструкциях (не совсем ясно, не представляют ли эти конструкции результат литературной обработки народного языка) указывают на возможность использования в этих условиях обеих форм:

Štóz za česćelakomnym a za zło bjerjatym čłowjekom žortuje, rejwa na postronku wyše hľubokej wody (Př145)... we wusmužu ze *Stromeje Hory so žórlatym* (SS);

...wsy, před nimi ležacej (SS77); na pódla stejacu chójnu (SIB27).

Язык А. Зейлера, занимающий важное место в начальный период усиленного развития литературного верхнелужицкого языка, отличается редким употреблением форм на *-ac-y* и *-at-y* и единичным употреблением этих форм в глагольных конструкциях. При этом формы на *-ac-y* в поэзии особенно редки, зато в прозе эти формы специально приспособлены для выражения признака, связанного с ограниченным временем действия и потому способны быть центром глагольных конструкций. Ср. использование в ремарках:

¹⁷ F. M i c h a ł k. Participialne konstrukcije..., стр. 62.

¹⁸ В сборнике народных песен Смолера и Гаупта можно найти очень ограниченное число образований на *-ac-y* и *-at-y*, причем последние часто выступают как постоянные эпитеты (*błyščate doľko, klinkotate konje*).

... wšě k «Nazymje» słusace spěwy ... (HZ II 120); skoržbny recitativ, krótki, na džělenje so počahowacy (HZ II 315); Swjedžeński chor domoj so wróćacych mužow ... (HZ II 316) и др.

В поэтическом языке подобные причастные обороты встречаются в трех томах четырехтомного собрания произведений поэта лишь три раза:

Wsy, cyrkwje, hrody, dwory
Po hórkach, dolach stejace (HZ II 92)
... słomička
Na trašnych žolmach płuwace (HZ III 8)
Maš łuki lilijate
Ze swětłom kćějace... (HZ II 141)

Параллельно в поэтическом языке выступают несколько случаев использования в подобных же глагольных конструкциях образований на *-at-y*:

Pěknej žonje njeběhatej,
Po susodstwie njekleskatej (HZ I 309)
Swěćiła so hwězdzička
Z njebjes dele blyščata (HZ III 129)
Ach, nalěčo, ty zelene,
We nowej mocy kćějate (HZ III 43)
W wysokosćach zejhrawata
Dele leći łajstočka (HZ II 102)
Tón štwórty ma štwórtk zeleny
Je z wjedrom jara jebaty (HZ I 47)
Lipa, z mjedom wonjata... (HZ III 286).

В глагольных конструкциях у Зейлера могут выступать даже отглагольные прилагательные других типов, функционируя, следовательно, как действительные причастия настоящего времени. Ср. использование винительного падежа прямого дополнения ... *na kwětki płodźiweje łucy* (HZ I 166); и использование обстоятельства места *Daloko njesywe proki* ... (HZ I 162)¹⁹.

Таким образом, конструкции типа причастных оборотов в языке Зейлера редки, но там, где они выступают в качестве центров этих конструкций, параллельно используются образования на *-ac-y* и *at-y* и даже образования другой морфологической структуры.

В течение XIX в. с развитием литературного языка наблюдается и непрерывный рост использования причастных оборотов, причем с конца XIX в. причастные конструкции становятся особенно широкоупотребительными²⁰. В центре этих конструкций стоят

¹⁹ Любопытно пояснение, которое дала редакция (этот том собрания сочинений вышел в 1883 г.): *njesywu* = *pošasy*, т. е. с заменой *njesywu* в составе глагольной конструкции причастием.

²⁰ F. M i c h a ł k. *Participialne konstrukcije...*

образования на *-ac-y*, а формы с суффиксом *-at-y* используются как центры глагольных конструкций лишь спорадически. Привожу здесь все примеры, которые удалось отметить в результате анализа языка разных авторов второй половины XIX — начала XX в. (включая Лоренца-Залеского и оставляя пока в стороне Радысерба-Велу):

1) Употребление с обстоятельствами:

Po zymskej smjerči kčjějata

So luka wobnowi (Bn Jut. 1842, 59).

... tehodla badžej do prjedka k Ssloncu pschezo *te niže roszyate*, jako Sslowcziny, dobre Jabłócziny ... *wóbooko roszyate Wischnje* ... (Tydž. Now. 1843).

...kamušk samotny,

Suwčaty w dwójnym błyšćenju ... (Lužičan, 1860, 11).

... wobkedźbować, zo najstarši kozoł... stadło jako stadnik nawjeduje ..., zo wón *po boku stupate* młódše kózliki ze svojim pokhostowacym pohladom zady so dđerži abo jeneho njeposlušneho *do předka kročateho* k do zadu hiću ... nuzuje ... (Lužičan, 1869, 23); ... za wurubjeného a z *kraja čěkateho* kralowskeho syna ... (Fiedleř Lužičan, 1870, 2); *Dele wisata*... hłowa ... (Rostok ČMS, 1872, 15); ... *na rohodžu abo na wjerbowych hałožkach wisate* hnězdo ... (Rostok ČMS, 1873, 27);

... Spěw mi tón cum klinčaty

Po wšěch mi Serbach zynčaty (Wjelan ČMS, 1876, 3); ... po tym patenće *w lěće jednatym* (Rais Lužica, 1904, 18); ... syła *při zemi čapatych* kwětkow ... (Lužica, 1906, 34); Zemju sebi přeco *wjerčatu wokolo swojeje wóski* mysl ... (Nawka Raj, 1910, 11); ... dwaj kožuchaj, jedyn wowči, *twjerdže přiľehaty* k zapinanju (Holan Lužica, 1893, 27); ... Zejlerjec Łazowska fara ze svojim *stajnje wesele žortowatym* gospodarjom Handrijom ... (Lužica, 1906, 35); ... *w stysku horjatu* wutrobu ... (BS69); we wolkim, *nad ščěpowcowym wohnjom wisatym* kótle ... (LS229);

... *rychle běžatych* hórskich rěčkow ... (Rostok ČMS, 1871, 125);

... wulki lisywaty starc, *mało powědaty* a kaž mjerzacy... (Šlejhar Lužica, 1901, 39); ... swojeho *žalosnje rujateho* hłosu (Rostok ČMS, 1871, 121).

2) Повторение глагольного управления:

... naš *po módže* a *po pomodže wonjaty* młody lud ... (Lužičan, 1869, 23); ... zrudnuškim a z *horjom bėdžatym* dušam... (BS94); ... z *hněwom* a *zrudobu žołmjatu* wutrobu... (BS26); ... wobraz *po nim žalosčateje* njewjesty ... (BS88); ... přez wonjate łuki, *wotměnjate* z *kčjějatymi* róžowymi *tepichami* ... (Lužica, 1892, 30); ... wulkej, čornej, *ze židkim błyščom* so *błyščatej* woči (Pjeh Lužica, 1884,4) ²¹.

²¹ Можно здесь в меньшей степени учитывать наличие фразеологизмов: [Domjaca musba]... je pak wobćežna, d okelž je *na šiju lažata*... (Rostok, ČMS, 1875, 42); Štóż z česčelakomnym a *za zło bjerjatym* čłowjekom žortuje... (Muka, ČMS, 1887, 23).

Следует обратить внимание на почти полное отсутствие сочетаний рассматриваемых образований с винительным падежом прямого объекта:

Zuma je wěšćerka... *Rjeńše dny wěšćata* (Wjelan, ČMS, 1897, 68).

...hłubokej, *žadosc pijatej wóšce*... (LS185) ²².

Если исключить из рассмотрения язык Радысерба-Велы, литературный верхнелужицкий язык второй половины XIX в. и первой четверти XX в. не обнаруживает никаких изменений в отношении возможностей использования форм на *-at-y* в качестве центров конструкций, подобных причастным оборотам, и резкий рост употребления причастных оборотов никак не отражается на количестве употребления форм на *-at-y* в глагольных конструкциях. Язык Радысерба-Велы занимает особое положение потому, что в нем образования на *-at-y*, необычайно широко употребляясь в глагольных конструкциях, действительно поднимаются в этом отношении до уровня причастий, которые в качестве центров причастных оборотов в языке этого писателя тоже широкоупотребительны. В отличие от предшественников, Радысерб-Вела постоянно использует формы на *-at-y*, распространенные обстоятельствами и дополнениями и сохраняющими падеж, характерный для соответствующего глагола:

Ze Serbow cofate zwjazkarske wójska (RW150): ... *kemšaceho luda, stupateho w čistej njeđzelskej drasće z knihami w ruce* (RW195); *Mnje naše wot Koltna čekate wojsko sobu torže* (RW24); *Na nim wisate klunkry by lědma štó do hnoja rodził* (RW191); ... *a to běše struchła reja wjerčata so w skiwlenju* (RB291); *Srjedź Ratarjec a Słonej Boršće so zbytki dróhi nadeńdu, we dawnym starsku wjeđzateje do Pólskej won přez Łuzicu* (RB272); ... *powjetšate škleńcy, daleko widžate hladadła* (RW8); ... *wot pońdnja hladateje wsy*... (RW35);

...*chrobło sapaty* bramborski lud (RW120); *Pachoł bě to młody, rjany, prosty, chrobte stupaty*... (RB213); ...*wšelako wonjate krjepki*... (RW8); ... *z džiwnje so wjerčatej hłowu*... (RW204); ... *na Hańžu, stysknje třepotatu*... (RB198);

...*dokelž měješe za Serbow horjatu wutrobu*... (RW177); ... *we steptanych polach, kípjatyh z krowju* ... (RW63); ... *tón [młody knjez]*

²² Близость форм на *-at-y* к глаголу и сходство их с действительными причастиями настоящего времени спорадически проявляется также в сохранении возвратного элемента: *Hižo z daloğa přiwituja nas blyšćate so zerja* (Łužica, 1883, 70); ... *kašó, w kotrymž jeju lubozna a luba džowka... so njehibata a něma ležeše* (Melda Łužica, 1893, 53); ...*na amorowe blyšćate so šipy* (J. F. Łužica, 1891, 68) ...*Pačeńkow rjad so blyškotatyh* (A. J. Łužica, 1891, 37); *Šum a bubot bėđzateje so wutroby je wočichnył*... (BS88); ...*poněmčene Sowjo a Rownu, a so naněmčowate Řepiščo, Sedliščo, Żarnow*... (MP64); *starcowej so blyšćatej wóšce* (LS326). Как видно из примеров, речь идет об использовании *so* главным образом с формой *blyšćaty*. Однако это можно объяснить лишь исключительно высокой употребительностью этого слова.

za žónskimi sapaty bě wjele rjankow k hańbje zwjezl (RB171);... próstwa Bohu wołata... (RB199); A na pušnych sčehnach sedža jim směw-kate wsy ... (RW115); Wšě na nju hladate wóčka, wšě wo njej prašate słowčka (RW229).

Язык Радысерба-Велы отличается от языка других писателей не только количеством форм на *-at-y*, употребленных в глагольных конструкциях, но и качественно: нормальным использованием при этих образованиях винительного падежа прямого объекта, в то время как у других, как показано выше, этой яркой глагольной черты обнаружить почти невозможно. У Радысерба-Велы постоянно можно встретить такие конструкции:

Što budže ze zbože lubjatyč sywow ... (RW137); ... štyri smjerč zaspěwate regimenty ... (RW46); ... žonki, drjewo zběrate... (RB88); ... nadžiju zbudžatyč dzěci ... (RW12); ... směwki zahor budžate (ČMS, 1875, 66); Mudre woko so mu swěći, Miłosć, pěknosć wubudža te (ČMS, 1879, 70); ... na tych jatych krute krjudy zahanjaty pochmurjenc (RB212)²³.

Показательно, что в языке Радысерба-Велы можно найти большое количество параллельных форм на *-at-y* и *-ac-y*, каждая из которых способна к построению глагольной конструкции:

... tu [kóčku] bě [pachoł] wučahnył sej z rěki ze smjerču so bėdzacu (RB90); Pachołk dobrowutrobny, sam so z hłodom bėdžaty (RB247);

... we ložu choru wudowu ležacu ze styknjenymaj rukomaj (RW91); Łódź kaž na boku ležate korto... (RW174); Je z běłym ranjom zahrodnik joh namkał ležateho w krvi ... (RB173); So wróco [wowčer] nóz tam wuhlada pod kerkom ležaty (PB254);

... dotal mjelčo sedžacy... přečel (RW3); Fararjec Lubinku při choroložu sedžacu ... (RW91); Při blidkach z wobeju bokow sedžate mačerki ... (RW227);

... fararjec Binku wosrjedź róžateje zahrody stejacu ... (RW86); Nam stejacyм při přěnich durjach ... (RW227); ... wysoke kamjenje abo z chwilemi k prawicy Łobjo a k ľěwicy runje horje stejace skały... (RW17); ...ruskich kanonarjow na trělnišću stejacych (RW59);... ze swojim wonka stejatym ludom... (RW119).

Но эта особенность языка Радысерба-Велы не оказала влияния на язык как его современников, так и последующих писателей. Использование форм на *-at-y* в глагольных конструкциях не стало обычным явлением литературного верхнелужицкого языка. Уже у Лоренца-Залеского мы почти не встречаем параллельного исполь-

²³ Ср. также использование сочетания с неопределенно-количественным словом в функции прямого объекта:... wulke štomy, wot wody z hrjebje pojene — a nadosć włohi pijate... (RB199). Единично с винительным падежом прямого объекта Радысерба-Вела использует и производные другого типа;... wutrobu jimawy džak (RW89).

зования форм на *-at-y* и *-ac-y* в глагольных конструкциях²⁴, а чаще эти образования различаются как раз тем, что вторые выступают в глагольных конструкциях, а первые — нет. Ср. использование форм *swěćaty* и *swěćacy* в небольшом по объему отрывке.

Tuta z *wodami* so *swěćaca* krajina... (LS80); Dobiboj njewadžeš w tutym wokomiku před sobu te *swěćate* wody (LS82); ... Wón [Hosćisław] hladaše njehnuty před sobu na te *swěćate* wody tam (LS84).

В современном литературном языке (если брать язык оригинальных произведений и переводов, в первую очередь послевоенного периода) прежде всего выделяется группа писателей, в языке которых образования на *-at-y* совершенно не используются в глагольных конструкциях. Это, как правило, писатели младшего поколения Я. Кох, П. Малинк, а из писателей старшего поколения М. Кубанец. В книге Кубанец, посвященной Я. Барту-Чишинскому, можно найти лишь два случая употребления форм на *-at-y* в глагольных конструкциях — в анализе стихотворения Барта-Чишинского — под влиянием языка последнего:

Tu je wšitko, štož romantiku charakterizuje: Romantiska krajina z pluskotatej rěčku pod skaliskami a čornymi šmrěkami w pónnym kuzle, měsačk w *žołtach* rěki so *blyskotaty*, šmrěk ze *šmrěkom šepotaty*... (KB60).

Нет ни одной формы на *-at-y* в составе глагольных конструкций и в принадлежащих перу того же автора произведениях «Wanda a druhe powědancka» (Budyšin, 1962), «Hwězdy nad bjezdom» (Budišin, 1962).

С другой стороны, М. Новак-Нехорньски, Ю. Брезан, М. Кренъц, Б. Шолта и К. Везар продолжают традиции языка предшествующего периода, в котором формы на *-at-y* могли спорадически выступать как эквиваленты действительных причастий настоящего времени, образуя глагольные конструкции. Ср., например, такие обороты:

... hru *krasnje swěćatych* barbow (WP15); ... mjez *dźiwje wonjatymi* kwětkami *zmjatanki* ... (NS9); ... *stajnje pryplaty* rybak (GN129); ... *do njebjes sahaty* wjeršk hobrskeje hory... (KrJ23); ... tu *borbotace* abo *lěhniwje* so *wačate*... *rěčki* ... (NZ30); ... *wopojnje wonjate* wowče bahno ... (NZ45); ... *lahodnje žołmjate* hórki... (NZ16).

Близость форм на *-at-y* к причастиям поддерживается тем, что в языке этих писателей пары образований на *-ac-y* и *-at-y*, производных от одного и того же глагола, часто выступают как семантически тождественные. Ср., например, в языке М. Новака-Нехорньского.

²⁴ Ср. редкий случай такого параллельного использования: ... w chłódku *při wodže stejatych*... *dubow*(LS301);... *zybolenje wot sapatych barbow w pólnym kčěwje stejaceho* wrjosu (LS302).

... mjez *zmahonatymi* žitami Budyskeho kraja (NS32); ... mjez bujnými zahrodami, zelnicami a *zmahowacymi* žitami (NZ70). ... zo mohle [Delnjoserbowki] so hordžić ze swojej *zmahowatej* hriwu (NS48); ... nosyć na hłowje «lapu», kotruž serbski řečace delnjołužiske Serbowki hewak hižo zaccpěwaju, chcyjo pokazować swoju *zmahowacu* hriwu (NZ76); ... kaž hněwiny cherub w *zmahowacej* nócnej košli (NZ209); ... z loža wudrapawši w *zwahowatej* košli (NZ37); ... smólnik z *blyskotacymi* łopješkami pyši płowu pjeršč (NS7); ... *blyskotatych* křidleškow bohowych konikow... (NZ32); ... naše *harowace*, juskace a halekace wozydło ... (NS217); Kóžda skała je wobsadźena z *harowatej* młodžinu... (NS247);

Ale ja njebudu wam znowa powědać wo tej *juskatej* pisanej ptačinje Martyneho raja... (NS25); Teto wjesole *juskace* brodženje wódneje ptačiny čłowjeka natykuje (NZ178);

... blyšč božeho slónca po *zybolacej* runinje jilowych nilčinow ... (NZ179); Rjejšo by było, hdy by wječorne slónco so wunóriło zezady hrožacych mrócnow a sčerwjenilo tutu mokru *zybolatu* pušćinu kolowokolo (NS163).

Особенно ясно видна синонимичность образований на *-at-y* и *-ac-y*, когда они употреблены с тождественной предметной отношением:

... knježićel nad wulkim bratstwom čorno — běło — čerwjnych *klepotacych* žabow ... (NS272); ... k hatej čorno — běło — čerwjnych *klepotatych* žabow.... (NS273).

Ср. еще у Б. Шолты:

Jan bě trošku *mjerzaty* ... (ŠS7); Wězo je to za žonu *mjerzace* ... (ŠS98).

Возможность семантического тождества форм на *-ac-y* и *-at-y* приводит к тому, что последние могут выступать параллельно первым в глагольных конструкциях. Ср. использование параллельных форм у М. Новака-Нехорньского, Ю. Брезана и К. Креньца:

... w řečce, po *krwi smjerdžacej*... (NS263); ... při tajkim nowym za *krwu* a *njeskutkom smjerdžatym* mjenje (NS82);

... na *nimo šuskateho* kolesowarja (NS41); ... z *nimo šuskacymi* šćenjemi štomow ... (NS142);

... z tafličku, *wisateje nad jeho tožom* (BP52); ... wobraza, *wisaceho* na *sćenje runje před Henčlom* (BP63).

... Wićaz přinjese na *kiju wisatu* dlěšu nič (KrJ143); *Při durjach wisace* šaty ... (Kr J148).

Однако на фоне очень развитого для современного литературного языка употребления в глагольных конструкциях форм на *-ac-y* подобный параллелизм использования в глагольных конструкциях форм обоих типов — явление редкое. Наоборот, пока-

зательно различие, заключающееся в том, что при наличии обеих форм, образованных от одного и того же глагола, форма на *-at-y* используется вне глагольных конструкций. Вот употребление парных форм: *wotmĕnjaty* — *wotmĕnjacy* в сборнике М. Новака-Нехорньского «*Zapiski Bobaka*», *wijaty* — *wijacy* so в сборнике того же автора «*Serbski wsudźebył*»; *smjerdźaty* — *smjerdźacy* в сборнике повелл Ю. Брезана «*Prĕnja brŏzda*»; *šćĕrjaty* so — *šćĕrjacy* so, *wisaty* — *wisacy* — в романе Б. Шолты «*Statok bjez hospodarja*»; *kusaty* — *kusacy* в романе К. Креньца «*Jan. Roman ry-taceho čłowjeka*»; *bĕžaty* — *bĕžacy*, *wisaty* — *wisacy* в книге К. Везара «*Po dalokich pućach*»:

... *budžeš so dźiwać, kajka lubozna wotmĕnjata krajina će wobdawa...* (NZ37); ... *spochi so wotmĕnjace cofanje a nadbĕhowanje mŏrskeje wody* (NZ173); *wólše a duby a topoły, kiž tworja dale nowe so wotmĕnjace lubozne skupiny...* (NZ70);

A *dundaš po tych wijatych šćĕžkach...* (NS151); *Po wuskej wijatej hrjebiće naš čolm so suwa...* (NS53); *Hišće so seklujemyj po wijatych, horbatych pućach...* (NS164); ... *po... šćežkach, wijacych so wokoło žolmojtych kopcach...* (NS130); ... *pasma ludźi, wijacych so po čiščency* (NS227);

... *tŏn smjerdźaty njerjad...* (BP13); [Frinolin] ... *mĕješe klamu a nŏzdrje poľne nĕkajkeho zatrašnje smjerdźateho ... njerjada* (BP11).

Kusata zyma wučĕri spar (KrJ7); ... *zmjersk, kusacy do kosći přemoknjenych wojakow ...* (KrJ7);

... *do šćĕrjateho so mjezwoča gestapowca* (ŠS206); ... *šamale so šćĕrjacu klamu* (ŠS206);

... *šćĕžki, kiž so po wisatych łukach k delnjemu kŏncej wsy wiješe* (ŠS47) ... *šeroke a hľuboko wisace mrŏčele ...* (ŠS267); ... *do sćina hľuboko wisacych lipow* (ŠS280); ... *mjez nimi njewidźomnje wisacu napjatosć ...* (ŠS189);

A *zas a zaso so nam kaž na bĕžatym pasu nowe chlŏšćenki do wočow a na jazyk liščachu* (WP76); ... *z wokolnymi a kaž pruhi z namĕstow bĕžacyimi hasami ...* (WP161);

Jeno *kiwkate wisate mosty tu su ...* (WP173); ... *po mnohich wisatych mostach...* (WP73); ... *přez toľstu, nisko wisacu worštu mrŏčelow ...* (WP85); ... *kaž nisko wisace hwĕžki* (WP119); ... *kaž na rječazu wisace lampiony* (WP119).

Разумеется, использование форм на *-at-y* вне глагольных конструкций является показателем их семантического расхождения с причастиями на *-ac-y*.

* * *

Таким образом, возможность употребления образований на *-at-y* в оборотах, подобных причастным оборотам, оценивать следует на фоне развития тех же особенностей у форм на *-ac-y*.

Действительные причастия настоящего времени как формы, способные выражать ограниченный временем признак, связанный с конкретным действием и, следовательно, формы, способные выступать в глагольных конструкциях, составляют прежде всего особенность литературного языка. Возможность использования в этой функции для верхнелужицкого языка как форм на *-ac-y*, так и форм на *-at-y* заложена в народном языке, в котором эти формы тождественны семантически и обе могут иногда выражать ограниченный временем признак, связанный с конкретным действием, хотя использование их в глагольных конструкциях для народного языка не характерно.

А. Зейлер, язык которого еще беден причастными оборотами, все-таки уже использует в таких оборотах оба типа форм. По мере развития литературного языка растет потребность в причастных конструкциях, но удовлетворяется эта потребность за счет роста употребления оборотов с формами на *-ac-y*. Что касается образований с суффиксом *-at-y*, их возможность выступать в глагольных конструкциях реализуется крайне редко. Так — в языке второй половины XIX в., такое же положение сохраняется и сейчас, с той лишь разницей, что в современном верхнелужицком литературном языке широкое употребление причастных оборотов — нормальное явление, и на этом фоне использование форм на *-at-y* в глагольных конструкциях (к тому же ограниченное индивидуальным употреблением) выглядит совсем уже редким и исключительным.

В период относительно развитого литературного языка особое место занимает индивидуальный язык Радысерба-Велы, в котором формы на *-at-y* и формы на *-ac-y* равноправны как причастия. Использование форм на *-at-y* в глагольных конструкциях у Радысерба-Велы так же широко, как и использование форм на *-ac-y*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

BP	B ř e z a n J. Prěnja brózda. Nowelki, 1951.
BS	B a r t-Ć i š i n s k i J. Spisy młodych lět. Berlin, 1956.
ČMS	Časopis Maćicy Serbskeje.
GN	G r o j l i c h P. Na wsy a za wsu. Dopomnjenki robočanskeho hóla.
HZ	Z e j l e r H. Zhromadźene spisy (Bd. I, II, III, Budyšin, 1883—1888).
Jut.	J u t r n i č ž k a. Nowiny za Serbow. List 1—26, Budyšin, 1842.
KB	K u b a š e c M. Jakub Bart-Ćišinski — basnik młodźiny a přichoda. Budyšin, 1956.
KrJ	K r j e n c K u r t J a n. Roman pytačeho čłowjeka. Budyšin, 1955.
Łužica	Łužica. Měsačnik za zabawu a powučenje. Budyšin, 1882.
Łužičan	Łužičan. Časopis za zabawu a powučenje. Budyšin, 1860.

- LS Lorenč-Zalěski J. Serbscy rjekowje. Zběrka wubraných spisow. Berlin, 1957.
- MH Ra by ser h-W je la J. Metaforiske hrona abo přenoški a přirunanki w řeči hornjołužiskich Serbow. Budyšin, 1905.
- MP M u k a A. Pučowanja po Serbach (1876—1903). Budyšin, 1954.
- NS N o w a k-N j e c h o r ň s k i M. Serbski wšudžebył. Budyšin, 1954.
- NZ N o w a k-N j e c h o r ň s k i M. Zapiski Bobaka. Budyšin, 1952.
- Př R a d y s e r b-W j e l a J. Přisłowa a přisłowne hrónčka a wusłowa hornjołužiskich Serbow. Budyšin, 1902.
- Raj Raj. Časopis za serbske džěci. Budyšin.
- RB R a d y s e r b-W j e l a J. Basnje a balady. Berlin 1955.
- RW R a d y s e r b-W j e l a J. Wuběrk prozy. Berlin, 1956.
- SLB Serbske ludowe bajki. Zezběrał a zestajał Jan Meškank. Berlin, 1955.
- SS Serbski směch. Směški a tryski z luda. Zezběrał Pawoł Neda. Budyšin, 1956.
- ŠŠ Š o ł t a B. Statok bjez gospodarja. Budyšin, 1963.
- Tydź. Now. Tydźenska Nowina aby sserbske Poweszje sa hornych Łužičanow. Budyschin, 1842—1848.
- WP W j e z a r K. Po dalokich pučach. Dožiwjenja z jězbow po třoch zemjédělach. Budyšin, 1962.

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СЕРБОЛУЖИЦКОГО ЯЗЫКА XVI—XVII ВВ.

(в сравнительном плане)

Л. И. Ройзензон

(Самарканд)

Главное затруднение, с которым сталкивается исследователь серболужицкого паратаксиста и гипотаксиста XVI—XVII вв., состоит в том, что основная масса произведений старолужицкой литературы это богослужебные переводы прежде всего с немецкого языка, а также с чешского и польского. Тем не менее наблюдения показывают, что эволюция сложных предложений, как правило, носит имманентный характер, поэтому и переводной текст может дать достаточно надежный материал для синтаксических исследований. Настоящий тезис получил, в частности, подтверждение в данной работе.

Предлагаемые заметки — небольшие этюды, посвященные трем типам сложноподчиненных предложений серболужицких памятников XVI—XVII вв., не могут, естественно, претендовать на полноту изложения, а дают лишь известное представление о том, как проходила эволюция гипотактической системы старолужицкого языка.

1. *Сложноподчиненные предложения с придаточным условным.* Условные гипотактические конструкции начали формироваться в глубокой древности. Об этом свидетельствует наличие в старославянском языке специального условного союза *ašte*¹; ср. *Ašte цѣсарь Израилевъ есть, да сълѣзеть нынѣ съ крѣста* (Зографское еванг., МФ, 27²). Вместе с тем в условных конструкциях, видимо, очень рано намечается тенденция к использованию временных

¹ J. a. M. Вауероуи. *Staroslovenské ašte*, *Slavia* XXVI, 1957, стр. 157—179.

² В. Вондрак. *Древнецерковнославянский синтаксис*. Казань, 1915, стр. 60.

союзов в значении условных. Примеры такого рода конструкций были хорошо известны уже старославянскому языку³, а также другим древним славянским языкам⁴. Но основная линия развития условных предложений славянских языков лежала не на пути переосмысления временных союзов в условные. Эволюция условных конструкций состояла в создании специализированных средств синтаксической связи (нередко на базе временных союзов, ср. чеш. *kdyby*). Отсюда и возникновение таких союзов, как др.-чеш. *zdali, pakli, kdyby*, др.-пол. *jestli* и др. Славянские языки обнаруживают здесь как общие черты, так и различающиеся, характерные для одних языков и отсутствующие в других.

Общей чертой развития славянских условных предложений было широкое использование общеславянской частицы *li* в качестве условного союза (точнее, гипотактического знака условности). Ср. др.-пол. *chescie li bychom sie modlil, odpusciciez nam* (XIV в. GНJP, 495)⁵; др.-чеш. *nebudú-liť svých milovati, nerad'te o nich nic tbáti* (Dalimil, 70).

В древнерусском языке частица *ли* настолько сильно закрепилась в функции вопросительной частицы, что она уже в силу антимонимических тенденций не могла закрепиться в союзной функции, хотя отдельные случаи использования *ли* в качестве условного союза все же имеют место в некоторых древнерусских памятниках, ср. *А ли хочеши того убити, а то ти еста* (Поучение Владимира Мономаха, 525⁶).

Большое место *li* занимает в серболужицких текстах XVI—XVII вв., длительное время являясь одним из основных средств построения сложноподчиненного предложения с условным придаточным. Вот некоторые примеры: *Hceli chto za mnu pschydž, ton sam so zaprij...* (Frenc. Mat., XVI, 24); *A budželi wamai chto schto prawicž, réktai...* (там же, XXI, 3); *Wohce chcejschli, da mozesch tu mohdlitwu sobu spiwacz* (War., A., 75); *Jsyli ty Bohži syn, dha rék...* (Frenc., Mat. IV, 3).

Построение гипотактических условных конструкций с использованием частицы *by* хорошо известно ряду славянских языков древнего (а для некоторых языков — и современного) периода. Ср. др.-чеш. *V ten čas budieše bez něho, by nebylo otce jeho* (Alex.,

³ J. В а и е г. *Vývoj českého souvětí*. Praha, 1960, стр. 314.

⁴ См.: Б. В. Л а в р о в. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941.

⁵ Список использованных текстов и использованных сокращений см. в конце статьи.

⁶ Цит. по кн.: С. П. О б н о р с к и й. Очерки по истории русского литературного языка старшей поры. М.—Л., 1946, стр. 66—67. Попутно заметим, что в примерах с *оже ли, аже ли*, приводимых А. Н. Стеценко, условным союзом является не *ли*, как думает автор, а *оже ли* и *аже ли* (см.: Сложноподчиненное предложение в древнерусском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 101).

633) ⁷; др.-пол. *by* nie był złodziejca, nie przywiedlibychomy go do ciebie (XV w. GHJP, 495).

Исследователи древнерусского языка не фиксируют изолированное *by* в составе условных предложений ⁸. Но теоретически вполне допустимо, что *by* могло и в восточнославянских языках выступать в функции условного союза — ведь многие условные союзы русского, украинского и белорусского языков были созданы на базе этой частицы (ср. рус. *кабы*, укр. *якби* и др.).

В серболужицких памятниках XVI—XVII вв. *by* выступает в условных конструкциях в сочетании с *hdy/gdy*. Ср. *Jesus reknu knomu: gdy by ty mogli weritcz, schiczka wetcz ie weryczemu moschno* (Jak. Mark, IX, 23); *gdy by... taike skutki so stali ... woni buchu za starsku w mészci a w ropeli rokuu czinili* (Frenc., Mat., XI, 21). Однако большого места эти конструкции в системе серболужицких условных предложений анализируемой поры не занимают.

Союз *gdy by* позже закрепился только в норме современного нижнелужицкого языка ⁹, современный же верхнелужицкий язык такого союза не знает. В верхнелужицком языке союз *hdy* сочетался лишь с личными аористными формами от глагола *być* (*hdy by, hdy bych* и т. д.), т. е. не произошло превращения формы 2—3 лица единственного числа *by* в частицу с последующим слитием с *hdy* в один союз (как это имело место в некоторых других славянских языках).

Наряду с *hdy by* в отдельных памятниках встречаем *hdyž by*. Ср.: *mistre, Moisas ie nam napissal, gdischby nekotory bratr wumrel a zwostany iednu schönü a nezwostawy schadnich scheczü, da dery iego bratr tego samego schonu wesmutcz* (Jak. Marc, XII, 11); *gdiz byh wo moga noha woßunula, bychu wo woni wyssoke chwaleli pżeczimo mi* (Mart., § 17, с. 12).

Отметим аналогичный факт использования *když by* в других западнославянских языках. Ср. др.-чеш. *O nichž [skutčích] by nikte nevěděl, když by jich kto nepověděl* (Alex. 334), др.-пол. *gdyžby się on jest był ze złych ludzi narodził, tedyć by mu więc oni nie byli wierzyli* (XIV w. GHJP, 496).

Аналогичные конструкции известны и древнерусскому языку:

⁷ См.: J. Вауер. Указ. соч., стр. 318.

⁸ Ср.: В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 166—184; А. С т е ц е н к о. Указ. соч., стр. 93—121; Т. П. Л о м т е в. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 532—540; А. С т е ц е н к о. Из истории сложноподчиненного предложения в русском языке (условные конструкции сложного предложения в памятниках русской письменности XVI—XVII вв.). «Уч. зап. Томского ГИИ», т. XIII, 1955; Е. С. Х м е л е в с к а я. Синтаксис сложноподчиненного предложения грамот Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., автореф. канд. дисс. М., 1954; Э. И. К о р о т а е в а. Условные предложения. «Уч. зап. ЛГУ», № 180, вып. 21, 1955.

⁹ См.: В. Š w j e l a. Dolnoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1961, стр. 68.

ср. *Когда бы вино то в горло свое влил, тогда бы не надобно было сию нужду терпети* (Симеон Полоцкий, Юдифь)¹⁰.

Очень рано в серболужицком языке был создан специализированный условный союз путем сочетания глагольного форманта *je* и вопросительной частицы *li*, т. е. *jeli*, ставший впоследствии условным союзом верхних, а его вариант *joli* и нижних лужичан.

В Новом завете Якубицы, правда, употребляется вместо *jeli* форма *jesly* (ср. *jesly won ten Kristus a kral Israelsky, da nech won ninto stego gszyscha doloy sleese* (Марс, XV, 8), но это может быть и результатом влияния польского текста Библии, которая была для переводчиков заслуживающим внимания образцом и важным подспорьем в их нелегкой работе. Дело в том, что *jesly* хорошо известно древнепольским памятникам начиная с XVI столетия (ср. *jesli dobrze czynisz, wiedz, komu czynisz* ГНПР, 493), в то время как в других же славянских языках этого союза или нет, или он позднего происхождения¹¹. В современных серболужицких языках *jesli* (*y*) отсутствует.

Условный союз *jeli* используется в лужицких памятниках XVI—XVII вв. Ср. *Jeli pak twoje woko schylawe (zle), dha budze twoje cyle czjlo czimne* (Frenc, Mat. VI, 23).

В памятниках с нижнелужицкими чертами языка вместо *jeli*, функционирует его фонетический вариант *joli*. Ср. *joli tha ksijba bla gurka, spomny kack jo byssta matra...* (Moller, G. 180).

Наряду с *jeli* в памятниках выступает форма *jelizo* (иногда *helizo*), обычная для современного верхнелужицкого языка (в современном нижнелужицком языке выступает *jolic*).

Сложный союз *jeli zo* возник из сочетания условного союза *jeli* и общегипотактического *zo*. В формальном смысле *jeli zo* был более четким выразителем условного значения, нежели *jeli*, ибо *jeli zo* обладает (благодаря *zo!*) всеми внешними приметам союзного слова. Ср.: *Jeli so knes chezu, netwari, da dzjelaju podarmo, kosti ju twarja* (Agenda, psalm, CXXVII, § 1, стр. 51); *Jeli so knes mjesto newobarnuje, da wachuje wajchtar podarmo* (там же, § 3, стр. 51); *To wschitko hcu ia tebi dacz, ieli zo ty deli panesch a so mi pomodlisch* (Frenc., Mat. IV, 9); *Heli bo ty (kneze) tysch hrichou winu dawacz, kto budze wobstacz?* (Mart., § 4, стр. 21).

В Катехизисе Варихия употребляется *helzo*, являющийся, очевидно, диалектным вариантом современного верхнелужицкого условного союза *hejzo*¹².

¹⁰ См.: В. А. Плотникова. К вопросу об образовании союза *если* в русском языке. «Труды Ин-та языкознания», т. V. М., 1954, стр. 224—264; Н. S a f a r e w i c z o w a. O pochodzeniu i uzyciu wyrazow *jesli, jezeli* w jezyku polskim. Wilno, 1937.

¹¹ Цит. по кн.: Н. Тихонов. Русские драматические произведения, т. I. СПб., 1874, стр. 185.

¹² В грамматике Либша приведена несколько необычная форма *zoli* (стр. 210). В языке фольклора встречаются формы *jolic az, jolic az*. Ср. *temu byla jedna baba prajla az jeho dzowka, jolic az do swafy z nikim nic cynic meb... neb-*

Союз *pakly*, также образованный на базе вопросительной частицы *li*, встречается только в Новом завете Якубицы, в других памятниках он не употребляется, нет его и в современных серболужицких языках. Отсюда можно сделать вывод, что это, скорее всего, заимствование из польского или чешского языков, где этот союз употребляется с давних пор¹³. Ср. др.-чеш. *Pakli jest mudrý udaten, viac jeho skutek nenie zmaten* (Dalimil, 17); *pakli nie będziecie posluchać mnie...*, a ja to uczynić wam (XV w. GНJP, 494).

Как и в других славянских языках, в серболужицком языке XVI—XVII вв. условные конструкции представлены двумя основными типами: а) реальноусловные, т. е. конструкции, в которых условие может реально осуществляться или осуществляется, и б) гипотетически условные, где обуславливаемое представляется говорящим как ирреальное, предполагаемое. В качестве формальных средств выражения этих двух оттенков выступают союзы с *li* — в первом случае, и союз с *by* — во втором: Ср.: *jeli zo pak slepy slepeho powedze, budzetai wonai wobai do iamy panucz* (Frenc., Mat., XV, 14); *gdy bich ia tesch deral stobu wumretz, tebe bich ia nachal zaprczesch* (Jak. Marc, XIV, 31).

Во многих случаях главное имеет в своем составе общегипотактический коррелят. Ср.: *a gdiby se schiczke pogorschyly, da schag ia bich se nechal pogorschitz* (Jak., Marc, XIV, 29); *jeli zo won tez gmeinu neposluscha, dha dzerz ho za pohana...* (Frenc. Mat. XV, 11).

Место придаточного и главного не фиксировано, т. е. встречаются конструкции как с препозицией, так и с постпозицией придаточного, но все же преобладают предложения, начинающиеся с условного союза. Главное в этом случае следует за придаточным. Ср.: *A ieli zo chto s tobu prawowacz hce, a twoju suknu tebi wzacz, temu tez montel wostaw* (Frenc, Mat. V, 40).

Реже встречается постпозиция придаточного, как, например: *To wschitko hcu ia tebi dacz, ieli zo ty deli panesch a so mi pomodlish* (Frenc., Mat. IV, 9).

Известную роль в формировании тех или иных семантических оттенков условных конструкций играют видовые и временные формы глаголов-сказуемых. Ограниченное количество примеров условных предложений из серболужицких памятников XVI—XVII вв. не позволяет дать исчерпывающий перечень всех возможных комбинаций глагольных форм сказуемых главного и придаточного. Однако некоторые типы сочетаний могут быть установлены и на основе имеющегося в нашем распоряжении языкового материала.

¹² *dže, jare głucna budže* (P. N e d o. Sorbische Volksmärchen. Bautzen, 1956, стр. 189).

¹³ Кроме *pakli*, Якубица знает и некоторые другие заимствованные союзы: *jesly žeby, pakliby*; ср.: *Luby brattri, jesli žeby nechto zwas pobluschyl wod prawdy, a nechto iogo wobroczy, ten dery weschetcz* (L. 23); *Pakliby natu personu pohledowaly, ten cini grech* (L. 18).

Условие может быть и реальным, когда оба действия не могут быть осуществлены или по какой-то причине не осуществились. В этом случае как в главном, так и в придаточном сказуемые, как правило, выражены формами условного наклонения. Ср.: *gdibich ia yeno se mogla iogo drasty dotknucz, da bich ia zdrowa byla* (Jak., Marc. V, 28).

Другие отношения наблюдаются в конструкциях, где выражается реальное условие. Сказуемые придаточного и главного в этом случае могут быть выражены такими глагольными формами:

1) В главном — глагол в форме повелительного наклонения, в придаточном — глагол в форме настоящего времени: ср. *Hczeschli nas wuhnacž, dha wotpuscz nam hicž do teho stadla swini* (Frenc, Mat. VIII, 31); *Pakly tebe pogorschuye twoia noga, da ty tu wotrub...* (Jak. Marc., IX, 47). *Jelizo won ijch pak neposlucha, powež gmeini...* (Frenc., Mat. XV, 14).

2) В главном и придаточном — глагол в форме будущего времени совершенного вида; ср. *Ta sool ie dobra; pakly sool bucze neslona, czum wosolicze?* (Jak. Marc. IX, 50).

3) В главном — настоящее время, в придаточном — будущее время (сов. вид.): ср.: *Jeli zo wy mi to powescze, hcu ia wam tez prawicz* (Frenc, Mat., XX, 15).

4) В главном и придаточном — будущее время несовершенного вида: ср. *nebudzczeli wy pak ludžom jich hrjchi (pady) wodacz, ani wam tez nebudže wasch wotcz wasche hrjchi wodacz* (Frenc., Mat. VI, 15); *Budzeli twoie woko cziste (iasne), dha budže twoje wschitko czilo swétlo* (там же, VII, 24).

Из вышеприведенного материала видно, что в серболужицком языке XVI—XVII вв. сложноусловные конструкции представляют собой вполне оформившиеся гипотактические типы предложений, в которых могли выражаться, наряду с общим условным значением, и некоторые дополнительные его семантические оттенки. В отличие, например, от русского языка, здесь мы уже не найдем предложений, главная часть которых присоединяется к придаточной посредством сочинительного союза *и*, как, например: *А ежели не совершилось, и царь приказывает приводить в другой ряд* (Г. Котошихин)¹⁴.

Серболужицкие тексты не знают также условных конструкций, в которых бы еще ощущалось, что препозитивная придаточная часть происходит из первоначального самостоятельного вопросительного предложения. Несомненно, что данную стадию эволюции условных конструкций серболужицкий язык уже давно прошел.

2. Сложноподчиненные конструкции с придаточным цели. В памятниках старославянской письменности сложноцелевые конструкции

¹⁴ Г. К а т о ш и х и н. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 116.

выступают как малоразвитый грамматический тип, о чем свидетельствует использование для связи главного с придаточным общегипотактического омонимического союза *iaко*; ср. Вѣзберѣте древнеплѣвель и съважатеа въ снопы, *iaко* съжещиѣ (Остром. еванг., МФ, XIII). В то же время в памятниках древнечешского, древнерусского и древнепольского языков мы уже имеем дело с вполне оформившимися сложноподчиненными предложениями с придаточными цели. Сопоставление этих данных позволяет предположить, что становление рассматриваемых гипотактических конструкций произошло в течение нескольких столетий, разделяющих памятники старославянские, с одной стороны, и древнерусские, древнечешские и древнепольские, с другой.

Ломтев¹⁵ считает, что сложноподчиненные предложения с придаточными цели русского языка возникли на основе объединения конструкций разного модального плана, когда одна часть (главная) являлась повествовательной, другая часть (придаточная) — вопросительной. На пути такого объяснения возникают большие затруднения. В отличие от тех конструкций, где действительно имело место объединение первоначально разномодальных предложений (как, например, в конструкциях с придаточными подлежащими, определительными и т. д.), в данном случае, когда речь идет о сложноцелевых предложениях, очень трудно объяснить, каким образом могли сложиться эти конструкции посредством сочетания разномодальных предложений. Дело в том, что предложения, начинающиеся, например, с *iaко* или *как*, не могли самостоятельно выражать цель. Вероятнее всего, что союзы типа *iaко* были в данном случае просто гипотактическими указателями связи главного с придаточным, сами же они никакой целевой семантикой не обладали: последняя возникла только в определенных контекстно-ситуативных условиях, причем ощущалась она всегда крайне слабо.

Поздний характер серболужицких памятников письменности не позволяет проследить, как здесь проходил процесс складывания сложноцелевых конструкций — в текстах XVI—XVII вв., как мы увидим дальше, мы имеем дело с уже сложившимися сложноподчиненными предложениями с придаточными цели. Но в отдельных памятниках еще встречаются конструкции, представляющие собою, вероятно, один из исходных пунктов в этом сложном процессе эволюции целевых предложений.

Так, в древнейшем списке Катехизиса Варихия (список А) для присоединения придаточного цели к главному предложению используется общегипотактический союз *zo*. Во всех более поздних списках того же памятника *zo* выступает уже в сочетании с формами глагола *буѣ*, усиливающим условный характер обще-

¹⁵ Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 519; К. А. Тимофеев. Заметки по истории инфинитивных предложений. Сборник, посвященный акад. В. В. Виноградову. М., 1956, стр. 250—259.

гипотактического союза *zo*. Ср. список А: *My so derbime Boha boiacz a jeho lubowacz, scho my nederbime pschi ieho meni swaricz...* (War., § 15, стр. 78); список В: *My so djerbimy Boha bojacz a ho lubowacz, so bychmy pschi jeho mjeni neŭwarili...* (War., § 15, стр. 78);

список А: *My so derbime Boha boiacz a ieho lubowacz, scho my nederbime naschich starischich a knejschi sacpicz ani hniwacz...* (War., § 16, стр. 79); список В: *My so djerbimy Boha bojacz a ho lubowacz, so bych my naschich starschich a knejezi nězazpili aniž něrosniwali...* (War., § 16, стр. 79).

В других памятниках сочетания *zo by* (*bych* и т. д.) вполне обычны. Ср. *tu hcyl me przed stisknoscu swarywaz, so bych ga wymozene s webylom wo chwalicz, mol* (Mart., § 8, стр. 9); *ten knez hlada s nassa na semu, zo byh won wyslyschal to sdychowani tych jatych...* (там же, 20); *Ten knēs budže cže požonowacz se — Siona, zo by widzil to sbozi Jerusalem twoje žiwe dny* (Agenda, CXXIX, § 5, 53); *Wona pschinhdže wot konca teje zemē, zo by slyšala tu mudroscz teho Salomona* (Frenc., Mat. XII, 42).

Использование общегипотактического союза в целевых конструкциях наблюдается и в других древнеславянских языках. Много таких примеров приводят исследователи древнерусского синтаксиса В. И. Борковский, А. Н. Стеценко и др. Ср.: И в томъ язѣ Тимофей Семеновъ далъ на себе запись, *што* мни во Пскове на Риских нимцахъ того не пытати (Новгородская грамота 1588 г.)¹⁶. Или: И послали войсковые грамоты по той столповой реке в верхъ и по рѣчкамъ казачьихъ юртов атамановъ взят, *что* были есте готовы ити под славны Азовъ взят (Повесть о взятии Азова 1637 г.)¹⁷.

В древнепольском и древнечешском языках такого рода конструкции не зафиксированы, но наличие союзов типа *žeby, ežby, co(ž)by* (древнепольский язык) говорит о том, что и здесь на более ранних этапах истории данных языков должны были существовать сложноподчиненные конструкции с общегипотактическими союзами *že, ež, ž* и т. д.¹⁸

Одним из основных целевых союзов памятников с чертами нижнелужицкого языка является *aby*; в текстах с элементами верхнелужицкого языка он нам ни разу не встретился, нет его и в современном верхнелужицком языке.

Приведем примеры с *aby*: *Day twogym schlussabnykā gnadny myr ..., aby nasse wutschoby psyd twogych kassnach wustaly* (Moller, G. psalm 124, стр. 215); *Herodas zanym stoyasche, aby iogo wusmercžit mogl, a nemosasche* (Jak., Marc., VI, 20); *A iak won ten*

¹⁶ Цит. по кн.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. М., 1958, стр. 163.

¹⁷ Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 521.

¹⁸ Ср.: Н. Фаске. Конъюнкција «zo» z konjuktivom. «Serbska šula», 1963, č. 5, стр. 311—320; č. 7, стр. 439—444.

lued byl wot sebe rozpuczył, vsesche won na iednu goru, *aby* se modlil (там же, VI, 46); Wohn wotzakowa kshashu, ako jaden law jamě, wohn sslěshy, *abih* tu chushinu mogli popanuhsch... (Wolf., psalm X, § 9); Kněhssho, stahnih gohrě, *abih* zlowěky kněhstwo nědobuhlih... (там же, psalm IX, § 20).

Важно отметить, что союз *aby* известен как древнечешскому, древнепольскому, так и древнерусскому, староукраинскому и старобелорусскому языкам. Ср. др.-рус.: к государю гонцов своих посылает, *aby* послом у них съезд учинити (Повесть о приходе Стефана Батория)¹⁹, ст.-блр.: Буду стеречи, *abych* не грѣшил (Псалтырь XVII века)²⁰, ст.-укр.: На то все послали есмо се и нашъ ярлыкъ и с нашею печатью золотою, *abi* то крѣпко было (Грамота хана Тохтамыша, 1393 год)²¹; др.-пол.: Sędzi mie podług prawdy twojej, gospodnie boże mój *abychą* się nie radowali nade mną (XV w. HGJP, 484); др.-чеш.: day dōstojně tě vitati i dōstojně přijimati, *aby* mohl ty s matkú jmieti chvály z toho i vsi světi (Kunhutina modlitba)²².

Как известно, в старославянском языке в сложноцелевых паратактических конструкциях мог еще использоваться сочинительный союз *a*. Ср.: Послаша к нему едины отъ фарисѣи ... *a* и бжъ облытили словомъ (Маринск. еванг., МФ, 12)²³. Впоследствии одиночный сочинительный союз *a* в связи с развитием гипотактических конструкций и общим ростом их веса во всем строе языка уже не может должным образом удовлетворить потребности речевой коммуникации, а отсюда и его слияние с *by* (и другими его формами), приведшее к возникновению специализированного союза *aby* (*abych* и т. д.). Отсутствие в древнеславянских памятниках отдельных написаний типа *a by* позволяет отнести возникновение данного союза к очень ранней эпохе.

Наряду с *aby* зафиксированы модификации этого союза: *ab*, *abij*, *abě* и др. Ср.: A napsawony drosse szarssasch, *ab* se ak Bradssy lubowaly (Moller, G. § 73, стр. 161); tij sa nasch twojomu sijnoiu thu watru thene ksijsze sij dall scherpes, *abij* tų tack thu moŝ togo wijnyka wot nasch wottegnal (там же, § 24, стр. 63); Schmerssy se wobrosch nemugu, *gabij* then zijly schwiet twoy biell (там же, § 82, стр. 179).

¹⁹ См.: А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 175.

²⁰ Пример заимствован из кн.: Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3. М., 1956, стр. 488.

²¹ См.: П. Безпалько. Нариси з Історичного синтаксису української мови. К., 1960, стр. 193; Л. Л. Гумецька. Вторинні сполучники і їх синтаксичні функції в українських грамотах XIV—XV ст., Дослідження і матеріали з української мови, т. 2, Київ, 1960, стр. 31—44.

²² Výbor z české literatury od počátku po dobu Husovu, vyd. B. Havánek, J. Hrabák a j. Praba, 1957, стр. 212.

²³ V. Jagić. Quattuor evangeliorum versionis paleoslovenicae Codex Marianus. SPB., 1897.

В памятниках с верхнелужицкими чертами языка в целевых конструкциях используются *kdy by* и *zo by*. Эти образования носили, вероятно, общеврхнелужицкий характер, так как были знакомы всем древним памятникам, написанным на территории Верхней Лужицы: Ср.: *A dy bychmy sdyn spyttowani byli, so bychmy schak naposlétk dobuli a pschëwinuli* (War., В, 89); *Ta ztraffa leiži na Krystussu, so bychmy mjer mjeli* (Agenda, стр. 105); *Ton Kñes budže cže požonowacž se — Siona, so by widžil to sboži Ierusalem twoje žiwe dny* (там же, psalm 128, § 5, стр. 53); *Kneže woteur mogli huby, so bych moy hrot twogu praudos pžipowidal* (Mart. § 16, стр. 16).

Если в союзе *aby* его составные компоненты оформились в одну лексему, то у его верхнелужицкого соответствия *zo by* этого не произошло, вероятно, потому, что союз *zo* мог, как мы видели выше, и самостоятельно выступать в целевых конструкциях, в то время как союз *a* в изолированном виде не мог быть выразителем целевых значений в период, когда уже функционировал союз *aby*.

Любопытно, что и в древнечешском языке нет союза, образованного на базе общегипотактического *že* (т. е. *žeby*), но зато в древнепольском языке есть союз *žeby*, являющийся одним из основных целевых союзов как древнего, так и современного языка. Ср.: *anjoł tedy miły panie mocny niechai stanie przy mnie, žeby mę szzegł* (XV, GHJP, 482).

В то же время польский язык знает и союз *aby*, а также *ažeby*, *ežby*, *co(žby)* и др.²⁴

Если чешский, польский и нижнелужицкий языки объединяются на основании наличия целевого союза *aby* в противовес верхнелужицкому, где *aby* отсутствует, то в отношении союза *zo by* верхнелужицкий язык обнаруживает общность с польским (*žeby*) и противостоит чешскому. Эти факты несомненно отражают древнейшие различия между славянскими наречиями на очень ранних этапах их развития.

Союз, аналогичный верхнелужицкому *zo by*, знают и некоторые памятники с чертами нижнелужицкого языка: в нижнелужицкой огласовке он выступает в виде *že by*. Ср. *a won iogo zusto ie do wogna a do woody schpył, žeby iogo ztoplowal* (Jak., Marc. IX, 22). Возможно, что данная форма возникла под влиянием соответствующей формы древнепольского языка (т. е. *žeby*), хотя допустимо предположить самостоятельный путь развития нижнелужицкого *žeby*, если учесть, что в языке был и союз *že* и формы типа *aby* и т. д.

В Якубице в составе целевых конструкций встречаем образование *ažby* (*bychom* и т. д.). Ср.: *Proscze pak, aschby wasch wodbeg se nestal w symeh* (Jak., Marc. XIII, 18). Интересно, что в древне-

²⁴ В древнечешском единичные примеры с *žby* (в условных, а не целевых конструкциях), по свидетельству Я. Бауера (указ. соч., стр. 318), очень ненадежны.

русском и древнепольском языках сочетание *až by* (*bychom*) привело к возникновению целевого союза (др.-рус. *ажбы*, др.-пол. *ážeby*), например, Пре сей мир трудилися дъбрии людие..., *ажбы* мир былъ и до века (Смоленская грамота, 1229 г.)²⁵; *Vogu poświacali, ażebuy one miejsca tem ważniejsze były* (XVI w., GHP, 482). В древнечешском языке Я. Бауэр²⁶ фиксирует *až by* только в роли условного союза.

Трудно сказать, является ли лужицкое *až by* в Якубице кошей древнепольского *ážeby*, или представляет собою результат самостоятельного нижнелужицкого развития. Во всяком случае, в других памятниках письменности с чертами нижнелужицкого языка *až by* нам не встретился.

Помимо использования целевых союзов, возникающих на базе древних общегипотактических союзов (*zo, že*), в серболужицком языке XVI—XVII вв. наблюдается и тенденция к формированию сложных специализированных союзов на базе сочетаний различных предложно-именных и предложно-местоименных выражений (нередко с исконной целевой семантикой) с одиночными целевыми союзами (*aby, že by, zo by* и др.).

В некоторых памятниках встречаем сращение предложно-местоименного *nato* (из *na + to*) и целевого *aby* (или *zoby*) в одно сложное раздельнооформленное целевое речение союзного типа *nato aby* (или *nato zoby*). Ср.: *Albo te wysschemeschnyczy a ta schiczka raada pittaly znankow narczeszcywo Jesusowu, nato aby iogo k smerczyu mogly pszynesscz* (Jak., Marc. XV, 55); *won iogo tesch bucze w sobocze wuzdrowitecz, nato aby wony knomu iednu przyczynu mely* (там же, III, 2); *knez hlada a neba na semu..., nato so bychu woni prydownali...* (Mart., § 20—22, стр. 20).

Заметим, что *nato* как бывшее коррелятивное образование уже успело перейти из главной части в придаточную, а это показывает, что в языке начался процесс закрепления всего словесного комплекса *nato aby* в сложное союзное речение. То же самое явление отмечается и в древнечешском языке. Ср. *cizozemec nepřišel jest hledat tvého dobrého, ale na to, aby hledal úžitka svého* (Dalimil, 63).

Иногда вместо частицы *by* выступает *až*, и союзное речение принимает вид *nato až*. Ср.: *Wie nesczo narczeszcywo nekogo masche, nato asch wam tesch wasch nebesky woschcz w nebesach wasche hrechy wodda* (Jak. Marc. XI, 25).

Для образования сложных союзных речений используется *dla togo* (предложно-местоименное выражение первоначально объектного, а затем целевого и причинного значения). С помощью этого сочетания и союза *aby* или *žeby* были образованы сложные союзные речения *togo dla žeby* и *dla tego aby*. Ср. *Tho io wohn byniel togo dla, ab nahm pomogl dho neba* (Moller, G. стр. 40);

²⁵ Цит. по кн.: К. Б. Напьерский. Русско-ливонские акты. СПб., 1868.

²⁶ J. Bauer. Указ. соч., стр. 274.

A won řekl k swochim vczedlykom, *aby* iomu iednu loeschitzku ziednaly *tego* luedu *dla*, zeby iogo neczischczely (Jak., Marc. III, 18).

В древнепольском языке также встречается *tegodla aby* или *dla tego aby*, хотя единого сложного союза древнепольские тексты еще не знают. Ср.: *Kryst nie chciał jest być człowieka stworzyć z powietrza tego dla, abyć on nie był pyszny* (XIV w. GHJP, 481); *dlatego wam powiedamy, aby nigdy na was nie przyszło pogorszenie* (XVI w. GHJP, 481).

Наряду с конструкциями, где мы наблюдаем складывание сложных целевых союзов, памятники серболужицкой письменности XVI—XVII вв. сохранили и предложения, в которых коррелят не находился еще рядом с целевым союзом, т. е. конструкции, исходные в процессе образования сложных целевых речений: Ср.: *Tehodla ia napominam zo by so pschedewschim wijezam stalo* (War. B, 102).

Значительно реже встречается конструкция с препозицией главного (союз *zo by*). В нашем распоряжении всего один такой пример и несколько примеров с союзом *aby*. Ср.: *A so by widził dżjeczi twojich dżeczi, mier na Israel* (Agenda, psalm 132, § 6, стр. 53); *Abih ténbe moja zehstz chwalbü spewala a něhumělcknula, kněshsho, moy bohg, tenbe zu ja sse shekowahsch nimmerněh* (Wolf., psalm XXX, § 13).

Итак, наряду с некоторыми архаическими сложноцелевыми конструкциями, в памятниках серболужицкого языка XVI—XVII вв. функционируют гипотактические предложения с придаточными цели²⁷, напоминающими современные конструкции.

3. Сложноподчиненные конструкции с придаточным следствия. Конструкции, указывающие на следствие, вытекающее из высказывания главного предложения, большого развития в славянских языках не получили. Они относятся к той группе гипотактических предложений, которые выделялись в самостоятельный тип в результате развития некоторых других типов придаточных.

Ни в старославянском²⁸, ни в древнерусском языке нет еще

²⁷ Об истории сложноцелевых конструкций в некоторых славянских языках см.: О. Я. Петренко. Нариси з історії гіпотактичних сполучників в українській мові. Наукові зап. Харківського пед. ін-ту, т. 25. Харків, 1957, стр. 3—29; Р. В. А л и м п и е в а. Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи. Автореф. канд. дисс., 1952; С. Л. Б а ж е н о в а. Придаточные предложения цели в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954; К. А. Т и м о ф е в. Инфинитивные предложения в русском языке. Автореф. докт. дисс. Благовещенск-на-Амуре, 1951.

²⁸ См.: В. В о н д р а к. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915.— Подуточно заметим, что М. М. Копыленко указывает на случаи использования причинного союза *zane* в функции следствия и приводит следующий пример из «Хроники» Георгия Амартола: *Вноубрь бо има, дверь. ж. локоть въ велицѣ, zane толцею многою златомъ и сребромъ оукрашена бо-хуу* (см.: М. М. К о п ы л е н к о. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. «Византийский временник», М., 1957, т. XII, стр. 237).

специальных синтаксических средств союзного типа для выражения следствия²⁹. В памятниках древнерусской письменности для связи главного с придаточным в следственных конструкциях используются, как правило, многофункциональные союзы (ср. *индо, яко, что, иже, еже*)³⁰; в более поздних памятниках начинает употребляться союз *так что*, но не как цельный, а в виде *так, что*. В современной своей форме (т. е. *так что*)³¹ этот союз зафиксирован лишь с середины XVII века; ср.: ...в ночи была с моря великая погода, *так что* от работы отбила (Походн. журнал, 1707 г.)³².

Очень неустойчивым и разнообразным был состав союзных средств в следственных конструкциях древнепольского и древнечешского языков. Из большого числа древнепольских союзов, встречающихся в предложениях следствия (*że, żeby, iż/e/, iż/e/by, aż/e/, eż/e/, aby, by, coby, co, tak że* и др.), только часть сохранилась в современном языке (ср. *iżby, co, tak że*). Исследователь древнечешского гипотаксиса Я. Бауэр приводит такие союзы, присоединявшие придаточные следствия к главному: *až, jakž, tak jakž, tak že, ještě*³³. Вместе с тем он отмечает, что в ряде древних памятников уже встречается основной следственный союз современного чешского языка — *tak že* (ср. *mějichu pomluvu o zákonné řehole mezi sebou, tak že již biechu slavnú chválu nešporni obrátili mezi sebou v pohádku (Životy sv. otců)*³⁴.

У старолужицких авторов уже выступают специализированные следственные союзы. В верхнелужицких текстах употребляются *tak zo*, а в нижнелужицких — *tak že, tak až, takto až*. Приведем примеры: *Won ho zahowi, tak zo ton slepy a němy rěczasche a widzische* (Frenc., Mat. XII, 22); *A wele ludzi so k nemu shromadzi, tak zo won do lodze stupi a sedzische* (там же, Marc. XIII, 16); *Wonai pak beschtai iara surrowai, tak zo nichto po tei samei drozi kohdzicz nesmeiasche* (там же, Marc. VIII 28); *a to stroniene wedome sczynil, takto asch won tesch zgewne daley nemohl w mescze choschitez* (Jak., Marc. II, 11); *Then darbny Grijch skasy schyckno, tack ass zloweck nyemosso sahm sasslüssijs bossij Ray* (Moller, G., стр. 143); *A wono se ieden wiliky wychor swignu a chytasche te welny do teye loeschy, takto asch ta loesch by pelna* (Jak. Marc. IV, 37); *a wele lueda se knomu zgromaschz, takto asch deral do iedneye*

²⁹ А. Стеценко. Указ. соч., стр. 194; Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 532—533.

³⁰ Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 128.

³¹ Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 533.

³² Там же.

³³ Б. Гавранек и А. Едличка (В. Наврѓанек, А. Једличка. *Ceská mluvniice*. Praha, 1960, стр. 334) следственные конструкции в самостоятельный тип придаточного не выделяют, а рассматривают их среди сравнительных предложений.

³⁴ Цит. по кн.: J. Bauer. *Vývoj českého souvětí*, стр. 278.

loeschy stuppitz a nad tein woodu sesschetz (там же, Marc. IV, 1); Jesus niczego wiczezy nemotmolwy, *takto asch* se tesch Pilatus tego schywowal (там же, Marc. XV, 5); a stum se hich wele zgromaschilo, *tak asch* tesch ruma nemely (Там же, Marc. II, 2).

Бросается в глаза, что следственные предложения славянских языков вообще отличаются бедностью союзного инвентаря и однообразием своего построения (стабильная постпозиция придаточного — единственно возможный способ построения следственной конструкции).

Во всех современных славянских языках в придаточных следствия чаще всего используется лишь один союз. Ср.: рус. *так что*, укр. *так що*, чеш. *takže* и т. д.³⁵

Итак, все следственные союзы, как мы видели выше, возникли на основе какого-то одного гипотактического союза (*что*, *що*, *že*, *zo* и т. д.). В диалектном языке лужичан до сих пор еще можно встретить примеры использования многофункционального *až* (или *zo*) для присоединения придаточного следствия к главному. Ср. a woda dale bóle pšibywaše, *zo* dymbjachu na lawu sjeacă (Nedo, 57).

Нетрудно заметить и абсолютную идентичность морфологического состава и способа образования славянских следственных союзов: они состоят из наречного слова *tak* и какого-нибудь общегипотетического союза. Наблюдения показывают, что следственные конструкции развились из придаточных образа действия, а также меры и степени³⁶, у которых в главном находился коррелят *tak*, граничивший с союзом постпозитивного придаточного. Затем указательное наречие *tak* переходит из главной части в придаточную, утрачивая при этом свое логическое ударение. Именно так возник сложный союз следствия, выступающий в одних языках как цельнооформленный (ср. чеш. *takže*), в других — как

³⁵ См.: Грамматика русского языка т. II, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 342; Н. М. Андриеев. Грамматические средства выражения следственных отношений в современном русском языке. Автореф. канд. дисс., Саратов, 1956 (ср. еще его статью: О некоторых грамматических средствах выражения следствия в современном русском литературном языке, «Уч. зап. Саратовского пединститута», т. XXV, 1958, стр. 36—83); А. М. Давыдовский. Придаточные предложения следствия. «Русский язык в школе», № 6, 1955; Е. А. Назикова. Выражение причинных отношений в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1952; М. С. Бунина. Следственные предложения с союзом *так что*. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. 51. М., 1956; В. В. Щелун. Причинные, следственные и уступительные предложения в публицистических произведениях В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Автореф. канд. дисс., Воронеж, 1956; Н. И. Скосырева. Союзные сложноподчиненные предложения в произведениях Н. А. Крылова. Автореф. канд. дисс., Томск, 1953.

³⁶ См.: М. С. Бунина. Указ. соч. Другого мнения придерживаются В. Богородицкий (Русский филологический вестник, 1882, № 3, стр. 145) и Л. К. Булаховский (Курс русского литературного языка. Киев, 1937, стр. 328).

раздельно оформленный (ср. рус. *так что*), что уже отражает не самый процесс складывания этих союзов, а орфографические традиции данных языков.

В некоторых случаях наречие *tak* перешло из главного в придаточное, но компоненты сложного союза все еще выступают как расчлененные. Примеры с такого рода союзами известны многим славянским языкам, знают их и отдельные серболужицкие памятники. Ср. у Якубицы: *a wony schiczny se wlikly, a tak ze se mesy sobu wopraschowaly a prawily...* (Marc. I. 27).

Спорадически подобные факты имеют место еще в современном языке.

Ср.: *to su lutne łuki a tež mjazy wobźěłane rola, tak, že nic nje wiži ako łuki a njebo* (М. Kosyk. *Wuběrki z joga spisow*, Berlin, 1956, стр. 28).

Во многих грамматиках современных славянских языков к придаточным следствия причисляются такие конструкции, которые в действительности чисто следственными не являются³⁷. Вслед за Буниной³⁸ мы полагаем, что к следственным конструкциям должны быть причислены лишь те, в которых части связываются при помощи союзов типа рус. *так что*, чеш. *takže*, лужицк. *tak zo/tak že*. Это ограничение вытекает из того, что к придаточным следственным мы относим лишь такие, которые раскрывают итог, результат того, о чем говорится в главном. Те же конструкции, где придаточное раскрывает следствие обладания качеством (или мерой), о котором говорится в главном, или следствие свершения действия главной части каким-то определенным образом (придаточные образа действия, придаточные степени), не являются следственными. Хотя дополнительный следственный оттенок могут иметь и другие типы сложноподчиненных предложений, тем не менее рассматривать их как следственные нет оснований (ср., например, придаточные причины типа *так как ...*, *то*).

Серболужицкие сложноподчиненные предложения с придаточными следствия анализируемой эпохи — пример того, как общие тенденции развития определенных гипотактических конструкций реализуются в отдельных славянских языках.

Примечательно, что если в других славянских языках до возникновения специализированных следственных союзов широко использовались различные общегипотактические средства связи, то в серболужицком языке это явление не наблюдается. По крайней мере, древние памятники письменности не дают нам таких примеров. В серболужицком языке, видимо, очень рано оформил-

³⁷ См.: Грамматика русского языка, т. II, ч. 2. — Слишком расширительно понимает следственные конструкции и Н.М. Андреев (Указ. соч.); А. Н. Суровцев. Сложноподчиненное предложение с придаточным причины и придаточным следствия в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1953.

³⁸ М. С. Бунина. Указ. соч., стр. 43.

ся следственный союз, и сложноподчиненное предложение с придаточным следствия рано достигает современной стадии своего развития.

Приведенный выше материал невелик, и он, естественно, не дает возможности делать далеко идущие выводы, однако и те факты из истории серболужицкого гипотаксиса XVI—XVII вв., которые изложены в наших заметках, дают основание для следующих заключений.

В старолужицком языке XVI—XVII вв. в основном действуют те же тенденции, которые имели место и в истории других славянских языков, а именно: укрепление подчинительных связей путем переосмысления старых омонимических союзов и развития новых (главным образом специализированных), устранение обязательной корреляции и закрепленного (жесткого) порядка следования частей сложноподчиненной структуры.

Как и в других славянских языках, в старолужицком происходит формирование специализированных союзных образований (прежде всего сложных) на базе наиболее старых общегипотактических союзов, чем одновременно достигается устранение их былой многозначности (ср.; *tak zo* и *zo*, *jeli zo* и *zo*). Однако следует отметить, что сложных союзов в серболужицких памятниках XVI—XVII вв. меньше, чем в других славянских языках того же периода. В какой-то мере это объясняется отсутствием разностилевых ответвлений литературно-письменной речи.

В памятниках серболужицкой письменности XVI—XVII вв. отразилась и другая тенденция в эволюции гипотаксиса — устранение многосоюзия, главным образом, различных фонетических и морфологических вариантов отдельных союзов.

Вместе с тем в синтаксическом строе сложноподчиненных предложений старолужицкого языка XVI—XVII вв. можно еще встретить немало архаических элементов, характерных для языка предшествующих эпох. Правда, их общее количество и удельный вес в системе всех сложных предложений старолужицкого языка весьма невелики — в других славянских языках их значительно больше (ср. древнерусский, древнечешский и т. д.). Объясняется это, главным образом, тем, что литературный язык лужичан развивался в узких рамках литургического стиля, а известно, что при наличии стилистических ответвлений в языке могут быть созданы условия для «конденсации» определенных устаревших элементов, в том числе и элементов из области синтаксиса сложных предложений.

Необходимо учесть тот факт, что складывание синтаксической системы сложных предложений серболужицкого языка XVI—XVII вв. происходило в условиях постоянного влияния синтаксиса немецкого языка, который в отношении гипотаксиса представлял собою более сложное явление. В то же время было бы ошибочным преувеличивать степень этого воздействия. Гипотак-

сическая система немецкого языка лишь способствовала и ускоряла процесс становления лужицкого гипотаксиса, ибо развитие сложноподчиненных предложений — это, в конечном счете, всегда явление имманентного характера.

В общем, система серболужицкого гипотаксиса XVI—XVII вв. во многих отношениях уже достигла уровня, характерного для современного развитого гипотаксиса, но совершенствование структуры отдельных типов сложноподчиненных предложений продолжается и в последующие столетия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Agenda Jules C. E. Riotte. Die obersorbische Agenda von 1696. Berlin, 1959.
- Alex. Staročeská Alexandreida, vyd. V. Vážný. Praha, 1947.
- Dolimil. Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1957.
- Frenc. S. Matthaeus und S. Marcus wie auch die drey allgemeinen Haupt-Symbola in die Oberlausißche Wendische Sprache. Budysin, 1670.
- GHJP Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawinski, S. Urbanczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
- Jak. Das sorbische neue Testament von 1548. Archiv für slawische Philologie I, 1876.
- Jac. (L) Der Brief des Jakobus (1548), hsg. H. Lotze. Leipzig, 1867.
- Mart. G. Martini. Die sieben Buß Psalmen des königlichen Propheten Davids, Windisch und Deutsch zum Druck verfertigt und zugerichtet Durch Gregorium Martini Lobaviensem, anjtz Pfarrherrn zu Burschwitz. Gedruet zu Budissin durch Nicolaum Zipsern. Anno MDCXXVII (фотокопия).
- Moller (K) (G) Albin Moller. Niedersorbisches Gesangbuch und Katechismus (Budissin, 1574), Berlin, 1959.
- Nedo P. Nedo. Sorbische Volksmärchen. Bautzen, 1956.
- War. Katechismus des Warichius (1597), hsg. K. Meyer. Leipzig, 1923.
- Wolf. Der Wolfenbütteleer niedersorbische Psalter, hsg. R. Trautmann. Leipzig, 1928. Список А. В.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЛУЖИЦКОГО СЛОВАРНОГО СОСТАВА

Эрнст Эйхлер

(Лейпциг)

1. Изучение древнелужицкого словарного состава только начинается. В частности, необходимо определить значение топонимического материала для запланированного лужицкого этимологического словаря. С этой целью уже осуществлены некоторые подготовительные работы. Топонимика дает свидетельства древнего периода для слов, которые только значительно позднее зафиксированы в лужицких текстах (ранние лужицкие памятники письменности датируются XVI в.). Проводившиеся до сих пор топонимические исследования дают представление прежде всего об области, расположенной между Заале и Эльбой, топонимы же Верхней и Нижней Лужицы привлекались в единичных случаях. В настоящей статье мы рассматриваем в первую очередь такие слова, которые не отмечены в лужицких словарях XIX—XX вв.¹ Исследуемая лексика группируется по семантическому признаку².

2. *Ландшафт.* Слово *mogyla* 'возвышение' (ср. пол. *mogila* 'бугор, могила, курган') встречаем лишь в составе топонимов, распространенных в области между Мульде и Эльбой. В древнечешском это слово также представлено лишь в таком топониме, как *Mohelnice*; других примеров нет. Ср.: *Mügeln* около Ошаца

¹ P f u h l. Lausitzisch wendisches Wörterbuch. Budißin, 1866; Э. М у к а. Словарь нижнелужицкого языка. I. Пг., 1921; E. M u k a. Słownik dolno-serbskeje gęcy a jeje narěcow. II. Praha, 1928.

² Положенный в основу статьи материал в большей своей части почерпнут из серии публикаций «Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte», издаваемой Т. Фрингсом и Р. Фишером по поручению Исторической комиссии Саксонской Академии наук в Лейпциге (т. 1—19), кроме того, использованы собственные документальные собрания автора: E. E i c h l e r. Beiträge zur altsorbischen Lexik II, в Lětopis Instituta za serbski ludospyt XI, z. 1, Rjad A, 1964, стр. 9—35; О н же. Studien zur Frühgeschichte slawischer Mundarten zwischen Saale und Neiße. Berlin, 1965.

(Oschatz) у Титмара под годом 984 назван *Mogelini: Mügeln* севернее Швейница (Schweinitz) — 1431 *Mogele; Möglenz* район Либенверда (Liebenwerda) — 1347 *Moglencz; Müglenz* около Вурцена (Wurzen) — 1446/48; *Mogelencz: Mügeln* район Пирна (Pirna) 1347/49; *Mugelin* находится на ручье *Müglitz* — 1431 die *Mogelitz*. В Верхней и Нижней Лужице это слово до сих пор не зафиксировано. Для обозначения холма здесь употребляются: в.-луж. *homola, homula*, кроме того, *homulka* и т. д., а также н.-луж. *gomola* 'метелка проса' (на *gomola* 'холм' основывается также топоним *Gommlö* около Виттенберга (Wittenberg)).

На основе следующих двух топонимов можно судить о другом древнелужицком обозначении возвышения: *Gröbern*, у западного края возвышенности Йост (Jöst) в Дубенер Хейде (Dübener Heide) южнее Грефенхайнихена (Gräfenhainichen), упомянут в 1200 как *Griwe*, в 1207 — как *Griwen*; *Gröba* район Альтенбург (Altenburg) назван в указателе податей монастыря Босау (Bosau) ³ 1181/1214 *Griwe*. Несомненно, это свидетельствует о др.-луж. *griva*, тем более что современное в.-луж. *hriva* и н.-луж. *griva* 'грива' должны напомнить рус. *грива* 'горный хребет, отмель' (ср. чеш. *Hřiva* и пол. *Grzywa*, в качестве названий лесистой возвышенности).

Возможно, что др.-луж. *sleme* 'балка, конек крыши' (ср. чеш. *slémě, stemeno*, слц. *slemä, slemenno*, пол. *slemię*) относится к названию возвышенности, ср. Ober-, Unter- *Schlema* около Шнееберга (Schneeberg) в Рудных горах (Erzgebirge) — 1364 *zu der Slehme*, 1465 *Obersleme*, 1487 *Nyderm Sleme*.

В ряде топонимов, по-видимому, скрыто значение 'овраг'. Любая другая этимология не подходит по фонетическим причинам. Для древнелужицкого языка можно принять апеллятив **jarež* или **jerež* (с переходом *ja-* > *je-*), встречаемый в составе топонимов: пустошь *Jerese* 1350 западнее Кала (Kahla), откуда происходит и название поля *Jähris* или *Järisberg*; *Jerisau* около Глаухау (Glauchau) — 1170/76 *de Gerese* (однако копия XVI в.), 1363 *Jeris* и т. д.: *Görisch* около Мейсена (Meißen) — 1313 *Geres*, 1368 *Jeris*. Неясно, можно ли предполагать этот апеллятив также и в н.-луж. **Jařešk, Jeřešk*, в более раннем немецком *Jerischke* район Сорау (Soraу). Ср. пол. *jar* 'овраг', 'ущелье', *jaruga* 'низина, болотистая равнина' ⁴.

Эти слова обычно считают заимствованиями из турецкого, однако это может быть правомерно лишь в отношении восточнославянских языков, а к западнославянским языкам — неприемлемо. Против заимствования из турецкого в западнославянские языки свидетельствует существующее в районе Кamenц (Kamenz) название поля *Jark*, возводимое В. Шпербером ⁵ к сла-

³ Altenburger Urkundenbuch, hrsg. von H. Patze. Jena, 1955, № 69a.

⁴ E. Eichler. Studien..., стр. 39.

⁵ W. Sperber. Die slawischen Flurnamen des Kreises Kamenz (Ostteil). Berlin, 1966.

вянскому *jar*.⁶ В качестве аргумента в пользу незаимствованного происхождения рассматриваемого слова высказывалось мнение, что такое название, как *Jeres* и т. п., скорее всего отражает исходную форму **Jareš* от собственного имени *Jareš*. Однако мы считаем, что по фонетическим причинам такое толкование вряд ли возможно: конечный согласный, хотя бы в единичных случаях, но должен был бы быть передан через *sch*. Основа собственного имени *Jar-*, в противоположность польскому и чешскому языкам, в древнелужицких топонимах используется лишь в единичных случаях.

Др.-луж. слово *gruda* 'глыба, ком, куча' лежит в основе топонимов *Greuda* около Йены (Jena) — 1350 *Grúden*, *Greudnitz* район Торгау (Torgau) — 1378 *Grúdenicz* из **Grud'no*, **Grudina* или **Grud'nica*.

С понятием структуры почвы связано др.-луж. слово *stodor*, являющееся, очевидно, параллелью к словен. *stodor*, *stador* 'неглубокая пахота на каменистой почве, скала, горный хребет'. Это слово засвидетельствовано в славянской топонематике и лежит, вероятно, также в основе полабского этнонима *Stodorani*. Это слово находим в названии населенного пункта *Stötteritz*, в настоящее время включенного в Лейпциг — 1325 *Sthodericz*, 1350 *Ztedericz*, *Stadericz*, 1397 *Stodericz*.

На особенности в структуре почвы указывает также и др.-луж. *dorst* (ср. др.-чеш. *drsný* 'неровный, шероховатый, необработанный' наряду с *drsnatý*, *drst*, *-i* 'сор') с отвердением **j* в *r* > *or* перед твердым *st*. Это слово лежит в основе топонима *Dörstewitz* район Мерзебург (Merseburg) — 1271 (копия XVI в.) *Dorstewitz*, 1478/1509 *Dorstewitz* и т. д.

Примечательно, что и в древнелужицкой языковой области выступает слово *kujawa*. Его значение приблизительно соответствует значению польского диалектного слова *kujawa* 'неплодородный участок поля, голое место в лесу', ср. также пол. *Kujawy* — местность в Польше, которая в Гнезвинской булле 1196 названа *terra Cuiava*. Это слово входит в состав топонимов — 1012 *Cuiawia*, 1277 *Kuiawe*, 1320/21 *Ciuawe*, современное *Kaja* восточнее Вейсенфельза (Weißenfels). Русское *куява* 'беспорядочный человек', пожалуй, надо исключить из этого ряда.

В топониме *Struppen* юго-восточнее Пирны — 1310 *Strupin*, 1361 *Struppin*, 1374 *Stroppin*, также можно было бы видеть указание на особенности пахотной земли. Однако предположение о том, что в его основе лежит не собственное имя *Strup* или *Strupa*, а апеллятив *strup* 'струп, короста' (в.-луж. *trup*, н.-луж. *tšup*, чеш., пол. *strup*), сомнительно.

⁶ К этимологии ср.: Б. А. Л а р и н. Истории слов и словарей. Л., 1963, стр. 83 и след.

В севернорусских диалектах известен апеллятив *наволок*, *наво́лок* 'заливной луг, затопляемая лесистая прибрежная полоса, низкий выступ в море', выступающий также и в составе названий населенных пунктов и местностей; в псковском диалекте этот же апеллятив означает 'груда камней на дне водоема'⁷. Древнелужицкое соответствие этого слова находим в названии пустоши *Neblickau*, расположенной юго-западнее Торгау, 1350 *Nauloc* и т. д.; 1807 *Nebelke*. Славянская группа *-aw* в немецком языке дала в конечном результате *-äw-* и затем на письме была передана как *-eb-*.

Место, на котором плуг при вспашке не захватывает землю, а только скользит на ней, в восточнобогемских диалектах (например, в окрестностях Глятцер/*Glatzer*) называется *oplaz*, в словацком этому соответствует *oplaz*, ср. еще пол. диал. *opłoziska* 'место, где сдвинут слой почвы'. Лужицкое соответствие этого слова находим в составе топонима *Ablaß* западнее Мюгельна — 1334 *Oplos*, 1350 *Oppeloz* с характерным для древнелужицкого языка преобразованием прасл. **polz-* в *polz*. В соответствии с этим слово звучало как *opłoz*.

К числу слов, связанных по своему значению с ландшафтом, следовало бы отнести и др.-луж. *prilěp* 'место в гнезде', буквально 'приклеивающееся место' (от *lěpiti* 'клеить'). Это слово содержит топонимы Ober-, Unter-*Preilipp* в районе Рудольштадта (*Rudolstadt*) — 1074 *Prilep*. В чешском языке *přilep* 'приклеенный' входит в состав топонима *Přilepy*.

Название населенного пункта *Pohlitz* юго-восточнее Наумбурга (*Naumburg*), засвидетельствованное написанием 1332, 1416 *Peles*, соотносится, вероятно, не с *pol'e* 'поле', как другие сходные по звучанию названия (ср. также *Polenz*), а скорее с др.-луж. *peleš* 'пещера' (ср. чеш. *peleš*, *pelech*, пол. *pielesz*).

Древнелужицкое слово *obłok* 'облако', (ср. н.-луж. *hoblōka* 'светлое облако', чеш. *oblak* 'темное облако', пол. *obłok*) содержится в топониме *Ölknitz* севернее Калы — 1283 (копия XVI в.) *Obłocewitz*, 1287 (копия XVI в.) *Obłocuwitz*, 1350 *Obólkwicz* и т. д.

Неясно, содержится ли в названии пустоши *Purchowe* (1181/1214 указатель податей монастыря в Босау земля Альтенбург) собственное имя **Porch* или апеллятив *poroh* (может быть, родственное пол. *parch* 'короста, чесотка', словен. *prh* 'гниль, плесень'. *prhal* 'гнилой' и т. п.). Возможно, это слово также имеет отношение к ландшафту.

Значение 'углубление', вероятно, имело слово, которое может быть сопоставлено с *kles-* из *kłęs* (ср. польск. *za-kłęśnina w-kłęśność* 'погружение', *s-kłęsty* 'впалый'); это слово включено в топоним

⁷ Ср.: А. И. Лебедева. Значение топонимии для исторической диалектологии (по материалам Псковской области). «Уч. зап. ЛГУ», № 267, серия филол. наук, вып. 52, 1960, стр. 170.

Klessig район Мейсен — 1319 *Clezik*, и в название пустоши *Klessig* около Эйленбурга (Eilenburg) — 1378 *Klesewick*.

Прилагательное *okrugly* 'круглый' соответствует чешскому *okrouhly* и польскому *okragly*. Это прилагательное лежит в основе трех топонимов, которые следует искать в пределах полосы, тянущейся вдоль Эльбы. Возможно, эти топонимы в своем происхождении связаны с Чехией: *Ockrilla* в районе Мейсена — 1205 *Ocrul*, *Ogkrugl*; (Groß-) *Okrilla*, первоначальное название Оттендорфер Крешмар (Ottendorfer Kretzschmar) северо-западнее Радберга (Radeberg) — 1453 *die Okryll* (Heide), 1528 *Kretzschmar zu Ottendorff, der Okrull genant*; пустошь *Ockryll/Ockryll* около Борака (Boragk) район Либенверда — 1314 *Ocrum* (вероятно, ошибочное написание) 1448 *Ockryl*, 1516 *Ockroll* и т. д.

3. *Водоем*. Многие славянские поселения были расположены у водоемов. В лужицких топонимических названиях находим ряд апеллятивов, связанных по значению с разными особенностями водоема и неизвестных современному лужицкому языку.

В н.-луж. употреблялось слово *ples* или *pleso* 'озеро'. На это указывают топонимы *Plesse* в бывшем районе Губена (Guben), н.-луж. *Plesno* (этому соответствует пол. *Plesno* — современное название населенного пункта в Польше), который в 1452 назван *Plessau*. Суффикс *-n-* документально не зафиксирован и, возможно, является вторичным. Это же слово отражено и в топониме *Plessa* восточнее Эльстерверды (Elsterwerda), для которого Мука приводит н.-луж. *Pleso*; 1395, 1406 *Ples*; 1456 *Plesse*. Следует вспомнить и о чеш., слд. *pleso* 'яма в воде, озеро'. Мука указывает, что н.-луж. *plosa* (с переходом *e* в *o*) еще встречается в названии полей, как, например, *Na plosach*; Мука снабжает это слово пометой *obsol.* и, таким образом, характеризует его как географический термин, употребляющийся лишь в единичных случаях. Для фонетики важно то, что в слове *Plessa* восточнее Эльстерверды нет перехода *e* в *o*, хотя в качестве исходной формы можно предполагать **Ples* или **Pleso* (без суффикса *-n-*). В местности Мюшен (Müschchen) район Коттбуса (Cottbus) встречается название поля — *das grobe Ploß*. Это название при известных условиях (обозначение сырой, болотистой низменности) может быть соотнесено с др.-луж. *plosa*. Однако название *Pleiße* ничего не проясняет в слове *pleso*.

В применении к пустоши *Ockleben* район Заале (Saale) напротив Гроссвиришлебена (Großwirschleben) под годом 979 сказано; (villa) ... quae dicitur slauonice *Otliuua*. Несомненно, что здесь в основе лежит апеллятив *otliv*, 'канавы для стока, рукава реки', ср. чеш. *odliv* 'морской отлив', *odliti* 'отлить, слить, вылить', в.-луж. *wotlec*, н.-луж. *wótlaś* 'отлить, слить', сюда же относятся в.-луж. *wótliv* 'отливание, сливание', *wotliwak* 'отливка', н.-луж. *wótlew* 'сток, морской отлив', *wótlejnica* 'морской отлив'.

Приведенное выше слово *otliv* напоминает о слове *otvar*, вероятно, 'отвар' (ср. в.-луж. *wotwarić*, 'отварить, вскипятить', н.-луж. *wótwaris*) в названии пустоши *Ottern* около Мокриц (Mockritz) — 1334 *Ottvarin*, XVI в. *Ottern*. Возможно, следует также учесть и слово *otvor* 'отверстие' (н.-луж. *wótwor*, ср. еще рус. *вор*, *вора* 'забор, ограда, изгородь').

Слово *otmut*, сопоставленное с рус. *омут* (в псковском диалекте наряду с синонимом *вур*), пол. *zamet*, *met*, полаб. **votmat*, в названиях местностей и водоемов, извлекаем из названия пустоши *Otmuzk*, упомянутой под 1267, из *Otmut-sk* между Обертау (Ober-tau) и Дёлькау (Dölkau) район Мерзебург в бассейне реки Вейсе Эльстер (Weiße Elster).

В топониме *Pretschén* район Люббен (Lübben) — 1004 *Mroscina* и *Pritschöna* около Халле — 1159/70 *Morozéne*, 1383 *Briczane*, сохранилось др.-луж. слово *mroka*, 'болото, сырость'. Ему соответствует укр. *мороква*, рус. *мерéча* 'топь, трясина' и т. д.

Др.-луж. слово *slotina* или *slotvina* (чеш. сл. *slatina* 'торфяное болото', диал. *slatvina* 'высокая трава на болоте', укр. *солбтвина* 'болото') в значении 'болото' находим в топонимах: *Schlettwen* около Энгерда (Engerda) район Рудольштадт — 1511 in *slottwen*, *slotwin*; *Schlettwein* около Пёснека (Pöbnesck) — 1346 *Slethewin*, 1412 *Slottewyn*, пустошь *Schlotwein* около Йены — 1322 *Slotewyn*, 1324 *Slotewin*; *Schlottwitz* около Гласхутте (Glashütte) район Пирна — 1404 *Slatewicz*, 1465 *Slotewitz*, 1548 *Schlottwitz*. Можно напомнить такое польское название ручья, как *Slotwina*.

Другое выражение значения 'болота, грязь' было связано, вероятно, с корнем **bren-* из **brъn-*. Ср. рус. *брене* 'глина, грязь, помет', др.-схр. *brna* 'помет, грязь', словен. *brna* 'ил'. Чешское слово *brnka* 'послед', приводимое Фасмером⁸ для сравнения, Махек⁹ исключает и предлагает другую этимологию. Тем не менее о существовании в западнославянских языках слова с корнем **bren-* < *brъn-* свидетельствуют польские названия ручья *Brenica*, *Brynica*. На наличие аналогичного слова в древнелужицком указывает топоним *Brehna* район Биттерфельд (Bitterfeld) — 1145 *Brena*, 1166 *Bren*, 1176 *Brenen*, 1177 *Brene* и т. д., вероятно, из **Bren-no*; *Brinnis* около Делича (Delitzsch) — 1350 *Bryniss*, *Brinniz*.

Среди слов, связанных со значением 'течение воды', назову еще следующие: *sopot* 'течение воды, канал' образовано, вероятно, от того же слова со значением 'чихание, сопение'; чеш. *soptiti*, *sopotiti* 'чихать', словен. *sopot* 'водопад, пар от кипятка'. Кроме обширного материала, собранного Ф. Безлаем¹⁰, в этой связи

⁸ M. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1953—1958 (под *брене*).

⁹ V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957 (под *brnka*).

¹⁰ F. B e z l a j. Slovenska vodna imena. II. Ljubljana, 1961, стр. 207.

можно привести название *Zopte* приток Локвица (Loquitz) район Заальфельд (Saalfeld) — 1497 die *Zopte*.

Слово **kurn-* (из **kʁn-*), вероятно, родственное чешскому *krně* 'жолоб, канавка' и не являющееся производным от немецкого, лежит в основе названий *Görna* район Мейсен — 1334 *Kyrnen*, 1368 *Kirnen* и *Kirnitzs*, правый приток Эльбы, впадающий около Бад Шандау (Bad Schandau) — 1410 *Kernitzsch*, 1445 *Kirnitz* в т. п. из **Kyrnica*.

Значение 'водоворот, омут' передавалось в др.-луж. не только словом *otmut* (см. выше), но и словом *vir* (идентично чешскому *vir*, польскому *wir*, являющему собою ступень перегласовки к *věřiti*; Махек¹¹ же соотносит его с *viti* 'вить'). В этой связи назовем: пустошь *Weiritz* северо-западнее Лейснига (Leisnig) — 1316 *Wyricz*, 1367 *Wiricz* из **Virica*; *Weira* юго-западнее Нейштадта (Neustadt/Orla) — 1350 *Wirow*, 1422 *Wiraw* из **Virov-* или **Virava*. Возможно, при определенных условиях в качестве народной этимологии могло возникнуть название *Wyhra*, левый приток р. Плейсе (Pleiße), тем более, что древнеевропейское происхождение этого слова гарантировать нельзя.

Название реки, упомянутое как *Wira* под годом 1104/5 и *Wyraw* — под 1114, перенесено на населенные пункты: *Wyhra* южнее Борна (Borna) — 1286 *Villam Wyraw* и *Ober-Wiera* северо-западнее Вальденбурга (Waldenburg) — 1254 de *Wira*. Возможно, в основе этих названий лежит форма **virava*.

От основы причастия настоящего времени **věřet-* глагола **věřiti* 'кипеть, варить' (чеш. *vřiti*, пол. *wrzeć*), представляющей собою ступень чередования к рус. *врутец*, схр. *vrutak* 'источник', образовано название пустоши *Wrentin* или *Brentin* около Мокриц (Mokritz) на Эльбе, район Торгау — 1283, 1291 *Wrentin*, 1380 von *Brentin*.

Указание на особенности водоема содержит, вероятно, др.-луж. *stifb-*, как об этом свидетельствует название ручья *Stirbile* 1122 в описании границ провинции Dobna¹². Этому соответствует современное название местности *Türbel*. Для выяснения значения этого слова ср. рус. *стёрбнуть*, 'крешнуть', ц.-сл. *стръбль* 'здоровый, крепкий', чеш. *strboul* 'клубень, шишка', в польском ступень чередования того же корня представлена в *po-strobić* 'укреплять'.

Ассоциация с запахом воды лежит в основе названий: *Murschnitz* — 1436 by *Morsnitz*; *Murschnitz* район Карл-Маркс-Штадт — 1551 *Mursnitz*; *Mürschnitz* около Зоннеберга (Sonneberg) — 1340 *Mirsnitz*, 1383 *Morsnicz*; ср. др.-чеш. *mrcha* 'труп, падаль', *mršina*, др.-пол. *marcha*.

¹¹ V. M a s h e k. Указ. соч. (под *vir*).

¹² E. E i c h l e r. Die Bedeutung der Oberlausitzer Grenzurkunde und anderer Grenzbeschreibungen für die slawische Sprachgeschichte. Lëtöpis Institut za serbski ludospyt X, z. 1, Rjad A, 1963, стр. 57 и след.

4. *Лес*. В древний период славянские поселенцы вторглись в лес прежде всего в качестве охотников. Этот факт можно считать доказанным¹³. В то же время некоторые местные названия указывают на такие виды деятельности древних славян, как корчевание, расчищение под пашню, пчеловодство, смоловарение и т. д. Приведем некоторые лесные термины.

Др.-луж. *drezga* из более древнего *drežg* в значении 'лес', по-видимому, было словом мужского рода, ср. н.-луж. *Drězg*, *Drjazg* м. р. для *Dreska* район Люббен и *Drössigk* район Лукау (*Luckau*), последний назван *palus Drezke* 1199. Другие примеры: 1364 *Dresk*, 1373 *Dresyk*, 1378 *Dresik* и т. д.; ср. также *Drenzig* северо-восточнее Губена — 1396 *Drenckk*, 1406 *Schidelosdrenczk*, и образование на *-jane* — *Drěžd'ane* (1206 *Dresdene* и т. д.), в.-луж. *Drježdžany*, чеш. *Drážd'any*. Сюда же относится *Drieschnitz* в районе Коттбус/н.-луж. *Drěžnica* — 1463 *Drysnitz*. Для сравнения приведем др.-чеш. *dříešče* 'ветвь, ветка', рус. *дрязг* 'хворост' и т. д. Упоминание о *palus Drezke* доказывает, что др.-луж. *drezg* — могло обозначать 'лес, прежде всего лиственный, на сырой почве'.

Как показывают топонимы, необходимо также считаться с существованием др.-луж. апеллятива *keń*, 'пень' и, возможно также, 'лес, бор' (прасл. **kъnъ*, **kъnъ*); ср. пол. *kien*, *kień*, *knieja*, 'пень', 'лес, бор, предназначенный для охоты и пчеловодства', рус. *кнея* 'изолированно стоящий, окруженный полями лес, редкий кустарник'. Примеры есть как в южнославянской, так и в западнославянской ономастике. Упомянутый апеллятив находим в составе названия *Knau* район Альтенбург — около 1150 *Knowe* и *Knau* около Пёснака ((Рёвнеск) — 1378 *Knae*, *Кнеуw*; исходная форма, очевидно, **Kъnovъje* ~ ***Knov'e*.

Др.-луж. *kyka* первоначально означало 'ствол, пень', а затем приобрело значение 'лес' (чеш., слц. *kyka*, др.-пол. *kika*). В местности Нора (*Nohra*), район Веймар, лес назван под годом 1378 — *Kik*, 1542 *der Kick*, 1880 *im Kickholze*; в этой же связи может быть приведен топоним *Gieckau* около Наумбурга — 1350 *zu dem Kicke*. Возможно, что от *kyka* произведено слово *kyčera*, которое определенно включено в состав названия населенного пункта *Kitzscher*, район Борна (*Borna*) — 1350 *Kiczter*, 1378 *Kiczschern*, и названия пустоши *Kizerin* (1039) около Бейдиц (*Beuditz*), район Вейсенфельс¹⁴. В Карпатах *kyčera* часто встречается в качестве названия лесистых и голых возвышенностей. Трудно судить о более точном значении этого слова в древнелужицком языке.

¹³ E. Eichler. Slawische Wald- und Rodungsnamen an Elbe und Saale. «Beiträge zur Namenforschung», 9, 1958, стр. 286—310.

¹⁴ E. Eichler, G. Hänse. Slawische Fluhrnahmen im Kreis Weimar. «Rudolstädter Heimathefte», 10, 1964, № 7, 8.

Для др.-луж. *korč* (по говорам возможно *kurč*) 'пень' (ср. др.-чеш. *krč*, пол. *karcz*, рус. *корч* и т. д.) примеры были приведены в другой работе¹⁵; назовем только 1143 *campus Kirtze* — современное *Kertzsch* в районе Глаухау. Здесь в др.-луж. *kyř* представлена замена *ѣг* > *уг*. Добавим еще н.-луж. топоним *Kurtschow* около Кроссена (Krossen) — 1437 *zen Kortczschow*, 1461 *Cortzow*, 1564 *Korzhoff* и т. д. с др.-луж. *-or-* (не *-ar-*).

Слово *trusk* 'хворост' (ср. рус. *трусск* 'треск, хруст, хворост', *друзг* 'хворост, тонкие ветки, сломанные ветром'; сюда же относится топонимическое чеш. *Truskov*, пол. *Truskawiec*) включено в название пустоши *Drauschke*, *Truskow* — 1114 *villa Truskow*, 1423 *Trauschkaw*, северо-западнее Вурцена. В составе топонима *Trauschwitz*, южнее Вейсенберга (Weißenberg) Верхняя Лужица — 1345 *Trußkowitz*, около 1485 *Trawschnitz* и т. д. Звук *-sch-* (*-š-*) восходит к слав. *-š-*: в.-луж. форма названия *Trušecy* является поздним преобразованием немецкого названия.

Слово *mort'*, возможно, в значении 'валежник' идентично др.-чеш. *mrt*, Gen. *mrti* 'валежник', также 'омертвевшее', 'мертвое существо'. Об этом слове свидетельствуют названия: *Mörbitz* к северо-востоку от Цшопау (*Zschorau*) — 1370 *Mortewicz*; пустошь *Morticz* 1260 около Раковиц (*Rackowitz*); тот же корень сохраняется в названии *Miertzbuch*¹⁶, вероятно, также в *Mörtitz* около Эйленбурга (*Eilenburg*).

Слово *čepor* 'пень' (ср. схр. *čepur*, *čaporak* и т. п. 'пень молодого дерева', рус. *чепу́рник* 'чаща, заросли') сохранилось в составе топонима *Zschöpperitz* около Альтенбурга — 1140 *Zioporice*.

Слово *korga* 'кривой брус', вероятно, соответствует русскому *корга́* 'кривые брусья, искалеченное дерево', а также 'затопленное в реке дерево'. Включено в состав топонима *Korga* около Швейница — 1377 *in ambobus Korgow*, 1420 *Corgow*, а также *Korgitzsch* у Бельгерн (*Belgern*) — 1350 *Korgacz* и т. д.

Слово *kors-* 'карликовое дерево', соответствующее чеш. *krs*, то же значение, пол. диал. *karślak*, 'низкое сучковатое дерево', включено в название пустоши *Kursitz* — 1133 *in Cursitz*, 1153 *Cursitz* в области реки Ильм (*Ilm*) вблизи пустоши *Kurswitz* около Альтенбурга (1181/1214, указатель податей монастыря в Босау).

Во всех славянских языках слово *trup* имеет значение 'пень' (значение 'труп' возникло позднее); ср. чеш., пол. *trup*; др.-рус. *трупъ* 'ствол дерева'. Возможно, это слово содержится в топониме *Truppen*, район Бауцена / в.-луж. *Trupin* — 1364/78 *Trupin*.

Слово *vyskyd'* является соответствием чеш. диалектному *výskyd'* 'сплетение корней у вырванного бурей дерева', рус. *выскидь* 'вырванное с корнем дерево'. Именно примеры из топо-

¹⁵ E. Eichler. Beifrage zur Namensforschung, 9, 1958.

¹⁶ E. Eichler. Flurnamen des Delitzscher Landes. Delitzsch, 1965.

номастики делают вероятным существование этого слова в древне-лужицкой области: в.-луж. *Wuskidź* к югу от Мускау (*Muskau* — в немецком варианте *Weißkeißel* — 1452 *Weißkeußel*, 1597 *Weißknessel*).

Др.-луж. *parěz* в значении 'пень' соответствует чеш. *pařez* (от *řezati* 'резать') и включено в топоним *Peres* около Гройч (*Groitzsch*) — 1150/70 de *Pores*; вероятно, также **porěz*.

Следующие слова тесно связаны с понятием расчистки поля под пашню путем корчевания;

čiftež 'корчевание' (ср. укр. *чертеж* 'пашня не месте уничтоженного леса') включено в название пустоши *Schirtiß* 1440 около Ольсница и образовано от корня **čьrt* — 'резать' (*čersti/čьrtь*):

gar или *gař* 'выжженное место' (ср. рус. *гарь* 'выжженное место в лесу', пол. *do-garki* 'пожарище', *do-garać* 'догорать', др.-чеш. *o-harek* 'огарок' и *do-háratí* 'выгорать', т. е. **gār-* наряду с **gor-*) включено в название *Gorēlica* (*Görlitz* и т. д.). В Нижней Лужице встречаются: *Gahre* район Коттбус (н.-луж. *Gar*, *Gary* pl., *Gařej*, -e) и *Gahro* район Лукау (н.-луж. *Gary* pl., *Gar*, 1545 *Garo*), а также *Sagar* район Кроссен (возможно, *Zagař* или *Zagaře*?).

Из названий деревьев, использованных в составе топонимов, можно назвать следующие.

Слово *brest* 'вяз' (чеш. *břest*, пол. *břzost*), преимущественно на востоке территории древнелужицкого языка: *Brestau* район Со-рау — 1381 *Brestau* из **Brestov-*; *Prestwitz* район Либенверда — 1457 *Brestewitz* из **Brestovica*.

Слово *bzež* 'сирень', представляющее собою сочетание **bъzъ* (в.-луж. *bóz*, н.-луж. *baz*) + суффикс *-ež-* (ср. выше *jarež*, *čiftež*), включено в топоним *Seese*/н.-луж. *Brež* район Калау (наряду с *Bzene*, -ego Adj. в области между Бургом и Штраулицем, и *Bzenica* — название одного из рукавов Шпрее в Шпреевальде): 1364 *Ses*, 1367 *den Sees*, 1415 *Seesz*, 1460 *vom Sesse*, 1459 *Seese*, *Sesse*, 1761 н.-луж. *Bžež*. Начальное сочетание *bz*, неизвестное немецкому языку, упростилось здесь в *s*.

Слово *čremš-/čremch-*, соответствующее др.-чеш. *třemcha*, соврем. чеш. *střemcha*, пол. *trzemcha* 'черемуха', 'крушина', представлено в названии *Schirmenitz* к югу от Бельгерна, район Торгау — 1130 *Sremsnize* название реки, 1290 *Schremsenicz*, 1311 *Schremzniz*, 1480 *Schirmschitz* из **čremšnica* и т. д., а также в топониме *Schrem-sche* около Шварца (*Schwarz*) район Рудольштадт — 1419 *sremse*, 1434 *βremße*, 1526/27 *auff der Schremsche*¹⁷.

В чешском языке *vetla* 'ветла' встречается только в составе топонимов (*Vetlá*); ср. рус. *ветла*, укр. *ветлина* 'плетень'. В древнелужицком это слово представлено в составе названий пустоши *Wetlen* (преобразовано в *Bethlehem*!) около Корбусена (*Corbußen*)

¹⁷ Н. Д е у б л е р, Е. Е и ч л е р. *Slawische Flurnamen im Kreise Rudolstadt*. «Rudolstädter Heimathefte», 7, 1961, № 1, 2.

район Альтенбург: 1384 ante villam *Wetlen*, 1533 wuste Acker *bethleem* genant; к этому можно добавить *Wettel* и *Bettel* Teiche. В применении к такого рода названиям можно исходить из слова **Vetlina* <прасл. **Vьtьlina*, идентичного украинскому *ветлина*. Исходную форму **vtelnica* <прасл. *vьtьlnica* (ср. чеш. топоним *Čtelno*) можно предполагать в названии ручья *Telniz*, встречаемом в описании границ монастыря Добрилуг¹⁸ (*Dobrilugk*) — 1199/1200; 1379 in die *Telniz*. Группа *vt*, фонетически может быть *ft*, не свойственная немецкому языку, упростилась в *t*.

5. Пчеловодство. Слово *bort'* или *bart'* (<бѣртъ), ср. др.-чеш. *brt* 'пчелиная колода', пол. *barć*, рус. *борть*, в составе топонима *Barzig* район Калау, н.-луж. *Barce* pl. около Зенфтенберга (*Senftenberg*) — 1403 *Barezk*, 1434 *Bartzk*. В структурном отношении *Bortewitz* около Вурцена (*Wurzen*) — 1284 *Bortuytz*, 1503 *Bortewitz*, как и *Börtewitz* около Лейснига (*Leisnig*) — 1220 *Bortwitz* ближе к *bort'* (**Bort'ovica*), чем к собственному имени **Boręta* или **Borota*. В именах собственных на *-t-*, как правило, выступают суффиксы *-ici* (тип *Boręfici*, у Титмара *Borintizi*, *Portitz* около Лейснига) или *-in-* особенно в Низанской провинции / *Gau Nisane* (тип *Borętin* > *Borthen* и т. д.), но не *-ovici*. Несомненно, что при применении структурного анализа возможность появления некоторых производных будет ограничена.

Слово *svepet* 'улей' как таковое в серболужицком языке утрачено (чеш. диал. *svapato*, пол. *świepiot*, рус. *свенем*). Об этом слове свидетельствует топоним *Schwerpnitz* район Каменц — 1387 *Swepe-tenyuz*; поздняя верхнелужицкая форма *Sepicy*, по-видимому, является сокращением исходной формы **Svepet'nica* (?)

В современном серболужицком языке нет слова *děnka* 'улей': ср. др.-пол. *dzianka*: *mellificia vulgariter dzianki*. Об этом слове, пожалуй, свидетельствует топоним *Denkwitz* около Нерхау (*Nerschau*) — 1378 *Dengkewicz*, 1421 *Denkewicz*, а также *Denkwitz* район Бауцен / в.-луж. *Dźenikecy*, *Denkwitz* около Глогау (*Glogau*) в Силезии — 1385 *Denckewiz*.

Два следующих слова, первоначально означавшие 'дупло', несомненно, имели отношение к пчеловодству. Первое — *dul*, соответствующее рус. *дуль* 'дупло', *дуло*, *дулеть*, 'гнить' и первоначально, вероятно, имевшее значение 'выдолбленный'. Это слово включено в название пустоши в районе Торгау — 1378 *Důlczk* и едва ли идентично названию *Dol'sk* от *doł* 'долина'; гласный *u* свидетельствует против толкования этого топонима через *doł*. Второе из упомянутых слов¹⁹ — это *dupl'a* (чеш. *doupa*, *doupě* 'отверстие', пол. *dupel* 'отверстие в дереве', *dziupla* 'дупло',

¹⁸ E. Eichler. Die Bedeutung der Oberlausitzer Grenzkunde... *Lětopis* X, A, стр. 71.

¹⁹ H. H. B i e l f e l d t. *Zeitschrift für Slawistik*, VII, 1962, стр. 590.

схр. *duplja* 'отверстие в дереве'). Об этом слове свидетельствуют: 1401 *Duplitz*, XV в. in deme *Duplicz*, under deme *Dupelicz* — название местности около Хаммерштадта (Hammerstadt/Hohlstadt) район Веймар. По-видимому, здесь представлен *l-epentheticus* (**dupja*).

6. *Фауна*. Привожу два слова, связанных с фауной: *gogol'* 'утка' (ср. пол. *gogol'* 'Clangula glaucion', др.-чеш. *hohol*, реконструируемое на основе имени собственного 1143/48 *Hohol* и представленное в топониме *Hoholov*, рус. *гоголь*) включено в *Groß-Klein Gaglow* н.-луж. *Gogolow* и *Gogolowk* район Коттбус — 1486 zu Grossen und kleinen *Goglow*, 1502 zu Grossen vnnnd Kleinen *Gaglo*; *luň* 'хищная птица' (ср. чеш. *luňák* 'коршун-курятник', др.-чеш. *luňík*, рус. *лунь*, словен. *lunj* 'болотный лунь') включено в *Leune* около Мерзебурга — 1169 villa *Lunowe*, 1330 *Lunowe*, 1344 *Lunow*, вероятно, из **luňovo*.

7. *Рыбная ловля*. Сами по себе названия рыб редко дают повод для топонимического исследования. Тем не менее др.-луж. *kolb'*, вероятно 'пескарь' (пол. *kielb*, Gen. *kielbia*, рус. *колбь*, *колба*), можно видеть в названии пустоши *Kolba* около Маркранштадта (Markranstädt) — 1285 *Colbowe*, а также в *Colba* около Нейштадта (Neustadt/Orla) — 1350 *Kolbe*, 1422 zou *Kolben*.

Слово *ryba* 'рыба' лежит в основе топонима *Reibitz* район Делич (Delitzsch) — 1222 *Rywitz* и т. п.

Из письменных источников можно извлечь некоторые названия рыболовных снастей. Так, др.-луж. *jěz*, 'запруда для ловли рыб' (чеш. *jěz*, рус. *яз* и т. п.) свидетельствуется записями: 1324 una piscatura, quae vocatur *Geze*, 1382 prenominala captura piscium, que *Jeze* nominatur, 1361 dy egenante fyschereye... is sy *ihlzen*, adir vach; ... dy vach vnd by *ihzen*.

Слово *prevor-* 'запруда для ловли рыб' (н.-луж. *pšewor* или *pšewora*, др.-рус. *перевора* 'ограда') из окрестностей Губена (Starostei Krebsjauche): 1416 abir *phsrewor* und were sullin sy uf dem unsern nicht machin...

Слово *mřeža* 'рыбная сеть' (чеш. *mříže* 'решетка', моравско-силезское *mřeže* pl. 'вид рыболовной сети', пол. *mrzeża*) можно видеть в *Briese* (юго-восточный Бранденбург): 1433 zu houfe fischen mit *bryßin* hamen und wafen.

В документах административной службы Либенверда под 1505 г. в форме *zwy* засвидетельствовано н.-луж. слово *swij* (в.-луж. *šweja*, *šwěja* 'бочка для рыбы'). В этом случае в.-луж. изоглосса достигла области Либенверда; в этой связи ср. еще в.-луж. форму названия *Hajk* для *Wahgenbrük* около Либенверда, засвидетельствованную в XVI в., так же, как средненемецкое *Putschken* pl. 'тыквенные зерна' в Грюневальде (Grünewalde),

в противоположность *Razken* 'в том же значении', основанное на в.-луж. *róčki*, а не на н.-луж. *racki*²⁰.

8. *Пути сообщения*. Указание на пути, связывающие селения и местности, содержат, по-видимому, следующие слова.

Слово *choza* 'дорога', в отличие от в.-луж. и н.-луж. восходящее к прасл. *chodja* (др.-чеш. *chóžě*, ср. *chůze*, *schůze* 'дорога', пол. диал. *chodza*), включено в название пустоши 1205 *Choza*, позже *Gose* к северо-западу от Мейсена.

Слово *čěsta* также выступало в значении 'дорога'. В чешском (*cesta*, др.-чеш. *čěsta*) оно первоначально означало 'проход в чаще'. Об этом слове свидетельствует топоним *Zehista* район Пирна на старой славянской территории Нисана (*Nisana*) — 1355 *Zceyst*, 1378 *von der Czest*, 1458 *zeur Czehest*.

Др.-луж. слово *port* 'тропинка' (чеш. *pří*, диал. *pirt*, *pyrt* 'овечья тропа', пол. *perć*, диал. *pyrc* и т. п.), вероятно, лежит в основе названия *Pörthen* (Groß-, Klein-) около Цейца (*Zeitz*) — 1121, 1151 *Portin*.

Слово *tor* 'путь, дорога' (чеш. диал. *tor*, пол. *tór*, рус. *тор*, пол. *zator* 'засорение, разлив реки', пол. топоним *Zatory*, чеш. *Zátory*) включено не только в название канала *Tory* в Люббенер Шпревалд (*Lübbener Spreewald*), но и в название населенного пункта *Dornitz* к северо-востоку от Кённерна (*Könnern*) — 1317 *Torfsjitz*, 1381 *Torricz*, 1477 *Torritz*, затем 1484 *Tornitz* по аналогии с *Dorna* и *Tornau*.

Слово *preval* (чеш. *převal* 'каменная гряда', рус. *перевал*) включено в *Prüfern* около Дебельна (*Döbeln*) — 1334 *Prewol*, 1378 *Prewal*.

Неясно значение слова *usmyk* (ср. н.-луж. *smyk* 'удар, толчок', *smykaś* 'тащить, волочить', *smykty* 'скользящий', *smyklina* 'скользякость, гладкость', возможно (по В. Флейшеру)²¹, 'узкое место, где можно проскользнуть'. Это слово лежит в основе названия пустоши *Ausmick* к юго-западу от Дрездена — 1350 *Uzmik*, 1361 *Vzmig*, около 1370 *sub Vsmik* и т. п. Русское слово *смык* может иметь значение 'преграда из дерева, кустарника' (к тому же топонимы *Смык*, *Смыково*). В этой связи ср. название пустоши *Schmeitzen*, *Schmitzen* около Цвенкау (*Zwenkau*) район Лейпциг — 1350 *Smitzen*, 1378 *Smiczin*, 1497 *Smytzschen*.

9. *Некоторые другие значения*. Несколько слов по своему значению непосредственно связаны с областью общественных отношений в славянской деревне.

Слово **обвьс* точно соответствует чеш. *obec* 'община' от *obecný* 'общий', рус. *обчий* из прас. **obytj-*. Именно таким образом,

²⁰ Об этих словах см.: E. Eichler. Etymologisches Wörterbuch der slawischen Elemente im Ostmitteleutschen. Bautzen, 1965.

²¹ W. Fleischer. Namen und Mundart im Raum von Dresden. I. Berlin, 1961, стр. 16.

видимо, следует объяснить топоним *Oppitzsch* около Штрела (Strehla) — 1207/10 *Obciz*.

Слово *nedělišče* 'общественное достояние, неразделенная земля' содержит указание на общинный способ ведения хозяйства в феодальной деревне; ср. др.-чеш. *nediel*. С этим словом связано название *Nödlitz* около Вейсенфельза со вторичным -ö-: 1300 *Nidelis*, 1350 *Nedelist*, *Nidelist*, 1378 *Nedelist* и т. д.

Назовем несколько слов, употреблявшихся для обозначения пашни. Прежде всего, это — *ofnica* (к *orati* 'пахать'); ср. чеш. *ornice*. Это слово находим в топониме 1733 *über der Ornitzen* около Сольнитц (Söllnitz) район Веймар.

Слово *płosa* 'поле, нива' (чеш. *plasa*, пол. *płosa* 'местность, поле', рус. *полоса* 'пашня') лежит в основе топонима *Plößnitz* к северо-востоку от Халле — 1271 *Plozniz*.

В области Хутици (Cutici) известно название *placht*' (<*plachъть*), приблизительно означающее 'разделенный участок поля' (др.-пол. *s-placheć* 'лоскут, тряпка', кашуб. *plaché* 'кусочек, клочок'). Это слово можно предполагать в немецких названиях полей, где указание на часть играет большую роль. Ср. *Plagwitz*, возникшее в Лейпциге — 1446 *Plachtewicz*, *Plochtwitz*, 1468 *Plochtewitz*, 1496 *Plochwicz* сюда же относится название пустоши 1539 *Placktitz*, а также *Plagwitz* около Вурцена — 1449 *Plachticz*.

Слово *ulog* 'поле под паром' (чеш. *uloh*), несомненно, содержится в топониме *Auligk* южнее Пегаяу (Pegau) — 1210 *Vlok*, 1367 *Vlag*, 1416 *Vlagk*; пример оглушения конечного *g* в *k*. Слово *ulog* близко русским *лог* 'долина овраг', *залог*, *перелог* 'поле под паром' (*leg-/log-* 'лежать').

Слово *prišer* или *prešer* / -šir (от *šir-* 'широкий', в.-луж. *šěroki*, *šěř*, н.-луж. *šyroki*), относящееся к разделу сельскохозяйственной терминологии, лежит в основе следующей группы названий:

Priester около Лобеина (Löbejin) район Заале — 1288 *Prezer*, 1371 *Prizzen* со вторичным *n*, 1405 *Prester* с аналогическим уподоблением средненижненемецкому *prester* 'священник'; *Priester* около Эйленбурга — 1395 *Prysser*, 1450 *Prisser*; *Priessa* около Ломмача (Lommatsch) — 1390 *Prieser*, 1539 *Brissa*.

Указание на единицу измерения содержится, вероятно, в названии пустоши *Spudewiz* (позже *Spauditz* и т. п.), упомянутом под 1251 в документах Мюльберга (Mühlberg). Это слово соотносится, вероятно, с др.-пол. *spąd* рус. *снуд* 'четверик'; в этой же связи может быть приведено название *Spandau* около Берлина. Впрочем, в качестве исходной формы не исключено и собственное имя* *Spud*.

В древнелужицком языке имелся апеллатив **stob*; ср. др.-рус. *стоборие* 'колоннада' собират., болг. *стобор* 'решетка, забор', лит. *stabaras* 'хворост', лат. *stabs* 'столб'. В этой связи назовем следующие топонимы из области Мульды и Заале: *Stöbnitz* юго-

восточнее Кверфурта (Querfurt) — 1350, 1499 *Stobencz*; *Stöbnitz* у Альтенбурга — 1336, 1378 *Stobenicz*; *Stöbnig* севернее Рохлица (Rochlitz) — 1350 *Stoben maior*, 1352 *Stobenik*, 1445 *Stobenick*, вероятно, из **Stob'nik*; наконец, *Stöben* юго-западнее Наумбурга — 1350 *Stobe*, *Stoben*. Левый приток р. Гейзель (Geisel), протекающей в Заале, называется *Stöbnitz*; это название связано с вышеупомянутым названием *Stöbnitz* около Кверфурта. К сожалению, отсутствуют древние письменные свидетельства этого слова. Более обширный материал в этом плане может предложить Р. Траутман²².

Среди слов, связанных с культовыми понятиями, лишь очень немногие использованы в топонимах. Название правого притока р. Хемниц (Chemnitz) — 1174 *Wrosiniza*, 1285 *Vrose*, может быть соотнесено с *vrož-* (прасл. **vorg-*); ср. пол. *wróżyć*, чеш. *vražiti* 'ворожить, колдовать', словен. *vražiti* 'ворожить', рус. *ворожить*. Возможно, сюда же относятся такие чешские названия полей и селений, как *Vráž*, *Vrážná*, а также встречающееся в составе русских названий водоема **vorg-*. Буква *s* в написании *Wrosiniza* скорее всего отражает древнелужицкое *ž*. Предпринимавшиеся ранее толкования этого слова противоречат условиям звуковых изменений как в части консонантизма, так и вокализма: напомним др.-луж. *vres* 'вереск', *breza* 'береза', *vrěti* 'кипеть' и *brot* 'Rubia tinctorum'. Наиболее вероятной исходной формой интересующего нас слова является **Vrožnica*²³. Это слово дошло до нас из времен языческого культа дохристианского периода.

С распространением христианства в древнелужицкой языковой области связаны слова:

др.-луж. *cirky* 'церковь' (в.-луж. *cyrkej*, диал. *cerkej*, н.-луж. *cerkej*, *cerkuj*, пол. *cerkiew*, чеш. *církvev*, рус. *церковь* из гот.-арийск. **kirikō* или др.-бавар. *kirkō*, 'церковь') сохранилось в составе топонима *Zerkwitz* около Люббенау — 1315 *Cyrkewicz*, 1503 *Czerkwitz*; в названии пустоши *Zerkwitz* в Ангальте (Anhalt) и *Serkowitz* северо-западнее Дрездена — 1315 *Zerakuicz*, 1337 *Cerkwitz*, 1378 *Circuwicz* и т. д. Топоним *Tschirkau*, район Торгау, Трубецкой²⁴ также пытался возвести к др.-луж. *cirky* и тем самым доказать, что др.-луж. *s* и *š* совпали уже в раннем периоде, а нижнелужицкое цоканье, таким образом, восходит к праславянской эпохе. Однако этот топоним не имеет доказательной силы, поскольку его связь с *cirky* не доказана. Во-первых, в отдельных случаях

²² R. Trautmann. Die Elb- und Ostseeslawischen Ortsnamen. Teil II. Berlin, 1949, стр. 95.

²³ E. Eichler. Lětopis, Rjad C, 1964, № 6/7 (Festschrift für Friedrich Sieber), стр. 22.

²⁴ N. Trubetzkoy. Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen. Сборник в чест на проф. Миялеч. София, 1934, стр. 275.

как это показал Флейшер²⁵, надо учитывать возможность такого явления, как изменение $z > t\check{s}$ в немецком языке; во-вторых, это же название могло возникнуть как притяжательное образование на *-ov-* от имени собственного *Čir-k* (ср. чеш. *Čirek, čírek, čírka*, н.-луж. *cyrka* 'церковный'). Под 1381 годом в земле Сорау упомянут топоним *Czirkaw*, который, по-видимому, соответствует *Tschirkau*.

Другое слово со значением 'церковь' — *kostel* лишь однажды зафиксировано в славянском названии для *Altenkirchen*, район Альтенбург — 1140 *que lingua rustica Altenkirkin lingua vero patria Ztarecoztol vocatur*. В чешском есть слово *kostel* (отсюда пол. *kościół*) и топоним *Kostelec*. По мнению Махека²⁶ в чеш. *kostel* имеем народное преобразование лат. *castellum* (ср. еще *casterum*). Церкви строились преимущественно в пределах города; светская и церковная область управления часто совпадали. Поэтому церковь, построенная в *castellum* (иначе слав. *cirky*), легко могла быть названа *kostel*. Древнелужицкое название *kostel* надо рассматривать как свидетельство связи Лужицы с Чехией. Однако из написания *coztol* нельзя заключать о наличии перехода $e > o$ в древнелужицком.

СПИСОК РЕКОНСТРУИРОВАННЫХ В СТАТЬЕ ДРЕВНЕЛУЖИЦКИХ СЛОВ

bort'	gogol'	kyčera	otliv	slot(v)ina
bren-	gomol'a	kyka	otmut	sopot
brest-	griva	kyrn-	otvar	stifb-
bzež	gruda	luń	parěž	stob
cěsta	choza	mogyla	peleš	stodor
cirky	jarež	morš-	ples(o)	strup
čepor	jerež	mort'	plosa	svepet
čírtež	jěz	mreža	porch	tor
čremch-	keń	mroka	port'	trup
čremš-	kles-	navłok	prešer	trusk
děńka	kołb'	nedělišče	prevał	usmyk
dorst-	korč	obc-	prevor	ułog
drezga	korga	obłok	prilěp	vetla
dul-	kors	okrugly	prišer	vir
dupl'a	kostel	opłoz	ryba	vroč
gar/gař	kujava	ořnica	sleme	vřet-

²⁵ W. Fleischer. Ostmitteldeutsch *Fritz (e) — Frit(z)sch(e)* und physiologisch bedingter Lautwandel an der Peripherie des phonologischen Systems. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 81. Halle, 1959.

²⁶ V. Machek. Указ. соч. (под *kostel*).

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СОРАБИСТИКИ

А. Е. Супрун

(Фрунзе)

Хранящиеся в Рукописном отделе Института литературы АН УССР им. Т. Г. Шевченко в Киеве многочисленные документы и материалы архива О. М. Бодянского¹ позволяют дополнить и уточнить имеющиеся у нас сведения об одном из ранних этапов развития русской сорабистики, связанном, в частности, с именами О. М. Бодянского и его ученика Е. П. Новикова².

Среди бумаг О. М. Бодянского представляют интерес записки Сергея Строева, датированные маем 1838 г., в которых перечисляются отысканные последним в ряде европейских библиотек (Париж,

¹ После смерти О. М. Бодянского его вдова продала библиотеку букинистам, но в ней почти не было рукописей. Позже известный ростовский собиратель рукописей А. А. Титов купил значительную часть бумаг О. М. Бодянского (см. Н. П. Василенко. О. М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии. Киев, 1904, стр. 194 — оттиск из журнала «Киевская старина»). А. А. Титов перешел приобретенные им рукописи, значительную часть которых составляли письма к Бодянскому, в конволюты по тематическому, хронологическому принципу, по авторам писем, что, впрочем, до конца не было соблюдено. Небольшая часть материалов архива О. М. Бодянского была опубликована А. А. Титовым в 80—90-х годах (см. библиографию в кн. Н. А. Кондрашов. Осип Михайлович Бодянский. М., 1956, стр. 74—75). Затем архив находился в Рукописном отделе Музея древностей Ростова Великого, а позже попал в АН УССР. Это связано с тем, что Бодянский, как известно, был не только ученым-славистом, но в молодости писал стихи на украинском языке, а также сыграл немалую роль в собирании украинского фольклора. Археологическая (меньшая) часть архива хранится в Институте археологии АН УССР (см.: Н. Р. Кавецька. З архиву О. М. Бодяньско-го. «Радянське літературознавство», 1958, № 4, стр. 85). 158 конволютов составляют фонд 99 в Рукописном отделе Института литературы АН УССР им. Т. Г. Шевченко. Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудников отдела, любезно предоставивших мне возможность ознакомиться с материалами этого фонда, и особенно А. М. Полотай, обратившую мое внимание на архив О. М. Бодянского.

² См.: С. Б. Бернштейн. Русское славяноведение о серболужицких языках. «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963.

Берлин, Дрезден, Будышин и др.) славянские рукописи (ф. 99, № 206(4308), лл. 129—133)³. Среди этих рукописей и старопечатных книг названы и серболужицкие. В рукописи, описанной под заголовком «Русские фразы и слова», после характеристики записей Теодора Шроне 1546 г. отмечено, что «на лл. 119—124 находятся медицинские Kräuter по Латыни, Немецки и Вендски (Wendisch), писано durch M. Albinum Mollerum Hraupieren... Lusatium anno 1582» (л. 132 об.).

Среди бумаг О. М. Бодянского сохранилось и много других, свидетельствующих о его интересе к серболужицким языкам, словесности, истории. В частности, об этом интересе свидетельствуют конспекты двух серболужицких грамматик, сохранившиеся в архиве ученого. Это «Сербско-верхнелужицкая грамматика по Сейлеру» (ф. 99, № 10, лл. 73—80) и «Grammatica Linguae Serbicae» Яна Юрия Ганчки (ф. 99, № 206 (4308), лл. 134—137 об.). Грамматика Ганчки не была напечатана, она так и осталась в рукописи, датированной 1768 г.⁴, поэтому следует полагать, что конспект этой грамматики был составлен Бодянским во время его заграничной командировки в 1837—1842 гг. Вместе с этим конспектом хранятся и еще некоторые выписки по серболужицкому языку в частности — словарные, взятые, видимо, из словарика, приложенного к труду Ганчки (ф. 99, № 206, лл. 133, 138, 139, 141), и из итогов переписи населения (лл. 142 и 144).

Интерес О. М. Бодянского к лужицким сербам выразился и в том, что, составляя план путешествия по славянским землям, он включил в него посещение серболужицкой территории. Однако биографы О. М. Бодянского до сих пор не имели точных данных о том, был ли осуществлен этот план. И. И. Срезневский, не полагаясь, видимо, на свою память, писал спустя 35 лет после встречи с Бодянским: «Он прибыл во Вратиславль (Бреславль) в исходе апреля 1842 г. и оттуда думал поехать в Лужицы (разрядка моя. — А. С.); но прежде этого решил заняться во Вратиславле. Здесь почти до конца лета, под самый конец путешествия мы сошлись с ним, когда и он и я перед возвратом на родину имели в виду только некоторые из польских местностей»⁵. Эта встреча произошла, по-видимому, в середине августа 1842 г., так как И. И. Срезневский уехал в Бреславль из Кракова 5 августа 1842 г., а в том же августе О. М. Бодянский и И. И. Срезневский успели уже попасть и в Варшаву⁶. Из воспоминаний И. И. Срезневского следует, что при их встрече О. М. Бодянский уже не имел перво-

³ Здесь и далее при ссылках на архив О. М. Бодянского в Киеве указывается фонд, номер тома по нынешней нумерации (иногда в скобках — старый номер тома) и листы.

⁴ См.: R. Jenč. Stawizny serbskeho pismowstwa. Budyšin, 1954, стр. 208.

⁵ И. И. Срезневский. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. «Сборник ОРЯС ИАН», т. XVIII, № 6. СПб., 1878, стр. 35.

⁶ И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 318 и 328.

начального плана посетить Лужицы, однако неясно, был ли этот план осуществлен до встречи. Из хранящихся в киевском архиве Бодянского материалов можно заключить, что поездка к лужицким сербам состоялась не позже июля 1842 г. Во время этой поездки О. М. Бодянский, вероятно, сблизился с выдающимся серболужицким деятелем просвещения и литературы Яном Арноштом Смолером (на русский лад последний называл себя Иван Иванович Смоляр), познакомиться с которым он мог в Бреславле, где Смолер учился у Челаковского⁷. 20 июля 1842 года Смолер писал Бодянскому: «После Вашего отъезда я задержался еще несколько дней в Будышине», что можно понять как указание на то, что Бодянский уехал именно из Будышина (ф. 99, № 80, л. 62—63).

С этого письма между московским славистом и серболужицким просветителем завязалась переписка, продолжавшаяся с перерывами до конца шестидесятых годов. В архиве сохранилось несколько десятков писем Смолера к Бодянскому, значительная часть которых, правда, — деловые письма по поводу приобретения Бодянским через книжную лавку Смолера и Пеха литературы. Однако ранние письма Смолера, относящиеся к сороковым годам, и отдельные более поздние письма представляют немалый историко-культурный интерес.

Смолер сообщал своему русскому другу о ходе издания собрания серболужицких песен, извещая о выходе очередных тетрадей этого собрания, выражал сожаление, что издатель отказывается приложить к собранию словарики, писал о планах нового издания песен со словарем (ф. 99, № 80, л. 115; № 96, л. 88 об.; № 99, л. 108). В письмах — возможно по просьбе Бодянского — Смолер приводил образцы серболужицких песен. Сообщая о состоявшемся 7 октября 1845 г. в Будышине празднике лужицкой песни, Смолер послал написанную по-немецки статью об этом празднике и о серболужицкой народной поэзии с приложением нескольких песен и просил Бодянского помочь в ее опубликовании в одной из русских газет (ф. 99, № 96, лл. 84—85, л. 89 об.). В январе 1846 г. Смолер благодарил Бодянского за то, что последний передал эту статью в печать, и просил прислать русские песни с нотами, с тем чтобы разучить их к следующему празднику (там же, л. 86). С интересом Бодянского к серболужицкому народному творчеству связаны и листки с текстом и переводом 11 серболужицких песен и несколькими пояснениями к ним, озаглавленные «Простонародные песни славян в Нижней Лузании» и подписанные Бодянским; эти песни были заимствованы из публикации Челаковского в «Часописе чешского музея» за 1830 г. (ф. 99, № 176 (4329) лл. 197—201).

Вполне закономерным поэтому является использование сборника серболужицких песен, изданных Смолером и Гауптом, в пре-

⁷ Ср.: R. Jenč. Stawizny serbskeho pismowstwa. Budyšin, 1954, стр. 208.

подавательской деятельности Бодянского. Среди многочисленных студенческих работ, составляющих несколько конволютов в архиве Бодянского, имеется целый ряд студенческих сочинений, посвященных переводу и грамматико-этимологическому анализу отдельных песен сборника. Большая часть таких работ состоит из русского подстрочного перевода одной, двух или трех песен и пословного разбора серболужицкого текста. Среди полутора десятков таких сочинений (аналогичные сочинения имеются в архиве Бодянского по материалам Караджича, некоторым чешским и польским песням) интересен, между прочим, поэтический перевод песен, сделанный студентом Л. Ржечевским на польский язык (ф. 99, № 209, лл. 212—216; другие студенческие сочинения см.: ф. 99, № 208, лл. 32—47; 48—57; 132—137; 218—224; 225—230; № 211, лл. 13—24; № 209, лл. 102—106; 110—111; 126—136; 358—363; № 210, лл. 139—145; 182—191; 192—194; 292—299; 300—303; 523—529; № 214, лл. 167—174; 297—314).

Однако Бодянского интересовали не только серболужицкие песни, что вполне естественно, если учесть его увлечение славянским народным творчеством — тему его первой диссертации. В архиве московского слависта сохранились и другие выписки из лужицких текстов, в частности, письмо группы серболужицких деятелей (в числе которых Эренфельд) Коллару (ф. 99, № 206, лл. 151—152), выписки из старопечатных серболужицких библии (Быт. I, 1—31)⁸ и евангелия (Ио. I, 1—28) и др. (ф. 99, № 206, лл. 145—150).

Живой интерес проявлял Бодянский к серболужицкой лексикографии. Видимо, он спрашивал мнение Смолера о серболужицком словаре Йордана. В ответ на этот вопрос Смолер писал 5.IX.1844 г.: «Словарь Йордана-Лужана был бы вполне хорошим, если бы он был полнее. Но и так он мне очень нравится; поскольку он будет к новому году готов, наши братья-славяне смогут гораздо легче читать сербские новости. Йордан в словаре почти ничего не делал, почти все делал Лужан, а то, что сочинил Йордан, полно ошибок» (ф. 99, № 99, л. 108).

Видимо, при личных встречах Бодянского со Смолером речь шла не только о небольшом немецко-серболужицком словаре Смолера, выход которого автор отметил в письме от 28.XII.1843 (№ 80, л. 115), но и о большом словаре, подготавливавшемся Смолером. О ходе работы над этим словарем Смолер несколько раз сообщал Бодянскому. 25 января 1844 г. Смолер писал: «С Челак-ковским, который мне помогает, мы наметили, как следует издать наш сербский словарь, и, между прочим, установили, что каждое слово проставить и русскими буквами» (ф. 99, № 96, л. 88). Эту русскую транскрипцию серболужицких слов Смолер обсуждал

⁸ Впрочем, у Бодянского, судя по записке к нему Е. П. Новикова от 11.XI.1849, имелась какая-то нижнелужицкая библия (ф. 99, № 112, л. 22).

с Бодянским. В одном из писем он, например, благодарил Бодянского за замечания по поводу русского написания некоторых серболужицких слов (письмо от 16.I. 1846, ф. 99, № 96, л. 87), а одно большое письмо было полностью написано Смолером специально приспособленной русской азбукой как образец того письма, которое предполагалось использовать в словаре. Вот отрывок из этого письма: «Я на своимъ словнику ставиѣ пилиѣ ѣѣлам, а покладѣ Сѣрбскихъ слововъ со въ моихъ збѣркахъ ѣень вотѣ дня пристоля. Витана складносѣ е ми то, зо мѣй нанѣ а восмиѣ друзи вучеріѣ за мне господарске а ремѣсѣльниске поменованія, котрѣжъ ма Йорданѣ—Лужановы словникъ в яра шпатнай личбѣ, згромаѣуя...» /ф. 99, № 99, л. 108/.

Среди записей Бодянского есть целый ряд листков с выписками отдельных серболужицких слов, что тоже свидетельствует об интересе ученого к серболужицким словарям. Неудивительной показалась поэтому находка в архиве О. М. Бодянского рукописи начальной части серболужицкого словаря, который составил ученик Бодянского, автор первой русской монографии по серболужицкому языку Е. П. Новиков.

Этот словарь был подготовлен Новиковым еще в студенческие годы. Бодянский помечает на первом листке: «Генваря 10 го 1845 г. въ среду». Рукопись /ф. 99, № 222 /4280/, 93 л./ носит заглавие «Словарь Сербо-Лужицкого наречия студента I-го отделения философского факультета Евгения Новикова» и состоит из переплетенных /вероятно, Титовым/ вместе тетрадей /лл. 1—18: А — Н; лл. 19—37: Н — Кл. 38—54: Kh — L; лл. 55—73: L — N; лл. 74—93: N — P; на третьей тетради, л. 38 заголовок: «Словарь Сербо-Лужицкий»/. В словаре Новикова, составленном по материалам первого тома сборника песен Гаупта и Смолера, дан перевод и приведены примеры употребления примерно полутора тысячи слов от А до Р. Каждая статья содержит указания на места, в которых данное слово встречается в сборнике, приведены примеры; словарь построен по гнездовскому принципу — после абзаца с основным словом следуют абзацы—статьи о производных словах. Приставочные образования приводятся в словаре дважды. Хотя рукопись представляет собою чистовик, в ней оставлены большие поля и местами на эти поля внесены дополнения: слова, указание на места и под. Для того, чтобы показать, что представляет собой словарь Новикова, лучше всего привести примеры нескольких словарных статей, различных по своей полноте и характеру:

Bojazny 'трусливый, боязливый'; *ne bojazny* 'бесстрашный', 298, заглавие.

Boju so 'боюсь'; *boju so šerenja* 'боюсь привидения' 101, 15; 273, 84; 321, 18.

Bók 'бок, сторона' 161, 1; *njetk mam će po prawym boku* 'теперь ты у меня по правую сторону' 263, 1; 285, 1; 287, 56; *jab'učka*

najenym boku čerwene, na druhim zelene 'яблоки на одной стороне красные, на другой зеленые', 299, 19, 20; 114, 6; 120, 62.

Bórs (Bursche); *prošu młoda bórsa* 'прошу молодых парней' (Burschen) 50, 139.

Jejko 'яичко'; *znesla kačka džewec jejkow* 'снесла утка девять яиц' 219, 1; *kokoš praji: jejko znak* и т. д. 227, 4;

Koža 'кожа'.

Krawy 'кровавый'; *wóše mjestačka wulke znamjo, krawy meč*; *na čo toń krawy meč pokazuje?* 'выше города (над городом) великое знамение, кровавый меч; на что указывает (что предвещает) этот кровавый меч?' 288, 13, 14, 19; *predy nej, šitka trawa sknješe, zađu nej' džechu krawe stopy* 'перед нею вся трава высыхала, за ней шел кровавый след' 290, 19, 20, *krawy mečik* 'кровавый меч' 1, 56.

Slubić 'обещать'; *sydałoj tam dwaj młodej, taj staj jej slubiłoj swojej być* 'сидело там двое молодых, те обещали друг другу своими быть', 43, 3, 4; *mój luby je mi slubił zaso pšinc* 'мой милый обещал мне назад воротиться' 43, 24; *ja sym lubemu slubiła zo'cu jom swjerna być* 'я милому обещала, что хочу ему верной быть' 47, 7, 8; 47, 59; 72, 12; *tón najreńši, tón najmłodši, kiž sredža sedžeše, tón žentwu slubi* 'самый лучший (примечание на полях: что в середине сидел), самый младший, тот мне руку обещал' 79, 5, 6, 7; 134, 15; *nedawaj, holička, horde słowa, ty sy mi mólička slubena* 'не говори, девица, гордых слов; ты мне еще маленькая обещана' (на полях: 86, 23, 24); в отношении к супружеству *slubić* значит помолвить, обещать; *škoda tebe holička, zo sy rajtarej slubena* 'жаль тебя, девица, что ты всаднику обещана, за него помолвлена' 121, 17, 18; *slubena* 'помолвленная, обещанная' 255, заглавие; *mój pawoženja Jezus je; tom' sym ja hižom slubena* 'мой жених Христос, я ему давно уже обручена' 293, 26, 27; отсюда существительное *slub* 'обещание, обет, помолвка'; *nehledaj, holička, lubčko, ton je mjeł' sera z drugej slub* 'не жди, девица, милого; у него вчера была помолвка с другою' 134, 17, 18; *na slubi je garak robuł* 'на помолвке ворон побыл' 273, 9; *zo 'se być jeho newesta, chćeńey slub je sčiniła* 'она положила обет при крещении, быть его невестой' 293, 16. Еще существительное *slubowanjo* 'помолвка', см. 276, 99 (ф. 99, № 222 (4280), л. 3, 32, 46, 47, 59 об).

Серболужицкий словарь Е. П. Новикова не был издан. Но, по-видимому, он использовался как Бодянским, так и самим Новиковым в процессе подготовки его известной монографии. Так, в записке от 10.VI.1848 г. Новиков писал Бодянскому: «Посылаю Вам первую часть моей пресловутой диссертации... Если бы Вы могли мне с этим посланным доставить начало моего словаря Лужицкого, это было бы для меня большое облегчение. Черновые бумаги у меня не в порядке и рыться в них трудно. А он мне нужен для выписки примеров». (ф. 99, № 112, л. 38).

Хранящиеся в архиве Бодянского многочисленные записки Е. П. Новикова и его родных, а также сочинение Новикова «О важности лужицких языков в системе славянских наречий», датированное 16 февраля 1848 г. (ф. 99, № 169, л. 25—26), указывают на весьма серьезный подход Новикова к серболужицкой теме (хотя, разумеется, лингвистические выводы его диссертации теперь, спустя более ста лет после ее защиты, не кажутся удовлетворительными). Ср. хотя бы интерес Новикова к словенской грамматике в связи с изучением форм двойственного числа и новоболгарской грамматике в связи с изучением форм глагола (ф. 99, № 84, л. 131).

Возвращаясь к письмам Смолера, следует отметить, что Бодянский был информирован об основных событиях серболужицкой культурной жизни сороковых годов. После закрытия Йордановой «Ютрнички» Смолер изыскивал средства для открытия новой серболужицкой газеты; в частности он пытался получить какие-то средства через Бодянского. Неясно, осуществилась ли такая помощь, но любопытно, что на полях некоторых писем Смолера с просьбами к «господам богатым друзьям» Бодянского имеются денежные расчеты, сделанные скорее всего рукой Бодянского (ф. 99, № 96, л. 88). Неясно также, встречался ли Смолер с Бодянским во время пребывания в России (одно из писем Смолера Бодянскому отправлено из Петербурга), но несомненно исключительно теплый тон писем Смолера. Показательно начало письма Смолера от 23.IV.1858 г., написанное Бодянскому после долгого перерыва: «После долгих лет, после многих событий, берусь за перо, чтобы писать Вам. Но с чего начать, боже мой! Я мог бы написать книгу, толстую книгу, если бы задумал вспомнить обо всем, что было после Вашего лужицкого путешествия». Смолер описывает далее основные события своей личной жизни, рассказывает о своем «любимом детище» Матице сербской, сообщает о словаре, подготовляемом ее языковедческой секцией (ф. 99, № 80, лл. 192—193). Деловые письма Смолера и Пеха говорят о широком интересе Бодянского к новой серболужицкой литературе, которую он получал через магазин в Будышине.

О. М. Бодянский, как известно, не оставил сочинений, специально посвященных серболужицкому языку. Однако среди его рукописей имеется небольшой очерк серболужицкого языка, сделанный для обзорных лекций по славянской филологии (ф. 99, № 8, л. 4 об.; ср. л. 8 о серболужицкой литературе), а также два листка, озаглавленные «О фонетических отношениях нижнелужицкого языка (ф. 99, № 206, лл. 123—124), которые, впрочем, носят черновой характер.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о глубоком и широком интересе «одного из самых заслуженных деятелей» в области славяноведения в России к языку и культуре лужицких сербов и показывают, что один из первых этапов развития русской сорабистики был довольно содержательным и оживленным.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Калынь Л. Э.</i> Из истории нижнелужицкого вокализма	3
<i>Ермакова М. И.</i> Двойственное число в серболужицких языках (на материале памятников XVI — XVIII вв.).	44
<i>Летч Р.</i> Особенности развития родительного-винительного падежа множественного числа в собственно нижнелужицких говорах и в нижнелужицко-верхнелужицких переходных диалектах	111
<i>Ткаченко О. Б.</i> Современное нижнелужицкое словосложение	126
<i>Михайлов М. А.</i> Использование верхнелужицких отглагольных форм на <i>-at -y</i> в глагольных конструкциях	151
<i>Ройзензон Л. И.</i> Некоторые типы сложноподчиненных предложений серболужицкого языка XVI — XVII вв.	166
<i>Эйхлер Э.</i> К вопросу о реконструкции древнелужицкого словарного состава	183
<i>Супрун А. Е.</i> Из истории русской сорабистики.	199

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЕРБОЛУЖИЦКИМ ЯЗЫКАМ**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН ССР

Редактор *В. К. Романов*
Художник *Сайко*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*

Сдано в набор 25/VI 1969 г. Подписано к печати 20/III 1970 г.
Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 13.
Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. 2758
Цена 80 коп.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

42170

RU
